

КОНЧИНА
Маріи Гавриловны
САВИНОЙ

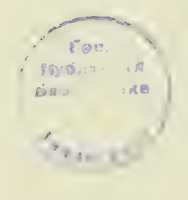
А҆́ще и҆ ᲂу҆́мретъ,
ѡ҆живе́тъ.

ѿ і҆ѡа́нна, гл. а҃і. с. к҃є.

М. Савина

Послѣдній портретъ Маріи Гавріиловны Савиной,
снятый въ іюнѣ 1915 года—въ Ессентукахъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ и КОНЧИНА
МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ
САВИНОЙ

МОСКОВСКАЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТНЯ
ТРЕХПРУДНЫЙ ПЕР.

Марія Гавріиловна Савина скончалась на своемъ посту—и какъ актриса, и какъ общественный дѣятель. Всѣмъ сердцемъ, до послѣдняго вздоха, кипѣла она въ безчисленныхъ заботахъ обо всемъ и обо вся...

Повѣствованіе наше мы начнемъ съ того момента въ жизни Маріи Гавріиловны, которому она сама придавала большое значеніе.

Марія Гавріиловна дала обѣтъ ежегодно ѣздить на поклоненіе чудотворной иконѣ Козельщанской Божіей Матери, въ Полтавской губерніи, и обыкновенно дѣлала это, возвращаясь домой послѣ леченія на Кавказѣ.

Въ нынѣшнемъ году тревоги военнаго времени такъ мучили ее въ Ессентукахъ—вдали отъ дома, родныхъ и дорогихъ ей дѣлъ, что она не вполнѣ окончила курса леченія и поторопилась вернуться прямо въ Петроградъ. Свое обычное путешествіе въ Козельщину она рѣшила предпринять позже.

Душевныя переживанія Маріи Гавріиловны за это время характеризуются, между прочимъ, слѣдующей выдержкой изъ ея письма къ мужу — Анатолію Евграфовичу Молчанову, изъ Ессентуковъ, отъ 21-го іюня 1915 года:

> ...Разговоры кругомъ о смѣнахъ правительства... Самые невѣроятные слухи... Ужасно все это непріятно дѣйствуетъ. Нервы такъ разбиты, что ото всего плачу. Если такъ пройдетъ еще недѣля—хоть бросай... С—а-то смѣнили! А что же съ нашей церковью? Положимъ, ему не до насъ, но неужели такъ и оставитъ?.. Ужъ ты наведи тамъ справки, рóдненькій... Еще у насъ говорятъ, что Варшаву рѣшено отдать— и это условіе окончанія войны. Неужели это правда? Какъ ты сердился, когда я боялась радоваться нашимъ побѣдамъ:

у меня всегда гнѣздилась мысль, что Антихристъ не дастъ себя побороть, несмотря на то, что святая правда на нашей сторонѣ. Неужели Господь допуститъ—и наши солдатики, чудо-богатыри, должны будутъ перенести этотъ стыдъ и горе... Спаси и сохрани!.. И въ воздухѣ-то постоянно гроза и какая-то тяжесть, и на душѣ еще хуже отъ этого...

Марія Гавріиловна была очень религіозна. Вѣра ея была проста и непосредственна. Она умѣла молиться и молилась не напоказъ, а тайно, всѣмъ сердцемъ. Кромѣ того, въ ея натурѣ всегда невольно проявлялась какая-то любовная склонность къ древне-русскому укладу жизни. Это выступало во всемъ, а въ ея религіозномъ стремленіи—въ особенности. Любовь, какъ въ былыя времена, ѣздить на богомолье, любовь къ древнимъ храмамъ, къ старинной иконописи, къ пустыннымъ столповымъ напѣвамъ и, вообще, ко всему церковному благолѣпію—была потребностью ея души.

Почившій митрополитъ Антоній неоднократно выражалъ удивленіе:

— Я никакъ не предполагалъ встрѣтить въ театральномъ мірѣ такого глубоко и истинно вѣрующаго человѣка, какъ Марія Гавріиловна!

Исторія ежегодныхъ богомолій Маріи Гавріиловны къ Козельщанской Божіей Матери чрезвычайно трогательна.

Супругъ ея—А. Е. Молчановъ въ 1912 году опасно заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, одновременно съ мучительнымъ приступомъ суставного ревматизма, которымъ онъ страдалъ уже лѣтъ двадцать. Доктора объявили, что если температура поднимется, то надежды на спасеніе мало.

Нечего и говорить, какимъ самоотверженнымъ уходомъ окружала Марія Гавріиловна своего больного. Отъ самого А. Е. тщательно скрывалась опасность. Онъ не подозрѣвалъ серьезности своего положенія, будучи увѣренъ, что у него только приступъ ревматизма. Марія Гавріиловна очень тревожилась за него, проводила ночи безъ сна у изголовья его постели и испытывала по временамъ отчаяніе, видя полную невозможность для себя и для служителей науки не только спасти больного, но даже облегчить его страданія.

Въ одну изъ самыхъ мучительныхъ минутъ совершенно неожиданно получила она письмо отъ артистки М. К. Шаровьевой, съ приложеніемъ небольшой иконы Козельщанской Божіей Матери.

М. К. Шаровьева писала, что прилагаемое изображеніе Царицы Небесной является копіей того образа, который съ давняго времени

составлялъ фамильную святыню семьи графовъ Капнистъ. По молитвамъ предъ этой иконой свершилось въ 1881 году чудесное исцѣленіе безнадежно-параличной дочери графа В. И. Капниста, тогдашняго владѣльца имѣнія Козельщина, Полтавской губерніи. Тамъ вскорѣ былъ открытъ Рождество-Богородичный женскій общежительный монастырь, въ храмѣ котораго и находится чудотворный образъ Козельщанской Божіей Матери.

Марія Гавріиловна съ радостной надеждой горячо помолилась и помѣстила присланную икону, незамѣтно для мужа, у изголовья его постели.

Къ вечеру того же дня А. Е. стало лучше, и пріѣхавшій врачъ констатировалъ, что кризисъ миновалъ—и теперь есть полная увѣренность въ благополучномъ исходѣ болѣзни.

Какъ тогда, такъ и впослѣдствіи Марія Гавріиловна неоднократно говорила по этому поводу:

— Пускай врачи объясняютъ это по-своему, но я твердо вѣрю, что спасеніе моего мужа было чудомъ Царицы Небесной и великой милостью Божіей.

Тогда же, у постели больного, она дала обѣтъ ежегодно ѣздить на богомолье въ Козельщанскій монастырь.

Марія Гавріиловна вернулась въ нынѣшнемъ (1915) году съ Кавказа 10-го іюля. Въ Петроградѣ она сразу, со всей своей кипучей энергіей, принялась за свои дѣла и нѣсколько отошла отъ волновавшихъ ее вдали безпокойствъ. Однако, мысль о томъ, что ей не пришлось на этотъ разъ, какъ обычно, поѣхать поклониться чтимой святынѣ, мучила ее неотступно. Много разъ А. Е. успокаивалъ ее, обѣщая вмѣстѣ съ нею отправиться на богомолье, лишь только путь станетъ менѣе затрудненъ. Онъ, какъ могъ, отговаривалъ ее ѣхать немедленно, но она всей душой рвалась исполнить свой обѣтъ.

И вотъ 25-го августа Марія Гавріиловна, вдвоемъ со своей вѣрной и преданной слугой—Василисой, отправилась въ Москву. Чтобъ успокоить мужа, она дала ему слово, что если удостовѣрится въ дѣйствительной опасности путешествія, то не поѣдетъ дальше, а вернется сейчасъ же въ Петроградъ.

Въ Москвѣ Марія Гавріиловна задержалась на два дня изъ-за невозможности достать билеты. Съ вокзала проѣхала она прямо въ «Славянскій Базаръ», гдѣ останавливалась всегда.

26-го августа въ Москвѣ состоялся, по указу Святѣйшаго Синода, необычайно торжественный крестный ходъ, который Марія Гавріиловна съ живѣйшимъ интересомъ смотрѣла изъ оконъ «Славянскаго Базара». Въ письмѣ къ А. Е. она описываетъ это такъ:

...Билетъ я достала и надѣюсь достать и назадъ... Молиться не по приказу Синода, а вообще—теперь надо, какъ никогда. Спаси Господи и помилуй! Здѣсь былъ такой крестный ходъ сегодня, какихъ я отъ роду не видала. Хоругви огромныхъ размѣровъ, съ великолѣпными образами (нѣкоторые шитые жемчугомъ), несли на трехъ шестахъ, сгибавшихся отъ тяжести, по шести человѣкъ. Процессія этихъ образовъ вытянулась отъ воротъ въѣзда на Никольскую до самой Иверской, а за ними шло духовенство, человѣкъ сто ихъ было. Замыкалъ шествіе старенькій архіерей, а за нимъ... конечно, городовой верхомъ. Поразила меня невѣроятныхъ размѣровъ свѣча, зажженная въ огромной золоченой клѣткѣ, съ двуглавымъ орломъ на крышкѣ; несли ее двѣнадцать человѣкъ, а за нею—образъ преподобнаго Сергія, въ натуральную величину. Къ каждой хоругви привязанъ былъ букетъ цвѣтовъ, и нѣкоторые образа были съ вѣнками изъ цвѣтовъ. Прежде я видѣла это только на югѣ, да и то у поляковъ. Преобладали женщины изъ простого народа. Вся эта масса духовенства была въ одинаковыхъ облаченіяхъ—темнокрасныхъ съ золотомъ. Грандіозная картина! Мы съ Василисой простояли часъ, глядя на процессію. Колокола гудѣли... а слезы текли по лицу... Ночью въ вагонѣ было жестоко холодно, а здѣсь весь день солнце. Гостиница переполнена, и я въ какомъ-то невѣдомомъ номерѣ. Кое-что изъ своихъ дѣлъ справила, а завтра успѣю до отъѣзда остальныя. Прошу тебя, родной мой, распорядиться на случай, если я не вернусь 31-го, предупредить въ этотъ день утромъ Лаврентьева [1]), что на репетиціи я не буду. Надо звонить ему около половины двѣнадцатаго въ театральный кабинетъ—134-51. Никому не говори, гдѣ я: въ Полтавской губерніи—и больше ничего. Что-то съ нами будетъ?!.. Храни тебя Христосъ! Будь здоровъ и не волнуйся очень пожалуйста! Крещу и цѣлую...

На слѣдующій день, вечеромъ, Марія Гавріиловна выѣхала изъ Москвы и 28-го прибыла въ Харьковъ. Отсюда такъ же и по той же причинѣ—отсутствія мѣстъ—ей не удалось выѣхать въ тотъ же день. Билеты на Полтаву до Козельщины она получила съ большимъ трудомъ только на ночной поѣздъ 29-го.

---

[1]) А. Н. Лаврентьевъ—режиссеръ-администраторъ Императорской Петроградской драматической труппы.

Вотъ что писала Марія Гавріиловна мужу изъ Харькова, 29-го августа:

...Ѣду я совсѣмъ не такъ, какъ прежде, потому что поѣздъ утренній отмѣненъ. И узнала я объ этомъ вчера настолько поздно, что не успѣла бы уѣхать ночью, какъ намѣрена это сдѣлать сегодня. Да еще вдобавокъ, сегодня хоронили отца Петровскаго [1]) и неловко было не остаться на нѣсколько часовъ. Умеръ онъ наканунѣ моего пріѣзда; этого всѣ ждали, такъ какъ сюда привезли его совсѣмъ больнымъ. Очень симпатичный былъ старичокъ, и вся Школа очень его любила. Вечеръ вчера я провела на репетиціи «Зеленаго Кольца», а сегодня поѣду къ Бабецкимъ [2]) которые оба больны: при крушеніи поѣзда оба пострадали. Самъ Синельниковъ [3]) въ Кіевѣ, а здѣсь его сынъ, не оправившійся еще отъ ранъ. Сезонъ начинается здѣсь 15-го сентября, а теперь усиленно репетируютъ, и вся труппа, за исключеніемъ пяти человѣкъ,—наша Школа. Погода такая теплая, что сегодня я шла за гробомъ въ одномъ платьѣ. Арбузы, сливы и гигантскіе томаты продаются чуть не даромъ на каждомъ шагу. Югъ! И не вѣришь, что это настоящее солнце, послѣ нашего холода. Сегодня около часу ночи выѣзжаю въ Козельщину, куда должна прибыть въ 7 часовъ утра. Отстою обѣдню и всенощную, а въ 10 съ чѣмъ-то вечера возвращаюсь въ Харьковъ, чтобы пересѣсть на курьерскій Севастопольскій или Кисловодскій поѣздъ. Такимъ образомъ, попаду въ Петроградъ только 1-го числа. Кусову [4]) буду телеграфировать, если не попаду на этотъ поѣздъ, а тебя прошу сказать ему по телефону, что опоздала изъ-за поѣздовъ. Только самъ скажи пожалуйста въ 10 часовъ утра—25-35. Перваго должна быть репетиція пьесы Опочинина [5]). Чувствую себя

---

[1]) А. П. Петровскій—артистъ Императорской Петроградской драматической труппы и учредитель въ Петроградѣ Школы Сценическаго Искусства, въ которой за послѣднее время Марія Гавріиловна состояла директоромъ и преподавателемъ. А. П. Петровскій взялъ отпускъ и временно служилъ въ Харьковскомъ театрѣ Н. Н. Синельникова.

[2]) Е. М. Бабецкій—журналистъ и харьковскій уполномоченный Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

[3]) Н. Н. Синельниковъ—извѣстный антрепренеръ, за послѣднее время въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ державшій театры въ Харьковѣ и въ Кіевѣ.

[4]) Баронъ В. А. Кусовъ—управляющій Конторою Императорскихъ Петроградскихъ театровъ.

[5]) Пьеса «Мать» В. П. Опочинина.

слава Богу, но безпокоюсь, не имѣя никакихъ извѣстій отъ тебя: какъ пріѣхала мамаша и вообще, что у васъ дѣлается. До свиданія, дружокъ мой! Будь здоровъ! Крещу и цѣлую...

Это письмо мы можемъ дополнить еще нѣкоторыми подробностями со словъ служившей въ труппѣ Н. Н. Синельникова любимой ученицы Маріи Гавріиловны—Е. Л. Плансонъ, съ которой вмѣстѣ она провела бо́льшую часть времени въ Харьковѣ:

— Мы возвращались съ похоронъ отца Петровскаго. Послѣ жаркаго солнечнаго утра сразу засвѣжѣло; Марія Гавріиловна озябла и почувствовала приступъ кашля. Мы заѣхали въ аптеку и купили сиролину. Доро́гой, проѣзжая мимо Каплуновской церкви, Марія Гавріиловна указала, что сорокъ пять лѣтъ тому назадъ она вѣнчалась здѣсь съ Н. Н. Савинымъ. Это вызвало въ ней воспоминанія о далекомъ, не очень-то радостномъ, по ея словамъ, прошломъ и объ ея тогдашней службѣ въ Харьковѣ, гдѣ она дѣвочкой, не имѣвшей еще полныхъ 16-ти лѣтъ, подвизалась въ качествѣ хористки и водевильной актрисы въ труппѣ Н. Н. Дюкова. Настроеніе Маріи Гавріиловны за эти дни казалось бодрымъ и спокойнымъ. Мы съ нею вмѣстѣ пообѣдали, послѣ чего она отправилась сдѣлать нѣсколько визитовъ, обѣщаясь побывать вечеромъ на репетиціи «Сестеръ Кедровыхъ». Пріѣхавъ въ театръ, она сѣла на авансценѣ и очень внимательно слѣдила за ходомъ репетиціи. Въ общемъ, ей очень понравилось исполненіе, какъ наканунѣ «Зеленаго Кольца», такъ и «Сестеръ Кедровыхъ»; она особенно отмѣтила артистку Леонтовичъ, сказавъ: «Вотъ ingénue чистѣйшей воды!»... Торопясь на поѣздъ, она послѣ третьяго акта простилась съ нами, при чемъ заявила, что черезъ день разсчитываетъ вновь быть въ Харьковѣ, проѣздомъ домой. И физическое, и духовное состояніе Маріи Гавріиловны было таково, что никому изъ видѣвшихъ ее и мысль не могла запасть о близости того рокового конца, который такъ скоро затѣмъ ошеломилъ Россію.

Харьковскій театральный критикъ—І. Тавридовъ, давая отчетъ въ «Южномъ Краѣ» (20-го сентября 1915 г., № 12940) о первомъ представленіи «Сестеръ Кедровыхъ», такъ вспоминаетъ посѣщеніе Маріей Гавріиловной репетиціи этой пьесы:

...«Для насъ, харьковцевъ, и для талантливыхъ исполнителей этой пьесы въ театрѣ Синельникова—«Сестры Кедровы» еще пьеса, обвѣянная особыми грустными воспоминаніями, сообщающими ей колоритъ настоящей поэзіи... Эту пьесу «благословила» незабвенная Марія Гавріиловна, великая художница русской комедіи; она участвовала вмѣстѣ съ А. П. Петровскимъ въ ея постановкѣ. Надо было быть именно ею, чтобы проѣздомъ черезъ Харьковъ остановиться ради репетиціи этой

пьесы, чтобы посмотрѣть, какъ ведутъ пьесу ея ученицы и ученики изъ Школы А. П. Петровскаго... Боже мой, это было еще такъ недавно!.. Марія Гавріиловна пріѣхала со мной на репетицію и сейчасъ же сѣла на авансценѣ, погрузившись въ дѣло. Та талантливая молодежь, которая теперь восхищаетъ нашу публику, вся изъ Школы А. П. Петровскаго и принадлежитъ къ составу учениковъ Савиной; понятно, что Марія Гавріиловна проявляла къ нимъ самый жгучій интересъ... Она такъ ободряла эту молодежь, направляла ее!.. Могъ ли кто-нибудь подумать, что это ея послѣдній урокъ, что ученицы и ученики, артисты и ея друзья видятъ ее въ послѣдній разъ!»...

Станція Козельщина въ 210-ти верстахъ отъ Харькова. Выѣхавъ около 1 часа ночи, Марія Гавріиловна прибыла на мѣсто въ 8 съ половиной часовъ утра.

Этотъ переѣздъ ей пришлось совершить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: ея спальное мѣсто было во второмъ классѣ, наверху, и ночью изъ открытаго вентилятора, въ потолкѣ вагона, на нее все время дулъ холодный вѣтеръ. Будучи, вообще, крайне воспріимчивой къ простудѣ, она, естественно, почувствовала себя къ утру совсѣмъ больной. Только глубокая вѣра давала ей бодрость и силы.

Въ Козельщинѣ Марія Гавріиловна со станціи поѣхала въ монастырскую гостиницу, быстро привела себя въ порядокъ и отправилась къ поздней обѣднѣ, за которой исповѣдывалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ.

По возвращеніи въ гостиницу, она напилась чаю и прилегла отдохнуть.

Въ 6 часовъ вечера Марія Гавріиловна была снова въ церкви у всенощной, послѣ чего двинулась въ обратный путь—на станцію, гдѣ и получила билеты до Харькова.

Но тутъ ее ждала опять неудача: поѣздъ опоздалъ почти на три часа и пришелъ настолько переполненнымъ бѣженцами, что доступъ новымъ пассажирамъ былъ закрытъ, и за выданные билеты возвращались деньги. Такимъ образомъ, ей ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться въ монастырскую гостиницу и ждать слѣдующаго дня.

Была полночь, и всѣ уже спали, когда подъѣхала Марія Гавріиловна съ Василисой къ гостиницѣ. Пришлось долго стучаться, пока не открыли дверей. Марія Гавріиловна извинилась за безпокойство.

— Ничего, матушка,—отвѣтила монахиня,—это Царица Небесная призываетъ васъ вновь къ себѣ.

На слѣдующій день Марія Гавріиловна отстояла опять литургію и еще разъ приложилась къ святой иконѣ, а затѣмъ, рѣшивъ попытать счастье на дневной поѣздъ, отправилась прямо на станцію.

На этотъ разъ ей также пришлось ждать часа два, но всетаки удалось уѣхать.

Во время ожиданія поѣзда у Маріи Гавріиловны была такая встрѣча. Къ ней на платформѣ подошла дряхлая скорченная старушка-нищенка, вся въ лохмотьяхъ, съ кошелочкой на рукѣ, и низко-низко поклонилась. По своему обыкновенію, Марія Гавріиловна сейчасъ же подала ей милостыню.

— Спасибо тебѣ, моя матушка!—воскликнула нищенка.—Вотъ на, возьми отъ меня на память Царицу Небесную. Да сохранитъ Она тебя!

И съ этими словами подала маленькую икону Козельщанской Божіей Матери...

Отъ Козельщины до Полтавы Марія Гавріиловна не могла найти мѣста и просидѣла на вещахъ въ коридорѣ вагона. Только послѣ Полтавы она устроилась съ нѣкоторымъ удобствомъ.

—«Осыпавъ золотомъ кондуктора, то-есть давъ ему рубль» [1]),—какъ она разсказывала,—мы получили маленькое купе второго класса.

Вскорѣ Марія Гавріиловна замѣтила, что въ коридорѣ въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ она ѣхала до Полтавы, сидитъ на полу, опершись на чемоданъ, обмотанный въ повязки, раненый офицеръ.

Она участливо обратилась къ нему съ предложеніемъ:

— Я васъ не знаю, простите меня, но, видя ваши раны, не могу оставить васъ въ такомъ положеніи въ коридорѣ. Раздѣлите съ нами мое купе, мы какъ-нибудь втроемъ потѣснимся.

Офицеръ оказался нашимъ героемъ, въ пятый разъ раненымъ и возвращавшимся на побывку къ роднымъ въ Харьковъ.

Во время пути Марія Гавріиловна съ большимъ интересомъ разспрашивала своего случайнаго знакомца о войнѣ и ничѣмъ не обнаружила, кто она, лишь на прощанье сказавъ:

— Будете въ Петроградѣ, заѣзжайте ко мнѣ. Я артистка Савина.

Узнавъ, кто была его спутница, офицеръ-герой былъ такъ ошеломленъ, какъ-будто передъ нимъ разорвался «нѣмецкій чемоданъ»...

Весь этотъ переѣздъ Маріи Гавріиловны сопровождался продолжительными остановками почти на каждой станціи изъ-за поѣздовъ съ бѣженцами.

Столкнувшись воочію со всѣмъ ужасомъ этого неописуемаго бѣдствія, въ условіяхъ вопіющей нищеты, голода, холода и безнадежности, Марія Гавріиловна была положительно подавлена.

---

[1]) Одно изъ любимыхъ выраженій Маріи Гавріиловны.

— Во мнѣ все перевернулось!—передавала она.—Слезы жалости къ этимъ несчастнымъ душили меня. Всѣмъ существомъ хотѣлось имъ помочь, но, чувствуя безсиліе, я впадала въ отчаяніе.

Тѣмъ не менѣе, Марія Гавріиловна не бѣжала, не пряталась отъ этого ужаса въ своемъ купе, а выходила на станціяхъ и старалась, чѣмъ могла, утѣшить несчастныхъ и помочь имъ. Въ особенности сердце ея рвалось къ страдающей дѣтворѣ.

Вотъ что разсказываетъ, между прочимъ, о своихъ впечатлѣніяхъ Василиса, ея спутница:

— Мы встрѣчали на каждой станціи товарные вагоны, биткомъ набитые бѣженцами. Спали вповалку прямо на полу. Среди груды тѣлъ тамъ и тутъ торчали дѣтскія малюсенькія ручонки и ножки. Тутъ же баба въ тазикѣ стирала пеленки. Тамъ просушивались дѣтскія штанишки. Грязь и вонь... Просто за сердце хватало отъ всего этого!..

Изъ-за этихъ остановокъ Марія Гавріиловна опоздала настолько, что не захватила въ Харьковѣ поѣзда прямого сообщенія, съ которымъ разсчитывала вернуться въ Петроградъ.

И вотъ надо было опять ѣхать въ гостиницу и отсрочивать отъѣздъ до слѣдующаго утра. Крайне обезпокоенная этимъ запозданіемъ, она тотчасъ же послала телеграмму барону В. А. Кусову, а утромъ, передъ отъѣздомъ, телеграфировала мужу: «Наконецъ, выѣхала сегодня Севастопольскимъ».

А. Е. такъ описываетъ первый моментъ возвращенія Маріи Гавріиловны домой:

— Пріѣхала она въ среду, 2-го сентября, около 12-ти часовъ дня, и первая фраза, которую я отъ нея услышалъ, была: «Ну, ро́дный, вернулась я больная-больнешенька, вдребезги распростудилась. Но на душѣ такъ отрадно, такъ покойно, такъ хорошо, какъ не запомню». Дѣйствительно, она была какой-то просвѣтленной...

За обѣдомъ, разсказывая подробности своего путешествія, Марія Гавріиловна безпрестанно прерывала себя описаніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя произвели на нее картины переселенія бѣженцевъ. Впечатлѣнія эти были такъ сильны, что она въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней безпрестанно и неожиданно возвращалась къ нимъ среди разговоровъ о совершенно другихъ предметахъ.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!—повторяла она.—Въ особенности неописуема судьба дѣтей, голодныхъ, холодныхъ и лишенныхъ крова! Вѣдь подумать только, что ихъ гонятъ невѣдомо куда и въ такія мѣста, гдѣ заранѣе извѣстно, что они встрѣтятъ вопіющую нужду и полную безпомощность!.. Дѣло раненыхъ бросать нельзя, но оно

уже на рельсахъ, а здѣсь все вопіетъ о помощи. Громадная работа предстоитъ!.. Какъ только немного оправлюсь, уйду вся съ головой въ это дѣло!..

Къ вечеру того же дня температура у нея поднялась, и она рано легла въ постель. Въ теченіе всей ночи удушливый кашель не давалъ ей спать.

Приглашенный на слѣдующій день, лечившій Марію Гавріиловну за послѣднее время, докторъ А. Д. Нюренбергъ опредѣлилъ у нея легкое гриппозное заболѣваніе верхнихъ воздухоносныхъ путей, осложненное обычнымъ у нея въ это время года бронхитомъ, при чемъ добавилъ, что на этотъ разъ бронхіальный катарръ не такъ рѣзко выраженъ, какъ это бывало раньше. Но, несмотря на все это, въ виду тяжелыхъ приступовъ удушливаго и болѣзненнаго кашля, вызываемаго у Маріи Гавріиловны хроническимъ аортальнымъ страданіемъ, онъ, какъ и прежде, предписалъ ей самый строгій покой, запретилъ покидать спальню, во избѣжаніе перемѣны температуры, и рекомендовалъ оставаться въ постели.

Это рѣшеніе врача очень взволновало и озаботило Марію Гавріиловну: въ пятницу, 4-го сентября, въ Школѣ Сценическаго Искусства были назначены вступительные экзамены. Между тѣмъ, А. П. Петровскій, стоявшій во главѣ Школы, неожиданно долженъ былъ покинуть на этотъ сезонъ руководительство, и, такимъ образомъ, тяжесть моральной отвѣтственности упала всецѣло на Марію Гавріиловну. Присущая ей щепетильная добросовѣстность не давала ей покоя: она никакъ не могла себѣ представить, что не сможетъ лично направлять экзамены. Съ этими опасеніями она обратилась къ директору Школы—А. Б. Каменкѣ, съ которымъ и было рѣшено предложить желающимъ подвергнуться вступительнымъ испытаніямъ непремѣнно въ ея присутствіи перенести экзамены на одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ ея выздоровленія, при чемъ намѣчалось 7-е или 10-е число.

Другимъ предметомъ ея особеннаго безпокойства была невозможность участвовать на репетиціяхъ пьесы В. П. Опочинина «Мать». Репетиціи эти начались и шли безъ нея. Тревожась, какъ бы ея отсутствіе не было истолковано авторомъ въ превратномъ смыслѣ и не желая его обезкураживать, Марія Гавріиловна попросила доктора А. Д. Нюренберга лично объяснить В. П. Опочинину и режиссеру А. И. Долинову, что онъ, въ качествѣ врача, запретилъ ей выѣзжать въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Къ слову слѣдуетъ отмѣтить, какъ внимательно и чутко Марія Гавріиловна относилась къ интересамъ авторовъ вообще. Зачастую, бывало, она ѣздила въ театръ въ 39-ти-градусномъ жару, лишь бы не произвести замѣны пьесы и не лишить автора поспектакльной платы.

Спальня Маріи Гавріиловны Савиной.

А. Д. Нюренбергъ разсказываетъ:

— Марія Гавріиловна и на этотъ разъ, какъ почти всегда прежде, увлекаясь, гораздо больше говорила со мной о своихъ дѣлахъ, чѣмъ о болѣзни. Обычный юморъ и тутъ не покидалъ ее. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ, что я вынулъ свое автоматическое перо, чтобы написать ей рецептъ, она воскликнула: «Какой вы удивительно счастливый человѣкъ! У васъ даже самопишущія перья пишутъ. А я вотъ сколько ни пробовала, у меня эти «вѣчныя» перья вѣчно не пишутъ»...

Въ теченіе послѣдующихъ дней, 4-го и 5-го, болѣзнь Маріи Гавріиловны въ отношеніи гриппа и бронхита замѣтно стала уступать леченію, и температура понизилась до нормальной. Но удушливый кашель и клокотаніе въ груди продолжали ее мучить—днемъ отдѣльными пароксизмами, а ночью почти сплошь, окончательно лишая ее сна. По временамъ, съ присущей ей горячностью, она настолько увлекалась тѣмъ или инымъ дѣломъ, что, казалось, совсѣмъ забывала о мучительныхъ приступахъ кашля. Это давало поводъ думать, что болѣзнь ея зиждется главнымъ образомъ на нервной почвѣ. Въ томленіи безсонныхъ ночей, она не находила себѣ покоя: вставала съ постели, бродила по комнатѣ, садилась въ кресло, опять ложилась—и такъ до утра.

Несмотря на болѣзнь, Марія Гавріиловна, какъ и ранѣе, ни на минуту не оставляла своего обычнаго домашняго образа жизни, интересуясь всѣмъ и входя во все: какъ по театру и общественной дѣятельности, такъ и по дому.

Напримѣръ, въ пятницу, 4-го, цѣлый вечеръ у нея провелъ управляющій канцеляріей Совѣта Театральнаго Общества—К. К. Витарскій. Она обсуждала съ нимъ текущіе вопросы дня, устройство предстоящихъ спектаклей въ пользу Общества. Ее, между прочимъ, очень озабочивалъ бюджетъ благотворительныхъ учрежденій Общества, въ виду непомѣрно возрастающей дороговизны жизненныхъ припасовъ. Кромѣ того, она интересовалась организаціей предстоящаго въ Москвѣ Съѣзда по народному театру.

Въ тотъ же день, утромъ, у Маріи Гавріиловны была пріѣхавшая на нѣсколько дней изъ Харькова Е. Л. Плансонъ. Вотъ что разсказываетъ она объ этомъ свиданіи:

— Марія Гавріиловна встрѣтила меня словами: «Мой милый Рыжикъ, много я думала о васъ: выходить ли вамъ замужъ за Лешкова [1])?

---

[1]) П. И. Лешковъ — артистъ Императорской Петроградской драматической труппы.

Вначалѣ меня брало сомнѣніе, но теперь я благословляю». Такъ тепло, участливо, какъ настоящая мать, говорила она со мной о предстоящей мнѣ перемѣнѣ жизни: «Ну, давай вамъ Богъ!»... Позавтракали мы съ ней, а затѣмъ она заявила: «Теперь за дѣло! Такъ я васъ не отпущу! Вамъ вѣдь назначено играть «Сердце не камень», такъ пройдемъ эту роль. Для васъ она должна представлять особенныя трудности: французскія руки въ бытовыхъ роляхъ неумѣстны! Ну, ничего—поработаемъ!»... И тутъ она мнѣ показала цѣлую гамму типичныхъ бытовыхъ жестовъ. Особенно запомнилось мнѣ, какъ Марія Гавріиловна учила меня дѣлать внутренніе вздохи въ драматическихъ положеніяхъ, что гораздо жизненнѣе и сильнѣе, чѣмъ тѣ вскрикиванія съ выдыханіемъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ актрисы. Показавъ мнѣ сама, Марія Гавріиловна нѣсколько разъ заставила меня продѣлать такой вздохъ и, наконецъ, сказала: «Вотъ такъ, именно такъ!»... Мы подробно потомъ обсуждали костюмы этой роли, при чемъ Марія Гавріиловна обѣщала мнѣ прислать типичный медальонъ и головную повязку, въ которой сама играла. Дѣйствительно, на слѣдующій день, утромъ, я получила обѣщанное, съ записочкой: «Французскія руки въ бытовой пьесѣ неумѣстны. Торопитесь». Послѣднее слово, очевидно, относилось къ моей свадьбѣ. Марія Гавріиловна интересовалась предстоящей мнѣ работой у Синельникова и при этомъ высказала: «Только въ драму не залѣзайте, вы—комедійная!» Марія Гавріиловна все время была очень оживлена и, несмотря на слышавшіяся по временамъ клокотанія въ груди, казалась бодрой. И на этотъ разъ, какъ и ранѣе, мысль не могла запасть, что я ее вижу въ послѣдній разъ. Прощаясь, она меня сердечно обняла и перекрестила. А на слѣдующій день я уѣхала въ Харьковъ.

Марія Гавріиловна, лишенная возможности въ эти дни лично посѣщать свои любимыя дѣтища—Лазаретъ артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ и Убѣжище Театральнаго Общества—не переставала руководить ими по телефону. По нѣскольку разъ въ день она звонила: то старшей сестрѣ милосердія, то въ Убѣжище, то къ докторамъ, справляясь о здоровьи раненыхъ, то къ Н. А. Бакеркиной [1]) или къ С. В. Брагину [2]) по финансовымъ и другимъ вопросамъ Лазарета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и всегда, заботилась Марія Гавріиловна и о своихъ близкихъ родныхъ: о своей 82-лѣтней старушкѣ-матери—

---

[1]) Н. А. Бакеркина, бывшая артистка Императорской балетной труппы, несетъ обязанности казначея Лазарета артистовъ.

[2]) С. В. Брагинъ, артистъ Императорской Петроградской драматической труппы, состоитъ помощникомъ казначея Лазарета артистовъ.

Маріи Петровнѣ Подраменцевой, окружая ее самой нѣжной дочерней предупредительностью, и о своихъ племянницахъ и племянникахъ.

Сестра ея—Елена Гавріиловна, по мужу Соболева, по театру Стремлянова, и братъ ея—Николай Гавріиловичъ Подраменцевъ умерли, оставивъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей: первая—сына Николая, а второй—дочерей Евгенію, Елену, Лидію и сына Андрея. Всѣмъ этимъ племянницамъ и племянникамъ Марія Гавріиловна замѣнила въ полномъ смыслѣ этого слова и мать, и отца; ея попеченіями всѣ они получили воспитаніе и поставлены на ноги. Николай Соболевъ (или «Кока», какъ она его называла) остался круглымъ сиротой въ двухлѣтнемъ возрастѣ; она взяла его къ себѣ, выростила и воспитала, какъ дѣйствительно родного сына, съ теплой материнской заботливостью и лаской. Въ настоящее время Н. Н. Соболевъ—офицеръ, занимаетъ хорошее мѣсто, женатъ на Е. И. Ильинской и имѣетъ трехъ сыновей. Старшая и младшая племянницы—обѣ замужемъ: Евг. Н. («Женя»)—за Б. И. Буссеномъ, Л. Н. («Лида»)—за В. В. Лебедевымъ. Евг. Н. Буссенъ служитъ, подъ фамиліей Стремляновой, въ Императорской Петроградской балетной труппѣ. Ел. Н. («Леля») имѣетъ мѣсто въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій. Л. Н. Лебедева также была въ балетѣ, но, по выходѣ замужъ, покинула службу. Такимъ образомъ, всѣхъ своихъ родственниковъ Марія Гавріиловна устроила, но заботъ о нихъ не прерывала. За послѣдніе дни она много хлопотала по квартирѣ «милыхъ молодоженовъ Буссеновъ», по ея выраженію. Но вотъ оставался еще одинъ племянникъ—младшій, «Андрюша», котораго она называла «послѣдышемъ»; онъ 1-го октября нынѣшняго (1915) года долженъ былъ быть произведенъ въ офицеры. Въ его сторону и были направлены главнымъ образомъ ея родственныя хлопоты послѣдняго времени.

Кромѣ того, Марію Гавріиловну заботило здоровье ея меньшого внучатнаго племянника—Юрика Соболева. Года полтора тому назадъ у него отнялись ручка и ножка. Родители приходили въ отчаяніе, какъ бы мальчикъ на всю жизнь не остался калѣкой. Однако, за послѣднее время здоровье его пошло на улучшеніе, и онъ уже сталъ довольно свободно двигаться и дѣйствовать ручкой. Марія Гавріиловна и тутъ видѣла проявленіе особой милости Матери Божіей, которой она усердно молилась все время объ исцѣленіи своего любимца, и высказывала непремѣнное желаніе взять его съ собою въ Козельщину приложиться къ чудотворной иконѣ. Она хотѣла это сдѣлать теперь, но, собравшись экспромптомъ и опасаясь желѣзнодорожныхъ затрудненій, отложила свое намѣреніе до слѣдующаго раза.

Въ субботу, 5-го, по семейному обычаю, Марія Гавріиловна провела почти весь день въ кругу родныхъ мужа, которые собрались по

случаю Елизаветина дня: это былъ день поминокъ матери А. Е., носившей это имя, и день ангела его дочери—Лили.

Марія Гавріиловна неоднократно говорила:

— Какъ мнѣ жаль бѣдную Лилю, что ея именины являются вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ семейной печали!..

Пріѣхавъ изъ лавры, гдѣ погребена Е. I. Молчанова, всѣ поднялись въ спальню Маріи Гавріиловны, и она съ живымъ интересомъ разспрашивала, какъ все было:

— Очень мнѣ досадно, что въ этомъ году не пришлось помолиться съ вами у дорогой могилы!..

Вечеромъ у нея были Женя Буссенъ и Андрюша Подраменцевъ.

На слѣдующій день Марія Гавріиловна рѣшила пригласить къ себѣ профессора Н. П. Симановскаго и сговорилась съ нимъ по телефону. У нея появилась боль въ ушной полости, которая неоднократно бывала и прежде и опредѣлялась катарромъ наружнаго слухового прохода средняго уха.

Лейбъ-отіатръ Н. П. Симановскій былъ связанъ давней дружбой съ Маріей Гавріиловной и постоянно лечилъ ее въ области своей спеціальности; но, кромѣ того, онъ былъ хорошо знакомъ и съ ея организмомъ вообще, и съ ея прежними заболѣваніями. Пріѣхавъ, какъ было условлено, въ воскресенье, 6-го, днемъ, Н. П. засталъ здѣсь А. Д. Нюренберга.

Предпринятыя мѣропріятія по отношенію болѣзни уха очень скоро дали облегченіе.

Встрѣтившіеся врачи, побесѣдовавъ съ больной, перешли въ сосѣднюю комнату, чтобы наединѣ обмѣняться мнѣніями. Результатомъ этого совѣщанія было то, что, по ихъ заключенію, простудныя явленія у Маріи Гавріиловны уже на исходѣ и что черезъ два-три дня она будетъ въ состояніи вернуться къ нормальной жизни, но при этомъ они оба, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, настаивали на крайней для нея необходимости душевнаго и физическаго покоя.

Тутъ будетъ кстати привести тотъ отзывъ доктора А. Д. Нюренберга, который онъ, по нашей просьбѣ, далъ о болѣзни Маріи Гавріиловны:

— Прежде всего, мнѣ очень бы хотѣлось, въ видѣ эпиграфа, процитировать слѣдующія строфы Некрасова:

> … Гдѣ трудно дышится,
> Гдѣ горе слышится,
> Будь первый тамъ!
> . . . .

...Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

— Здѣсь нѣтъ мѣста номенклатурѣ физическихъ недуговъ. Не гриппъ, не болѣзнь сердца, а великое творчество одной изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ душъ человѣческихъ имѣло тутъ роковое значеніе. Съ такой болѣзнью, тщательно оберегая себя и свой покой, люди хорошаго достатка живутъ до глубокой старости. А у Маріи Гавріиловны былъ, въ общемъ, крѣпкій организмъ. Полный покой и возможная душевная безмятежность были необходимы для нея, какъ воздухъ. Покой былъ единственнымъ средствомъ, которое могло продлить ея жизнь, избавить ее отъ многихъ мучительныхъ приступовъ кашля, удушья, невралгіи, безсонныхъ ночей и прочихъ страданій. До послѣдней крайности она все это скрывала, старалась не замѣтить, забыть, чтобы не прерывать своей кипучей дѣятельности, не обезпокоить А. Е., не потревожить лишній разъ врачей. О необходимости покоя для Маріи Гавріиловны врачи издавна говорили другъ съ другомъ, просили, убѣждали, умоляли ее, говорили о томъ же и съ А. Е., но и онъ былъ тутъ безсиленъ. Все это ни къ чему не приводило и не могло привести. Марія Гавріиловна—счастливѣйшій человѣкъ, который никогда не былъ счастливъ, потому что жилъ не личнымъ счастьемъ, а несчастьемъ другихъ. Любящая и любимая, она отдавала лучшія силы своей души сиротамъ, нуждающимся въ материнской любви, пеклась и страдала о нихъ—и въ Пріютѣ, и въ своей семьѣ, и вездѣ, гдѣ только ихъ ни встрѣчала. Живя въ матеріальномъ достаткѣ и довольствѣ, она постоянно изыскивала средства и возможности помочь обездоленнымъ — и въ Убѣжищѣ, и повсюду на своемъ жизненномъ пути. Сопутствуемая неизмѣннымъ и небывалымъ успѣхомъ на артистическомъ поприщѣ, она постоянно страдала изъ-за несовершенствъ театра, невзгодъ актерскаго быта и тому подобнаго; отсюда ея тяжелыя переживанія въ связи съ дѣятельностью Театральнаго Общества, его Делегатскихъ Съѣздовъ и цѣлаго ряда другихъ дѣлъ въ области сцены. Въ годину войны къ этимъ антитезамъ между личными удачами и общественными печалями выдвинулись у Маріи Гавріиловны на первый планъ еще «гражданскія скорби». Геніальная дочь своей родины, краса и гордость русскаго театра, проложившая ему путь на Западѣ, С а в и н а все свое время, всѣ силы души и тѣла, отдавала на помощь русскому воину, дѣйственно горѣла за честь и славу родной Россіи. Видя ея переживанія, поистинѣ можно сказать, что она несла всѣ тяготы Галиційскаго похода, мерзла въ окопахъ, задыхалась отъ удушливыхъ нѣмецкихъ газовъ, что все ея тѣло было

изранено тѣми ранами, которыя она видѣла и перевязывала солдатамъ въ Лазаретѣ, что ея существо по частямъ уносили павшіе герои... Послѣ цѣлаго дня труда и хлопотъ, утомленная и больная, Марія Гавріиловна искала и смиренно просила у окружающихъ объясненія тому, что не могла ни понять, ни пріять ея прямая, цѣльная, честная мысль, что отвергало ея глубокое чувство любви къ родинѣ... Почему, отчего, кому это нужно?—недоумѣнно металась и страдала она, соединяя эти муки съ тревогой объ А. Е., такъ же тяжело переживавшемъ тѣ же событія. Пусть сама Марія Гавріиловна своимъ неподражаемымъ языкомъ разскажетъ въ приводимыхъ выдержкахъ изъ ея писемъ ко мнѣ о томъ, какъ и почему былъ ей недоступенъ столь необходимый для ея здоровья покой:

Москва. 27-го февраля 1915 года. (Делегатскій Съѣздъ).

...Бѣдная Женя [1])! Бѣдная я! Нисколько не преувеличивая, увѣряю Васъ, что она—кусочекъ моего организма. Возвратясь (если вернусь живая), воспользуюсь тотчасъ же... Что бы Вы сказали, послушавъ, какъ я кашляю, хриплю и охаю, сидя на Съѣздѣ на такомъ сквозномъ вѣтру, что даже мужчины надѣваютъ шапки. Всѣ добрыя намѣренія относительно режима и надежды на покой рухнули, и меня разрываютъ еще больше, чѣмъ дома. Не браните меня, добрый докторъ! Не забывайте, — что я «общественная вещь» и себѣ не принадлежу...

Ессентуки. 11-го іюня 1915 года.

...Сегодня пріѣзжалъ мой докторъ... и нашелъ у меня бронхитъ. А іодъ я пью, несмотря на погоду: все равно Львовъ отдали!..

Ессентуки. 21-го іюня 1915 года.

...А ужъ я начинаю думать, что не вернусь. Давно такъ худо себя не чувствовала. Сегодня недѣля, какъ начала воду, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже... Два дня неотступно меня мучаетъ припадокъ почки, и я точно налита вся чѣмъ-то и 50 пудовъ во мнѣ... Несмотря на все это, моя «куриная душа» не выдержала—и пришлось ходить сегодня по столовой санаторія съ кружкой на «повязки и очки отъ ядовитыхъ газовъ». Добрые люди насыпали болѣе пятисотъ рублей. Но Вы не можете вообразить, какъ я волновалась! Надѣюсь, теперь Вы уже смогли повидать Анатолія Евграфовича?..

. . . .

---

[1]) Племянница Маріи Гавріиловны—Евг. Н. Буссенъ.

Вечеромъ въ воскресенье Марія Гавріиловна чувствовала себя сравнительно недурно. У нея была артистка Александринскаго театра — Н. В. Ростова, къ которой она относилась съ особой сердечной симпатіей. Онѣ долго бесѣдовали объ интимныхъ домашнихъ дѣлахъ Н. В. и объ ея планахъ на предстоящій сезонъ. Во время ихъ разговора Маріи Гавріиловнѣ подали букетъ цвѣтовъ отъ ея ученицы — Эллинской; это вниманіе очень ее тронуло и порадовало.

Касаясь театра и театральныхъ дѣлъ, Марія Гавріиловна, какъ на этотъ разъ съ Н. В. Ростовой, такъ и во всѣ эти дни съ А. Е., высказывала свои огорченія, что большинство намѣченныхъ къ постановкѣ въ этомъ сезонѣ пьесъ не представляетъ для нея интереснаго матеріала, который былъ бы ей по душѣ и давалъ просторъ ея художественной дѣятельности. Вообще, она говорила, что роли послѣдняго времени, за очень малымъ исключеніемъ, являются перепѣвами уже много разъ ею играннаго. А ея творчество стремилось къ психологической работѣ по выявленію новыхъ сторонъ женской души и созданію новыхъ типовъ.

Марія Гавріиловна, видимо, намѣчала возобновленіе комедіи Островскаго «Красавецъ - мужчина». На ея столикѣ, около кровати, лежалъ среди книгъ маленькій листикъ бумаги, на которомъ она собственноручно набросала карандашомъ распредѣленіе ролей этой пьесы. Здѣсь помѣщено факсимиле этого наброска.

Въ своихъ исканіяхъ ролей Марія Гавріиловна намѣревалась хлопотать, между прочимъ, о постановкѣ пьесы Золя «Тереза Ракенъ», гдѣ ее прельщала роль матери, которая, притворяясь нѣмой, въ теченіе двухъ послѣднихъ актовъ всѣ сложныя трагическія переживанія выражаетъ только мимикой.

Еще въ понедѣльникъ утромъ, за нѣсколько часовъ до кончины, она говорила мужу, что, перечтя «Лѣсъ», она ясно почувствовала, что роль Гурмыжской—это ея роль и что она должна была бы ее играть:

— Вотъ Кабаниху мнѣ предлагаютъ сыграть! А о Гурмыжской не заикаются. Кабаниха отъ меня не уйдетъ. Но сейчасъ я еще себя въ ней не нашла. А вотъ Гурмыжская—моя роль!..

Ночь съ воскресенья на понедѣльникъ Марія Гавріиловна провела такъ же безъ сна, какъ и всѣ предыдущія. Удушье, кашель и клокотаніе въ груди не давали ей покоя. Къ утру ей стало лучше, и она снова принялась за обычныя дѣла. Уже около 8-ми утра она говорила по телефону съ Лазаретомъ.

Несмотря на свою кипучую и разностороннюю дѣятельность, которая, казалось, отнимала у нея все время, Марія Гавріиловна все-таки находила возможнымъ вести самолично все свое домашнее хозяйство и даже довольно ревниво относилась къ этому.

Въ понедѣльникъ былъ канунъ годовщины свадьбы Маріи Гавріиловны и А. Е. Съ утра она вызвала къ себѣ повара и экономку и довольно долго совѣщалась съ ними по поводу предстоящаго на слѣдующій день обѣда.

На 8-е, какъ обычно, былъ приглашенъ интимный кружокъ друзей, въ числѣ коихъ былъ и вѣнчавшій ихъ настоятель церкви Театральнаго Училища—протоіерей В. Ф. Пигулевскій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и ихъ духовнымъ отцомъ.

Въ это утро Марія Гавріиловна не покидала своей комнаты и, окончивъ со своими хозяйственными распорядками, долго бесѣдовала съ А. Е.

Между прочимъ, въ разговорѣ она высказала:

— Я боюсь, что не успѣю привести въ порядокъ мои бумажонки!..

Надо замѣтить, что, вообще, за послѣдніе годы Марію Гавріиловну очень заботило приведеніе въ порядокъ своего архива, большую часть котораго она уже и успѣла разобрать. У нея было намѣчено, по возвращеніи съ Кавказа, докончить эту работу, но, охваченная суетой своихъ дѣлъ, она поневолѣ все откладывала.

На безпокойство Маріи Гавріиловны А. Е. возразилъ:

— Почему же не успѣешь! Ну, день-два пройдетъ, поправишься совсѣмъ и примешься.

— Да, хорошо говорить! А вотъ ты читалъ сегодня въ газетахъ какъ Пальмъ [1]) поѣхалъ на бѣга и тамъ умеръ!

Много она говорила о театрѣ и о предстоящемъ сезонѣ.

— Не понимаю,—воскликнула Марія Гавріиловна,—что это Гнѣдичъ медлитъ съ представленіемъ своей пьесы въ Дирекцію. Напишу ему... Очень мнѣ досадно, что Долиновъ не можетъ быть у меня сегодня, какъ я его приглашала. Пришлось отложить его на завтра. Мнѣ необходимо, чтобъ онъ ввелъ меня въ курсъ репетицій «Матери» и предварительно ознакомилъ со всѣми деталями постановки. Богъ дастъ, въ концѣ недѣли я смогу и сама поѣхать на репетицію. Въ среду я назначила придти ко мнѣ брату извѣстнаго московскаго актера-разсказщика Лебедева—Б. Ѳ. Лебедеву. Онъ долгое время жилъ въ Англіи и ему удалось тамъ перевести съ оригинала двѣ пьесы, которыя онъ мнѣ прислалъ: «Король Реймондъ» Безьера и «Артистка» Чемберса. Хотѣлось бы съ нимъ поговорить.

Тутъ же Марія Гавріиловна въ нѣсколькихъ словахъ разсказала А. Е. содержаніе этихъ пьесъ.

Какъ она намѣревалась, такъ и исполнила. Вотъ текстъ посланнаго ею въ Финляндію письма къ П. П. Гнѣдичу:

> Меня нѣсколько разъ спрашивали въ Дирекціи, представлена ли въ Комитетъ Ваша пьеса, Петръ Петровичъ. Я заявила о ней директору еще на Пасхѣ, но Вы—«малокровный» авторъ и ждете, что за нею поѣдутъ въ Финляндію. Пятыя сутки лежу въ постели, страшно простуженная, и, должно быть, пролежу еще долго. Отвѣтьте пожалуйста. Жму руку
>
> Савина.

Накануне Марія Гавріиловна получила отъ одной актрисы изъ Маріинской больницы письмо, въ которомъ та жаловалась на безвыходное положеніе: на-дняхъ ей предстоитъ выписаться, а всѣ вещи заложены и надѣть нечего. Сейчасъ же было послано узнать, какая сумма нужна, и въ понедѣльникъ было поручено Е. Н. Хитрово выкупить эти вещи и свезти по назначенію.

Е. Н. Хитрово была въ нѣкоторомъ родѣ «чиновникомъ особыхъ порученій» и почти сорокъ лѣтъ беззавѣтно преданнѣйшимъ человѣ-

[1]) С. А. Пальмъ, извѣстный опереточный и драматическій артистъ частныхъ сценъ, умеръ наканунѣ—6-го сентября 1915 года.

комъ при Маріи Гавріиловнѣ, которая ее называла: «теплющейся около меня лампадкой». Дѣйствительно, вся жизнь, весь ея смыслъ и значеніе были для Е. Н. тутъ—въ этомъ культѣ.

Недомоганіе Маріи Гавріиловны въ понедѣльникъ давало себя чувствовать болѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни, и докторъ Нюренбергъ распорядился поставить ей сухія банки, которыя обычно облегчали ее.

На этотъ разъ также она скоро почувствовала себя совсѣмъ хорошо.

Весь вечеръ Марія Гавріиловна провела въ кругу своихъ домашнихъ. Когда всѣ собрались у ея постели, она торжественно заявила:

— Ну, гора съ плечъ свалилась! Я совсѣмъ обновленная и чувствую, что сегодня я, наконецъ, засну. Вотъ было мнѣ невдомекъ попросить ранѣе Аарона Давидовича поставить мнѣ банки; онѣ всегда такъ хорошо на меня дѣйствуютъ.

Вообще, Марія Гавріиловна была необыкновенно въ духѣ и въ ударѣ: сыпала искрометными блесками своего остроумія, смѣялась и была весела, какъ уже давно не бывала.

Въ началѣ 11-го часа она сказала:

— Ну, дѣти мои, еще разъ вамъ торжественно заявляю: сегодня я буду спать! И такъ какъ меня уже начинаетъ клонить ко сну, и я боюсь разгулять его, то... «позвольте вамъ выйти вонъ!» [1]).

Всѣ простились, сошли внизъ—и Марія Гавріиловна около 11-ти часовъ заснула.

О дальнѣйшемъ А. Е. передаетъ:

— Около 1 часу ночи я поднялся наверхъ. Наши спальни рядомъ. Прислушиваюсь: Марія Гавріиловна спитъ спокойно и тихо. «Слава Богу!»—подумалъ я и скоро заснулъ самъ... Въ исходѣ 2-го часа,—какъ передаетъ Василиса,—Марія Гавріиловна пришла къ ней въ комнату, находящуюся тутъ же рядомъ, и, жалуясь, что кашель опять началъ ее мучить, попросила дать ей капли... Припадокъ удушья, надо полагать, не только не ослабѣвалъ, но все усиливался, и въ началѣ 3-го она пришла ко мнѣ въ спальню, восклицая задыхающимся голосомъ: «Господи, какъ я мучаюсь! Совсѣмъ дышать не могу! Я лучше посижу у тебя тутъ въ креслѣ. Мнѣ кажется, что здѣсь будетъ легче»... И, дѣйствительно, ей скоро какъ-будто полегчало, она стала успокаиваться и вскорѣ задремала. Задремалъ и я. Когда я очнулся около 3-хъ часовъ, ея уже не было въ креслѣ, но дверь въ ея спальню была

---

[1]) Это выраженіе изъ «Свадьбы» А. П. Чехова Марія Гавріиловна очень любила и часто употребляла.

Спальня Марiи Гаврiиловны Савиной.

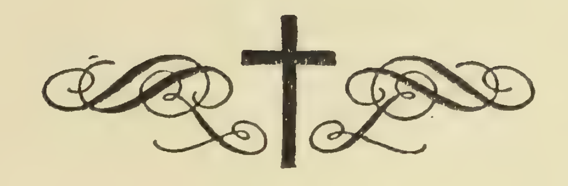
открыта, и оттуда шелъ свѣтъ. Я окликнулъ ее. Она тотчасъ же пришла и казалась спокойной. На мои слова: «Я, кажется, немножко задремалъ!» Марія Гавріиловна съ ласковой улыбкой отвѣтила: «Нѣтъ, милый! Не задремалъ, а сладко заснулъ. Я очень этому порадовалась. Ну, Христосъ съ тобой! Спи спокойно! Я тоже пойду попробую подремать»—и перекрестила меня... Почти моментально я заснулъ, какъ убитый. Въ началѣ 4-го Василиса, встревоженная, разбудила меня словами: «Барынѣ что-то не хорошо!» Я вскочилъ съ постели и побѣжалъ къ ней въ спальню. Марія Гавріиловна была безъ чувствъ, въ креслѣ, около самой божницы, съ закрытыми глазами, со слегка опущенной головой и съ безпомощно свѣсившейся черезъ ручку кресла лѣвой рукой. Я попробовалъ пульсъ—онъ бился, казалось мнѣ, нормально. Послушалъ сердце—тоже самое. Но дыханіе, видимо, отсутствовало. Я сейчасъ же послалъ за подушкой съ кислородомъ, созвалъ женскую прислугу и приказалъ растирать руки и ноги, давая безостановочно нюхать нашатырный спиртъ. Я объяснялъ все глубокимъ обморокомъ... Бросился къ телефону—всюду «трубки не повѣшены». Послалъ одну карету за Нюренбергомъ, другую—за Симановскимъ. Началъ безпомощно звонить по больницамъ, чтобы узнать у дежурнаго врача, что надо дѣлать при глубокомъ обморокѣ. Добился я отвѣта только въ Воспитательномъ Домѣ, и мнѣ какой-то голосъ сказалъ: «Надо растирать конечности и давать нюхать нашатырный спиртъ!»—«Это и дѣлается! Но чѣмъ же еще придти на помощь?»—спросилъ я. Мнѣ отвѣтили: «Только этимъ»... И вотъ приходилось безпомощно ждать... Минуты казались вѣчностью!.. Василиса разсказала, что въ началѣ 4-го она услыхала два слабыхъ звонка и бросилась въ спальню. Марія Гавріиловна сидѣла въ креслѣ, вся вытянувшись, съ широко раскрытыми глазами, точно ей было какое-то видѣніе, и съ протянутыми впередъ руками. На предложеніе Василисы подать капли, она уже не могла ничего сказать, только отрицательно махнула рукой. Почти сейчасъ же затѣмъ Марія Гавріиловна вся какъ-то опустилась, глаза закрылись, голова поникла, руки повисли—и она впала въ безсознательное состояніе, въ которомъ я ее и засталъ... Въ 5-мъ часу зазвонилъ телефонъ. Оказалось, что это докторъ Нюренбергъ, котораго разбудилъ мой посланный. Я ему сказалъ о случившемся и о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринялъ. Онъ отвѣтилъ: «Это все, что нужно. Сейчасъ ѣду къ вамъ!» Безъ четверти 5 онъ пріѣхалъ и немедленно сдѣлалъ подкожное впрыскиваніе камфоры. На счастье, и шприцъ, и камфора оказались дома... Нѣсколько разъ онъ пробовалъ вызвать у нея дыханіе... Но все было безплодно... Вскорѣ А. Д. Нюренбергъ заявилъ о необходимости консиліума. Я ему сообщилъ, что карета за Симановскимъ уже послана. Но онъ желалъ пригласить еще врачей. «Сейчасъ ужасно трудно ихъ найти. Я позвоню

въ аптеку Майзеля, чтобы указали, кто тутъ изъ докторовъ живетъ по близости», — прибавилъ онъ. Я вспомнилъ, что нашъ знакомый профессоръ Троицкій живетъ здѣсь гдѣ-то недалеко... Я былъ какъ въ бреду и не давалъ себѣ яснаго отчета въ происходящемъ, чувствовалъ себя какимъ-то окаменѣлымъ. Смутно всплываютъ отдѣльные фразы и моменты. Да вѣдь и узналъ-то я объ ея кончинѣ послѣднимъ, такъ какъ доктора нашли необходимымъ скрывать отъ меня дѣйствительность до послѣдней возможности... Вспоминается, какъ во время консиліума какой-то незнакомецъ, который оказался докторомъ Немзеромъ, сказалъ: «Вотъ еще одна новая жертва войны!»... Помню еще, какъ профессоръ Троицкій сказалъ мнѣ, что онъ считаетъ положеніе Маріи Гавриіловны безнадежнымъ. Я высказалъ желаніе пригласить священника причастить ее. Мнѣ кто-то сказалъ: «Не поспѣетъ!»...

Консиліумъ, въ составъ котораго вошли: лейбъ-отіатръ профессоръ Н. П. Симановскій, профессоръ П. В. Троицкій, докторъ А. Д. Нюренбергъ, докторъ Ѳ. Н. Ильинъ и докторъ М. Г. Немзеръ, собрался только къ 6-ти часамъ утра и могъ констатировать лишь наступившую смерть отъ паралича сердца.

Въ 5 часовъ 30 минутъ, въ ночь на 8-е сентября 1915 года,
Маріи Гавріиловны Савиной
не стало.

Какое совпаденіе: 8-го сентября — храмовой праздникъ церкви, въ которой находится чудотворная икона Козельщанской Божіей Матери, 8-го сентября Марія Гавріиловна вѣнчалась и 8-го сентября она отошла въ лучшій міръ...

Похороны
МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ
САВИНОЙ

Вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной съ неимовѣрной быстротой разнеслась по Петрограду, поразивъ всѣхъ своей неожиданностью.

Изъ устъ въ уста передавалось:

«Скончалась Савина!»... «Великой артистки Маріи Гавріиловны Савиной не стало!»... «Осиротѣлъ нашъ театръ! Нѣтъ больше Савиной!»...

Уже раннимъ утромъ разразившееся горестное событіе стало извѣстнымъ и въ Императорскихъ, и въ частныхъ Петроградскихъ театрахъ, и въ Театральномъ Обществѣ, и въ его Убѣжищѣ, и въ Лазаретѣ артистовъ, и въ Школѣ Сценическаго Искусства, и такъ далѣе, и такъ далѣе,—всюду вызывая самую искреннюю скорбь и острую душевную боль отъ невознаградимой утраты.

Это печальное сообщеніе было передано по телефону въ Москву только что уѣхавшему туда директору Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскому, а также Московскому Отдѣленію Совѣта Театральнаго Общества, и полетѣло по телеграфу не только во всѣ концы нашей необъятной родины, но и за границу—по всему міру.

Велика и единодушна была всеобщая скорбь, вызванная кончиной Савиной, но горе и отчаяніе тѣхъ, которые ближайшимъ образомъ пользовались заботами и попеченіемъ усопшей, были прямо неописуемы.

Пансіонерки и пансіонеры Убѣжища Театральнаго Общества плакали навзрыдъ, восклицая:

— Умерла наша мать родная!.. Что же теперь съ нами будетъ?!..

Раненый солдатикъ изъ Лазарета артистовъ Императорскихъ театровъ разсказываетъ:

— Какъ мы узнали, такъ всѣ и взвыли! Ужъ очинно насъ хорошо жалѣла покойная сестрица Марья Гаврильевна!..

Вотъ что, между прочимъ, сообщилъ намъ протоіерей В. Ф. Пигулевскій:

— Около 9-ти часовъ утра раздается у меня телефонный звонокъ. Слышу: «Батюшка, Марія Гавріиловна...» — «Знаю, знаю!» — прервалъ я. — «Пусть не безпокоится! Буду къ обѣду непремѣнно!» — «Да нѣтъ, батюшка, Марія Гавріиловна скончалась!» — отвѣтилъ мнѣ чей-то голосъ... Вообразите себѣ мой ужасъ! Эта катастрофическая по своей неожиданности кончина могла съ ногъ свалить!... А какова иронія судьбы!... Вѣдь сегодня годовщина ея свадьбы съ Анатоліемъ Евграфовичемъ!...

На труппу Александринскаго театра вѣсть о кончинѣ ихъ великаго товарища произвела буквально ошеломляющее впечатлѣніе. Сначала и здѣсь, какъ и всюду, никто не хотѣлъ этому вѣрить: смерть и Савина совершенно не вязались ни въ чьемъ представленіи, да и ударъ разразился ужъ слишкомъ нежданно. Но ужасная дѣйствительность подавляла и охватывала всѣхъ какой-то трепетной жутью. Роковой набатъ прозвучалъ въ стѣнахъ Александринскаго театра и оповѣстилъ о кончинѣ той, которая любила его всѣмъ существомъ и называла своей «колыбелью». Гулъ этого набата глубоко отозвался и въ сердцахъ товарищей почившей, — отозвался тяжелой, безысходной скорбью и искренними горькими слезами.

Большинство артистовъ узнало о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, придя на репетицію въ Александринскій театръ; остальные были оповѣщены по телефону. Немедленно послѣдовала отмѣна всѣхъ репетицій и былъ экстренно собранъ Представительный Комитетъ труппы. Нѣкоторые артисты сейчасъ же бросились на Карповку — «къ Маріи Гавріиловнѣ»...

Между тѣмъ, въ «особнякѣ Савиной» шли необходимыя печальныя приготовленія. Входныя двери дома то и дѣло осаждались желающими провѣрить справедливость горестнаго извѣстія о кончинѣ великой артистки. У всѣхъ, казалось, еще теплилась надежда. Получивъ грустное подтвержденіе, они уходили, молча, понуря голову; у многихъ были слезы на глазахъ. Всѣмъ объявлялось, что офиціальныя панихиды назначены: въ 3 часа дня и въ 9 часовъ вечера.

А. Е. Молчановъ вспоминаетъ:

— У меня отъ матери есть святыня — небольшой кусокъ камня отъ той скалы, на которой преподобный Серафимъ Саровскій совершилъ подвигъ своего тысяченощнаго моленія. На одной сторонѣ этого трехграннаго «камешка» святой старецъ изображенъ (масляными

красками) молящимся на скалѣ, на другой—блаженная его кончина и на третьей—идущимъ, опираясь на палочку, «путешествующимъ». Всякій разъ при отъѣздѣ Маріи Гавріиловны куда бы то ни было, она требовала, чтобы я ее перекрестилъ этой святыней—«путешествующимъ» Саровскимъ чудотворцемъ... И вотъ теперь, когда я увидалъ ее, неподвижно лежащей въ послѣднемъ непробудномъ снѣ, у меня явилось непреодолимое желаніе: я взялъ, какъ бывало, этотъ «камешекъ» и благословилъ Марію Гавріиловну на ея послѣдній дальній путь...

Начали съѣзжаться родные, близкіе друзья и главные дѣятели тѣхъ учрежденій, которыми руководила почившая.

Прибыла престарѣлая мать Маріи Гавріиловны—М. П. Подраменцева. Несчастная, убитая горемъ старушка едва передвигала ноги; горько жаловалась она, что ей пришлось пережить всѣхъ своихъ дѣтей. Пріѣхали всѣ три племянницы, «послѣдышъ» Андрюша, мать ихъ—А. А. Подраменцева, Б. И. Буссенъ, В. В. Лебедевъ и Е. И. Соболева. Н. Н. Соболеву, находившемуся въ командировкѣ, была послана срочная телеграмма.

Страшно взволнованная, вся въ слезахъ, прилетѣла поклониться останкамъ своего «новопреставленнаго» товарища артистка М. П. Домашева. Ей сопутствовали артистки Н. П. Шигорина, Н. А. Шостаченко и суфлеръ В. И. Войцеховскій.

Одними изъ первыхъ прибыли также и дѣятели Лазарета артистовъ: предсѣдательница—солистка Его Величества М. А. Славина, со своей племянницей—В. А. Рачковской [1]), и Н. А. Бакеркина.

М. А. Славина и В. А. Рачковская привезли букеты бѣлыхъ хризантемъ, а Н. А. Бакеркина возложила большой бѣлый крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Въ 12 часовъ дня протоіерей В. Ф. Пигулевскій отслужилъ первую панихиду, въ спальнѣ. Тѣло усопшей еще покоилось на кровати. Марія Гавріиловна казалась заснувшей тихимъ сномъ, и не хотѣлось вѣрить, что жизнь уже покинула ее.

Все въ спальнѣ строго сохраняло тотъ видъ, какъ это было при жизни Маріи Гавріиловны. Всѣ книги, записочки, мелочи лежали на своихъ прежнихъ мѣстахъ. И такъ это должно остаться навсегда.

Кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, на панихидѣ присутствовали: Анатолій Евграфовичъ, его дочь—Е. А. Молчанова, Е. Н. Хитрово, В. В. и А. А. Сладкопѣвцевы, С. А. Первухина, К. К. Витарскій, В. П. Лаппа-

---

[1]) В. А. Рачковская — артистка Императорской Петроградской драматической труппы.

Старженецкій, А. И. и К. С. Долиновы, К. В. Таргони, Д. К. Дютель, В. Ѳ. и О. Н. Ромашковы, И. О. и Е. И. Осиповы-Абельсонъ и другіе. Собралась помолиться объ упокоеніи души своей обожаемой барыни и вся прислуга дома, во главѣ съ преданной Василисой. Горе и слезы этого простого люда были необыкновенно трогательны.

Въ 3-мъ часу дня тѣло почившей Маріи Гавріиловны Савиной было перенесено внизъ, въ обширный залъ, который ранѣе служилъ столовой. Здѣсь, въ красномъ углу, подъ большой стариннаго письма иконой Спаса Москворѣцкаго, огромный ликъ котораго озарялся мерцающимъ огонькомъ древней лампады, былъ приготовленъ «погребальный одръ»—по-старинному «кречелъ». На него и было возложено тѣло усопшей.

Марія Гавріиловна Савина покоилась въ скромномъ бѣломъ матовомъ шелковомъ платьѣ, обычно просто причесанная, безъ всякаго головного убора. Лицо ея, нѣсколько подернутое мертвенной блѣдностью, казалось живымъ; оно выражало полное умиротвореніе и торжественное спокойствіе — то, что было ей такъ необходимо при жизни. По поясъ она была прикрыта золотымъ покровомъ, съ голубымъ орнаментомъ византійскаго стиля X вѣка. Руки ея держали складень съ изображеніемъ преподобнаго Серафима Саровскаго и образки Козельщанской Божіей Матери и Ангела Хранителя.

Каждая изъ этихъ иконъ имѣетъ извѣстное значеніе. Маленькій дорожный кожаный складень, въ который были вложены два фотографическихъ изображенія преподобнаго Серафима Саровскаго—«путешествующаго» и «кормящаго медвѣдя»,—никогда не покидалъ Марію Гавріиловну, сопутствуя ей и въ путешествіяхъ, и на спектакляхъ и репетиціяхъ въ театрѣ, и всюду; онъ послѣдовалъ съ нею и въ мѣсто послѣдняго ея упокоенія. Икона Козельщанской Божіей Матери—та самая, которая, какъ разсказано выше, была подарена Маріи Гавріиловнѣ старушкой-нищенкой на станціи Козельщина. Образокъ Ангела Хранителя съ самыхъ юныхъ лѣтъ висѣлъ всегда въ изголовьи ея постели.

Все помѣщеніе, гдѣ покоилось тѣло Маріи Гавріиловны Савиной, было сплошь обтянуто по стѣнамъ чернымъ сукномъ и траурнымъ флеромъ, спускавшимися пышными складками отъ самаго потолка до полу. На этомъ фонѣ мягко вырисовывались купы громадныхъ тропическихъ растеній. Весь полъ былъ устланъ чернымъ ковромъ. Дневного свѣта не было—царилъ таинственный полумракъ: освѣщеніе давала люстра, матовые фонари которой были подернуты крепомъ. Среди этого траурнаго убранства, на задрапированномъ въ черное громадномъ, доходящемъ до потолка, каминѣ возвышалась бронзовая скульп-

тура Христа (Торвальдсена), съ протянутыми руками, словно призывающаго къ себѣ душу усопшей:

— «Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ»...

Умиротворяющей грустью и тихостью вѣяло здѣсь и переносило невольно въ какой-то иной невѣдомый міръ, куда-то далеко-далеко... Тутъ чувствовалась обитель печали. Тутъ чувствовался храмъ скорби, но не жгучей, острой, кричащей, а глубокой, подавленной, покорной,— скорби, проникнутой той истинной вѣрой, которой прожила всю свою жизнь почивающая здѣсь вѣчнымъ непробуднымъ сномъ великая артистка-человѣкъ...

Народъ, между тѣмъ, все прибывалъ. Всѣ спѣшили отдать последній долгъ Савиной. Скоро уже печальный залъ не могъ вмѣстить всѣхъ присутствующихъ.

Труппа Александринскаго театра собралась почти въ полномъ составѣ. Отъ ея лица заслуженная артистка Н. С. Васильева возлагаетъ къ изножью «кречела» большой снопъ бѣлыхъ хризантемъ. Общее настроеніе горестно подавленное. Слышатся рыданія Е. Н. Рощиной-Инсаровой и Е. И. Тиме, рядомъ вся въ слезахъ М. А. Ведринская, тутъ же горько плачутъ М. П. Домашева и Н. В. Ростова—и даже у многихъ мужчинъ глаза полны слезъ. Отсутствуетъ маститый В. Н. Давыдовъ: онъ такъ потрясенъ, что слегъ въ постель и не въ состояніи выѣхать изъ дому.

Прибылъ баронъ В. А. Кусовъ, въ качествѣ представителя Дирекціи Императорскихъ театровъ, со своимъ помощникомъ—Л. Д. Мецнеромъ. Налицо всѣ главные дѣятели Театральнаго Общества. Много артистовъ частныхъ Петроградскихъ театровъ. Здѣсь находятся также представители литературы и разныхъ художественныхъ и общественныхъ учрежденій, друзья и почитатели таланта покойной и цѣлая масса совершенно незнакомыхъ лицъ.

Отъ изголовья почившей почти не отходитъ любимая племянница Маріи Гавріиловны—Е. Н. Буссенъ-Стремлянова, любовно не сводя глазъ съ дорогой покойницы. Ея сестры стоятъ около. Тутъ же сидитъ въ креслѣ удрученная горемъ старушка-мать...

Въ 3 часа дня началась первая официальная панихида. Ее служилъ протоіерей В. Ф. Пигулевскій, съ діакономъ церкви Театральнаго Училища—М. А. Смирновымъ. Они же отправляли и послѣдующія официальныя панихиды.

Раздается возгласъ:

— **Ѡ҆ ѡ҆ставле́нїи согрѣше́нїй во бл҃же́ннѣй па́мѧти преста́вльшїѧсѧ рабы̀ бж҃їѧ марі́и поко́ѧ, ти́шины, бл҃же́нныѧ па́мѧти є҆ѧ̀, гдⷭ҇ꙋ помо́лимсѧ.**

Трубнымъ гласомъ прозвучали эти слова и острой болью пронизали сердца молящихся. Почти всѣ пали на колѣни, точно подкошенные ужасомъ сознанія безвозвратной потери. Тамъ и тутъ раздавались подавленныя рыданія. У большинства на глазахъ блестѣли слезы. Никто, однако, не таилъ своихъ рыданій и слезъ, чувствуя себя духовно объединеннымъ съ другими: всѣхъ спаяла общая глубокая печаль и сердечная потребность вознести молитвы.

Благостныя слова богослужебныхъ возгласовъ и пѣснопѣній несли покорность и умиротвореніе. Горестна, тяжела утрата, но сознаніе, что «душа ея во благихъ водворится», утишало скорбь, примиряло... Вѣрой, которой жила почившая, безотчетно проникались тѣ, кто пришелъ сюда помолиться за нее и поклониться ея бреннымъ останкамъ...

. . . .

Панихида близится къ концу.

— **Во бл҃же́нномъ оу҆спе́нїи вѣ́чный поко́й пода́ждь, гдⷭ҇и, оу҆спшей рабѣ̀ твое́й марі́и и҆ сотворѝ е҆́й вѣ́чную па́мять,** — возглашаетъ діаконъ.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, опускаются въ глубочайшемъ благоговѣніи на колѣни. Каждый невольно всей душой вторитъ про-себя звукамъ торжественно-могучаго, преисполненнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то особой гармоничной тихостью, напѣва **Вѣ́чная па́мять**, который трижды повторяетъ хоръ пѣвчихъ...

Богослуженіе кончилось. На мгновеніе воцаряется мертвая тишина. Всѣ стоятъ на мѣстахъ, понуря головы, и точно окаменѣли... Первое впечатлѣніе проходитъ. Медленно начинаютъ расходиться; скорбь на лицахъ всѣхъ. Многіе подходятъ къ тѣлу усопшей и кладутъ земной поклонъ...

Въ началѣ 5-го часа прибыла баронесса В. И. Мейендорфъ. Помолясь и поклонившись останкамъ почившей, она выразила А. Е. отъ лица Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны высокомилостивое соболѣзнованіе по поводу постигшей Россію невознаградимой утраты.

— Ея Величество только что узнала и была страшно поражена этой неожиданной ужасной вѣстью, — прибавила баронесса В. И. — Примите и отъ меня сердечное сочувствіе. Я такъ любила и уважала Марію Гавріиловну, что для меня ея кончина очень чувствительна.

Около 6-ти часовъ заѣхалъ поклониться праху усопшей и выразить А. Е. свое соболѣзнованіе министръ торговли и промышленности — князь В. Н. Шаховской.

По постановленію Представительнаго Комитета труппы Александринскаго театра, было учреждено непрерывное дежурство артистовъ у тѣла почившей Савиной. Въ 7 часовъ вечера встала пер-

вая очередь почетной стражи: М. А. Ведринская, Л. Н. Шувалова, А. И. Долиновъ и К. Н. Берляндъ.

Это дежурство не носило характера «по постановленію», а было сердечной потребностью отдать послѣдній долгъ памяти своего любимаго, отошедшаго въ вѣчность, великаго товарища. У многихъ во время дежурства текли по лицу молчаливыя слезы. Нѣкоторые, по отбытіи дежурства, отходили въ сторону и продолжали стоять, читая про-себя Евангеліе. Дежурствъ добивались по нѣскольку разъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Вообще, отношеніе товарищей-артистовъ было поистинѣ умилительно-трогательное; оно краснорѣчиво характеризуется восклицаніемъ, которое невольно вырвалось у одного изъ нихъ — Ю. В. Корвина-Круковскаго:

— Вѣдь мы сами не подозрѣвали, какъ мы ее любимъ и какъ она намъ дорога!..

8-го сего сентября, въ 5½ ч. утра, скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА

САВИНА.

Панихиды на квартирѣ—Улица Литераторовъ, 17 (Карповка), въ 3 ч. дня и въ 9 ч. веч. О днѣ погребенія будетъ объявлено особо.

На вечерней панихидѣ народу было еще больше, чѣмъ днемъ; многіе стояли въ смежномъ помѣщеніи — въ hall'ѣ. Среди молящихся довольно много замѣчалось также и простонародья. Всѣхъ влекла къ себѣ и объединяла великая душа усопшей, отдававшая себя служенію ближнему безъ отдѣленія «высшаго отъ низшаго» и «эллина отъ іудея».

Изножье «кречела» было уже почти сплошь покрыто цвѣточными приношеніями; вѣнки располагались также и по стѣнамъ вокругъ [1]).

---

[1]) Полный перечень всѣхъ приношеній ко гробу Маріи Гавріиловны Савиной, съ указаніемъ лицъ, возлагавшихъ эти приношенія,—см. ниже.

Въ теченіе ночи несли дежурство: отъ 11-ти часовъ вечера до 3-хъ часовъ ночи—Н. М. Желѣзнова, Н. Г. Коваленская, Н. В. Ростова, Н. А. Шостаченко и С. В. Валуа; отъ 3-хъ часовъ ночи до 7-ми часовъ утра—Н. С. Рашевская, В. Э. Мейерхольдъ, Н. В. Петровъ и Н. В. Смоличъ.

Ночью неоднократно Е. Н. Хитрово смѣняла монахиню въ чтеніи по усопшей псалтири и акаѳистовъ Успенію Пресвятыя Богородицы и Ангелу Хранителю.

9-го числа во всѣхъ наиболѣе распространенныхъ Петроградскихъ газетахъ появились траурныя объявленія о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной; наканунѣ это было только въ двухъ вечернихъ газетахъ.

Въ этотъ день домъ, гдѣ жила почившая великая артистка, сталъ мѣстомъ всеобщаго паломничества. Съ самаго ранняго утра начали приходить и подъѣзжать—почти одинъ за другимъ, а иногда по нѣскольку одновременно — люди, сплошь незнакомые и даже въ большинствѣ никому неизвѣстные. Тутъ были женщины и мужчины, старые и молодые—люди съ виду самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, профессій и состояній, до бѣдноты включительно. Тутъ были статскіе — въ обыкновенномъ платьѣ и въ различныхъ формахъ, офицеры и солдаты—многіе изъ нихъ раненые. Тутъ были даже два-три священника. Всѣ они, молча, входили,—кто горячо и довольно долго молился, кто, перекрестившись, прямо земно кланялся тѣлу усопшей,—и, также молча, уходили, всецѣло поглощенные впечатлѣніями переживаемаго. Такъ было это почти весь день 9-го и такъ продолжалось на слѣдующее утро дома и въ теченіе большей части послѣдней ночи въ церкви Убѣжища.

Утромъ, 9-го, прибылъ пріемный сынъ Маріи Гавріиловны — Н. Н. Соболевъ.

По мѣрѣ приближенія времени дневной панихиды, толпа народа все растетъ и заполняетъ не только траурный залъ, но и hall, и прилегающіе коридоры, и вестибюль. Среди народа то и дѣло протискиваются депутаціи съ цвѣточными приношеніями; вѣнковъ въ теченіе дня прибываетъ безъ числа.

Приносятъ гробъ; онъ—дубовый, въ духѣ старины, то-есть «домовина», «однодеревый, долбленый». Протоіерей В. Ф. Пигулевскій окропляетъ его святой водой и совершаетъ обрядъ положенія тѣла во гробъ.

Въ 3-мъ часу дня отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны былъ возложенъ вѣнокъ въ должности шталмейстера А. С. фонъ-Эттеромъ. Онъ заявилъ А. Е., что Ея Высо-

чество поручила ему выразить соболѣзнованіе по поводу тяжкой утраты и сожалѣніе, что болѣзнь помѣшала ей лично прибыть и помолиться у гроба усопшей, при чемъ добавилъ, что Великая Княгиня надѣется быть на погребеніи.

Передъ самой панихидой пріѣхалъ В. Н. Давыдовъ. Едва онъ приблизился ко гробу, какъ громко разрыдался, и присутствовавшимъ стоило большихъ усилій его успокоить. Придя немного въ себя, В. Н. упалъ на колѣни, долго горячо молился, затѣмъ всталъ, поцѣловалъ покойную въ лобъ и, весь въ слезахъ, удалился. Это потрясло всѣхъ до глубины души. Вѣдь почти вся артистическая карьера Савиной и Давыдова протекла совмѣстно—и въ провинціи и въ С.-Петербургѣ.

За офиціальной панихидой, въ 3 часа дня, сейчасъ же послѣдовала вторая—по заказу Школы Сценическаго Искусства.

Школа Сценическаго Искусства въ глубокомъ горѣ извѣщаетъ о безвременной кончинѣ своего незабвеннаго директора, заслуженной артистки Императорскихъ театровъ

МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Панихида въ среду, 9 сентября, въ $3^1/_2$ ч. д. (Карповка, улица Литераторовъ, 17).

Ко гробу почившей приближается группа учениц и учениковъ, во главѣ съ администраціей Школы и преподавательскимъ персоналомъ; они приносятъ гигантскихъ размѣровъ пальмовую вѣтвь. Грустно было смотрѣть на эту молодежь: лица ихъ выражали какую-то скорбную растерянность въ ясномъ сознаніи, кого они лично потеряли.

Большинство товарищей усопшей по Александринскому театру почти безотлучно находятся здѣсь. Къ нимъ присоединилось сегодня и громадное число артистовъ и дѣятелей другихъ Петроградскихъ театровъ, а также масса учащихся различныхъ театральныхъ курсовъ и школъ. Присутствуетъ много драматурговъ, театральныхъ критиковъ, художниковъ, музыкантовъ, представителей различныхъ общественныхъ организацій и такъ далѣе—всѣхъ перечислить нѣтъ возможности. Прибыли поклониться бреннымъ останкамъ своего былого товарища и бывшія артистки Александринскаго театра—А. М.

Дюжикова и А. Ѳ. Ѳедорова. На этихъ панихидахъ были и дѣятели провинціальныхъ театровъ: Воронежскій антрепренеръ—В. И. Никулинъ и театральный предприниматель въ Ростовѣ на Дону—А. И. Гришинъ, спеціально пріѣхавшіе отдать послѣдній долгъ своей почившей великой «землячкѣ» [1]).

В. И. Никулинъ, съ влажными глазами отъ слезъ, разсказываетъ:

— Для провинціальнаго актерства было одно прибѣжище, одна заступа—Марія Гавріиловна Савина. Нельзя себѣ представить, что̀ она была для насъ! Это только мы чувствовали и знали! Къ ней обращались мы всѣ и за всѣмъ, — обращались и какъ къ основателю и главному неизмѣнному дѣятелю Театральнаго Общества, и какъ къ первой русской актрисѣ, и, главнымъ образомъ, какъ къ исключительному по своей сердечной отзывчивости человѣку. Она хлопотала, устраивала, выручала... Причиняли мы Маріи Гавріиловнѣ и непріятности, но она не считалась съ ними, все прощала намъ, зная, какъ мы нервничаемъ порою... Да, эта утрата невознаградима для всѣхъ, а тѣмъ паче—для насъ: другой Савиной не будетъ!..

Всеобщее вниманіе привлекалъ къ себѣ маститый А. Ѳ. Кони: его присутствіе здѣсь—у гроба своего давняго друга—было особенно трогательно...

Въ 5 часовъ дня на гробъ Маріи Гавріиловны Савиной были возложены: роскошный бѣлый крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ—отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и великолѣпный вѣнокъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ—отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Эти знаки высокомилостивѣйшаго вниманія и оцѣнки заслугъ почившей возложилъ гофмейстеръ баронъ А. Г. фонъ-Кноррингъ.

Въ теченіе дня, 9-го, дежурство почетной стражи у гроба выполняли: отъ 7-ми часовъ утра до 11-ти часовъ дня—М. И. Данилова, Н. С. Можарова, И. И. Борисовъ и К. Н. Вертышевъ; отъ 11-ти до 3-хъ часовъ дня—В. А. Рачковская, Е. И. Тиме, Н. М. Казаринъ и А. Ѳ. Новинскій; отъ 3-хъ часовъ дня до 7-ми часовъ вечера—В. А. Рачковская, Е. И. Тиме, Л. С. Вивьенъ и Е. П. Студенцовъ; отъ 7-ми до 11-ти часовъ вечера—М. П. Домашева, Н. В. Ростова, Е. Н. Рощина-Инсарова, Н. Н. Ходотовъ и Ю. М. Юрьевъ.

[1]) Такъ назвала себя сама Марія Гавріиловна Савина на Всероссійскомъ Съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, въ 1897 году, въ Москвѣ; въ своемъ обращеніи къ провинціальнымъ актерамъ она воскликнула: «Я—ваша землячка! Я—изъ вашей же деревни!»

Передъ вечерней панихидой ко гробу подвели какого-то слѣпого старика; онъ всталъ на колѣни и громко воскликнулъ:

— Марія Гавріиловна, я тебя не вижу, но чувствую, что стою передъ твоимъ трупомъ! Господь Богъ наказалъ меня: я пережилъ тебя! Но у меня остается утѣшеніе, что и я скоро послѣдую за тобой. До свиданія въ лучшемъ мірѣ! Вѣчная тебѣ память, незабвенная!..

Слезы ручьями хлынули изъ слѣпыхъ глазъ старика; его подняли и увели во внутреннія комнаты.

Это былъ А. Д. Чистяковъ, одинъ изъ старѣйшихъ артистовъ Императорскаго балета, давно уже потерявшій зрѣніе. Онъ женатъ на бывшей драматической артисткѣ—А. П. Натаровой, участвовавшей съ Маріей Гавріиловной Савиной на ея второмъ дебютѣ въ Александринскомъ театрѣ, въ «Воспитанницѣ» Островскаго (16-го апрѣля 1874 года), и съ того дня ставшей неизмѣнной поклонницей ея таланта. Вообще, семья Чистяковыхъ была издавна связана съ Маріей Гавріиловной самой сердечной дружбой. А. П. Натарова-Чистякова, по преклонности лѣтъ и по болѣзни, не покидала дома и поручила своей дочери—М. А. Чистяковой [1]) возложить на гробъ дорогой покойницы небольшой крестъ изъ незабудокъ. М. А. безотлучно присутствовала на всѣхъ панихидахъ; она-то и привела сюда своего слѣпого старика-отца, уступая его настойчивому желанію.

Вечеромъ также были двѣ панихиды.

Первая, въ 8 съ половиной часовъ,—отъ Убѣжища Театральнаго Общества. Отправлялъ ее причтъ мѣстной церкви: новый настоятель—протоіерей А. Ѳ. Димитріевъ, діаконъ Ѳ. П. Поляковъ и постоянный хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ регента А. Н. Игнатьева, исполнившій «Панихиду» П. И. Чайковскаго.

Это богослуженіе было первымъ, которое совершилъ протоіерей А. Ѳ. Димитріевъ въ своей новой должности. Марія Гавріиловна за послѣднее время принимала очень близко къ сердцу назначеніе новаго настоятеля въ церковь Убѣжища—и вотъ судьба рѣшила такъ, что первая его служба состоялась только у ея гроба...

Вторая—офиціальная панихида была отслужена соборне: протоіереями В. Ф. Пигулевскимъ, А. Ѳ. Димитріевымъ и І. І. Альбинскимъ [2]), при діаконахъ В. Г. Исаковѣ, М. А. Смирновѣ и Ѳ. П. Поляковѣ.

---

[1]) М. А. Чистякова, равно, какъ и ея мать, служила артисткой въ Императорской Петроградской драматической труппѣ; она съ юныхъ лѣтъ была очень предана Маріи Гавріиловнѣ и, между прочимъ, почти всегда участвовала въ ея гастрольныхъ поѣздкахъ, какъ по Россіи, такъ и за границей.

[2]) Протоіерей І. І. Альбинскій былъ первымъ настоятелемъ церкви Убѣжища, съ марта 1906 года по октябрь 1910 года.

На эту панихиду прибыли поклониться праху усопшей морской министръ—генералъ-адъютантъ И. К. Григоровичъ и министръ торговли и промышленности—князь В. Н. Шаховской, съ супругой.

Народъ всюду стоялъ сплошной стѣной. Трогательна была группа убитыхъ горемъ старушекъ пансіонерокъ Убѣжища и среди нихъ стипендіатка Маріи Гавріиловны Савиной—А. А. Александрова. Тутъ же были мальчики Пансіона Театральнаго Общества. Но что особенно умиляло, умиляло до слезъ—это присутствіе раненыхъ солдатъ: иной на костыляхъ, иной безъ руки, иной съ забинтованной головой. Они пришли сюда по собственному побужденію: потребностью ихъ чистой, непосредственной души было стремленіе проститься съ почившей любимой «сестрицей Марьей Гаврильевной».

Наступала ночь—послѣдняя ночь, которую проводила Марія Гавріиловна Савина въ своемъ домѣ. Завтра ея бездыханное тѣло перенесутъ въ «новый домъ», къ ея любимымъ «землякамъ»—въ ея любимое Убѣжище, которое и будетъ вѣчнымъ убѣжищемъ упокоенія ея бренныхъ останковъ...

. . . .

— **Бл҃же́нъ разꙋмѣва́ѧй на ни́ща и҆ оу҆бога, въ день лютъ и҆зба́витъ е҆гѡ̀ гдь... Жива́ бꙋ́детъ дꙋша́ моѧ̀ и҆ восхва́литъ тѧ̀... ꙗ҆́кѡ за̀повѣді́и твои́хъ не за-бы́хъ...**—обрывками тускло доносится въ ночной тиши заунывное чтеніе монахини... Ее отъ времени до времени смѣняетъ Е. Н. Хитрово... Народу нѣтъ... Ничто не нарушаетъ мирнаго покоя... Какъ окаменѣлые, стоятъ, понуря голову, почетные стражи у гроба; изъ ихъ опущенныхъ глазъ то и дѣло сбѣгаютъ струйки слезъ... Надъ прахомъ усопшей рѣютъ еще не успѣвшія разсѣяться прозрачныя облачка кадильнаго ладона... Повсюду, куда ни взглянешь, груды цвѣтовъ, распространяющихъ благоуханіе... Все проникнуто тихой благоговѣйной торжественностью и молчаливымъ величіемъ... Въ воздухѣ чуятся какія-то тѣни, но не мрачныя, а благостныя... Хочется вѣрить — и чувствуешь какимъ-то проникновеніемъ, что душа ея витаетъ тутъ... И будетъ въ своей «безконечной жизни» парить вѣчно надъ тѣмъ, что́ ей было дорого на землѣ, невидимо направляя и охраняя... Невольно повторяются про-себя только что слышанныя слова:

— «Жива будетъ душа ея... яко заповѣдій Господнихъ не забыхъ»...

. . . .

Въ теченіе этой ночи несли дежурство: отъ 11-ти часовъ вечера до 3-хъ часовъ ночи—А. В. Васильева, С. В. Валуа, Н. Д. Локтевъ и Д. Х. Пашковскій; отъ 3-хъ часовъ ночи до 7-ми часовъ утра—Н. М. Желѣзнова, Н. С. Рашевская, В. К. Іуструговa и А. А. Чижевская; отъ 7-ми

до 11-ти часовъ утра—М. И. Данилова, М. П. Домашева, Н. Г. Коваленская, Н. С. Можарова и П. С. Панчинъ.

10-е число. Въ 2 часа дня назначенъ выносъ тѣла.

8-го сего сентября, въ $5^1/_2$ час. утра скончалась **заслуженная артистка ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ**

МАРІЯ ГАВРИЛОВНА

САВИНА.

Въ четвергъ, 10-го сентября, въ 2 часа дня выносъ тѣла изъ квартиры почившей (Карповка), улица Литераторовъ 17, для слѣдованія къ Александринскому театру и далѣе въ церковь Убѣжища въ память ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, гдѣ въ $6^1/_2$ ч. веч. будетъ отслуженъ парастасъ. Въ пятницу, 11 сентября, въ 11 ч. утра тамъ же заупокойная литургія и отпѣваніе, послѣ чего состоится погребеніе въ склепѣ при церкви Убѣжища.

Погода третій день стоитъ прямо изумительная. Солнце свѣтитъ яркими ослѣпительными лучами, какъ въ лучшіе лѣтніе дни, и точно хочетъ показать, что небо радуется преставленію новой великой души...

Уже съ утра набережная Карповки особенно оживлена. Ѣдутъ экипажи, автомобили, извозчики, спѣшатъ пѣшеходы, изъ трамваевъ высаживаются цѣлыми группами студенты, курсистки, учащаяся молодежь театральныхъ школъ, артисты и прочіе—всѣ стремятся проститься съ Савиной.

Безпрестанно привозятъ все новые и новые вѣнки, среди нихъ много изъ Москвы и отъ провинціальныхъ театровъ.

Въ 10 часовъ утра у гроба почившей состоялась панихида по иниціативѣ артистовъ Народнаго Дома Императора Николая II. Служилъ іерей церкви Пріюта Принца Ольденбургскаго и завѣдывающій Духовно-Просвѣтительнымъ Отдѣломъ Комитета Петроградскаго Городского Попечительства о народной трезвости—П. И. Поляковъ, кото-

рый передъ началомъ богослуженія обратился къ молящимся со слѣдующимъ «словомъ»:

Дорогіе сестры и братья! Передъ нами лежитъ трупъ, бывшее вмѣстилище человѣка, которое, казалось бы, потеряло уже всю привлекательность. Однако, почему же мы всѣ собрались сюда? Почему все здѣсь проникнуто торжественнымъ благоговѣніемъ и полно глубокой тайны? А потому, дорогіе сестры и братья, что передъ нами не простой трупъ, а храмъ. Правда, опустѣвшій, но — храмъ, въ которомъ обитала великая душа, усердно и нелицемѣрно служившая Богу и людямъ.

Всѣ мы, дорогіе сестры и братья, знаемъ, кто такая была почившая Марія Гавріиловна Савина. И не мы одни — близкіе къ ней—знаемъ ее: ее знаетъ вся Россія, ее знаютъ и за предѣлами нашего отечества. Я глубоко убѣжденъ, что если бы ея душа вселилась въ тѣло полководца,—мы имѣли бы одного изъ величайшихъ вождей міра, можетъ быть, второго Александра Македонскаго; если бы ея душа вселилась въ тѣло ученаго,—мы имѣли бы, вѣроятно, одного изъ великихъ свѣточей науки; если бы ея душа вселилась въ тѣло служителя алтаря, то предъ нами, быть можетъ, былъ бы одинъ изъ величайшихъ угодниковъ Божіихъ.

Но Господь избралъ ее для служенія искусству — и скромное званіе актрисы она возвела на недосягаемую высоту.

Марія Гавріиловна Савина была не только великой актрисой, но и великой христіанкой—печальницей о всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Сколько она дѣлала добра, этого сейчасъ оцѣнить нельзя, это—святая тайна ея нѣжнаго сердца. Она любила дѣлать добро по заповѣди Божіей, втайнѣ. Господь теперь даетъ намъ явное показаніе, какъ Онъ возлюбилъ ее и какую любовь къ себѣ она пріобрѣла со стороны ближнихъ своихъ, облагодѣтельствованныхъ и обласканныхъ ею. Я глубоко вѣрю, что душу Маріи Гавріиловны съ радостью встрѣтятъ ангелы въ небесныхъ обителяхъ!

Но она была человѣкъ, и у нея были также грѣхи, ибо нѣтъ человѣка, который бы жилъ и не согрѣшилъ,—одинъ Богъ безъ грѣха.

Помолимся же, дорогіе сестры и братья, чтобы Милосердый Господь отпустилъ согрѣшенія ея, вольныя и невольныя, и упокоилъ бы въ селеніяхъ праведныхъ прекрасную душу новопреставленной рабы Божіей Маріи!

Пѣлъ панихиду оперный хоръ Народнаго Дома. Группа представителей артистовъ возложила вѣнокъ.

Между тѣмъ, народъ все прибывалъ. Въ 1-мъ часу уже вся прилегающая къ Каменноостровскому проспекту набережная рѣки Карповки и Улица Литераторовъ, на которой, собственно, и находится домъ Савиной, были усѣяны сплошной массой людей. Не только экипажное движеніе стало почти невозможнымъ, но даже и пѣшеходамъ приходилось съ трудомъ пробираться.

Въ 1 часъ дня въ hall'ѣ, смежномъ съ печальнымъ заломъ, гдѣ покоилось тѣло великой усопшей, были оглашены барономъ В. А. Кусовымъ двѣ телеграммы изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго отъ министра Императорскаго Двора—графа В. Б. Фредерикса, на имя директора Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскаго:

I.

Государь Императоръ, освѣдомившись о кончинѣ заслуженной артистки Савиной, повелѣть соизволилъ выразить труппѣ Императорскаго Александринскаго театра искреннее соболѣзнованіе Его Величества по поводу тяжкой утраты, понесенной труппой за послѣднее время въ лицѣ талантливой артистки Савиной и недавно скончавшагося заслуженнаго артиста Варламова, посвятившихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ всѣ свои силы на служеніе родному искусству.

Министръ Императорскаго Двора *графъ Фредериксъ.*

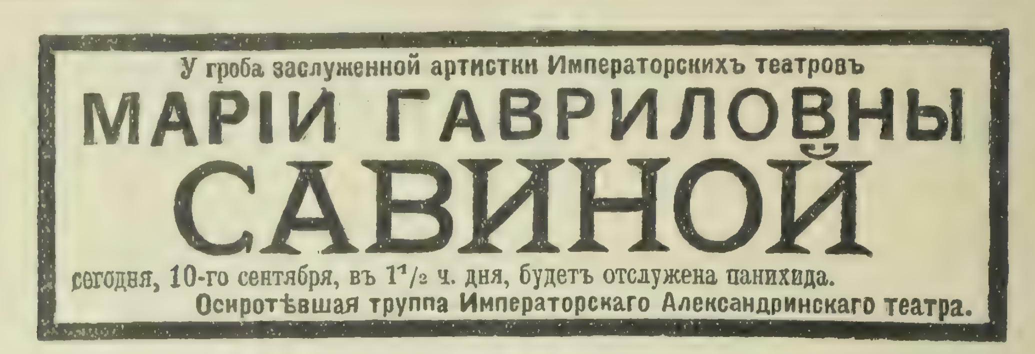
II.

Прошу Васъ передать труппѣ Императорскаго Александринскаго театра мое искреннее сочувствіе по поводу постигшей ее и всѣхъ насъ горестной утраты въ лицѣ высокоталантливой Маріи Гавріиловны Савиной. Память о ней и о ея беззавѣтномъ служеніи свыше 40 лѣтъ на Императорской сценѣ будетъ храниться всегда, какъ всѣми нами, такъ и въ исторіи русской драмы.

Министръ Императорскаго Двора *графъ Фредериксъ.*

Прибыли нѣкоторые представители Москвы: управляющій труппой Императорскаго Московскаго Малаго театра—заслуженный артистъ А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ) и артистка того же театра—Н. А. Смирнова; послѣдняя, вмѣстѣ съ артистомъ Московскаго Художественнаго театра—Г. С. Бурджаловымъ, присутствовала и отъ лица Московскаго Отдѣленія Совѣта Театральнаго Общества.

Въ половинѣ 2-го часа дня была назначена послѣдняя передъ выносомъ панихида у гроба — отъ товарищей почившей по Александринскому театру.

У гроба заслуженной артистки Императорскихъ театровъ
МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ
САВИНОЙ
сегодня, 10-го сентября, въ $1^1/_2$ ч. дня, будетъ отслужена панихида.
Осиротѣвшая труппа Императорскаго Александринскаго театра.

Передъ началомъ заслуженные артисты—В. Н. Давыдовъ, Н. С. Васильева и В. А. Мичурина возложили отъ труппы громадный серебряный вѣнокъ, подернутый, въ знакъ печали, крепомъ.

Въ послѣднемъ (отъ 11-ти часовъ утра) почетномъ дежурствѣ здѣсь, въ домѣ, участвовали: Е. Н. Рощина-Инсарова, А. И. Долиновъ, Ю. В. Корвинъ-Круковскій и Ю. М. Юрьевъ; они на время панихиды уступили свои мѣста старѣйшимъ товарищамъ: Н. С. Васильевой, В. А. Мичуриной, Р. Б. Аполлонскому и В. Н. Давыдову.

Эту панихиду отправляли также соборне: протоіереи В. Ф. Пигулевскій, А. Ѳ. Димитріевъ и І. І. Альбинскій, въ сослуженіи съ протодіакономъ Адмиралтейскаго собора П. А. Симо и съ діаконами В. Г. Исаковымъ, М. А. Смирновымъ и Ѳ. П. Поляковымъ.

Присутствующіе сплошной массой заполнили всѣ помѣщенія нижняго этажа дома; восковыя свѣчи, горѣвшія въ ихъ рукахъ, создавали цѣлое море огоньковъ. Стояли молящіеся и на широкой лѣстницѣ, ведущей изъ hall'я въ верхній этажъ, и въ вестибюлѣ, и на входной лѣстницѣ, сливаясь черезъ открытый парадный подъѣздъ съ толпой народа, запрудившей дворъ. Здѣсь также молились, благоговѣйно обнаживъ головы и прислушиваясь къ долетавшимъ черезъ открытыя двери и окна звукамъ заупокойныхъ пѣснопѣній...

. . . .

Панихида окончена. Погашены свѣчи. Замолкло пѣніе... Нервы всѣхъ напряжены до крайности. Повсюду скорбно-сосредоточенныя лица, слезы, рыданія. Все забыто, всѣ чувства какъ бы остановились, замерли: одно было на сердцѣ—горе утраты, которое все заполонило... Наступили невѣроятно тягостныя минуты прощанія... Еще мгновеніе—и крышка гроба временно закрыла дорогія черты...

. . . .

Похороны Маріи Гавріиловны Савиной.

Выносъ тѣла изъ дома.

— Свѧтый Боже, свѧтый крѣпкій, свѧтый безсмертный, помилуй насъ,—заунывно-протяжно запѣли пѣвчіе и мѣрнымъ шагомъ потянулись къ выходу.

Ко гробу подошли старѣйшіе артисты Александринскаго театра, во главѣ съ В. Н. Давыдовымъ, А. И. Южинъ, дѣятели Театральнаго Общества—А. А. Желябужскій, П. И. Пѣвинъ и И. П. Менделѣевъ, бывшій предсѣдатель Совѣта и почетный членъ Театральнаго Общества—В. С. Кривенко, начальникъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора—генералъ-лейтенантъ А. А. Мосоловъ, Н. Н. Соболевъ, Е. Н. и Б. И. Буссенъ, В. В. Лебедевъ, А. Е. Молчановъ, его друзья—В. П. Лаппа-Старженецкій, А. А. Левенсонъ и К. В. Таргони; они подняли гробъ и медленно, въ предшествіи священнослужителей, понесли его на рукахъ, съ трудомъ прокладывая путь среди сплошной народной массы.

Лишь только печальное шествіе показывается на улицѣ—вся ожидавшая здѣсь многотысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажаетъ головы и, съ благоговѣніемъ творя крестное знаменіе, произноситъ про-себя:

— Царство Небесное!

Это напутствіе народа Савиной мощнымъ гуломъ проносится по безбрежному морю людей, собравшихся тутъ, чтобы отдать послѣдній долгъ своей національной красѣ и гордости.

Гробъ устанавливаютъ на печальную колесницу; она совершенно открытая, безъ балдахина, запряженная шестью лошадьми, въ скромныхъ траурныхъ попонахъ. Золотой покровъ прикрываетъ гробъ до половины, свѣшиваясь массивными складками съ колесницы. На крышкѣ гроба возложены: крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Өеодоровны и вѣнки отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. По сторонамъ гроба помѣщены вѣнки отъ товарищей-артистовъ Александринскаго театра, отъ Театральнаго Общества и его благотворительныхъ учрежденій, отъ раненыхъ солдатъ и Лазарета артистовъ Императорскихъ театровъ, отъ Школы Сценическаго Искусства и другихъ организацій, въ которыхъ почившая принимала наиболѣе активное участіе.

Остальные вѣнки и прочія цвѣточныя приношенія были заблаговременно вынесены изъ дома и размѣщены на пяти спеціальныхъ горкахъ-колесницахъ.

Для поддержанія порядка была немедленно образована цѣпь изъ молодыхъ артистовъ, учениковъ различныхъ театральныхъ школъ и учащейся молодежи вообще; эта живая цѣпь охраняла печальное

шествіе въ теченіе всего долгаго пути, вплоть до самаго Убѣжища, на Петровскомъ островѣ.

У печальной колесницы служится краткая литія. Пѣвучій, бархатный басъ протодіакона П. А. Симо возглашаетъ «Вѣчную память» — и звуки этого скорбно-торжественнаго пѣснопѣнія, подхваченные не только хоромъ пѣвчихъ, но, кажется, и тысячами другихъ голосовъ, мощно оглашаютъ воздухъ.

На Улицѣ Литераторовъ.

Шествіе трогается съ мѣста и начинаетъ медленно продвигаться по направленію къ Каменноостровскому проспекту. Во главѣ процессіи идутъ пѣвчіе и духовенство: отъ дома до Большого проспекта предшествовали всѣ священнослужители, отправлявшіе послѣднюю панихиду, а далѣе до Александринскаго театра — протоіерей В. Ф. Пигулевскій, протодіаконъ П. А. Симо и діаконъ М. А. Смирновъ.

За гробомъ двинулась вся находившаяся здѣсь многотысячная толпа народа. Можно съ увѣренностью сказать, что на похоронахъ Маріи Гавріиловны Савиной былъ буквально весь театрально-артистическій міръ Петрограда и что почти въ такой же степени были представлены тутъ и литература, и живопись, и музыка. Здѣсь было все, что есть маломальски культурнаго въ столицѣ. Недаромъ многіе говорили, что смерть Савиной поглотила у всѣхъ цѣликомъ всякіе другіе интересы: то, что еще наканунѣ занимало, волновало, сразу было забыто—и даже переживаемая война и разныя общественныя теченія отошли на задній планъ и уступили мѣсто впечатлѣнію ужаса отъ невознаградимой потери.

Отмѣтимъ кстати, что на выносѣ тѣла Маріи Гавріиловны Савиной присутствовалъ въ толпѣ, на улицѣ, и знаменитый художникъ К. Е. Маковскій; онъ выглядѣлъ здоровымъ, бодрымъ, а черезъ нѣсколько дней послѣ того—его уже не было въ живыхъ: смерть, какъ извѣстно, постигла его при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ.

Необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу внѣшняго облика печальнаго шествія. Марія Гавріиловна, вообще, необыкновенно скромная въ своихъ личныхъ потребностяхъ, была большой противницей всего вычурнаго, блестящаго, крикливаго. Ей, между прочимъ, былъ очень не по-душѣ тотъ видъ погребальныхъ процессій и «траурныхъ парадовъ», который сдѣлался обычнымъ за послѣднее время: не нравились ей эти тяжелые, аляповатые, блестящіе балдахины, вычурные, пестрые плюмажи на головахъ у лошадей, крикливыя по своей яркости ливреи траурной прислуги и тому подобное. Само собою разумѣется, что все это было здѣсь тщательно принято во вниманіе и обличью похоронъ былъ приданъ скромный строго-гармоничный характеръ.

Печальное шествіе вступаетъ на Каменноостровскій проспектъ и направляется къ Троицкому мосту, растянувшись на цѣлый длинный рядъ кварталовъ, чуть ли не на версту. Къ нему присоединяются все новыя и новыя группы людей.

Трамвайное движеніе останавливается, за невозможностью пройти черезъ густую толпу.

По пути слѣдованія народъ стоитъ шпалерами по обѣ стороны; особенно его много на перекресткахъ главныхъ улицъ—на углу Каменноостровскаго и Большого проспектовъ, Большой Ружейной улицы и такъ далѣе. Всѣ балконы, окна и даже кое-гдѣ крыши низкихъ зданій усѣяны народомъ.

Знаменательно, что тутъ совсѣмъ не чувствовалось праздной толпы—это все были участники въ горестномъ событіи, охваченные скорбно-благоговѣйнымъ настроеніемъ: кто, снявъ шапку, крестился, кто стоялъ сосредоточенный, понуря голову, у кого виднѣлись слезы на глазахъ...

Безпрестанно къ подножью печальной колесницы бросаютъ живые цвѣты; многіе, по проходѣ процессіи, собирали ихъ на память...

На Каменноостровскомъ проспектѣ.

Первой цѣлью печальнаго шествія былъ Александринскій театръ. «Сцена—моя жизнь» взяла себѣ девизомъ Марія Гавріиловна Савина. И вотъ она совершала свой послѣдній путь отъ дома до сцены,—путь такой привычный, милый, родной ея сердцу. Сопровождали ее несмѣтныя толпы народа. Образовался совсѣмъ особый, если можно такъ выразиться, въ нѣкоторомъ родѣ «крестный ходъ»,—крестный потому, что каждый несъ здѣсь крестъ своей скорби по утратѣ дорогого всѣмъ великаго человѣка. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это было и тріумфаль-

нымъ шествіемъ великой актрисы, вѣдь въ громадномъ большинствѣ все это была публика,—публика Савиной, та самая, которая всю жизнь носила ее на рукахъ своего обожанія. У каждаго театра, у каждаго выдающагося актера или актрисы есть своя публика. Но у Савиной публика—вся Россія.

Оставивъ позади себя Каменноостровскій проспектъ, печальная процессія шествуетъ по Троицкой площади и вступаетъ на Троицкій мостъ.

Невольно хочется тутъ вспомнить, какъ почившая Марія Гавріиловна любила часто заѣзжать въ Петропавловскую крѣпость поклониться гробницѣ Императора Александра III; очень нравилась ей также и церковная служба въ мѣстномъ соборѣ.

Вотъ и Нева—красавица Нева. Всю свою жизнь Марія Гавріиловна не могла на нее налюбоваться. Съ какой художественной яркостью и красочностью передавала она свои впечатлѣнія отъ того или иного «убора» [1], въ которомъ только что предстала передъ нею Нева; какъ чутко живописала она словомъ подмѣченныя ею новыя красоты пейзажа въ зависимости отъ разнообразныхъ эфектовъ освѣщенія. Марія Гавріиловна очень любила и чувствовала природу. Сегодня Нева, озаренная яркими лучами солнца, была во всей своей красѣ, какъ бы желая на прощаніе утѣшить ту, которая такъ ею восхищалась...

Суворовская площадь, Марсово поле со стороны Лебяжьей канавки, Садовая улица, поворотъ сначала на Итальянскую, затѣмъ на Екатерининскую улицу и, наконецъ, Невскій проспектъ — вотъ путь дальнѣйшаго слѣдованія печальнаго шествія.

И всюду народъ съ утра ждетъ Савину. Весь Петроградъ высыпалъ на улицы, словно по уговору, выстраивался шпалерами, гдѣ должна была пройти процессія, и терпѣливо дежурилъ, чтобы отдать послѣдній долгъ великой артисткѣ. Тамъ, дома, у гроба, было почетное дежурство товарищей-актеровъ, а здѣсь, на улицѣ, было почетное дежурство публики—народа.

Особенно выразительна, особенно торжественна и вмѣстѣ особенно трогательна въ своей непосредственной простотѣ была встрѣча народомъ гроба Савиной на Невскомъ, этомъ самомъ яркомъ выразителѣ жизни Петрограда, и на площади Александринскаго театра, главнаго поприща славы почившей артистки.

---

[1]) Обычное въ данномъ случаѣ выраженіе Маріи Гавріиловны Савиной.

Почти съ полудня народъ началъ собираться здѣсь—и къ 3-мъ часамъ тысячная толпа густо запрудила весь проѣздъ отъ Невскаго къ Александринскому театру со стороны Аничкова дворца, остановивъ совершенно экипажное движеніе.

Екатерининскій скверъ былъ полонъ; платили, говорятъ, большія деньги сторожамъ за право стоять на скамейкахъ, придвинутыхъ къ рѣшеткѣ сада, чтобы увидать ранѣе другихъ печальную колесницу, какъ только она покажется. Тутъ же, въ скверѣ, пріютилось довольно много раненыхъ солдатъ съ сестрами милосердія.

Бросалось въ глаза необыкновенное разнообразіе пришедшаго сюда люда; всѣ перемѣшались,—и простыя бабы, и генералы, и рабочіе, и нарядныя дамы, и мужики, и офицеры, и студенты, и такъ далѣе, и такъ далѣе,—но всѣ были духовно объединены. Въ ожиданіи, даже незнакомые вступали другъ съ другомъ въ разговоръ, обмѣнивались впечатлѣніями переживаемаго событія, передавали различные слухи о жизни покойной, дѣлились воспоминаніями объ ея сценическихъ созданіяхъ, разсказывали отдѣльные эпизоды изъ ея добрыхъ дѣлъ и тому подобное... «Господи! Народу-то сколько!» — восклицаетъ кто-то въ толпѣ. — «А что бы это было, если бы не было войны!»—отвѣчаютъ ему. — «Да, Марія Гавріиловна — одна, и другой такой нѣтъ! Сто лѣтъ пройдетъ еще—и не будетъ!» — раздается въ другомъ концѣ, и въ отвѣтъ слышатся глубокіе вздохи и сердечныя пожеланія: «Царство ей Небесное!»..

Путь съ Карповки до Александринскаго театра — не малый. Шагъ за шагомъ подвигается печальная процессія. Сопровождающая ее несмѣтная толпа не убываетъ, а скорѣе увеличивается. Всѣ идутъ, молча, сосредоточенные, съ глубокимъ сердечнымъ сознаніемъ, что они провожаютъ Савину въ ея послѣднемъ шествіи..

. . . .

Невскій заволновался. Взоры ожидавшаго здѣсь люда устремились въ сторону Екатерининской улицы. Головы обнажились. Все стихло, замерло... Это были минуты страшно скорбнаго, болѣзненно скорбнаго напряженія...

Показалась печальная колесница. Народная масса Невскаго увидала, собственными глазами увидала то, о чемъ до сихъ поръ только слышала и отказывалась вѣрить... Савина—въ гробу!.. У многихъ показались слезы: какъ-будто они только сейчасъ поняли и оцѣнили всю бездну горя...

И вотъ на Невскій, полный народа, хлынулъ еще новый людской потокъ и запрудилъ все движеніе.

Печальное шествіе пересѣкло Невскій проспектъ и направилось среди почти сплошной мощи толпы къ Александринскому театру.

Охранявшая колесницу живая цѣпь выбивалась изъ силъ, чтобы задержать напоръ людской массы.

Медленно продвигался надъ этимъ необъятнымъ моремъ головъ дубовый гробъ, который привѣтливо озарялся лучами заходящаго солнца, ярко отражаемыми золотомъ покрова. И эта величавая медленность движенія еще болѣе усугубляла всеобщее настроеніе...

На Невскомъ проспектѣ.

Это были изумительныя, единственныя, кажется, въ своемъ родѣ похороны: характерныя своимъ крупнѣйшимъ общественнымъ значеніемъ, онѣ не носили на себѣ — что самое дорогое — и слѣда какого-либо протеста, чего-либо демонстративнаго. Здѣсь чувствовалось одно: любовь и преклоненіе предъ великой артисткой, уваженіе и благодарность предъ человѣкомъ большой души и глубокая скорбь о незамѣнимой и невознаградимой утратѣ.

Печальная колесница приближается и останавливается у Александринскаго театра, съ лѣвой его стороны, передъ задрапирован-

У Александринскаго театра.

нымъ трауромъ окномъ во второмъ этажѣ, между колоннами портика. Это—окно уборной великой артистки. Это и есть то святаясвятыхъ перевоплощенія Савиной въ тѣ образы, которые въ исторіи театра свѣтятся самыми яркими страницами. Сюда входила она—Савина, а выходила отсюда на сцену воплощеніемъ замысла писателя. Здѣсь она горѣла и сгорала, здѣсь волновалась и трепетала — безъ чего немыслимо никакое творчество.

Глубокое значеніе имѣла литія именно здѣсь, подъ окномъ уборной... И народъ прочувствовалъ это и оцѣнилъ все величіе и всю величавую жуткость этого момента. Царила торжественная тишина, только тамъ и тутъ слышались всхлипыванія...

. . . .

— ...**и҆ сотвори̑ є҆́й вѣ́чнꙋю па́мѧть**, — могуче прозвучало на площади Александринскаго театра.

И этотъ возгласъ здѣсь получалъ невольно совсѣмъ особый смыслъ...

Литію служили: протоіереи В. Ф. Пигулевскій и А. Ѳ. Димитріевъ, протодіаконъ П. А. Симо и діаконы М. А. Смирновъ и Ѳ. П. Поляковъ.

Встрѣчали процессію у театра представители Дирекціи и служащіе Конторы Императорскихъ Петроградскихъ театровъ. Тутъ же

У Александринскаго театра.

были выстроены ученицы и ученики Императорскихъ Драматическихъ Курсовъ и воспитанницы и воспитанники Императорскаго Театральнаго Училища, во главѣ съ ихъ администраціей.

Пѣвчіе запѣли вновь **Трисвятое**, и печальное шествіе тронулось въ дальнѣйшій путь, къ конечной цѣли — на Петровскій островъ, въ Убѣжище.

Мы уже вспоминали, что Марія Гавріиловна Савина ставила своимъ девизомъ: «Сцена—моя жизнь». Но она не договаривала, по свойственной ей скромности, что самоотверженно служить ближнему и творить добро было также сущностью ея жизни. Она горѣла, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ: съ одной стороны—театръ, съ другой—раненые Лазарета, облегченіе нуждъ нашихъ «чудо-богатырей» [1]), больные товарищи-артисты, дѣти-сироты Пріюта и Пансіона, старики Убѣжища и такъ далѣе. И вотъ отъ колыбели славы Савиной-артистки прахъ ея понесли къ колыбели Савиной-великой христіанки—въ созданное ею Убѣжище.

---

[1]) Марія Гавріиловна Савина очень любила такъ называть наше сражающееся на позиціяхъ доблестное воинство.

Обогнувъ зданіе Александринскаго театра и миновавъ Публичную Библіотеку, печальная процессія вышла вновь на Невскій проспектъ, гдѣ взяла направленіе въ сторону Адмиралтейства. Многотысячная толпа широкой волной слѣдовала за гробомъ.

Густыя шпалеры народа и тутъ стояли по всему пути Кипучая жизнь Невскаго остановилась и сосредоточилась на отданіи послѣдняго долга великой артисткѣ. Всенародное участіе проявлялось здѣсь особенно рельефно, и печальное шествіе выглядѣло еще болѣе грандіознымъ и скорбно-торжественнымъ...

Передъ Казанскимъ соборомъ, у котораго также стояла большая толпа, процессія остановилась, и сопровождавшій ее въ этой части пути (отъ Александринскаго театра до Васильевскаго острова) протоіерей А. Ѳ. Димитріевъ отслужилъ литію, вмѣстѣ съ протодіакономъ П. А. Симо и діакономъ Ѳ. П. Поляковымъ... Всѣ великіе моменты въ жизни С.-Петербурга и Петрограда непремѣнно видѣлъ Казанскій соборъ. Вотъ пришлось ему видѣть и послѣднее шествіе Савиной...

Въ концѣ Невскаго печальная процессія повернула на Адмиралтейскій проспектъ къ Исаакіевскому собору, гдѣ также была отправлена литія, тѣми же священнослужителями. Отсюда, мимо Александровскаго сада, шествіе прослѣдовало по Сенатскому проспекту, черезъ Дворцовый мостъ, на Васильевскій островъ, къ Первому Кадетскому Корпусу. Здѣсь гробъ Маріи Гавріиловны Савиной былъ встрѣченъ причтомъ церкви Корпуса — іереемъ А. М. Покровскимъ и діакономъ К. М. Томилинымъ, отслужившими литію.

Затѣмъ, шествіе направилось по Кадетской линіи къ Тучкову мосту. По пути слѣдованія, передъ церковью святой великомученицы Екатерины была совершена еще одна литія—протоіереемъ І. І. Альбинскимъ и діакономъ В. Г. Исаковымъ, предшествовавшими процессію въ этомъ районѣ... И повсюду стоялъ народъ, благоговѣйно крестился и напутствовалъ: «Царство Небесное!»...

Далѣе, черезъ Ждановскій мостъ, шествіе вступило на Петровскій островъ и по Петровскому парку достигло Петровскаго проспекта, который и велъ къ зданію Убѣжища. На углу Ольховой улицы процессію ожидалъ причтъ Спасо-Преображенской (Колтовской) церкви—іерей М. В. Галкинъ и діаконъ К. Н. Флеровъ, пожелавшіе воздать послѣдній долгъ великой усопшей служеніемъ литіи; они проводили затѣмъ гробъ до самой церкви Убѣжища.

Великъ былъ путь слѣдованія тѣла Маріи Гавріиловны Савиной,— отъ дома, на Карповкѣ, до Александринскаго театра и оттуда на Петровскій островъ, въ Убѣжище,—но этотъ путь, при жизни, она совершала такъ часто и такъ любовно... И вотъ теперь многіе, очень

Похороны Маріи Гавріиловны Савиной.

Печальное шествіе направляется отъ Александринскаго театра и вступаетъ на Невскій проспектъ.

многіе также любовно и незамѣтно для себя совершили этотъ же путь, идя за ея гробомъ, углубленные въ свою всепоглотившую скорбь...

. . . .

Время уже подходило къ 6-ти часамъ вечера, когда показалось приближавшееся къ своей конечной цѣли печальное шествіе. Приходилось продвигаться очень медленно, изъ-за массы народа, заполнившаго не только площадь передъ участкомъ Театральнаго Общества, по берегу Малой Невки, у Большого Петровскаго моста, но и нѣкоторое пространство Петровскаго проспекта.

У зданія Убѣжища, совершенно подавленные, съ глазами, полными слезъ, ожидали свою «печальницу», свою «радѣтельницу», свою «мать родную»[1]—Марію Гавріиловну—старухи и старики пансіонеры Убѣжища; тутъ же рядомъ ожидали свою «тетю Марусю»[2] и дѣти Пріюта и Пансіона.

Когда печальная колесница остановилась передъ главнымъ подъѣздомъ Убѣжища, навстрѣчу вышли: настоятель Казанскаго собора — митрофорный протоіерей Ф. Н. Орнатскій, протоіереи А. Ѳ. Димитріевъ и В. Ф. Пигулевскій, протодіаконъ П. А. Симо и діаконы М. А. Смирновъ и Ѳ. П. Поляковъ; къ нимъ присоединились сопровождавшіе шествіе: протоіерей І. І. Альбинскій, іерей М. В. Галкинъ и діаконы В. Г. Исаковъ и К. Н. Флеровъ. Всѣ эти священнослужители соборне совершили здѣсь послѣднюю литію. Затѣмъ, гробъ былъ поднятъ съ колесницы, на рукахъ товарищей-артистовъ внесенъ въ ярко освѣщенную церковь и установленъ на приготовленномъ посрединѣ храма «кречелѣ»...

Вотъ Марія Гавріиловна Савина вновь въ своей церкви, которую она такъ любила, такъ украшала, въ которой она такъ любила молиться и, отрѣшаясь отъ всего мірского, находить облегченіе для души. Вѣдь и основана эта церковь по ея мысли, и сооружена при ближайшемъ ея участіи—и сердцемъ, и посильными матеріальными средствами[3]. Въ этомъ именно храмѣ, въ который Марія Гавріиловна Савина вложила столько своей души, и будетъ погребено ея тѣло...

---

[1] Эти, такъ сказать, «прилагательныя» пансіонеры Убѣжища обычно присоединяли къ имени Маріи Гавріиловны Савиной, желая охарактеризовать ея отношеніе къ нимъ.

[2] Такъ всегда называли Марію Гавріиловну Савину дѣти Пріюта.

[3] Церковь Убѣжища сооружена на спеціальныя пожертвованія: Е. І. Молчановой, Л. Е. Рудановской-Молчановой, М. Г. Савиной-Молчановой и А. Е. Молчанова.

Снимаютъ крышку гроба: Марія Гавріиловна и сегодня покоится, какъ живая,—тлѣніе еще не коснулось ея. Гробъ прямо утопаетъ въ цвѣтахъ, расположенныхъ вокругъ цѣлыми массами вѣнковъ и цвѣточныхъ приношеній. Поверхъ покрова возлежатъ: бѣлый крестъ отъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Өеодоровны и вѣнки отъ Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны и Великой Княгини Маріи Павловны. Обиліе вѣнковъ вынуждаетъ размѣстить бо́льшую часть ихъ въ смежныхъ помѣщеніяхъ Убѣжища.

Церковь и ея притворъ переполнены молящимися. Но, конечно, здѣсь не могла вмѣститься и десятая доля той толпы народа, которая стояла на площади. Многіе рѣшили ждать окончанія церковной службы, чтобы проститься съ дорогой усопшей: было объявлено, что допускъ въ церковь небольшими очередями будетъ открытъ всю ночь.

Незадолго до начала парастаса прибыли протоіерей Казанскаго собора В. И. Маренинъ и діаконъ В. А. Арденговъ, которые также должны были принять участіе въ богослуженіи.

Марія Гавріиловна очень уважала и была душевно расположена къ отцу Василію Маренину, хотя и не была съ нимъ близко знакома. Ея встрѣчи съ нимъ были при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ знаменательные дни своей жизни Марія Гавріиловна любила подымать къ себѣ въ домъ глубокочтимую ею чудотворную икону Казанской Божіей Матери. Такъ это было въ 25-лѣтіе ея артистической дѣятельности на Александринской сценѣ (9-го апрѣля 1899 г.), такъ—и въ 40-лѣтіе (9-го апрѣля 1914 г.). Въ обоихъ этихъ случаяхъ сопровождалъ икону протоіерей В. И. Маренинъ [1]). Его благолѣпное служеніе и прочувствованныя привѣтствія, въ которыхъ онъ съ проникновенной яркостью охарактеризовалъ высокое призваніе театра вообще и великое значеніе сценической дѣятельности юбилярши въ частности, запечатлѣлись глубоко на всю жизнь въ сердцѣ Маріи Гавріиловны, и она съ большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ часто объ этомъ вспоминала.

. . . .

Электричество потухло—и во святомъ храмѣ остались однѣ восковыя свѣчи и лампады; послѣднее, что напоминало суетный міръ, исчезло. Отъ малаго освѣщенія храмъ еще больше сталъ храмомъ:

[1]) Свою первую встрѣчу съ протоіереемъ В. И. Маренинымъ Марія Гавріиловна Савина отмѣтила въ своихъ «Запискахъ»—см. «Русское сценическое искусство за границей. Артистическая поѣздка М. Г. Савиной съ труппой въ Берлинъ и Прагу». Спб. 1909. Ч. I, стр. 115—116.

въ немъ остался свой собственный уставный огонь, полный божественной таинственности,—огонь воска и елея, знаменующихъ миръ и любовь...

Въ ожиданіи парастаса все притихло... Въ эти минуты всѣ вошедшіе во святый храмъ невольно овѣяны были «вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ»... И у бездыханнаго тѣла Маріи Гавріиловны меньше всего думалось о смерти, а если и мыслилось, то о вѣчной жизни, о вѣчной свободѣ и вѣчной любви... Ожиданіе необычнаго заупокойнаго всенощного бдѣнія, столь рѣдко совершаемаго въ наше слишкомъ суетное время, давало настроеніе тихой торжественности...

Ровно въ 6 съ половиной часовъ вечера раздался первый ударъ колокола. Въ храмѣ стало еще тише—и въ этомъ благоговѣйномъ молчаніи мѣрно и рѣдко выдѣлялся печальный переборъ заупокойнаго благовѣста...

Еще нѣсколько минутъ трепетнаго ожиданія—и раздался мягкій задушевный басъ протодіакона:

— **Востáните, гдⷭ҇и бл҃гослови́...**

. . . .

Трогательно звучатъ обиходныя пѣснопѣнія, и ихъ духовному настроенію созвучно отвѣчаютъ пѣснопѣнія партесныя, сложенныя Архангельскимъ.

Обычнымъ порядкомъ совершается великая вечерня. Спѣты **Свѣ́те ти́хїй** и **Нн҃ѣ ѿпꙋща́еши** (и то, и другое—Архангельскаго). Начинается утреня. Прочитаны шестопсалміе и рядовыя каѳизмы (читалъ В. В. Сладкопѣвцевъ) [1]).

Наступаетъ торжественная минута «послѣдованія» парастаса—пѣніе «Непорочны». Медленно открылись царскія врата—и съ плавной торжественностью, въ бѣлыхъ серебряныхъ облаченіяхъ, направилось на середину храма многочисленное духовенство: митрофорный протоіерей Ф. Н. Орнатскій, протоіереи В. И. Маренинъ, А. Ѳ. Димитріевъ, В. Ф. Пигулевскій, І. І. Альбинскій, іерей М. В. Галкинъ, протодіаконъ П. А. Симо, діаконы В. А. Арденговъ, В. Г. Исаковъ, К. Н. Флеровъ, М. А. Смирновъ, Ѳ. П. Поляковъ и М. Ѳ. Антоновъ. Зажигаются свѣчи. Отъ одного къ другому переходятъ живые, дрожащіе огоньки желтыхъ восковыхъ свѣчей. Колеблющіяся тѣни заполнили весь храмъ. Вспыхнули разноцвѣтные отблески и на золотѣ иконъ, и на серебрѣ

---

1) В. В. Сладкопѣвцевъ, извѣстный разсказчикъ, писатель и актеръ, былъ очень многимъ обязанъ Маріи Гавріиловнѣ Савиной и, въ свою очередь, является однимъ изъ наиболѣе самоотверженно преданныхъ ей людей.

парчи, и на драгоцѣнныхъ камняхъ митры. И въ эту торжественную осіянность полились трогательныя слова 17-й каѳизмы:

— **Блажени непорочніи въ путь, ходящіи въ законѣ Господни...**

Стихъ за стихомъ, какъ цѣлительный бальзамъ, льются они въ смущенныя таинствомъ смерти человѣческія сердца. И несмолкающимъ сопровожденіемъ вторитъ имъ тихое непрестанное **Благословенъ еси Господи** стройнаго мѣстнаго хора...

Прочитаны «Непорочны» и спѣты тропари по нимъ. Начинается пѣніе канона. Замолкли послѣднія слова первой пѣсни и съ суровой торжественностью грянулъ хоръ священнослужителей:

— **Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ.**

И сразу повѣяло далекой стариной, пустынью, столповымъ пѣніемъ, монашескими клобуками, отрѣшеніемъ отъ міра...

— **Врата смерти и вереи твоею смертію сокрушилъ еси, безсмертне,**—началъ чтеніе канона митрофорный протоіерей Ф. Н. Орнатскій,—**врата отверзи, владыко, плаче ума безсмертія усопшымъ, молитвами страстотерпецъ твоихъ.**

— **Упокой, Господи, душу усопшія рабы твоея,**—гулко отвѣтилъ сонмъ іереевъ и діаконовъ.

И поплыли въ темную высь храма, чередуясь со славословіемъ Святой Троицы, торжественные припѣвы заупокойнаго канона.

Въ очередь читаютъ священники канонъ: **Вѣрою усопшымъ первую пѣснь приношаю**—и чѣмъ ближе къ шестой пѣснѣ, тѣмъ проникновеннѣе звучатъ ихъ голоса, тѣмъ дѣйственнѣе гремитъ: **Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ**—и все трогательнѣе отвѣчаетъ на зовъ Стараго Завѣта откликъ Завѣта Новаго: **Упокой, Господи, душу усопшія рабы твоея.**

Прочитана шестая пѣсня, возглашена малая ектенія...

— **Со святыми упокой,**—начинаетъ хоръ священнослужителей...

Всѣ опускаются на колѣни. Наступаетъ непередаваемое по силѣ религіознаго чувства мгновеніе. Все забыто, все ушло въ туманъ этой жизни и осталось только одно—молитва за ту, которая уже предстояла Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ, отдавая отчетъ и въ своей любви, и въ своихъ прегрѣшеніяхъ. И каждый, стоявшій на колѣняхъ, чувствовалъ, что онъ одно со всѣми и что близокъ въ вѣчности часъ встрѣчи съ отошедшей рабой Божіей Маріей, потому что она ушла туда, **аможе вси человѣцы пойдемъ, надгробное рыданіе творяще пѣснь, аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа.**

Словно вся жизнь ушедшей прошла отъ начала до конца передъ духовными очами молящихся, но прошла въ новомъ свѣтѣ—преображенной, не похожей на земную. Таинство соборной молитвы совершилось: сотворилось чудо осязаемаго вѣдѣнія того міра въ этомъ мірѣ, чудо осознанія невещественнаго въ вещественномъ, чудо утвержденія жизни въ таинствѣ смерти. Господь Милующій воспринимался

душою и сердцемъ, не какъ Богъ мертвыхъ, но какъ Богъ живыхъ—и къ подножію престола предвѣчной славы Его неслось благоуханіе молитвы, какъ любвеобильная жертва живущихъ за душу живу. Въ эти мгновенія изліяній проснувшихся сердецъ новая насельница міра горняго пожинала то, что посѣяла. Въявѣ сбывалась притча о зернѣ горчичномъ, разросшемся въ густое дерево, въ которомъ птицы небесныя находили пріютъ, покровъ и защиту. Въявѣ оправдывались слова: «Какою мѣрою мѣрите — возмѣрится и вамъ»... Въ глубинѣ сердца человѣческаго невольно повторялось изреченіе Сердца Божественнаго: «Вы друзи Мои есте, аще творите, елико заповѣдахъ вамъ»...

. . . .

Три послѣдующія пѣсни завершаютъ канонъ. Духовенство уходитъ въ алтарь. Свѣчи гасятся. Величавость службы уступаетъ мѣсто тихости и умиротворяющему успокоенію... Еще нѣсколько печальныхъ пѣснопѣній, ектеній, возгласовъ, скорбныхъ псалмовъ—и парастасъ оконченъ.

Несмотря на то, что время близится къ 10-ти часамъ вечера, собравшіеся не расходятся—и тихо, благоговѣйно дѣлятся впечатлѣніями пережитого. Высокій духовный подъемъ необычнаго для мірянъ богослуженія еще чувствуется. Долгая служба никого не утомила, а какъ-то объединила всѣхъ, такихъ разныхъ, сошедшихся отовсюду, казалось бы, совершенно чужихъ другъ другу людей...

Во время парастаса почетными стражами у гроба были: А. В. Васильева, М. А. Ведринская, М. Д. Прохорова, К. Н. Берляндъ, И. В. Лерскій и Е. П. Студенцовъ. Ихъ смѣнили въ 11 часовъ вечера и дежурили до 3-хъ часовъ ночи: Н. М. Желѣзнова, Н. Г. Коваленская, А. А. Лачинова, Н. В. Ростова, Л. А. Чарская, И. В. Лерскій и А. А. Усачевъ. Остальную часть ночи до 7-ми часовъ утра обязанность эту выполняли: Н. С. Рашевская, Н. А. Шостаченко, И. В. Лерскій, В. Э. Мейерхольдъ и Н. В. Петровъ.

Помимо указанныхъ лицъ, выразили желаніе нести все время дежурство у гроба въ церкви также и престарѣлые пансіонерки и пансіонеры Убѣжища.

Заупокойное чтеніе у гроба псалтири и акаѳистовъ въ продолженіе всей этой послѣдней ночи и слѣдующаго утра взяли на себя посмѣнно: М. А. Ведринская, Н. А. Шостаченко, Е. Н. Хитрово и В. В. Сладкопѣвцевъ.

Многіе товарищи-артисты, друзья и родные оставались всю ночь въ Убѣжищѣ, пребывая большую часть времени въ церкви, близъ праха дорогой покойницы.

Воспоминанія о Маріи Гавріиловнѣ встаютъ здѣсь съ необыкновенной живостью. Вотъ такъ и кажется, что она сейчасъ, по обы-

кновенію, какъ-то застѣнчиво прячась въ себя, пройдетъ торопливо по церкви отъ иконы къ иконѣ, чтобы поставить свѣчки. Она это никому не поручала, а всегда дѣлала непремѣнно сама... Вотъ и обычное мѣсто Маріи Гавріиловны здѣсь—у праваго клироса: ея кресло, ея коврикъ. Тутъ же возлежитъ на аналоѣ принесенная ею въ даръ икона преподобнаго Серафима Саровскаго... А съ какой любовью принимала участіе Марія Гавріиловна въ работѣ того чуднаго вышитаго ковра, который устилаетъ путь отъ престола черезъ царскія врата и спу-

Церковь Убѣжища И. Р. Т. О.

скается съ солеи до середины храма... теперь до изножья ея гроба!.. Не перечесть всего, чѣмъ такъ сердечно-заботливо она убирала непрестанно свою церковь...

Раннимъ утромъ, 11-го числа, начали рыть могилу. Осеннее время не давало возможности приступить немедленно къ продолжительнымъ и сложнымъ работамъ по сооруженію склепа подъ церковью Убѣжища, гдѣ будетъ покоиться прахъ Маріи Гавріиловны Савиной. Въ виду этого было рѣшено ея бренные останки временно похоронить

въ саду, на полянѣ близъ стѣны алтаря, подъ тѣнистымъ шатромъ развѣсистой липы. Когда могила была готова, въ нее былъ опущенъ особый деревянный укладъ, убранный внутри зеленью, при чемъ крышка его сверху была обита въ нѣсколько рядовъ плотнымъ чернымъ сукномъ. Назначеніе этого уклада—охранять гробъ отъ непосредственнаго соприкосновенія съ землей и заглушать ея паденіе. Марія Гавріиловна, при жизни, часто высказывала, что на похоронахъ ее охватывало всегда невыразимо жуткое чувство въ послѣднія минуты, когда гробъ уже былъ въ могилѣ, и объ его крышку глухо ударялись падающіе комья земли, которая постепенно засыпала его и придавливала своей неумолимой тяжестью. Для устраненія всего этого и были сдѣланы указанныя приготовленія.

Въ 9-мъ часу утра, когда въ церкви было еще сравнительно мало народа, пришли проститься со своей «тетей Марусей» малютки-дѣти Пріюта. Невозможно было смотрѣть спокойно на эту трогательную картину; даже у крошекъ двухъ-трехъ лѣтъ блестѣли на глазкахъ безсознательныя слезинки; болѣе же старшія по возрасту со всею дѣтскою непосредственностью отдавались своему горю. Тутъ, у гроба Маріи Гавріиловны, эти чистыя дѣтскія души впервые отчетливо почувствовали свое сиротство... И невольно приходили на память слова Спасителя: «Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ»...

Что происходило наканунѣ утромъ на Карповкѣ, то почти съ полной точностью повторилось сегодня и здѣсь, на Петровскомъ островѣ. Уже въ концѣ 10-го часа утра не только часть Петровскаго проспекта и площадь передъ зданіемъ Убѣжища, но и его дворъ, и садъ были усѣяны народомъ. Равнымъ образомъ начали заблаговременно съѣзжаться и многочисленныя депутаціи и прочіе. Допускъ въ церковь, въ виду ея небольшихъ размѣровъ, былъ ограниченъ. Присутствовали: родные, близкіе друзья, товарищи-артисты, сотрудники почившей по всѣмъ разнообразнымъ отраслямъ ея дѣятельности, различныя депутаціи и всѣ, кто имѣлъ прямое отношеніе къ театру, литературѣ, искусствамъ и тому подобному. Скоро церковь и ея притворъ были переполнены, и много собравшихся стояло въ прилегающихъ коридорахъ. Парадный входъ въ Убѣжище охраняли артисты-распорядители и съ большимъ трудомъ сдерживали натискъ громадной толпы, жаждавшей войти въ церковь.

Необходимо отмѣтить тотъ поистинѣ изумительный порядокъ, который, несмотря на присутствіе несмѣтныхъ народныхъ массъ,

царилъ все время неуклонно, какъ наканунѣ, при выносѣ и печальномъ шествіи едва ли не черезъ весь Петроградъ, такъ и сегодня въ ожиданіи погребенія. И это все имѣло мѣсто почти при полномъ отсутствіи полиціи. Тутъ проявила необыкновенную дисциплину сама толпа, которая, очевидно, была проникнута глубокимъ сознаніемъ переживаемаго горестнаго событія. Большое значеніе тутъ имѣло также и замѣчательно умѣлое и энергичное распорядительство, руководимое представителями Комитета труппы Александринскаго театра—А. И. Долиновымъ, В. Э. Мейерхольдомъ и Н. В. Петровымъ.

Незадолго до начала заупокойной литургіи ко гробу Маріи Гавріиловны Савиной былъ принесенъ серебряный вѣнокъ отъ Петроградскаго Городского Общественнаго Самоуправленія. Возложилъ вѣнокъ членъ Городской Управы—П. И. Савинковъ, выразившій затѣмъ соболѣзнованіе А. Е. Молчанову.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна, по нездоровью, не имѣла возможности осуществить свое намѣреніе—лично присутствовать на погребеніи великой артистки; представителемъ Ея Высочества былъ въ должности шталмейстера А. С. фонъ-Эттеръ.

На богослуженіи, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, присутствовали также: помощникъ министра Императорскаго Двора—шталмейстеръ графъ М. Е. Child, директоръ Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскій, управляющій Конторою Императорскихъ Петроградскихъ театровъ—камергеръ баронъ В. А. Кусовъ, его помощникъ—Л. Д. Мецнеръ, петроградскій градоначальникъ—генералъ-маіоръ князь А. Н. Оболенскій, свиты Его Величества генералъ-маіоръ В. Ѳ. Джунковскій, члены Государственнаго Совѣта—сенаторъ А. Ѳ. Кони и М. А. Стаховичъ и другіе.

Дежурство у гроба, отъ 7-ми часовъ утра, несли: М. И. Данилова, Н. С. Можарова, М. Д. Прохорова, Н. В. Ростова, Е. Н. Рощина-Инсарова и А. А. Чижевская. Послѣдними почетными стражами у гроба во время отпѣванія были: заслуженные артисты—Н. С. Васильева, В. А. Мичурина, В. Н. Давыдовъ и А. И. Южинъ, въ качествѣ представителя Московскаго Малаго театра.

Заупокойную литургію и отпѣваніе совершали тѣ же священнослужители, которые наканунѣ отправляли парастасъ; къ нимъ присоединился сегодня еще іерей В. А. Димитріевъ.

Во всемъ была видна заботливая рука ктитора церкви Убѣжища—Б. П. Осипова.

Ровно въ 11 часовъ утра начинается богослуженіе. Часы читаютъ: М. А. Ведринская—третій часъ и В. В. Сладкопѣвцевъ—шестой. Совер-

шается проскомидія. Духовенство соборне творитъ въ алтарѣ, предъ святымъ престоломъ, молитвы, уготовляющія къ служенію...

Божественная литургія отправляется съ тѣмъ рѣдкимъ благолѣпіемъ, которое такъ ярко отличаетъ россійскую православную церковь. Этому значительно содѣйствуетъ прекрасное пѣніе хора храма Убѣжища, подъ управленіемъ регента А. Н. Игнатьева.

Сильное молитвенное настроеніе создаетъ **Сла́ва и Єдиноро́дный сн҃е** Старорусскаго. Но еще бо́льшей углубленностью отдается въ сердцахъ молящихся **Во цр҃ствіи твое́мъ**, творенія Панченко, по своей задушевной строгости и скитской отрѣшенности, такое нездѣшнее, такое полное древляго благочестія и истиннаго пониманія православія.

— **Со ст҃ы́ми ᲂу҆поко́й**, — тихо, тихо слышится съ хоръ партесное пѣснопѣніе, сложенное Архангельскимъ. Всѣ опускаются на колѣни. Раздаются подавленные вздохи, заглушенныя рыданія. Мѣрно звучитъ легкое бряцаніе кадила, курящаго ѳиміамъ...

Трис҃то́е Чайковскаго предваряетъ проникновенно уставное чтеніе апостола артистомъ Императорской оперы В. С. Шароновымъ, могучій рѣдкой красоты басъ котораго заполнилъ собою все.

Къ моменту совершенія великаго таинства духовное объединеніе молящихся достигаетъ своей вершины... Невольно чувствуется, что пропасть между этимъ и тѣмъ міромъ исчезла, и близость оставшихся къ ушедшей стала осязаема всѣмъ сердцемъ... Молитва заслонила все — всѣ внѣшнія впечатлѣнія...

Вдохновенной простотой, любовной покорностью и смиреніемъ повѣяло отъ «Отче нашъ» графа Шереметева. Въ полномъ соотвѣтствіи было тутъ ясное и чистое теноровое соло діакона Спасо-Колтовской церкви — С. А. Воробьева, сопровождаемое тихими гармоничными созвучіями хора.

За этой литургіей, кромѣ упомянутыхъ партесныхъ пѣснопѣній, были исполнены еще слѣдующія: **Гд҃и, сп҃си бл҃гоче́стивыѧ** — Чайковскаго, Сугубая ектенія — царская, Заупокойная ектенія — Архангельскаго, Херувимская № 5 (заупокойная) — Турчанинова, **Вѣ́рую** — Чайковскаго, **Мл҃ть мі́ра** — Чайковскаго, Задостойникъ на Рождество Пресвятыя Богородицы — Турчанинова, Запричастный: **Гд҃и, ᲂу҆слы́ши моли́тву мою́** — Архангельскаго, Отпустъ (**Бл҃гочести́вѣйшаго**) — Чеснокова.

Большинство этихъ произведеній исполнялись потому, что Марія Гавріиловна ихъ очень любила и находила углубляющими религіозныя переживанія молящихся; особенно ей были по-душѣ творенія Чайковскаго, Архангельскаго, Чеснокова и Панченко.

Заупокойная литургія совершена.

— **Гд҃и сохрани́**, — необычно начинаетъ хоръ «Многолѣтствованіе» (Отпустъ) Чеснокова. Словно слѣпцы у Кіево-Печерской лавры под-

хватываютъ на особый распѣвъ духовныхъ народныхъ стиховъ низкіе голоса: **Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго, великаго гдря нашего...** а имъ въ отвѣтъ другіе болѣе высокіе голоса вторятъ: **Супругу его, благочестивѣйшую гдрню...** — и послѣ каждаго поминовенія раздается: **Сохрани ихъ.** Въ заключеніе, общій хоръ всѣхъ голосовъ могуче гремитъ: **Гдн сохрани ихъ на многая лѣта.**

...Проносится минута болѣзненно-томительной тишины...

. . . .

Изъ алтаря торжественно выходитъ весь сонмъ духовенства и направляется на середину храма, ко гробу, для совершенія чина отпѣванія.

На амвонъ вступаетъ духовникъ почившей—протоіерей В. Ф. Пигулевскій и обращается къ молящимся со слѣдующимъ «словомъ»:

Что мнѣ сказать и о чемъ говорить?

Теперь время слезъ, а не словъ, рыданій, а не рѣчей, молитвы, а не проповѣди: такъ велико горе, такъ неизлечима рана, такъ велика потеря. Наша великая, талантливая артистка-художница, мудрая и щедрая попечительница этого Убѣжища Марія Гавріиловна—въ гробу! Она пришла въ послѣдній разъ въ свой любимый храмъ, но уже не сама, а на рукахъ родичей, друзей и сослуживцевъ, чтобы получить благословеніе святой церкви въ новую, вѣчную жизнь и предстать предъ судомъ Праведнаго Судіи — Бога. Да сопутствуютъ ей святые ангелы, преподобный Серафимъ, чудотворецъ Саровскій, святитель Николай,—свидѣтели и соучастники ея усердной и глубоковѣрующей молитвы въ этомъ храмѣ!..

Какъ великая, талантливая артистка, самородокъ чистаго золота, Марія Гавріиловна извѣстна каждому интеллигентному русскому человѣку. Тысячи устъ повторятъ вмѣстѣ со мной, что Марія Гавріиловна была истинной артисткой добраго стараго времени, высоко смотрѣвшая на сценическое искусство: служеніе сценѣ въ ея глазахъ было долгомъ, священной обязанностью, а званіе актера и актрисы—почетнымъ званіемъ въ обществѣ. Если согласиться съ мнѣніемъ многихъ, что «театръ—великая народная школа», и артистъ—великій учитель правды, добра, чистой красоты и любви къ ближнимъ, то Марію Гавріиловну нужно назвать истиннымъ профессоромъ,—артисткой-миссіонеромъ, потому что она учила народъ не только со сцены своимъ художественно-живымъ изображеніемъ великихъ идеаловъ лучшихъ русскихъ писателей, но и своимъ отзывчивымъ отношеніемъ къ несчастнымъ и придавленнымъ судьбою

ближнимъ показала, какъ можно выполнить въ жизни великій завѣтъ Христа Спасителя: и алчущаго напитать, и жаждущаго напоить, и нагого одѣть, и страннаго пріютить, и больному помочь и послужить, и находящагося въ темницѣ посѣтить и утѣшить (Мѳ. XXV).

Еще болѣе сродно было ей исполнять другія нравственныя обязанности, указываемыя въ ученіи православной церкви: невѣдующаго по крайнему разумѣнію научить, унывающаго и печальнаго утѣшить, находящемуся въ затрудненіи и опасности подать добрый совѣтъ и помочь самимъ дѣломъ, слабаго подкрѣпить, за обидимаго заступиться, падающаго поддержать, падшаго ободрить.

Властная по характеру, Марія Гавріиловна была смиренна и трогательна въ дѣлахъ благотворенія и религіи. Я зналъ почившую 28 лѣтъ и всегда удивлялся ея энергіи, настойчивости и умѣнію начатое полезное дѣло довести до желаннаго конца. Видя ея усталость, я часто совѣтовалъ ей отдохнуть и уменьшить занятія, на что каждый разъ получалъ отвѣтъ: «Жизнь наша такъ коротка, сдѣлать нужно такъ много—природа вѣдь не отдыхаетъ». И, дѣйствительно, она минуты не могла провести безъ работы. Начинается война съ Германіей... Марія Гавріиловна, какъ искренняя патріотка, на другой же день послѣ начала войны, покупаетъ цѣлыя горы матеріи и открываетъ у себя въ квартирѣ мастерскую для приготовленія одежды и бѣлья для раненыхъ воиновъ, и, затѣмъ, принимаетъ живѣйшее участіе въ устройствѣ Артистическаго Лазарета для раненыхъ воиновъ. Часто навѣщаетъ раненыхъ, знакомится съ ихъ семейнымъ положеніемъ и старается чѣмъ-нибудь помочь и ихъ семьямъ. Почти каждый разъ она присутствовала на богослуженіяхъ въ Лазаретѣ, заботясь о полномъ благолѣпіи ихъ.

Дѣла благотворительности почившей такъ обширны, что не будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что нѣтъ ни одного общественнаго благотворительнаго учрежденія въ Петроградѣ, котораго не поддержала бы своимъ трудомъ, а иногда и своими средствами Марія Гавріиловна. Но съ высоты церковной каѳедры нужно особенно возвѣстить объ одномъ добромъ дѣлѣ, которое, какъ дорогой алмазъ, сіяетъ надъ ея гробомъ и будетъ сіять надъ ея могилой—это дѣятельность Маріи Гавріиловны въ Императорскомъ Русскомъ Театральномъ Обществѣ и особенно въ ея любимомъ дѣтищѣ—въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣяте-

лей, гдѣ она была нѣжной попечительницей и мудрой хозяйкой. Можно смѣло сказать, она создала Императорское Русское Театральное Общество. Я живо помню, какъ 22 года тому назадъ я былъ приглашенъ совершить благодарственный молебенъ по случаю 10-ти-лѣтія Общества Сценическихъ Дѣятелей и былъ крайне удивленъ, что на это торжество собралось только девять членовъ Общества. Не было даже на молебнѣ и на собраніи почетнаго предсѣдателя Общества. Многіе изъ присутствовавшихъ членовъ совѣтовали прекратить дѣятельность Общества, и только одна Марія Гавріиловна уговаривала продолжать дѣятельность Общества, обѣщая найти болѣе дѣятельныхъ предсѣдателя и членовъ Общества. Эта огромная организація Императорскаго Театральнаго Общества, насчитывающая теперь болѣе 6000 членовъ Общества,—дѣло ея рукъ. Благодаря, главнымъ образомъ, ея энергіи, настойчивости и удивительной созидательной дѣятельности въ продолженіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, устроены здѣсь, на Петровскомъ островѣ, Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, Пріютъ для ихъ дѣтей и этотъ благолѣпный святый храмъ. Я живо помню, какъ Марія Гавріиловна первая ударила въ здѣшній колоколъ, когда онъ былъ поднятъ на колокольню, какъ отъ радости и умиленія заплакала и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказала: «Пусть этотъ звонъ колокола напоминаетъ всѣмъ, что и артистъ такой же искренно вѣрующій христіанинъ, какъ всѣ русскіе, и любитъ находить ободреніе и утѣшеніе среди горя, старости и сиротства въ храмѣ». Марія Гавріиловна была для призрѣваемыхъ въ Убѣжищѣ родной сестрой, подругой, а для дѣтей въ Пріютѣ—нѣжной матерью, благодѣтельницей, заботящейся не только о хорошемъ питаніи ихъ, но и о духовномъ воспитаніи, утѣшеніи и развлеченіи призрѣваемыхъ дѣтей. Въ лицѣ Маріи Гавріиловны призрѣваемые теряютъ мать, друга, благодѣтеля!..

Еще съ бо́льшей и примѣрной любовью почившая относилась къ своимъ роднымъ. Я не встрѣчалъ въ своей пастырской дѣятельности болѣе родственныхъ отношеній, какія проявляла Марія Гавріиловна къ своей матери, племянникамъ, поддерживая ихъ всегда нравственно и матеріально.

«Правосудіе людей состоитъ въ томъ, чтобы воздавать каждому должное, правосудіе Творца въ томъ, чтобы требовать у каждаго отчета въ томъ, что ему было дано». Такъ говоритъ въ своемъ «Савойскомъ викаріи» Руссо. Людское

правосудіе наступило для усопшей и воздаетъ ей должное: славу, почетъ, благодарность за ея неутомимые и талантливые труды на нивѣ родного искусства, знанія и человѣчности. Правосудіе же Божіе она можетъ встрѣтить съ радостнымъ спокойствіемъ... Ей отчетъ въ томъ, что было дано, не страшенъ...

Почившая была глубоко и искренно вѣрующей христіанкой. Каждый разъ, когда возникали религіозные споры, она убѣжденно говорила: «Какъ ни заманчивъ блескъ науки, но одна наука безъ свѣта вѣры не утолитъ духовной жажды и не дастъ душѣ желаннаго свѣта, когда бѣднаго путника земли вдругъ застанетъ мракъ и непогода». Христіанскій міръ лишается въ лицѣ почившей человѣка именно христіанскаго духа въ нашъ вѣкъ невѣрія и антихристіанскаго направленія. Она придавала большое значеніе церковному обряду, какъ средству, оживляющему религіозное чувство, и особенно любила церковное благолѣпіе и торжественность богослуженій въ дни страстной и пасхальной недѣли.

И за ея великую и глубокую вѣру Господь послалъ ей мирную, безболѣзненную, непостыдную и христіанскую кончину и проявилъ особенную любовь и милость къ Своей избранной. Смущаетъ насъ иногда, при неожиданной смерти близкихъ людей, когда имъ приходится перейти въ другую жизнь безъ послѣдняго благодатнаго напутствія, безъ исповѣданія грѣховъ и причащенія Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Людямъ, видѣвшимъ такіе случаи въ близкой средѣ и смущающимся ими, достаточно успокаивать себя той мыслью, что у Бога не можетъ быть несправедливости и лицепріятія, что пути, которыми любовь Божія призываетъ къ общенію съ Собою вѣрныхъ Своихъ, весьма разнообразны и часто для насъ неизслѣдимы и что проводившіе жизнь въ общеніи съ Богомъ не могутъ быть отторгнуты отъ Него при концѣ жизни. Но замѣчательная черта любви Божіей открывается въ томъ, что нерѣдко Господь избраннымъ Своимъ, которымъ предназначено перейти въ другую жизнь быстро, неожиданно для нихъ самихъ и для окружающихъ ихъ, внушаетъ принять послѣднее напутствіе, когда еще нѣтъ видимыхъ признаковъ приближающейся смерти, но когда рука ангела смерти уже занесена бываетъ надъ главой избраннаго. Припомнимъ великаго святителя Московскаго Филарета, которому задолго до смерти внушено было беречь 19-е ноября; онъ всегда поэтому причащался въ этотъ день,

и, въ послѣдній разъ принявъ Святое Причащеніе, внезапно умеръ 19-го ноября 1867 года. Припомнимъ великаго Государя-Мученика, которому злоба человѣческая предназначила умереть кровавой смертью 1-го марта 1881 года, но которому любовь Божія внушила принять Святое Причастіе какъ разъ наканунѣ этого дня.

Новопреставленная раба Божія Марія всегда говѣла на страстной недѣлѣ и причащалась часто въ первый день пасхи. Такъ было и въ этомъ году. Вдругъ она почувствовала желаніе поѣхать на богомолье въ любимый ею Козельщанскій монастырь, чтобы поклониться мѣстной чтимой святынѣ— образу Козельщанской Божіей Матери, и здѣсь, по особому внушенію, принимаетъ послѣднее напутствіе, причащается Святыхъ Таинъ Христовыхъ, нисколько не думая о близкой кончинѣ. Это ли не утѣшительное знаменіе Божіей милости, Божіей любви къ избранной Своей!..

Да упокоитъ Господь преставившуюся рабу Свою Марію въ селеніяхъ праведныхъ, а оставшимся приснымъ ей, въ особенности членамъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, да подастъ рвеніе и силу подражать ея доброму примѣру въ твердомъ христіанскомъ убѣжденіи и усердномъ служеніи призрѣваемымъ въ здѣшнемъ Убѣжищѣ и Пріютѣ и всѣмъ страждущимъ и обремененнымъ сценическимъ дѣятелямъ, нуждающимся въ помощи!..

Достопочтенные представители сценическаго искусства! Сегодня совершилось для васъ у гроба Маріи Гавріиловны знаменательное событіе — примиреніе церкви съ театромъ: высшій представитель власти православной церкви владыко митрополитъ разрѣшилъ похоронить русскую актрису въ храмѣ... Это примиреніе церкви и театра совершила почившая Марія Гавріиловна своимъ покорнымъ умомъ—въ отношеніи религіи, своимъ христіанскимъ сердцемъ—въ отношеніи ближнихъ, своей непреклонной волей—въ отношеніи къ высшему идеалу вѣчной жизни. Да будетъ за это рабѣ Божіей Маріи вѣчная память!

Начинается «послѣдованіе погребенія мірскихъ человѣкъ». Хоръ поетъ по обиходу Придворной Пѣвческой Капеллы. Апостола читаетъ, какъ и на литургіи, В. С. Шароновъ.

Земная скорбь снова входитъ въ стѣны храма. Какъ любящая мать, святая церковь въ минуты послѣдняго прощанія снисходитъ

къ слабости человѣческой и своими полными любви пѣснопѣніями говоритъ о томъ, что все людское ей понятно и дорого:

— Пла́чꙋ и рыда́ю, є҆гда̀ помышлѧ́ю сме́рть, и҆ ви́ждꙋ во гробѣ́хъ лежа́щꙋю по ѡ҆́бразꙋ бж҃їю созда́ннꙋю на́шꙋ красотꙋ́...

И эта скорбь остановила послѣдовательность впечатлѣній. Все слилось въ одномъ сознаніи ужаса разставанія и потребности выплакаться и излить горе въ слезахъ молитвы:

— Ѕрѧ́ще мѧ̀ безгла́сна, и҆ бездыха́нна предлежа́ща воспла́чите ѡ҆ мнѣ, бра́тїе и҆ дрꙋ́зи, сро́дницы и҆ ѕна́ємїи: вчера́шнїй бо де́нь бесѣ́довахъ съ ва́ми, и҆ внеза́пꙋ на́йде на мѧ̀ стра́шный ча́съ сме́ртный, но прїиди́те вси̑ люба́щїи мѧ̀, и҆ цѣлꙋ́йте мѧ̀ послѣ́днимъ цѣлова́нїемъ... къ сꙋдї́и бо ѿхождꙋ̀, и҆дѣ́же нѣ́сть лицепрїѧ́тїѧ: ра́бъ бо и҆ вл҃ка вкꙋ́пѣ предстоѧ́тъ, ца́рь и҆ во́инъ, бога́тый и҆ ѹ҆бо́гїй въ ра́внѣмъ досто́инствѣ...

. . . .

Отпѣваніе окончено. Протоіерей В. И. Маренинъ, стоя у гроба, говоритъ:

Я не принесъ тебѣ, дорогая Марія Гавріиловна, живыхъ цвѣтовъ,—я принесъ тебѣ живое слово изъ глубины моего сердца.

Можетъ быть, мое слабое слово, какъ слабые лепестки увядающихъ цвѣтовъ, не будутъ достойны твоей великой души, твоего великаго таланта, извѣстнаго не только всей великой Россіи, но и далеко за предѣлами ея. Но я счастливъ тѣмъ, что являюсь, несомнѣнно, выразителемъ чувствъ многихъ сотенъ тысячъ, которыя хотѣли бы бросить на этотъ гробъ, какъ и я, хотя ничтожное количество лепестковъ, какъ дань благодарности за минуты высокаго наслажденія, которыми ты ихъ дарила...

Да! За твоимъ гробомъ послѣдуетъ глубокій вздохъ благодарности и сожалѣнія отъ нихъ!..

Церковь, которой ты была вѣрной дщерью, бо́льшаго дара не можетъ тебѣ дать, какъ вручаемое тебѣ нынѣ—прощеніе грѣховъ.

Дѣйствительно, ты совершала великое христіанское дѣло, когда своимъ великимъ талантомъ проникала въ душу каждаго изстрадавшагося жизненными невзгодами, цѣлила эти застарѣвшія раны сердца своимъ сердцемъ, понимающимъ скорби людей, сближалась и прикасалась къ этимъ страждущимъ сердцамъ искренностью своей артистической игры— и въ это время многимъ, многимъ тысячамъ ты была и родная, и дорогая!.. Раскрывая зажившія раны, ты вызывала старыя слезы прощенія, а слезы горечи неудачъ и оскорбленій

превращала въ сладостныя слезы примиренія, вызывая у слушавшихъ тебя высокія христіанскія чувства. Вѣдь христіанство—это не есть земныя радости; христіанство—это страданія, смиреніе, прощеніе. И ты, вызывая все это въ людяхъ своимъ талантомъ, тебѣ Богомъ даннымъ, дѣлала высокое христіанское дѣло.

Неудивительно, если твое сердце, переживъ скорби и горя многихъ, не могло выдержать этого высокаго напряженія—и... разорвалось!..

Спасибо же тебѣ за то, что ты давала возможность выходить изъ театра людямъ съ хорошимъ, отраднымъ чувствомъ, что многихъ ты заставляла задумываться надъ великими вопросами жизни!

Но великая заслуга твоя предъ твоей родиной не ограничивалась этимъ; ты дала намъ возможность пониманія души нашихъ великихъ писателей въ тѣхъ произведеніяхъ ихъ, которыя даютъ основу намъ нашего нравственнаго облика. Эти писатели—гордость Россіи: Пушкинъ, Островскій, Тургеневъ! Ты своимъ талантомъ поняла, раскрыла и изъяснила глубины ихъ поэтическаго таланта. И если пониманіе души каждаго обыкновеннаго человѣка составляетъ великое доброе дѣло, то широкое, мощное раскрытіе мыслей этихъ писателей оставитъ въ душѣ всякаго, любящаго свою родину, глубокую благодарность тебѣ.

Проникнутая высокими идеалами писателей, чуткая ко всякой скорби людской, ты, естественно, стремилась туда, гдѣ были скорбь, обида, жизненныя неудачи, болѣзни, старость. И неудивительно, что ты захотѣла навсегда остаться среди тѣхъ, которыхъ сердце, какъ и твое, надорвано и неудачами, и жизненными обидами, и болѣзнью, и старостью.

Покойся!.. Тебя здѣсь окружитъ то, что ты заслужила: благодарность, любовь и искренняя молитва о упокоеніи души твоей!

Уже не хватаетъ силъ сдерживать рыданія. Плачутъ всѣ—и свои, и чужіе...

Протоіерей В. Ф. Пигулевскій читаетъ «разрѣшительную молитву». Священнослужители удаляются въ алтарь. Наступаетъ время послѣдняго прощанія.

Нѣтъ словъ выразить весь ужасъ этихъ минутъ—все безысходное горе, отчаяніе...

. . . .

Въ притворѣ храма, между тѣмъ, выстраивается крестный ходъ. Савину хоронятъ по-южному—съ преднесеніемъ фонаря, святаго креста и хоругвей.

Садъ Убѣжища полонъ народа. Живая цѣпь молодежи охраняетъ могилу и свободный доступъ къ ней со стороны Малой Невки. Густая толпа, въ благоговѣйномъ ожиданіи, стоитъ также и на площади передъ зданіемъ Убѣжища. Тутъ равнымъ образомъ протянулась живая цѣпь, сдерживающая натискъ людской массы по пути слѣдованія,—вправо отъ подъѣзда, къ садовой площадкѣ на набережной.

Чувствуется страшное напряженіе. Всѣ трепетно насторожились...

. . . .

Выносъ изъ церкви.

Открываются двери—и въ воздухѣ звучитъ пѣніе «Трисвятого». Выходятъ пѣвчіе. За ними несутъ фонарь, святый крестъ и хоругви. Мѣрно, величаво выступаетъ въ серебряныхъ облаченіяхъ многочисленный соборъ духовенства... Вотъ показывается и «домовина» Савиной. Впереди, держась за скобу гроба, идетъ мужъ почившей—А. Е. Молчановъ; тяжелыя переживанія ясно выражены на его лицѣ, измученномъ горемъ и безсонницей. Рядомъ съ нимъ—В. А. Теляковскій. Участвуютъ въ несеніи гроба и родственники почившей, и ея товарищи по сценѣ и по дѣятельности въ Театральномъ Обществѣ.

Ярко и радостно свѣтитъ осеннее солнце и озаряетъ подвигающееся медленно похоронное шествіе. Жалобно стонутъ со звонницы колокола въ печальномъ погребальномъ переборѣ...

Гробъ приносятъ къ могилѣ, ставятъ на особо приготовленный помостъ и въ послѣдній разъ снимаютъ съ него крышку.

Митрофорный протоіерей Ф. Н. Орнатскій творитъ чинъ преданія тѣла землѣ. Онъ беретъ въ руки лопатку съ землей и крестовидно мечетъ ее на бренные останки рабы Божіей Маріи, провозглашая:

— **Гд҇на ѕемлѧ̀, и҆ и҆сполне́нїе е҆ѧ̀, вселе́ннаѧ, и҆ всѝ живꙋ́щїи на не́й.**

. . . .

Послѣдній прощальный взглядъ бросаетъ на дорогое лицо престарѣлая мать усопшей... Мужъ склонился надъ гробомъ безъ словъ и безъ слезъ... его поддерживаютъ... Тутъ же стоятъ безутѣшные племянницы и племянники... Всеобщее горе неудержно рвется наружу, и даже многіе мужчины не въ состояніи подавить рыданія...

Еще минута—и тяжелая крышка навѣки закрываетъ гробъ...

Совершается соборне послѣдняя литія. Тихо и бережно гробъ опускается въ могилу. Надъ нимъ крестообразно склоняются хоругви, осѣняя его изображенными на нихъ святыми иконами. Раздается радостный красный звонъ—это святая церковь празднуетъ побѣду жизни надъ смертью—и во всѣ концы несется вѣсть о томъ, что **бл҃же́нни, ꙗ҆̀же и҆збра́лъ и҆ прїѧ́лъ є҆сѝ, гд҇и**, и что **па́мѧть и҆́хъ въ ро́дъ и҆ ро́дъ.**

Со всѣхъ сторонъ летятъ въ могилу бѣлые цвѣты—послѣднее приношеніе публики, послѣднее выраженіе любви и преклоненія передъ великой артисткой...

Первую горсть земли бросаетъ А. Е. Молчановъ, за нимъ—М. П. Подраменцева, далѣе—В. А. Теляковскій... и вотъ лопаточка съ землей начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки...

Приближается къ могилѣ маститый В. Н. Давыдовъ и, едва сдерживая слезы, начинаетъ говорить:

Я знаю, что отъ меня ждутъ слова! Я долженъ сказать его...

О! Много, очень много можно сказать у этой открытой могилы—много хорошихъ достойныхъ покойницы словъ! Но нѣтъ этихъ словъ!.. Потеря такъ велика, что сковываетъ рѣчь. Потеря такъ невознаградима, что вмѣсто словъ у насъ только одна боль въ сердцѣ...

Я служу на сценѣ уже 46 лѣтъ, и почти все время, съ небольшими перерывами, мнѣ приходилось работать съ Ма-

ріей Гавріиловной. Слишкомъ хорошо я зналъ Марію Гавріиловну, чтобы у меня сейчасъ хватило силъ все о ней здѣсь сказать.

Мы чѣмъ-то страшно прогнѣвили Бога, и Онъ тяжко покаралъ насъ, отнявъ въ теченіе девяти послѣднихъ мѣсяцевъ «тетю Варю» Стрѣльскую, «дядю Костю» Варламова и теперь незабвенную Марію Гавріиловну Савину.

Осиротѣла страна! Осиротѣлъ Александринскій театръ! Трехъ могучихъ художниковъ, жрецовъ дорогого намъ родного искусства не стало!..

«Не стало!» — Какое ужасное, страшное слово!.. «Не стало!»—Какимъ гнетущимъ леденящимъ душу звукомъ вѣетъ отъ этого слова!..

Мы больше не услышимъ съ подмостковъ нашей образцовой сцены ни ихъ радушнаго заразительнаго смѣха, ни ихъ горькихъ душевныхъ слезъ, ни ихъ могучаго слова, которыми они такъ искусно владѣли и захватывали сердца зрителя,— не увидимъ ихъ высокохудожественной игры. Все кончено!.. Надъ нами глубокія сумерки!..

Я не могу, не могу больше говорить!.. Сердце разрывается отъ боли, и слезы душатъ меня!!!.. Я больше всѣхъ осиротѣлъ!..

Прими отъ насъ, дорогая, незабвенная Марія Гавріиловна, нашъ послѣдній привѣтъ и передай отъ насъ глубокую скорбь тѣмъ, которыхъ ты уже видишь и которые теперь съ тобою въ лучшемъ мірѣ!.. Спи, дорогая, до радостнаго утра, и да дастъ тебѣ Господь Царствіе Небесное и вѣчный покой— высшую награду избраннымъ Своимъ!

Прощай! До скораго желаннаго свиданія!..

Глубокимъ поклономъ своему долголѣтнему товарищу по сценѣ заканчиваетъ свою рѣчь В. Н. Давыдовъ, и его, горько рыдающаго, отводятъ отъ могилы.

Вторымъ произноситъ «слово» представитель Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, товарищъ предсѣдателя Совѣта— А. А. Желябужскій:

Маріи Гавріиловны не стало!..

Для тѣхъ, кто соприкасался съ дѣятельностью Маріи Гавріиловны или имѣлъ счастье близко знать ее,—для тѣхъ эти немногія слова будутъ имѣть громадное значеніе. Эти слова говорятъ, что не стало не только геніальной артистки

и великой художницы сцены, но и не стало той, которая такъ горячо, такъ всѣмъ сердцемъ отзывалась на боль и нужды обездоленныхъ.

Не стало великой печальницы за нужды сценическаго міра, не стало той, которая неустанно шла на помощь товарищамъ по искусству. Марія Гавріиловна не только знала и понимала, но и всѣмъ сердцемъ чувствовала многочисленныя нужды сценическихъ дѣятелей и всей душой шла на встрѣчу имъ. Мы, члены Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, близко видѣли эту неустанную заботу и рѣдкую отзывчивость. Когда шла рѣчь о помощи тому или иному работнику сцены, Марія Гавріиловна вся загоралась желаніемъ помочь, даже тогда, когда эта помощь казалась трудно осуществимой. Она всегда высказывалась за то, чтобы сдѣлать все возможное для посильной помощи. Марія Гавріиловна говорила: «Скажите, куда надо ѣхать, кого просить»—и она ѣхала, просила, хлопотала и въ большинствѣ осуществляла то, что казалось трудно достижимымъ, такъ какъ передъ нею открывались всѣ двери, и она была тѣмъ ходатаемъ, кого выслушивали съ особымъ вниманіемъ и чью просьбу желали исполнить. Марія Гавріиловна, шутя, называла себя «старшимъ разсыльнымъ» Театральнаго Общества. Она была неутомима въ своихъ трудахъ и хлопотахъ и неустанно работала на пользу созданнаго ею Театральнаго Общества. Марія Гавріиловна работала, не обращая вниманія ни на что, работала, не покладая рукъ, съ любовью, горячо и всѣмъ сердцемъ отзываясь на нужды Театральнаго Общества.

Совѣтъ Театральнаго Общества воистину осиротѣлъ. Нѣтъ той, которая все оживляла, вносила душу и сердце во всякое начинаніе Общества—и потеря Маріи Гавріиловны незамѣнима. Мы это чувствуемъ всей душой! Память о Маріи Гавріиловнѣ для насъ священна и будетъ одушевлять и помогать намъ по мѣрѣ силъ работать на пользу созданнаго ею большого дѣла. Мы будемъ помнить ея завѣтъ: всѣми силами помогать нуждающимся. Во всѣхъ, кому дорого процвѣтаніе Театральнаго Общества, благодарная память о Маріи Гавріиловнѣ будетъ жить вовѣки.

Земно кланяемся незабвенной Маріи Гавріиловнѣ!

Подходятъ выбранные представители «театральной провинціи»: В. Л. Градовъ, П. П. Струйскій и М. А. Дмитріевъ-Шпоня; къ нимъ

присоединяются В. И. Никулинъ и А. И. Гришинъ. В. Л. Градовъ кладетъ у края могилы земной поклонъ и говоритъ:

Этотъ земной поклонъ я принесъ тебѣ отъ осиротѣвшей семьи русскихъ провинціальныхъ актеровъ: они послали меня сюда сказать тебѣ ихъ послѣднее скорбное прости, напутствовать твою душу въ селенія горнія—и, видитъ Богъ, какъ трогательно, какъ горячо просили они меня найти для этого напутствія слова, такія же простыя, добрыя и сердечныя, какъ проста, добра и сердечна была ты къ намъ, при жизни своей.

Нѣтъ предѣловъ нашему горю, нашему отчаянію, ибо безпредѣльна наша утрата! Міръ потерялъ величайшую артистку, искусство—крупнѣйшій талантъ, когда-либо служившій ему, общество—крупную самобытную, глубоко интересную личность, семья—жену, сестру, тетку, а мы...—мы потеряли больше всѣхъ,—мы потеряли мать. Да! Она была истинной матерью русскихъ провинціальныхъ актеровъ. Она горячо, беззавѣтно любила насъ; всю свою жизнь она болѣла нашими великими горестями, радовалась нашими маленькими радостями—и не было трудовъ, жертвъ, на которые она ни шла бы ради насъ... Какъ много и часто, вмѣсто благодарности, ее мучили, огорчали и даже оскорбляли... И кто же?... Мы, мы сами!.. Но она все намъ прощала и продолжала заботиться о нашемъ благѣ. Такъ любить, такъ прощать умѣетъ только мать! Она всю себя отдавала намъ.

На одномъ изъ вѣнковъ, покрывшихъ ея останки, я увидѣлъ сегодня замѣчательную надпись: «Собирательницѣ земли актерской». Какая это великая глубокая правда! Воистину она была собирательницей этой земли. Ей первой пришла эта мысль, она первая осуществила ее и она же первая легла въ эту землю, чтобы сдѣлать ее навѣки священной для насъ.

Она вышла изъ нашей среды. Она была дочерью провинціальнаго актера—и первыми дѣтскими, почти младенческими впечатлѣніями ея были: ужасъ передъ безправнымъ положеніемъ русскаго театра, да горькія слезы надъ тяжкой долей провинціальныхъ актеровъ. Еще ребенкомъ, она увидѣла и поняла, что среди милліоновъ русскихъ гражданъ есть цѣлый классъ людей, которымъ ужъ абсолютно некуда пойти, и запомнила это на всю жизнь. Всей своей большой душой она восприняла слова великаго нашего писателя: «Надо, чтобы каждому человѣку было куда пойти». И всю свою жизнь она

добивалась того, чтобы провинціальному актеру, въ концѣ концовъ, было куда пойти,—и достигла!.. Пройдутъ вѣка, а имя ея не умретъ, и каждый, входящій сюда, осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажетъ: вѣчная, вѣчная память Маріи Гавріиловнѣ—это она позаботилась о томъ, чтобы я не умеръ отъ голода и холода подъ заборомъ.

Какъ безпредѣльно она любила насъ и свое дѣло! На Делегатскомъ Собраніи текущаго года, когда торжествующій президіумъ, подъ громъ аплодисментовъ всего Собранія, поднесъ Маріи Гавріиловнѣ всѣ избирательные шары, она, радостно возбужденная, видимо, счастливая, замахала руками, остановила оваціи и, весело смѣясь, сказала: «Господа, если бы вы даже и не выбрали меня—я все равно осталась бы съ вами—вѣдь я ваша!»

И вотъ... посмотрите... посмотрите, какъ крѣпка она въ словѣ своемъ: она н а ш а! Теперь она т о л ь к о н а ш а, она осталась съ нами и останется такъ до скончанія вѣковъ, до страшнаго Господняго суда. А когда придетъ этотъ часъ, и труба архангела возвѣститъ кончину міра и воскресеніе изъ мертвыхъ, и къ престолу Грознаго Судіи, вмѣстѣ съ другими, потекутъ толпы провинціальныхъ актеровъ,—впереди насъ станетъ она и скажетъ Предвѣчному: «Суди и меня вмѣстѣ съ ними, ибо всю мою жизнь я была съ ними, тосковала о нихъ за гробомъ,—не оставлю ихъ я и въ этотъ страшный часъ суда Твоего». И защититъ, и укроетъ насъ предъ лицомъ Всевышняго, какъ защищала и укрывала при жизни своей!

Такъ спи же спокойно, родная! Пусть легка будетъ тебѣ земля и пусть свѣтлая душа твоя возрадуется отъ сознанія, что пока въ Россіи останется хоть одинъ театръ, а въ немъ провинціальные актеры, ты не уйдешь изъ ихъ благодарной памяти никогда! Спи спокойно!..

По окончаніи рѣчи, всѣ пять представителей, какъ одинъ человѣкъ, становятся на колѣни и земно кланяются дорогой могилѣ. М. А. Дмитріевъ-Шпоня не выдерживаетъ и плачетъ навзрыдъ.

Выступаетъ А. И. Долиновъ:

Въ первый разъ Убѣжище встрѣчаетъ прибытіе Савиной съ огорченіемъ. Обычно пріѣздъ ея всѣхъ радовалъ, лица сіяли, а этотъ пріѣздъ встрѣчается слезами и горемъ.

Савина создала это Убѣжище и здѣсь же нашла свой послѣдній пріютъ.

Во всей Россіи, во всѣхъ газетахъ и журналахъ, много будутъ писать о Маріи Гавріиловнѣ Савиной, но настоящей Савиной, ея души, никто, кромѣ близкихъ, не знаетъ. Надо, чтобы будущему историку истинные друзья Маріи Гавріиловны разсказали, какая это была великая душа.

Все, что она дѣлала, какъ артистка, она дѣлала для искусства, для сцены—и дѣлала безкорыстно. Она много артистовъ дала Александринскому театру. И если бы Марія Гавріиловна дала Александринскому театру только одного Владиміра Николаевича Давыдова, то и этого достаточно, чтобы убѣдиться, что она заботилась о блестящей коронѣ Александринскаго театра. Но я не ошибусь, если скажу, что три четверти нынѣшняго Александринскаго театра созданы и взлелѣяны Маріей Гавріиловной Савиной. Если для провинціальныхъ актеровъ она была матерью, то для Александринскихъ артистовъ она была заботливой няней. Многіе актеры увидѣли расцвѣтъ своей славы послѣ того, какъ были пригрѣты Савиной...

Она часто повторяла изреченіе Оскара Уайльда: «Трагедія старости не въ томъ, что человѣкъ старѣется, а въ томъ, что онъ остается молодымъ». Савина поистинѣ всегда была молодой, для нея какъ бы не существовало надвигающейся старости, она чувствовала только молодость своей души. Она не могла понять, что ея усталое тѣло не можетъ слѣдовать за титаническимъ размахомъ ея великой души. Она не жила, а горѣла. Она успѣвала играть, репетировать, учить роли, выслушивать авторовъ, ѣздить къ сильнымъ міра хлопотать за актеровъ, заботиться объ успѣхѣ молодежи, заниматься съ учениками, быть великолѣпной хозяйкой въ своемъ громадномъ домѣ... Марія Гавріиловна любила собирать вокругъ себя молодежь, среди которой всегда моложе всѣхъ была сама она...

Потеря большого артиста всегда тяжела, но когда къ этому присоединяется потеря большого человѣка—боль еще сильнѣе. Потому-то я приношу на эту могилу свою скорбь и слезы не только по знаменитой артисткѣ, но и по великой русской женской душѣ. И за всю эту великую ея работу—да будетъ ей вѣчная, свѣтлая, свѣтлая память!

Пансіонеры Убѣжища такъ потрясены обрушившимся на нихъ горемъ, что не въ силахъ были что-либо сказать у могилы и просили прочесть ихъ послѣднее «прости». Н. Н. Ходотовъ читаетъ:

Дорогая, хорошая, незабвенная Марія Гавріиловна!

Мы спокойны за тебя. Твоя загробная жизнь намъ такъ ясна. Тебя вѣдь сопровождаютъ безчисленныя горькія слезы, осушенныя тобою, — твоимъ милымъ вниманіемъ и безконечной добротой.

Безутѣшные, и если бы не было тебя, то были бы и безпріютные

Призрѣваемые Убѣжища[1]).

Многіе престарѣлые пансіонеры побоялись выйти въ толпу и смотрѣли на печальное разставаніе изъ своихъ оконъ. Съ глазами, полными слезъ, трепетно слѣдили они за всѣмъ происходящимъ, глубоко переживая, какъ общее великое горе, такъ и свое личное.

Далѣе, М. А. Ведринская читаетъ стихи «Памяти М. Г. Савиной» («Маленькаго поэта—великому таланту») Зинаиды Мосиной-Ленской:

Добрый другъ! Ты такъ скоро сгорѣла,
Такъ внезапно оставила насъ;
Твое мертвенно-блѣдное тѣло
Мы опустимъ въ могилу сейчасъ!

Гдѣ душа твоя, свѣтлый нашъ геній,
Ждетъ покоя отъ долгихъ тревогъ?
Въ новый міръ неземныхъ сновидѣній
Тебя ввелъ всепрощающій Богъ!

Наше солнышко съ яркимъ сіяніемъ,
Украшеніе сцены родной,
Красота съ молчаливымъ страданіемъ,
Тихой звѣздочки взглядъ золотой.

Нѣжный ропотъ надломленной розы,
Тайный шелестъ въ глухихъ тростникахъ,
Дѣтски-чистыя, свѣтлыя слезы
На невинныхъ, правдивыхъ глазахъ!

Это ты—нашъ художникъ искусства,
Воплотитель святой красоты,
Красоты безграничнаго чувства
И любви молодой—это ты!

---

[1]) Это прощальное «слово» написано пансіонеромъ Убѣжища, бывшимъ опернымъ артистомъ—Г. Ѳ. Гордѣевымъ.

Ты всегда будешь жить между нами
Огонькомъ путеводнымъ въ глуши,
Дорогими для насъ тайниками
Своей ясной, правдивой души!

Всѣ тѣ образы, дивною силой
Воплощенные только тобой,
Не замрутъ передъ скорбной могилой,
Но блестѣть будутъ яркой звѣздой!

Затѣмъ, читаетъ свое стихотвореніе генералъ-отъ-кавалеріи А. А. Ломачевскій:

У ГРОБА МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Ты лучезарила въ твореньяхъ
Великой русской рѣчи силъ!
Ты всей душой слилась съ театромъ,
Тебя онъ дѣвочкой плѣнилъ!
Любили нѣжно вы другъ друга!
Безъ уклоненій, безъ измѣнъ,
Театру ты была супруга,
Въ любви взаимной радость—плѣнъ.
Театръ дарилъ тебя успѣхомъ,
Ты—вдохновеннѣйшимъ трудомъ,
Вы русской мысли полувѣка
Служили доблестно вдвоемъ.
Вы оживляли мысль живущихъ
Въ средѣ невѣдомыхъ міровъ.
Сердцамъ давали хлѣбъ насущный,
За правду шли, за миръ, любовь...
Учителя вы жизни русской,
А жизнь твоя была примѣръ:
Твой путь тернистый, трудный, узкій
Была любовь сверхъ силъ, сверхъ мѣръ!
Не время исчислять побѣды
Той, кто лежитъ теперь въ гробу,—
Дай Богъ, чтобъ миновали бѣды
Марію грѣшную рабу!
И за тебя здѣсь молятъ Бога
Святая церковь, старъ, убога
Сиротка, слабый и больной—

Ты всѣхъ любила насъ душой.
Актеру не было отказа—
И твоя малая рука
Блистала радугой алмаза—
Твоимъ, когда пришла бѣда!
Но кто былъ «твой», кто былъ твой ближній?
Ты милостью самарянинъ,
Тебѣ равны, что верхній, нижній.
Любве Богъ Слово, Богъ Единъ.
Живый не можетъ быть безгрѣшенъ—
Мы молимъ Бога за тебя.
Но тотъ, кто зналъ тебя,—утѣшенъ:
Ты миръ оставила, любя! [1])

Въ заключеніе, артистъ Н. А. Горскій прочелъ слѣдующее четверостишіе И. А. Гриневской:

НА МОГИЛУ САВИНОЙ.

Весну нашей жизни мы здѣсь схоронили
И сцены родимой расцвѣтъ и весну.
Лучи ея съ осенью насъ примирили...
Будь миръ ея долгому, долгому сну!.. [2])

. . . .

Все замолкло, все притихло... Никто не трогается съ мѣста, всѣ чего-то ждутъ... Но вотъ крышка уклада закрыла гробъ, и на нее беззвучно посыпалась земля, начавшая быстро заполнять могилу...

. . . .

Стали расходиться... Время уже близилось къ 4-мъ часамъ... Но еще много народу оставалось. Какъ-то не хотѣлось уходить,—трудно было сразу оторваться ото всего, только что пережитого... Образовались группы, обмѣнивались впечатлѣніями, дѣлились воспоминаніями... Большое вниманіе привлекла къ себѣ надпись на одномъ изъ цвѣточныхъ приношеній: «Царицѣ русской сцены—Царство Небесное»... Среди актеровъ слышалось: «Умерла совѣсть Александринскаго театра!» Марія Гавріиловна была неизмѣннымъ стражемъ достоинства «своей колыбели»: кто бы что ни предпринималъ, всѣ постоянно оглядывались: «А что на это скажетъ Савина?»...

---

[1]) Напечатано въ газетѣ «Русское Чтеніе», 12-го сентября 1915 г., № 200.

[2]) Напечатано: въ «Петроградской Газетѣ», 12-го сентября 1915 г., № 250; въ «Обозрѣніи Театровъ», 15-го сентября 1915 г., № 2871; въ «Дамскомъ Мірѣ», октябрь 1915 г., № 10.

Тутъ опредѣлилось много цѣнныхъ характерныхъ фактовъ и изъ частной жизни великой артистки,—фактовъ, о которыхъ почти никто не подозрѣвалъ и которые были полнѣйшимъ откровеніемъ для большинства... Вообще, свѣтлый образъ Савиной все сильнѣе, шире и ярче сталъ выявляться въ его лучезарной правдѣ...

. . . .

Надъ могилой выросъ холмъ. Въ головахъ поставленъ большой массивный крестъ, цѣльнаго дуба, по образцу старинныхъ «голубцовъ», то-есть «крестъ съ кровелькой».

На лицевой его сторонѣ вдѣлана икона Козельщанской Божіей Матери, съ неугасимой предъ ней лампадой, въ фонарикѣ. Съ этой же стороны внизу врѣзана мѣдная доска, съ надписью:

Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА-МОЛЧАНОВА.

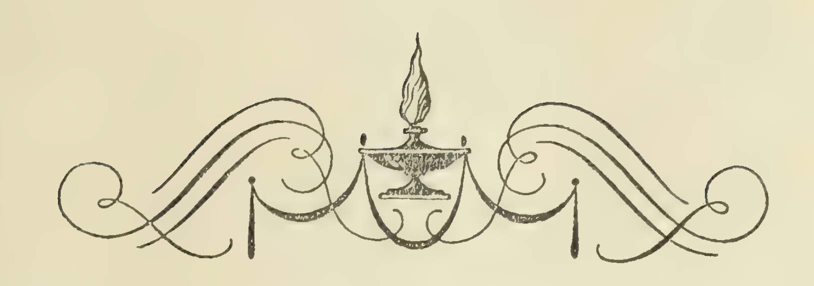
Родилась—30-го марта 1854 года. Почила—8-го сентября 1915 года.

Съ другой стороны креста, обращенной въ сторону алтаря церкви, написано во всю длину перекладины Евангельское изреченіе, которое можетъ служить знаменнымъ оглавкомъ всей жизни почившей:

Бо́лши сеѧ̀ любве́ никто́же и҆́мать, да кто̀ дꙋ́шꙋ свою̀ положи́тъ ꙁа дрꙋ́ги своѧ̀.

У свѣжей могилы
Маріи Гавріиловны Савиной
11-го сентября 1915 года.

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ
САВИНОЙ

Повѣствованіе наше въ предыдущемъ отдѣлѣ было почти исключительно посвящено только тому, что происходило у самаго гроба почившей Маріи Гавріиловны Савиной. Теперь мы выходимъ изъ этихъ рамокъ и приступаемъ къ изложенію тѣхъ общественныхъ проявленій, которыя были въ ближайшее время откликомъ этого поразившаго всѣхъ горестнаго событія, какъ въ кругахъ Петрограда и Москвы, такъ и провинціальныхъ городовъ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Выше уже было указано, что едва стало извѣстнымъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, какъ въ Александринскомъ театрѣ немедленно послѣдовала отмѣна всѣхъ репетицій и былъ экстренно созванъ Комитетъ по представительству труппы, для обсужденія участія въ похоронахъ и чествованія памяти покойной.

Журналъ этого экстреннаго засѣданія, состоявшагося 8-го сентября, въ 11 часовъ утра, подъ предсѣдательствомъ В. Э. Мейерхольда и при секретарѣ Е. П. Студенцовѣ, начинается слѣдующими словами:

«Въ 5 часовъ 30 минутъ ночи на 8-е сентября тихо неожиданно скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина—первый предсѣдатель Комитета. Потрясенные горемъ, члены Комитета собрались, чтобы отдать послѣдній долгъ обожаемому товарищу, незамѣнимому другу, любимому предсѣдателю, около котораго сплотился весь Комитетъ».

Собраніе артистовъ ограничилось на этотъ разъ лишь рѣшеніемъ вопросовъ спѣшнаго характера, касающихся похоронъ, и постановило:

1) Возложить на гробъ усопшей живые цвѣты—сегодня, 8-го сентября, передъ первой панихидой, въ 3 часа дня.

2) Отслужить панихиду у гроба—10-го сентября, передъ выносомъ тѣла изъ дома въ церковь—и объявить объ этомъ въ газетахъ, за подписью: «Осиротѣвшая труппа Императорскаго Александринскаго театра».

3) Возложить ко гробу вѣнокъ, съ надписью: «Нашей Савиной, солнцу русскаго театра,—осиротѣвшіе товарищи».

4) Учредить у гроба постоянное, днемъ и ночью, вплоть до самаго погребенія, почетное дежурство артистовъ Александринскаго театра.

5) Пригласить труппу принять участіе въ «живой цѣпи», для поддержанія порядка во время слѣдованія печальнаго шествія по улицамъ Петрограда и у могилы при погребеніи.

6) Сегодня, 8-го сентября, въ Александринскомъ театрѣ, передъ началомъ спектакля, предложить публикѣ почтить вставаніемъ память почившей великой артистки.

Собравшаяся утромъ въ этотъ день въ Маріинскомъ театрѣ оперная труппа была настолько поражена вѣстью о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, что репетицію пришлось прервать. Память усопшей была почтена вставаніемъ. Затѣмъ, было избрано представительство отъ труппы, въ лицѣ солистки Его Величества М. А. Славиной, главнаго режиссера заслуженнаго артиста І. В. Тартакова и артиста В. С. Шаронова, которымъ и было поручено возложить ко гробу вѣнокъ, съ надписью: «Угасшему свѣточу, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—артисты Императорской Петроградской оперы».

— Мы переживаемъ какой-то кошмарный годъ,—говорилъ І. В. Тартаковъ.—Могикане русскаго образцоваго театра отъ насъ уходятъ одинъ за другимъ. Наши оперные артисты очень любили покойную за ея отзывчивость и добрую душу. Она много сдѣлала для русскаго театра, а главное—много добра для артистовъ-инвалидовъ. Я лично былъ знакомъ съ Маріей Гавріиловной еще съ консерваторской скамьи...

Театръ «Музыкальной Драмы» увѣдомилъ:

«Получивъ горестную вѣсть о безвременной и неожиданной кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, Правленіе «Музыкальной Драмы», въ засѣданіи 8-го сего сентября, почтило вставаніемъ свѣтлую память усопшей великой русской артистки, постановило: возложить на ея гробъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и выразить А. Е. Молчанову свое горячее сочувствіе въ невознаградимой утратѣ, которую понесли со смертью Маріи Гавріиловны русскій театръ и русское искусство».

Въ теченіе дня 8-го числа въ большинствѣ частныхъ Петроградскихъ театровъ происходили собранія артистовъ, на которыхъ обсуждалось участіе въ похоронахъ Савиной, заказы цвѣточныхъ приношеній къ ея гробу, надписи на вѣнкахъ, выборы представителей и тому подобное. Повсюду чувствовался какой-то особый нервный подъемъ, прикрывавшій скорбную растерянность и затаенную печаль...

8-го сентября, на дневномъ Патріотическомъ концертѣ М. И. Долиной, артистъ Н. А. Горскій вышелъ къ публикѣ и оповѣстилъ:

— Закатилось солнце русской сцены! Скончалась гордость и краса Александринскаго театра Марія Гавріиловна Савина!..

Это сообщеніе почти для всѣхъ явилось ужасной новостью и произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Вся переполненная аудиторія встала въ благоговѣйномъ молчаніи, отдавая послѣдній долгъ памяти великой артистки.

Горестнымъ ударомъ разразилась тяжкая утрата въ Убѣжищѣ Театральнаго Общества. Вѣсть объ этомъ дошла сюда еще раннимъ утромъ. Отчаяніе старухъ и стариковъ не поддавалось описанію.

— Не могу! Не могу примириться со смертью нашей безцѣнной Маріи Гавріиловны! — восклицала одна изъ пансіонерокъ. — Мы съ нею потеряли все. Многіе изъ насъ справедливо повторяютъ, что мы по второму разу потеряли мать...

— Развѣ можно забыть, сколько вниманія, заботъ, сколько добра она оказывала намъ? — вторила другая. — Она являлась, какъ солнышко: увидишь ее и забываешь горе, какое у тебя есть. Она умѣла всѣхъ согрѣть и приласкать. А теперь закатилось наше солнышко, кругомъ темно и грустно, тоска невыносимая. Осиротѣли мы, старики!..

— Да, мы потеряли мать и сестру!.. И какъ будемъ жить... не знаю... — говорила третья пансіонерка.

— Обездоленные лишились въ лицѣ Маріи Гавріиловны самой чуткой и заботливой матери, — добавляла еще одна изъ пансіонерокъ. — Покойная умѣла, заботясь о помощи, дать и громадную моральную поддержку, успокоить, приласкать...

— Любовь, та вѣчная основа, которой была наполнена живая душа Маріи Гавріиловны, была свято сохранена ею, и эта любовь возвышала ея душу и по прямому пути направляла ее къ престолу Бога. Душа ея теперь находится въ той безпредѣльности и вѣчности, гдѣ властвуетъ одинъ Всевышній Богъ, полный безконечной любви. И намъ, знавшимъ Марію Гавріиловну и благодарнымъ ей, остается только молиться Всевышнему о пребываніи ея души въ «селеніи праведныхъ». Здѣсь, на землѣ, она свершила все, что дóлжно свершить великому духомъ че-

ловѣку. Глубокая благодарность и низкій поклонъ славной и доброй Маріи Гавріиловнѣ. Да будетъ вѣчная память великому и истинному человѣку!..—высказалъ одинъ изъ пансіонеровъ...

Всѣхъ охватило непреодолимое желаніе вознести молитвы о упокоеніи души дорогой новопреставленной,—помолиться здѣсь, у себя, въ своей церкви, въ *ея* церкви.

Панихида въ храмѣ Убѣжища была совершена въ 2 часа дня. Отправляли богослуженіе іерей Спасо-Колтовской церкви Н. В. Ушаковъ, діаконъ Ѳ. П. Поляковъ и хоръ пѣвчихъ, подъ управленіемъ регента А. Н. Игнатьева, исполнившій «Панихиду» Чайковскаго. Пансіонеры Убѣжища, дѣти Пріюта и Пансіона, а также всѣ служащіе въ этихъ учрежденіяхъ наполнили церковь. Слезы и рыданія молящихся краснорѣчиво выражали глубину переживаемаго ими горя...

Вечеромъ, 8-го числа, въ Александринскомъ театрѣ, передъ началомъ спектакля, вся труппа, одѣтая въ черномъ, собралась въ помѣщеніи оркестра. Когда свѣтъ въ зрительномъ залѣ нѣсколько пріумеркъ и всѣ заняли свои мѣста, на аванъ-сцену вышелъ режиссеръ А. Н. Лаврентьевъ и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ:

— Сегодня скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина. Труппа Императорскаго Александринскаго театра приглашаетъ почтить память усопшей вставаніемъ.

Публика и артисты поднялись всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и въ залѣ воцарилась жуткая тишина... Это молчаливое проявленіе скорби имѣло особенное значеніе здѣсь—въ «колыбели» славы Савиной...

9-го сентября, въ 1 часъ дня, состоялась панихида по Маріи Гавріиловнѣ Савиной въ Лазаретѣ артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ. Служили протоіерей В. Ф. Пигулевскій и діаконъ М. А. Смирновъ.

Кромѣ раненыхъ и медицинскаго персонала, собралось много артистовъ, во главѣ съ предсѣдательницей Комитета Лазарета—солисткой Его Величества М. А. Славиной, секретаремъ—В. Г. Вальтеромъ [1]) и однимъ изъ главныхъ дѣятелей—В. С. Шароновымъ.

Почившая была душою этого Лазарета, принимала живѣйшее участіе въ его созданіи и состояла вице-предсѣдательницей Комитета и предсѣдательницей Медицинской Комиссіи. Очень характерными являются въ данномъ случаѣ отзывы раненыхъ солдатъ по поводу кончины Маріи Гавріиловны Савиной, въ письмахъ на имя сестры милосердія—В. Э. Направникъ:

---

[1]) В. Г. Вальтеръ—концертмейстеръ оркестра Императорской Петроградской оперы.

Одинъ пишетъ: «Благодарю за Ваше письмо, изъ котораго слышу у Васъ перемѣну про скончавшуюся сестрицу Марію, очень ее жалко, дай ей Богъ Царствіе Небесное».

Другой пишетъ: «Очень жаль Марью Гаврильевну, очень была барыня хорошая».

Третій: «Да только очень мнѣ жалко, что Марья Гавриловна померла. Царство ей Небесное! Славная была сестрица: все время она заботилась и хлопотала, трудилась. Да, помяни ее Господь во Царствіи Своемъ!»

Совѣтъ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества съ глубокой скорбью извѣщаетъ о незамѣнимой утратѣ, понесенной Обществомъ, вслѣдствіе послѣдовавшей 8-го сего мѣсяца кончины предсѣдателя Совѣта, незабвенной

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ

САВИНОЙ.

Панихида имѣетъ быть въ помѣщеніи Канцеляріи Совѣта (Николаевская ул., 31) въ среду, 9-го сентября, въ 5 час. дня.

Объявленное богослуженіе совершалъ причтъ церкви Общества Распространенія Религіозно-Нравственнаго Просвѣщенія—протоіерей Д. Ѳ. Гидасповъ, при діаконѣ П. Климентовѣ и мѣстномъ хорѣ пѣвчихъ.

На панихидѣ присутствовали: весь составъ Совѣта и Ревизіонной Комиссіи, провинціальные антрепренеры В. И. Никулинъ и А. И. Гришинъ, много актеровъ, управляющій и служащіе Канцеляріи Совѣта и другіе. Прибылъ на панихиду и супругъ покойной—вице-президентъ Театральнаго Общества А. Е. Молчановъ.

Вслѣдъ затѣмъ, состоялось экстренное засѣданіе Совѣта, посвященное памяти почившей Маріи Гавріиловны Савиной. Въ немъ приняли участіе члены Совѣта и Ревизіонной Комиссіи, а также указанные представители театральной провинціи.

Предсѣдательствовавшій А. А. Желябужскій, открывая засѣданіе, предложилъ почтить вставаніемъ память безвременно похищенной смертью незабвенной основательницы Общества, почетнаго его члена и предсѣдательницы Совѣта—Маріи Гавріиловны Савиной и выразилъ тѣ чувства, которыя переживаетъ Совѣтъ, понеся въ лицѣ покойной такую въ полномъ смыслѣ незамѣнимую и невознаградимую потерю.

Оглашается телеграмма Августѣйшаго Президента Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Михаиловича, изъ Севастополя:

> Прошу передать Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, что я вмѣстѣ съ нимъ глубоко скорблю о понесенной нами утратѣ.
>
> *Сергѣй.*

Собраніе постановило принести благодарность Его Императорскому Высочеству за милостивое вниманіе и сочувствіе.

Въ началѣ этого засѣданія присутствовалъ и А. Е. Молчановъ. Онъ высказалъ сердечную признательность за проявленное ему лично теплое участіе и сообщилъ, что имъ исходатайствовано разрѣшеніе властей на погребеніе Маріи Гавріиловны въ церкви Убѣжища, причемъ заявилъ, что его просьба и завѣтная мечта быть похороненнымъ рядомъ съ нею, въ той же церкви, гдѣ будетъ устроенъ особый склепъ. Въ заключеніе, А. Е. добавилъ, что теперь онъ чувствуетъ болѣе, чѣмъ когда-либо, тѣсную связь съ Театральнымъ Обществомъ и считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ отнынѣ работать въ немъ за двоихъ— и за Марію Гавріиловну, и за себя. Послѣ этого А. Е. Молчановъ удалился, провожаемый выраженіями общаго сочувствія.

Собраніе въ дальнѣйшемъ рѣшило: на похоронахъ Маріи Гавріиловны Савиной присутствовать Совѣту и Ревизіонной Комиссіи въ полномъ составѣ и возложить на гробъ почившей вѣнки: 1) съ надписью: «Создательницѣ Театральнаго Общества, великой печальницѣ о нуждахъ сценическаго міра, Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Императорское Русское Театральное Общество» и 2) съ надписью: «Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—осиротѣвшіе товарищи по Совѣту и Ревизіонной Комиссіи своему незабвенному предсѣдателю и неутомимому работнику за общее дѣло»; послѣдній вѣнокъ былъ по частной подпискѣ, произведенной среди дѣятелей названныхъ органовъ Театральнаго Общества.

Всестороннее разсмотрѣніе вопроса о наиболѣе достойномъ увѣковѣченіи памяти великой Савиной, — соотвѣтственно съ громадными ея заслугами предъ сценическимъ міромъ,—было признано желательнымъ сдѣлать предметомъ занятій ближайшаго спеціальнаго засѣданія Совѣта, а теперь было рѣшено ограничиться лишь слѣдующими постановленіями:

1) Избранія предсѣдателя Совѣта не производить до предстоящаго великимъ постомъ Делегатскаго Собранія.

2) Кресло Маріи Гавріиловны Савиной, въ залѣ засѣданій Совѣта, оставить на своемъ обычномъ мѣстѣ—незанятымъ и вдѣлать въ него серебряную дощечку съ соотвѣтствующей надписью.

Залъ засѣданій Совѣта И. Р. Т. О.

3) Украсить портретомъ Маріи Гавріиловны Савиной залъ засѣданій Совѣта, а также и всѣ учрежденія Общества.

4) Обратиться ко всѣмъ театрамъ съ призывомъ—отслужить въ 40-й день кончины Маріи Гавріиловны Савиной всероссійскую панихиду и отмѣтить этотъ день добровольнымъ отчисленіемъ части сбора со спектакля и жалованья сценическихъ дѣятелей на образованіе особаго фонда имени Савиной, назначеніе котораго будетъ опредѣлено предстоящимъ Делегатскимъ Собраніемъ.

Комитетъ Петроградскаго Адвокатскаго Художественнаго Кружка въ экстренномъ засѣданіи своемъ, 9-го сентября 1915 года, постановилъ:

«Почтить память покойной великой русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной вставаніемъ и, вмѣсто вѣнка, пожертвовать на нужды Убѣжища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, любимаго дѣтища Маріи Гавріиловны, 100 рублей».

10-го сентября, въ 12 часовъ дня, въ фойе Маріинскаго театра была отслужена панихида по М. Г. Савиной, К. А. Варламовѣ, компо-

зиторѣ Н. П. Шенкѣ и хористѣ Д. Д. Старчевскомъ. Пѣлъ хоръ Императорской Петроградской оперы. Присутствовали всѣ артисты Маріинскаго театра, во главѣ съ главнымъ режиссеромъ І. В. Тартаковымъ.

Въ журналѣ засѣданія Правленія Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей, отъ того же числа, сказано:

«Въ началѣ почтена вставаніемъ память почетнаго члена Союза Маріи Гавріиловны Савиной; постановлено послать сочувственную телеграмму А. Е. Молчанову и возложить вѣнокъ отъ имени Союза на гробъ усопшей».

Засѣданіе это было въ составѣ: товарища предсѣдателя—Викт. А. Рышкова, секретаря—Б. И. Бентовина и членовъ Правленія—К. С. Баранцевича, Н. О. Еленскаго, И. Н. Ладыженскаго, Ѳ. Н. Латернера, В. А. Мазуркевича и Л. Н. Урванцова.

10-го же сентября, въ чрезвычайномъ засѣданіи Петроградской Городской Думы, «по предложенію гласнаго В. С. Кривенко, была почтена память скончавшейся заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной общимъ вставаніемъ и постановлено возложить на ея гробъ вѣнокъ отъ имени Петроградскаго Городского Самоуправленія».

Въ этотъ же день память Маріи Гавріиловны Савиной почтили вставаніемъ Дирекція Литературно-Художественнаго Общества и Совѣтъ Женскаго Взаимно-Благотворительнаго Общества.

Вечеромъ, 10-го, въ Александринскій театръ прибылъ представитель Императорской Московской драматической труппы — заслуженный артистъ А. И. Южинъ и возложилъ въ уборной усопшей артистки вѣтвь изъ бѣлыхъ хризантемъ, съ надписью на лентѣ: «Незабвенной памяти Маріи Гавріиловны Савиной—отъ Императорскаго Московскаго Малаго театра». Послѣ того, онъ обратился къ режиссеру А. Н. Лаврентьеву съ просьбой передать всей труппѣ Александринскаго театра чувства скорби, охватившей артистовъ Московскаго Малаго театра.

— Невозможно передать ту печаль, которой объяты мы всѣ, въ особенности старые артисты, узнавъ о безвременной кончинѣ Маріи Гавріиловны... Ѳедотова, Ермолова, Садовская, Лешковская, Никулина, Правдинъ, Рыбаковъ—всѣ буквально потрясены этой смертью,—сказалъ А. И. Южинъ.

Въ журналѣ «Театръ и Искусство», № 37, напечатано слѣдующее воззваніе, отъ 10-го сентября 1915 года:

КЪ РУССКОМУ АКТЕРСТВУ.

(Письмо въ редакцію).

Товарищи актеры! 18 лѣтъ назадъ, на зарѣ нашего объединенія, во время Перваго Всероссійскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей, когда мы принесли изъ всѣхъ окраинъ и отдаленнѣйшихъ угловъ обширной матушки Руси,—съ одной стороны вопли и стоны о нашей неорганизованности, необезпеченности, тяжкой нуждѣ, а съ другой—протестующіе голоса по поводу нашего безправія, нашей зависимости отъ «усмотрѣнія», встала *она*, вдохновенная, со слезами въ своихъ прекрасныхъ очахъ, которыя кто разъ увидалъ, никогда уже не забудетъ, и восторженно, изъ-за рампы, крикнула намъ: «Я—ваша землячка!.. Я—изъ той же деревни!..».

Это сказала С а в и н а, которая создала Театральное Общество, которая всю жизнь отдала на служеніе и на пользу сценическому міру,—каждую минуту, каждый мигъ своей драгоцѣнной жизни!

Товарищи! Мы осиротѣли!.. Нѣтъ словъ, нѣтъ слезъ, чтобы выплакать это горе... Страшное несчастье постигло насъ!..

Вы помните, какъ она являлась къ намъ въ Москву на Делегатскія Собранія!

Шли споры, толки. Велись ожесточенные дебаты, а *она* сидѣла тутъ же и вѣчно насъ мирила и успокаивала, трепетно оберегая наше Общество.

Вы вспомните, какъ она, дожидаясь своей очереди, съ тетрадкой въ рукахъ... этой священной тетрадкой, въ которой она давала отчетъ собранію провинціальныхъ актеровъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ нашего... нѣтъ, прежде всего, *ея* Общества! Она, прижимая къ сердцу эту библію свою, точно кричала: «Не отдамъ! Не отдамъ Убѣжища! Не допущу разрушенія Пріюта!..».

Нѣтъ, старые и молодые товарищи, нельзя объ этомъ говорить!.. Это было одинъ разъ, когда Богъ послалъ намъ мать... сестру... друга... товарища... Все въ одномъ прекрасномъ лицѣ: в ъ л и ц ѣ б е з с м е р т н о й о т н ы н ѣ д л я р у с с к а г о а к т е р а М а р і и Г а в р і л о в н ы С а в и н о й!..

Театръ потерялъ лучшую свою представительницу, *публика*—геніальную актрису, *авторы* и *критика*—самую яркую толковательницу великихъ образовъ, но мы, *провинціальные актеры*, потеряли великую печальницу о нашихъ нуждахъ, мы потеряли в с е!..

Вчера, когда клубы ладона еще носились въ совѣтской комнатѣ, когда въ ушахъ еще звучала мольба о вѣчной памяти *ей, нашей заступницѣ*, мы въ скорбномъ, траурномъ засѣданіи Совѣта рѣшили обратиться съ призывомъ ко всей театральной Россіи—устроить въ

сороковой день кончины *нашей Савиной* всероссійскую панихиду. Во всѣхъ дебряхъ и весяхъ, гдѣ только будутъ къ этому печальному дню актеры, пусть звучитъ «вѣчная память» *нашей землячкѣ*. Устроимъ у себя сборъ пожертвованій, хотя бы мѣдной копейкой, какъ собираютъ на храмы Божіи, и будемъ хранить навѣки наше Убѣжище, и ея святой прахъ въ этомъ Убѣжищѣ!..

В. Никулинъ.

11-го сентября, въ 5 часовъ дня, вновь происходило посвященное памяти Маріи Гавріиловны Савиной экстренное засѣданіе Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Присутствовали: товарищъ предсѣдателя Совѣта—А. А. Желябужскій; члены Совѣта—Г. С. Бурджаловъ, П. П. Гайдебуровъ, А. Р. Кугель, А. А. Наровскій, В. В. Протопоповъ, П. И. Пѣвинъ и В. С. Севастьяновъ; члены Ревизіонной Комиссіи—С. В. Брагинъ и И. А. Дынинъ; члены Общества, представители частныхъ театровъ—М. Г. Волковъ, В. Л. Градовъ, А. И. Гришинъ, М. А. Дмитріевъ-Шпоня, В. И. Никулинъ и П. П. Струйскій.

Всѣ прибыли на это засѣданіе прямо послѣ торжественно-трогательнаго погребенія Маріи Гавріиловны Савиной и находились еще всецѣло подъ скорбнымъ впечатлѣніемъ послѣдняго прощанія съ великой артисткой. Ужасъ потери охватывалъ всѣхъ; но въ средѣ сценическаго міра онъ былъ особенно ощутителенъ. Слишкомъ хорошо были всѣмъ извѣстны изумительная неутомимая энергія почившей и ея рѣдкое сердечное проникновеніе въ дѣло, которыми она примиряла, объединяла и побуждала къ совмѣстной работѣ разнообразные элементы Театральнаго Общества. Болѣзненно-остро чувствовалась незамѣнимая утрата—и это не могло не отразиться на настроеніи собранія и рѣчахъ присутствовавшихъ.

Членъ Совѣта по Москвѣ—Г. С. Бурджаловъ ярко охарактеризовалъ, какую ужасную брешь нанесла Обществу кончина Маріи Гавріиловны Савиной, и убѣждалъ въ настоятельной необходимости тѣснаго единенія, какъ членовъ Совѣта между собою, такъ и всѣхъ членовъ Общества.

— У Маріи Гавріиловны,—закончилъ онъ свою рѣчь,—была большая воля, и воля эта была добрая. Съ ея смертью Общество лишилось большой творческой силы, и только коллективной дружной работой возможно отчасти возстановить утраченную силу и замѣнить добрую волю почившей Савиной.

В. И. Никулинъ указывалъ на то, что въ настоящій моментъ, болѣе, чѣмъ прежде, необходимо единеніе театральной провинціи съ Совѣтомъ Театральнаго Общества. Въ этой согласованной дѣятельности и почерпнутся силы для продолженія дѣла, которому такъ само-

отверженно служила и которое такъ беззавѣтно любила Марія Гавріиловна Савина.

Переходя къ вопросу объ увѣковѣченіи памяти великой артистки, собраніе постановило возбудить слѣдующія ходатайства:

1) Предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ—объ открытіи всероссійской подписки для сбора пожертвованій на учрежденіе спеціальнаго фонда имени Маріи Гавріиловны Савиной.

2) Предъ Петроградскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ—о переименованіи улицы, гдѣ находится домъ почившей, въ которомъ она жила послѣдніе годы и въ которомъ окончила свои дни, въ «Улицу Савиной». Это ходатайство направлено на имя городского головы—графа И. И. Толстого и изложено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

> Умерла величайшая русская артистка Марія Гавріиловна Савина.
>
> Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, обсуждая способы достойно увѣковѣчить память Маріи Гавріиловны, остановился, въ ряду другихъ мѣръ, на мысли о наименованіи одной изъ улицъ Петрограда «Улицей Савиной» и постановилъ возбудить соотвѣтствующее ходатайство предъ Петроградскимъ Городскимъ Управленіемъ.
>
> Совѣтъ полагаетъ, что было бы наиболѣе соотвѣтственнымъ имя Маріи Гавріиловны присвоить той улицѣ, гдѣ находится ея домъ, въ которомъ она жила и скончалась—Улица Литераторовъ, 17. Какъ Совѣту стало извѣстно, мужъ покойной, Анатолій Евграфовичъ Молчановъ, намѣренъ въ этомъ домѣ устроить музей имени Маріи Гавріиловны Савиной.
>
> Изложенное Совѣтъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство представить на уваженіе Городской Думы.

Постановленіе Совѣта, въ минувшемъ его засѣданіи 9-го сентября, объ обращеніи къ сценическимъ дѣятелямъ съ призывомъ почтить память Маріи Гавріиловны Савиной въ 40-й день ея кончины встрѣтило большое сочувствіе со стороны представителей театральной провинціи. Приводимъ текстъ этого воззванія:

> Внезапная кончина Маріи Гавріиловны Савиной поразила русскій сценическій міръ неожиданностью и скорбью. Русскій театръ потерялъ въ лицѣ почившей не только несравненный талантъ, но и крупнѣйшую общественную силу. М. Г. Савиной, какъ извѣстно, принадлежалъ починъ въ образованіи Общества Пособія Сценическимъ Дѣятелямъ, впослѣдствіи выросшаго въ Императорское Русское Театральное Общество. Ея трудами и энергіей Общество развивалось и крѣпло.

Ея, главнымъ образомъ, стараніямъ и заботамъ сценическій міръ обязанъ Убѣжищемъ, Дѣтскимъ Пріютомъ и другими благотворительными учрежденіями Общества. Актерская громада находила въ лицѣ почившей ту волю, которая въ критическія минуты жизни Общества настойчиво изыскивала необходимыя средства для безпрепятственнаго продолженія дѣятельности Общества, то сердце, которое, откликаясь на многочисленныя актерскія нужды, никогда не уставало биться для блага сценическаго міра.

Безпримѣрная въ этомъ отношеніи дѣятельность Маріи Гавріиловны и ея свѣтлая память налагаетъ на сценическій міръ нравственную, можно сказать, святую обязанность чѣмъ-нибудь отплатить за ея материнскія заботы и увѣковѣчить славное имя Савиной въ исторіи Театральнаго Общества. Идя навстрѣчу этой несомнѣнной потребности сценическаго міра, Совѣтъ остановился на мысли въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны, 17-го октября, отслужить повсемѣстно, во всѣхъ театрахъ, панихиды и устроить въ тотъ же день сборъ среди сценическихъ дѣятелей. Пусть каждый дастъ, что можетъ, что хочетъ. Дорога́ въ этихъ доброхотныхъ жертвахъ мысль объ актерской копейкѣ, которой будущее Собраніе Делегатовъ дастъ достойное назначеніе.

Затѣмъ, рѣшено ближайшій выпускъ «Извѣстій Совѣта» посвятить всецѣло Маріи Гавріиловнѣ Савиной, а также признано желательнымъ изданіе особаго литературнаго сборника, посвященнаго ея памяти. Съ этой же цѣлью принципіально постановлено устроить литературно-художественный вечеръ, подробности котораго обсудить въ слѣдующихъ засѣданіяхъ Совѣта.

Членъ Совѣта В. В. Протопоповъ, состоящій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и однимъ изъ директоровъ Литературно-Художественнаго Общества, заявилъ:

— Марія Гавріиловна Савина, относясь съ исключительной заботливостью къ обездоленнымъ судьбою сценическимъ дѣятелямъ и отдавая дѣлу помощи свои силы, досугъ, связи и средства, не позабыла призрѣваемыхъ малолѣтнихъ актерскихъ сиротъ и въ посмертномъ завѣтѣ. Она состояла членомъ Литературно-Художественнаго Общества, и на ея погребеніе подлежало къ выдачѣ изъ кассы Общества 1.000 рублей. Этимъ деньгамъ каждому члену предоставляется, по его усмотрѣнію, дать заблаговременно—въ запечатанномъ конвертѣ—и иное назначеніе. Вчера, 10-го числа, конвертъ Маріи Гавріиловны былъ вскрытъ Дирекціей—и въ немъ оказалась слѣдующая воля покойной:

Въ Дирекцію Литературно-Художественнаго Общества.

Дѣйствительнаго члена О-ва Маріи Гавріиловны Савиной-Молчановой.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ случаѣ моей смерти, причитающееся мнѣ пособіе на похороны въ размѣрѣ 1,000 руб., согласно постановленію Чрезвычайнаго Общаго Собранія отъ 22-го Февраля 1911 года, прошу выдать Императорскому Русскому Театральному Обществу на пополненіе стипендіи моего имени въ Дѣтскомъ пріютѣ.

(Подпись: званіе, имя, отчество и фамилія).

Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина по мужу Молчанова.

М. А. Дмитріевъ-Шпоня довелъ до свѣдѣнія, что собранные имъ на устройство яслей для дѣтей сценическихъ дѣятелей 1.200 рублей онъ внесъ на стипендію имени Маріи Гавріиловны Савиной въ Дѣтскомъ Пріютѣ Театральнаго Общества, причемъ принялъ на себя обязательство и въ будущемъ продолжать сборъ на это назначеніе. Кромѣ того, М. А. объявилъ о своемъ намѣреніи поступившее къ нему пожертвованіе отъ неизвѣстной 1.000 рублей, вмѣстѣ съ деньгами, собранными на панихидѣ по Маріи Гавріиловнѣ Савиной, въ Московскомъ Бюро, 9-го сентября, внести на учрежденіе стипендіи имени почившей въ проектируемомъ въ Москвѣ Убѣжищѣ для пострадавшихъ на войнѣ и престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

Въ заключеніе, собраніе постановило послать А. Е. Молчанову телеграмму съ выраженіемъ сочувствія въ постигшемъ его горѣ и благодарности за высказанное имъ желаніе работать на пользу Общества.

11-го сентября, вечеромъ, состоялось чествованіе памяти Маріи Гавріиловны Савиной въ «Музыкальной Драмѣ». Передъ началомъ спектакля на сценѣ собрались въ полномъ составѣ труппа и администрація театра. Когда поднялся занавѣсъ, выступилъ впередъ членъ Правленія — В. С. Севастьяновъ и обратился къ публикѣ съ слѣдующими словами:

— Театральная Россія съ глубокой скорбью опустила сегодня въ могилу прахъ великой русской артистки и друга всероссійской артистической семьи — Маріи Гавріиловны Савиной. Театръ «Музыкальной Драмы» предлагаетъ собравшейся публикѣ почтить память усопшей вставаніемъ.

Создался удивительно трогательный моментъ единенія сцены и зрительнаго зала въ общемъ выраженіи печали по поводу понесенной утраты.

Въ тотъ же вечеръ память Маріи Гавріиловны Савиной была почтена вставаніемъ публикой, присутствовавшей на спектаклѣ въ Театрѣ А. С. Суворина (Маломъ театрѣ).

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», отъ 11-го сентября 1915 года, № 15081, появилась статья:

УВѢКОВѢЧЬТЕ САВИНУ.

Сегодня хоронятъ Марію Гавріиловну Молчанову, рожденную Подраменцеву, ибо похоронить Савину было бы преступленіемъ, было бы болѣе: нѣмецкимъ звѣрствомъ...

Имя Савиной въ исторіи европейскаго театра — въ числѣ первыхъ; въ исторіи русскаго театра оно — наравнѣ съ именами Дмитревскаго, Волкова, Щепкина, Мартынова. Ея именемъ, какъ и ихъ именами, знаменуется эпоха.

Когда смягчится острота утраты, конечно, поднимется вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Савиной. Вѣроятно, начнутся разговоры о стипендіяхъ, капиталахъ, учрежденіяхъ ея имени и прочее, и тому подобное. И пускай все это утвердятъ. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Но во всемъ этомъ будетъ память только объ имени Савиной, а Савину надо сохранить потомству цѣликомъ. Мы, слава Богу, уже далеко ушли впередъ въ заботахъ о нашей исторіи и должны стре-

миться къ тому, чтобы мельчайшія подробности работы этой дѣятельницы родной сцены стали достояніемъ историковъ русскаго театра. Мы должны облегчить имъ работу освѣщенія ея яркаго таланта. И это будетъ лучшимъ увѣковѣченіемъ памяти Савиной.

Само собою понятно, что я говорю о музеѣ, посвященномъ Савиной. Безразлично, создастъ ли его супругъ Савиной, будетъ ли Савиной отведено особое помѣщеніе въ Бахрушинскомъ музеѣ, позаботятся ли въ этомъ направленіи ея товарищи-артисты, но теперь же надо думать о томъ, чтобы все, касающееся Савиной, было собрано воедино. И, прежде всего, для этого необходима выставка. Не хочется вѣрить, чтобы для нея не нашлось работниковъ, на нее не нашлось средствъ.

Всѣ изображенія Савиной,—въ краскахъ, въ карандашѣ, въ фотографіяхъ, въ скульптурѣ,—всѣ письма ея и письма къ ней, предметы, принадлежавшие ей, документы ея, Савина въ иллюстраціи и въ карикатурѣ, литература о ней, все, относящееся къ ея кончинѣ,—все должно быть хотя бы на время сосредоточено въ одномъ мѣстѣ и всему этому долженъ быть составленъ каталогъ. Мѣсто для такой выставки готово,—все обширное фойе Александринскаго театра.

И въ настоящее время, пожалуй, нѣтъ даже возможности представить себѣ, какой драгоцѣнный матеріалъ для исторіи театра дастъ такой каталогъ.

Будетъ позорно, если сохранятъ память только объ имени Савиной и не отнесутся бережно къ самой Савиной.

Владиміръ Рышковъ.

12-го сентября въ засѣданіи Художественнаго Совѣта Петроградской Консерваторіи была почтена память Маріи Гавріиловны Савиной вставаніемъ, причемъ предсѣдательствовавшій директоръ Консерваторіи — А. К. Глазуновъ сообщилъ, что почившая великая артистка своимъ участіемъ въ концертахъ и литературныхъ вечерахъ въ пользу Вспомогательной Кассы Музыкальныхъ Художниковъ много способствовала матеріальному преуспѣянію этого учрежденія.

Среди артистовъ Александринскаго театра возникла мысль составить спеціальную книгу, посвященную памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

— Этотъ трудъ о незабвенной артисткѣ, — высказывалъ Ю. В. Корвинъ-Круковскій,—долженъ быть коллективнымъ. Всѣ мы, товарищи покойной, которые служили и встрѣчались съ нею, должны дать свои воспоминанія объ этой большой артисткѣ и дивномъ человѣкѣ.

Каждый изъ насъ могъ бы многое и многое разсказать. Я увѣренъ, что такой коллективный трудъ вышелъ бы грандіознымъ и поучительнымъ. Изданіе этого труда должно будетъ взять на себя Театральное Общество. Суммы, вырученныя съ этого изданія, должны поступить на составленіе капитала имени Савиной.

13-го сентября, днемъ, состоялось въ Александринскомъ театрѣ экстренное засѣданіе Комитета по представительству труппы, которое постановлено было «считать посвященнымъ памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

Присутствовали: М. А. Ведринская, В. А. Мичурина, В. В. Пушкарева, В. А. Рачковская, Н. В. Ростова, Л. Н. Шувалова, А. И. Долиновъ, В. Э. Мейерхольдъ, Н. В. Петровъ, Ю. Л. Ракитинъ, Е. П. Студенцовъ и Ю. М. Юрьевъ. Предсѣдательствовалъ В. Э. Мейерхольдъ, несъ обязанности секретаря Е. П. Студенцовъ.

Журналъ этого засѣданія гласитъ:

«Собраніе почтило память усопшей Маріи Гавріиловны Савиной вставаніемъ, послѣ чего единогласно рѣшило мѣсто своего почившаго предсѣдателя считать незанятымъ въ настоящемъ составѣ Комитета, впредь до переизбранія его въ Общемъ Собраніи труппы».

Затѣмъ, было доложено къ свѣдѣнію, что принадлежавшій Маріи Гавріиловнѣ и мужу ея, А. Е. Молчанову, домъ-особнякъ получаетъ въ настоящее время, по волѣ послѣдняго, общественное назначеніе—и въ немъ будетъ основанъ музей имени Савиной, съ цѣлью собрать воедино и хранить для потомства все, касающееся ея славной творческой жизни.

Комитетомъ постановлено:

1) Войти немедленно, отъ имени труппы Александринскаго театра, съ ходатайствомъ въ Петроградскую Городскую Думу объ увѣковѣченіи памяти почившей великой артистки, давъ наименованіе улицѣ, гдѣ она жила и скончалась: «Улица Савиной».

2) Телеграмму съ выраженіемъ высокомилостиваго соболѣзнованія Его Императорскаго Величества Государя Императора труппѣ Александринскаго театра, по поводу постигшей ее тяжкой утраты въ лицѣ скончавшейся заслуженной артистки Маріи Гавріиловны Савиной, вставить въ соотвѣтствующую рамку и повѣсить въ артистическомъ фойе театра.

3) Выразить благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, заявившимъ сочувствіе труппѣ въ переживаемомъ горѣ—смерти Маріи Гавріиловны Савиной. Отдѣльными письмами благодарить Императорскій Московскій Малый театръ, Московскій Художественный театръ и всѣ провинціальные театры — въ лицѣ ихъ представителя В. Л.

Градова, а къ остальнымъ обратиться съ благодарностью при посредствѣ газетъ—письмомъ въ редакцію, слѣдующаго содержанія:

Труппа Императорскаго Александринскаго театра приноситъ свою глубокую благодарность Московскому Императорскому Малому театру, Московскому Художественному театру, Театру Незлобина, Оперѣ Зимина, Московскому Литературно-Художественному Кружку, Московскому Драматическому театру Суходольскихъ, Московскому Обществу Дѣятелей Печати и Литературы, Московскому Обществу Народныхъ Университетовъ, труппѣ Театра имени В. Ѳ. Коммиссаржевской, Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Петроградской Судебной Палаты, Кутаисскому Грузинскому Драматическому Обществу, Тверскому Обществу имени Островскаго, Саратовскому Театральному Комитету, группѣ артистовъ польской оперы «Новости» Варшавскихъ правительственныхъ театровъ въ Москвѣ, польской труппѣ въ Московскомъ Камерномъ театрѣ, Драматической Школѣ Топорской, Генріеттѣ Роджерсъ, Озаровскому, Санину, Вѣрѣ Глоба, Кропивницкимъ и другимъ—за выраженное сочувствіе по случаю незамѣнимой утраты, постигшей Александринскій театръ въ лицѣ заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной.

Комитетъ по представительству русской драматической труппы Императорскаго Александринскаго театра.

4) Портретъ Маріи Гавріиловны Савиной, находящійся въ фойе для публики Александринскаго театра, убрать траурнымъ флеромъ и оставить его такъ въ теченіе 40 дней по кончинѣ—до 17-го октября.

5) Въ 9-й день по кончинѣ—16-го сентября—отслужить панихиду въ уборной Маріи Гавріиловны Савиной, въ Александринскомъ театрѣ, задрапировавъ это помѣщеніе трауромъ.

6) Въ тотъ же день, утромъ, возложить на могилу Маріи Гавріиловны Савиной вѣнокъ отъ Комитета, съ надписью: «Ушедшей, духомъ своимъ соединившей насъ. Первому предсѣдателю—Комитетъ труппы Императорскаго Александринскаго театра» [1]).

7) Помѣстить въ усыпальницѣ, гдѣ будетъ покоиться прахъ Маріи Гавріиловны Савиной, неугасимую лампаду, сдѣлавъ на ней соотвѣтствующую надпись.

Передъ окончаніемъ засѣданія была доложена просьба А. Е. Молчанова о разрѣшеніи ему принять на себя расходы по поддержанію

---

[1]) Расходы по этому приношенію были приняты членами Комитета лично на себя, въ равныхъ доляхъ.

неугасимой лампады въ артистическомъ фойе Александринскаго театра, какъ это дѣлала при жизни Марія Гавріиловна Савина.

13-го числа происходило въ Троицкомъ театрѣ Общее Собраніе Союза «Артистъ—Солдату». Присутствовавшіе, заслушавъ оповѣщеніе предсѣдателя—П. П. Гайдебурова о горестной утратѣ дѣйствительнаго члена Союза Маріи Гавріиловны Савиной, почтили ея память вставаніемъ.

То же самое имѣло мѣсто въ этотъ же день и въ засѣданіи Правленія Кружка Друзей Театра.

13-го же сентября была собрана Конференція Императорскаго Петроградскаго Театральнаго Училища по Драматическимъ Курсамъ.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ инспектора Училища—И. М. Мысовскаго и было въ составѣ: преподавателей Курсовъ—Н. С. Васильевой, А. К. Воскресенскаго, В. А. Головани, А. И. Долинова, Ю. Л. Ракитина, Ю. М. Юрьева, классной дамы—Э. В. Юргенсъ и помощника инспектора—А. В. Бѣляева.

Конференція почтила вставаніемъ память Маріи Гавріиловны Савиной и указала на то, что Театральное Училище должно быть украшено большимъ портретомъ почившей артистки.

Въ «Журналѣ Распоряженій по Императорскимъ Петроградскимъ Театрамъ съ 14-го по 16-е сентября 1915 года», № 73, 3-мъ пунктомъ напечатано:

«Исключается изъ списковъ Дирекціи умершая 8-го сего сентября заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Савина. (Предписаніе отъ 11-го сентября 1915 г., за № 1971)».

Дирекція Императорскихъ театровъ, въ знакъ траура, сдѣлала распоряженіе снять на два мѣсяца съ репертуара Александринскаго театра всѣ пьесы, въ которыхъ играла покойная Марія Гавріиловна Савина.

Послѣ погребенія Маріи Гавріиловны Савиной ежедневно въ храмѣ Убѣжища совершались заупокойныя литургіи и затѣмъ панихиды на могилѣ. Такъ это продолжалось вплоть до 40-го дня по ея кончинѣ. На этихъ богослуженіяхъ присутствовали родственники и близкіе друзья усопшей, пансіонерки и пансіонеры Убѣжища и другіе. За эти дни вообще могила почившей артистки сдѣлалась мѣстомъ паломничества для многочисленныхъ почитателей ея свѣтлой памяти.

Всѣ вѣнки и прочія приношенія ко гробу Маріи Гавріиловны Савиной были сгруппированы и въ соотвѣтственномъ порядкѣ размѣщены въ притворѣ церкви и въ коридорахъ Убѣжища. Заимствуемъ описаніе этого устройства изъ «Обозрѣнія Театровъ» (№ 2872, отъ 16-го сентября 1915 г.):

СРЕДИ ВѢНКОВЪ.

Когда вы теперь войдете въ Убѣжище, вамъ невольно покажется, что вы въ царской усыпальницѣ. Да оно такъ и есть—здѣсь спитъ царица русской сцены.

Входъ въ церковь любовно осѣняетъ крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Государя Императора и, какъ два щита, по бокамъ входа вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ отъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и отъ Великой Княгини Маріи Павловны.

Вѣнки направо и налѣво по коридорамъ, вѣнки въ двухъ нишахъ притвора. Вѣнки прекрасные,—прекрасные потому, что прежде, чѣмъ ихъ возложить на гробъ той, для которой жизнь была дѣятельная любовь, любящіе выплакали всю душу. А какъ трогательно, какъ сердечно развѣшаны они по стѣнамъ... Это сдѣлала родная, тревожащаяся душа...

Никто не обиженъ, никто не забытъ—всякое мѣсто сдѣлано почетнымъ.

Въ нишѣ налѣво — все, что касается Императорскаго Театральнаго Общества, которое создала и которымъ жила и дышала Марія Гавріиловна, какъ общественная дѣятельница.

Въ нишѣ направо — все, для чего жила Марія Гавріиловна, какъ жрица искусства, и, прежде всего, серебряный вѣнокъ

отъ труппы Александринскаго театра: «Нашей Савиной, солнцу русскаго театра, — осиротѣвшіе товарищи». Вотъ вѣнокъ отъ Благороднаго Собранія, гдѣ впервые выступила въ Петербургѣ Марія Гавріиловна.

А что это за скромный крестикъ изъ незабудокъ? Тамъ—наверху! На немъ нѣтъ ни ленты, ни надписи, почему же ему такой почетъ?

Это крестъ отъ Анны Петровны Натаровой-Чистяковой, которую такъ любила Марія Гавріиловна и которая участвовала во второмъ дебютѣ Савиной въ Петербургѣ—въ «Воспитанницѣ».

Каждый вѣнокъ хранитъ любовь, хранитъ тайну.

Въ коридорѣ налѣво бросается въ глаза серебряный вѣнокъ отъ Петроградскаго Городского Самоуправленія. У колоннъ лѣстницы вѣнки отъ Императорской Петроградской оперы, балета и отъ Московскаго Императорскаго Малаго театра. Напротивъ, вѣнки отъ труппы Императорскаго Михайловскаго театра, отъ оркестра Маріинскаго театра...

А вотъ вѣнокъ отъ М. Н. Ермоловой: «Великой артисткѣ и товарищу—вѣчная память Маріи Гавріиловнѣ Савиной».

Что это? «Собирательницѣ земли актерской, незабвенной Савиной—Кривое Зеркало». Милое волшебное «Кривое Зеркало» съумѣло сказать то, что мы только чувствовали.

А чей это вѣночекъ изъ шелковыхъ нѣжныхъ розъ? «Маріи Гавріиловнѣ—Преображенская». Такой же маленькій, какъ она, и такой же нѣжный и чистый, какъ ея тихая душа.

Бисерный вѣнокъ отъ Литейнаго театра. Бисерный!.. Сколько въ этомъ любви и молчаливаго вниманія.

А что это на вѣнкѣ изъ ландышей отъ Общества Островскаго?.. Господи! Да вѣдь это божья коровка!.. Чье любящее сердце прикрѣпило ее къ зеленому листку?..

Время бѣжитъ! А еще смотрѣть много, вѣдь всего—болѣе ста пятидесяти вѣнковъ, и многіе изъ нихъ отъ лицъ и учрежденій, которыми гордится Россія.

Рука устаетъ записывать. Воспитатель Пансіона говоритъ мнѣ, что скоро будетъ составленъ каталогъ. Какъ это хорошо! Такіе вѣнки, какъ вѣнки, въ послѣдній разъ поднесенные Савиной, не молчатъ, они говорятъ,—говорятъ и о той, для которой ихъ плели, и о тѣхъ, которые ихъ принесли къ свѣжей могилѣ.

Я хочу уже уходить, но невольно останавливаюсь у скромнаго вѣнка: «Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—русская театральная провинція». И дѣлается до слезъ больно, и вспоминаются прекрасныя слова Homo Novus'a «о возвращеніи Савиной, послѣ блестящей жизни ея, послѣ всевозможныхъ и всяческихъ утѣхъ, радостей и славы, въ скромную семью того же провинціальнаго бѣднаго актерства, откуда вышла краса нашего театра»...

Уже уходя, я слышу, какъ кто-то изъ стариковъ-актеровъ тихо, какъ бы про-себя, шепчетъ:

«Можно ли было ожидать, что и Марія Гавріиловна попадетъ къ намъ, сюда—въ Убѣжище!»

—Ъ.

Въ среду, 16 сего сентября, въ девятый день кончины
заслуженной артистки Императорскихъ театровъ
МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ
САВИНОЙ
въ церкви убѣжища Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей (Петровскій островъ, Петровскій пр., 13) будетъ совершена въ 11 ч. утра заупокойная литургія, а по окончаніи оной—панихида на могилѣ усопшей.

Благолѣпіе церковной службы, которое было такъ по-душѣ почившей, любовно поддерживалось всѣми. Богослуженія совершали соборне: протоіереи В. И. Маренинъ, А. Ѳ. Димитріевъ и В. Ф. Пигулевскій, діаконы И. Е. Аркадьевъ и Ѳ. П. Поляковъ. Пѣлъ постоянный хоръ церкви Убѣжища, подъ управленіемъ регента А. Н. Игнатьева.

Во время божественной литургіи изъ числа любимыхъ Маріей Гавріиловной партесныхъ пѣснопѣній были исполнены слѣдующія: **Слава и Единородный сне**—Чайковскаго, «Блаженни» (**Во цртвіи твоемъ**)—Панченко, **Со стыми оупокой**—Архангельскаго, **Гдн, спси блгоутнвыя** и **Трисвтое**—Чайковскаго, Сугубая ектенія—царская, Заупокойная ектенія—Архангельскаго, Херувимская № 5 (заупокойная)—Турчанинова, **Вѣрую**—Гречанинова (соло альта исполняла І. М. Осипова, изъ хора церкви при Управленіи протопресвитера военнаго и морского духовенства), **Мать міра** (фа-миноръ)—Фатѣева, **Достойно есть**—Чайковскаго, **Отче нашъ**—графа Шереметева (соло тенора исполнялъ діаконъ Спасо-Колтовской церкви С. А. Воробьевъ), Запричастный: **Гдн, оуслыши молитву мою**—Архангельскаго и «Отпустъ» (**Блгочестивѣйшаго**)—Чеснокова.

Часы читали Е. Н. Хитрово и В. В. Сладкопѣвцевъ.

Церковь была полна молящимися. Было много артистовъ, какъ Императорскихъ, такъ и частныхъ театровъ, всѣ главные дѣятели Театральнаго Общества и другихъ учрежденій, въ которыхъ покойная принимала ближайшее участіе, и всѣ тѣ, кто хорошо зналъ,—а стало быть, и преданно любилъ,—незабвенную Марію Гавріиловну.

Могила почившей великой артистки представляла собою сплошной холмъ цвѣтовъ и зелени, который былъ увѣнчанъ лежащимъ сверху большимъ бѣлымъ крестомъ—новое приношеніе Н. А. Бакеркиной. Осень за эти нѣсколько дней успѣла очень сильно позолотить густую листву вѣтвей липы и клена, осѣняющихъ этотъ мирный поэтическій уголокъ послѣдняго упокоенія.

Артисты М. А. Ведринская, А. И. Долиновъ и Е. П. Студенцовъ возложили на могилу своего любимаго старшаго товарища живые цвѣты, перевязанные лентой, съ надписью: «Ушедшей, духомъ своимъ соединившей насъ. Первому предсѣдателю—Комитетъ труппы Императорскаго Александринскаго театра».

Панихида на могилѣ была отслужена духовенствомъ также соборне, причемъ діакона И. Е. Аркадьева замѣнилъ діаконъ Спасо-Колтовской церкви С. А. Воробьевъ. Хоръ пѣлъ «Панихиду» Архангельскаго.

Во время этого богослуженія яркіе лучи солнца внезапно залили могилу—у многихъ навернулись слезы: словно просвѣтленная душа покойной давала знать оставшимся, что она нашла вѣчный покой въ «Царствѣ вѣчной радости». Свѣтъ озарилъ и лежащій здѣсь вѣнокъ изъ осеннихъ листьевъ, которые такъ любила Марія Гавріиловна,—вѣнокъ, принесенный изъ ея сада, на Карповкѣ,—вѣнокъ, собранный и собственноручно сплетенный ея преданными слугами...

По окончаніи панихиды, къ могилѣ приблизился В. В. Сладкопѣвцевъ и прочелъ свое стихотвореніе:

Свѣтлой памяти Марiи Гаврiиловны Савиной.

Между липою и кленомъ
Выросла могила,
Между липою и кленомъ
Схоронилась сила.
Схоронилось, притаилось
Отъ людского горя
Сердце, полное любовью,
Какъ водою море.
Ищутъ, ищутъ люди сердце...
«Гдѣ-жъ оно сховалось?
Отчего подъ кленомъ клира
Пѣнье раздавалось?»
Зашумѣла скорбно липа,
Наклонилась къ клену—
И раздался скрипъ пѣвучiй,
Скрипъ, подобный стону:
«Ой, вы люди, люди, люди!
Не сыскать потери...
Разступилось ночью небо
И раскрылись двери...
Растворились въ рай прекрасный—
Путь открылся къ Богу,
Сердце, полное любовью,
Собралось въ дорогу.
Не догнать его на крыльяхъ,
Не вернуть съ дороги...
Вы остались люди—сиры,
Сиры и убоги!»
. . . .
На могилѣ крестъ дубовый,
Образъ и лампада.
Богъ теперь ея защита,
Милость и отрада.
Вы не плачьте, Божьи люди,
Ею все забыто,
И за васъ она у Бога—
Новая защита [1]).

---

[1]) Это стихотворенiе напечатано въ «Обозрѣнiи Театровъ», 16-го сентября 1915 г., № 2872.

Могила Маріи Гавріиловны Савиной.

Многіе прямо изъ Убѣжища отправились въ Александринскій театръ, гдѣ въ 4 часа дня была назначена панихида по Маріи Гавріиловнѣ Савиной—въ ея уборной.

Здѣсь присутствовали: директоръ Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскій, управляющій Конторой—баронъ В. А. Кусовъ и другіе чины Дирекціи. Сюда прибыли также А. Е. Молчановъ и нѣкоторые родственники почившей. На сценѣ, передъ уборной, собрались всѣ артисты Императорской драматической труппы и всѣ служащіе въ Александринскомъ театрѣ.

Отправляли богослуженіе протоіерей В. Ф. Пигулевскій и діаконъ М. А. Смирновъ. Пѣлъ хоръ А. А. Архангельскаго, подъ личнымъ его управленіемъ.

Нечего и говорить о томъ скорбномъ настроеніи, которое властно царило среди молящихся. Вѣдь все еще тутъ жило Савиной, и съ ея утратой никто не могъ и не хотѣлъ мириться. По окончаніи панихиды, долго не расходились. Большинство сгруппировалось въ артистиче-

скомъ фойе и, отдаваясь невольной потребности облегчить душу, дѣлилось между собою воспоминаніями о такъ неожиданно похищенномъ смертью дорогомъ товарищѣ и о связанномъ съ нимъ невозвратномъ прошломъ...

16-го сентября въ засѣданіи Петроградской Городской Думы гласный С. Н. Худековъ внесъ предложеніе объ увѣковѣченіи памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

— Уже нѣсколько дней,—обратилъ онъ вниманіе собранія,—какъ надъ прахомъ знаменитой русской артистки возвышается могильный холмъ. Тѣмъ не менѣе, признательный городъ, гдѣ расцвѣлъ ея талантъ, гдѣ она создала рядъ безсмертныхъ образовъ, еще не коснулся вопроса о чествованіи памяти «художницы русской сцены». Возложить вѣнокъ на гробъ—для города слишкомъ мало. Необходимо, чтобы Дума немедленно поручила кому-либо изъ ея исполнительныхъ органовъ выработать и представить, какъ можно скорѣе, проектъ чествованія памяти великой артистки. Способовъ увѣковѣченія памяти такъ много, что, надѣюсь, городъ найдетъ достойнѣйшій славной памяти Савиной. Можетъ быть, это будетъ доброе дѣло, названіе въ честь ея улицы, или что другое, но только городу обязательно слѣдуетъ реагировать на столь печальную утрату...

Предсѣдатель Думы—сенаторъ С. В. Ивановъ огласилъ полученное имъ ходатайство Комитета по представительству русской драматической труппы Александринскаго театра слѣдующаго содержанія:

> Артисты русской драматической труппы Императорскаго Александринскаго театра, желая увѣковѣчить имя незабвеннаго своего товарища—заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, бывшей свыше сорока пяти лѣтъ украшеніемъ и гордостью національной сцены, изъ которыхъ сорокъ лѣтъ протекли на подмосткахъ Александринскаго театра, въ городѣ Петроградѣ, обращаются съ покорнѣйшей просьбой къ представителямъ города—дать улицѣ, гдѣ жила и скончалась Марія Гавріиловна, названіе: «Улица Савиной». Домъ Маріи Гавріиловны Савиной на этой улицѣ отнынѣ превращенъ въ театральный музей имени Маріи Гавріиловны Савиной.

Гласный П. А. Потѣхинъ, имѣя въ виду, что Комиссіею по народному образованію былъ въ свое время представленъ докладъ о чествованіи 40-лѣтія дѣятельности Маріи Гавріиловны Савиной, предложилъ поручить той же Комиссіи соотвѣтствующимъ образомъ дополнить этотъ докладъ и представить его Думѣ. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно.

Въ протоколѣ засѣданія Правленія Общества охраны материнства и грудныхъ дѣтей въ Царскомъ Селѣ, отъ 16-го сентября 1915 года, значится:

«Профессоръ Ястребовъ доложилъ Правленію о постигшемъ Общество горѣ — о кончинѣ 8-го сентября сего года почетнаго члена и учредителя Общества незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной и подробно остановился на сердечномъ и вдумчивомъ отношеніи покойной къ задачамъ Общества и ко всѣмъ подробностямъ его организаціи, а также на содѣйствіи Маріи Гавріиловны развитію дѣятельности Общества на пользу бѣдныхъ матерей и ихъ дѣтей. Память покойной почтена вставаніемъ и Правленіе единогласно постановило послать отъ имени Общества телеграмму Директору Императорскихъ театровъ съ выраженіемъ чувствъ глубокой скорби по поводу смерти незабвеннаго, столь много уже сдѣлавшаго для развитія дѣятельности Общества, члена его [1]) и возложить вѣнокъ на могилу Маріи Гавріиловны Савиной».

Здѣсь будетъ кстати привести рѣчь профессора Н. В. Ястребова, приготовленную имъ для произнесенія въ Общемъ Собраніи названнаго Общества:

> Въ прошломъ году Общество охраны материнства и грудныхъ дѣтей въ Царскомъ Селѣ понесло тяжкую утрату: 8-го сентября 1915 года скончалась незабвенная Марія Гавріиловна Савина, почетный членъ и учредитель Общества.
>
> Марія Гавріиловна глубоко сочувствовала мысли возникновенія организованной на научныхъ основаніяхъ заботы о бѣдныхъ матеряхъ и ихъ грудныхъ дѣтяхъ—и въ первое же время существованія Общества оказала существенное содѣйствіе осуществленію задачъ его.
>
> Сочувствіе геніальной женщины, основанное на глубокомъ знаніи ею человѣческой души и условій жизни женщины въ различныхъ слояхъ населенія нашего обширнаго отечества, было особенно дорого для развитія дѣятельности новаго Общества—и потому утрата эта является для насъ дѣйствительно тяжкой.
>
> Появленіе геніальной личности, если она обладаетъ высокими душевными качествами, каковыя были у Маріи Гавріиловны, среди той или другой группы общественныхъ дѣятелей оказываетъ обычно благотворное вліяніе на жизнь, далеко выходя за предѣлы спеціальной дѣятельности такой

---

[1]) Текстъ телеграммы приведенъ ниже—см. «Выраженія скорби и соболѣзнованія по поводу кончины Маріи Гавріиловны Савиной».

личности. Марія Гавріиловна Савина была геніальная драматическая артистка, и, какъ таковая, она сгруппировала около себя выдающихся сотрудниковъ—это, такъ сказать, былъ естественный подборъ, необходимый для правильной работы. Далѣе, вліяніе генія ея сказалось на драматической литературѣ цѣлаго періода ея дѣятельности, и въ частности на репертуарѣ того театра, гдѣ она работала. Съ появленіемъ на сценѣ въ 1874 году Маріи Гавріиловны, геніальной артистки, и группировки около нея соотвѣтственныхъ сотрудниковъ, общество и главнымъ образомъ—что особенно важно—молодежь его, стали отдавать свои досуги драматическому театру съ его національнымъ репертуаромъ, а это, конечно, вліяло на молодое поколѣніе въ общеобразовательномъ смыслѣ. Это вліяніе геніальной артистки сказывалось годами не только на столичное, но и на провинціальное общество, такъ какъ Марія Гавріиловна устраивала почти ежегодно поѣздки по Россіи и въ нѣкоторыхъ университетскихъ и неуниверситетскихъ городахъ выступала въ цѣлыхъ серіяхъ современныхъ и бытовыхъ пьесъ.

Вліяніе Маріи Гавріиловны на драматическую литературу, репертуаръ, значеніе ея, какъ артистки, положеніе драмы въ ея періодъ дѣятельности, отношеніе къ ней общества и писателей—были уже разсмотрѣны въ спеціальной литературѣ спеціалистами и будетъ, конечно, пополнено ими.

Глубоко почитая память Маріи Гавріиловны, я считаю своимъ долгомъ, какъ много лѣтъ знавшій ее, отмѣтить ея высокія душевныя качества, которыми объясняется ея отношеніе къ общественной дѣятельности на пользу бѣдныхъ.

Я былъ представленъ Маріи Гавріиловнѣ, будучи еще студентомъ Медико-Хирургической Академіи, въ 1874 году, когда она только что поступила на сцену Императорскаго Александринскаго театра. Затѣмъ, я встрѣчался съ нею въ Варшавѣ, будучи профессоромъ Варшавскаго Университета, когда Марія Гавріиловна пріѣзжала туда со своими сотрудниками на гастроли, и, наконецъ, здѣсь въ Петроградѣ—въ послѣднія десять лѣтъ, когда я, окончивъ службу въ Варшавѣ, поселился въ Царскомъ Селѣ и занялся вопросомъ объ охранѣ материнства и грудныхъ дѣтей. За эти многіе годы знакомства могу отмѣтить всегдашнюю удивительную ея скромность и простоту въ личной жизни, что свойственно личностямъ, проникающимъ своимъ геніальнымъ взоромъ въ глубину человѣческой души и занятымъ сущностью жизнен-

ныхъ вопросовъ. Руководствуясь всестороннимъ знаніемъ жизни, она не жалѣла своихъ трудовъ, своихъ силъ и средствъ на помощь тамъ, гдѣ была дѣйствительная нужда. Она помогала и устраивала жизнь въ артистическомъ мірѣ, не забывая и тѣхъ, которые уже закончили свою дѣятельность. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ созданное ею Театральное Общество и Убѣжище для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей и дѣтей артистовъ, въ церкви котораго и будетъ покоиться ея прахъ.

Но она трудилась, работала и давала свои средства не только для нуждающихся изъ близкой ей среды артистовъ, а готова была оказать содѣйствіе всякому дѣйствительно доброму дѣлу. Примѣромъ можетъ служить новое Общество охраны материнства и грудныхъ дѣтей въ Царскомъ Селѣ. Когда я познакомилъ Марію Гавріиловну съ цѣлью учрежденія Общества, она, очень быстро разобравшись въ сущности задачъ его, высказала свое горячее сочувствіе этому дѣлу и готовность вступить въ число членовъ учредителей его и содѣйствовать осуществленію задачъ Общества, которое начало свою дѣятельность со средствами, составленными только изъ членскихъ взносовъ.

Когда дѣятельность Общества проявилась, она сама стала торопиться устроить спектакль въ его пользу, чтобы дать средства для расширенія его дѣятельности. Всѣ хлопоты по устройству спектакля она приняла на себя и сама пригласила своихъ товарищей-сотрудниковъ, которые вмѣстѣ съ нею дали и свое время и свой трудъ для этого дѣла. Спектакль былъ устроенъ 7-го апрѣля 1914 года въ Александринскомъ театрѣ. Поставлены были «Плоды просвѣщенія» Толстого, причемъ роль Звѣздинцевой въ первый разъ исполнила сама Марія Гавріиловна Савина. Спектакль закончился балетнымъ дивертисментомъ, при участіи О. О. Преображенской и Е. А. Смирновой. Спектакль прошелъ, конечно, при полномъ залѣ. Чистый доходъ—3.000 рублей Марія Гавріиловна передала казначею Общества, а черезъ меня—письмо Правленію, въ которомъ она высказывала пожеланіе, какъ распредѣлить эти средства.

Вотъ это письмо:

Прилагая при семъ отчетъ спектакля, устроеннаго мною 7-го апрѣля въ пользу Общества охраны материнства и грудныхъ дѣтей, я, ознакомившись съ уставомъ, просила бы, на основаніи § 45 и п. 4, распредѣлить 3.000 рублей слѣдующимъ образомъ:

1) 1.010 рублей—безъ указанія назначенія, въ запасный капиталъ.

2) 1.000 рублей—для образованія спеціальнаго фонда на выдачу молока, изъ коихъ 500 рублей въ качествѣ неприкосновеннаго капитала.

3) 300 рублей—въ фондъ для выдачи пособій бѣднымъ невѣстамъ.

4) 690 рублей—на текущіе расходы.

Если Правленіе найдетъ мою просьбу исполнимой, я буду чрезвычайно благодарна.

М. Савина.

20-го апрѣля 1914 года.

Я привожу это письмо, какъ доказательство того глубокаго пониманія задачъ новаго Общества и настоятельныхъ нуждъ его въ данный моментъ.

Правленіе, заслушавъ 29-го апрѣля 1914 года письмо Маріи Гавріиловны Савиной, постановило: «Планъ распредѣленія денегъ, полученныхъ отъ спектакля 7-го апрѣля, предложенный Маріей Гавріиловной Савиной, съ глубокой благодарностью принять. Назвать капиталъ въ 1.000 рублей для выдачи молока (изъ нихъ 500 рублей неприкосновенны) фондомъ Маріи Гавріиловны Савиной и о таковомъ своемъ рѣшеніи извѣстить Марію Гавріиловну Савину соотвѣтствующимъ письмомъ».

Письмо, въ которое вошло полностью только что приведенное постановленіе Правленія, было послано Маріи Гавріиловнѣ Савиной за подписью предсѣдателя Правленія графа Я. Н. Ростовцова.

Итакъ, со смертью Маріи Гавріиловны Савиной Общество лишилось своего всей душой преданнаго доброму дѣлу почетнаго члена-учредителя, но память о Маріи Гавріиловнѣ Савиной сохранится, пока само Общество существуетъ.

Вотъ это отношеніе Маріи Гавріиловны къ задачамъ новаго Общества и свидѣтельствуетъ о высокихъ душевныхъ качествахъ ея.

Будемъ почитать ея память и да послужитъ намъ эта память о Маріи Гавріиловнѣ Савиной руководящимъ свѣточемъ отношеній нашихъ къ общественнымъ добрымъ дѣламъ.

17-го сентября въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», № 15093, была напечатана такая замѣтка:

НЕ ТО...

Императорское Русское Театральное Общество въ экстренномъ засѣданіи своемъ, состоявшемся послѣ похоронъ Савиной, постановило ходатайствовать передъ Городской Думой о наименованіи одной изъ Петроградскихъ улицъ — желательно той части Петровскаго проспекта, которая ранѣе носила названіе Тополевой — Савинской.

Почему?... Только потому, что на Петровскомъ островѣ находится созданное Савиной Убѣжище Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества?!..

Но развѣ намъ, петроградцамъ, Савина дорога, какъ учредительница этого Убѣжища?

Убѣжище знаетъ артистическій міръ, а Савину знаетъ вся Россія. Для нея, для Россіи, имя Савиной связано, прежде всего, съ Александринскимъ театромъ. И если для артистической среды Савина является создательницей Убѣжища, то для театральной Россіи она является создательницей незабываемыхъ образовъ на подмосткахъ Александринскаго театра,—этой академіи сцены.

Поэтому было бы правильнѣе назвать Савинской улицей Толмазовъ переулокъ, примыкающій къ театру.

Для меня, стараго петроградца, наименованіе «Толмазовъ» ничего не говоритъ. Вѣрнѣе всего, онъ названъ въ честь нѣкоего Толмазова, владѣвшаго въ этомъ переулкѣ домами. Имъ, безспорно, можно пожертвовать для Савиной, и извѣстный знатокъ петроградской старины—П. Н. Столпянскій, должно быть, компетентенъ разъяснить этотъ вопросъ.

Владиміръ Рышковъ.

По этому же вопросу выступило 18-го сентября и «Обозрѣніе Театровъ» (№ 2874):

ОБЪ УЛИЦѢ САВИНОЙ.

На послѣднемъ засѣданіи Петроградской Городской Думы гласный С. Н. Худековъ поднялъ вопросъ объ увѣковѣченіи памяти великой артистки достойнымъ ея имени дѣломъ.

На ряду съ этимъ предсѣдатель Городской Думы—сенаторъ С. В. Ивановъ сообщилъ, что отъ труппы Александринскаго театра поступило предложеніе увѣковѣчить память артистки присвоеніемъ ея имени Улицѣ Литераторовъ, гдѣ находится ея домъ,—тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ будетъ устроенъ театральный музей имени покойной.

Дума постановила передать этотъ вопросъ въ Комиссію по народному образованію для составленія доклада.

Надо надѣяться, что Комиссія не положитъ дѣла подъ сукно и представитъ свой докладъ въ болѣе или менѣе скоромъ времени. Слѣдуетъ также думать, что вопросъ о созданіи «Улицы Савиной» не встрѣтитъ, не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій для своего положительнаго разрѣшенія. Нельзя притомъ не замѣтить, что Улица Литераторовъ сейчасъ носитъ довольно неудачное названіе. У насъ есть Улица Глинки, Жуковскаго, Гоголя—это понятно, это отвѣчаетъ потребности почтенія памяти корифеевъ русской литературы и искусства. Но Улица Литераторовъ, получившая свое прозвище только отъ того, что на ней помѣщается Пріютъ для престарѣлыхъ литературныхъ дѣятелей,—это звучитъ не очень гордо и даже необычно. Вѣдь нѣтъ же Улицы артистовъ, художниковъ и тому подобное. Такимъ образомъ, переименованіе Улицы Литераторовъ въ Улицу Савиной устранитъ и эту несообразность.

Зато совершенно не выдерживаетъ серьезной критики предложеніе, съ которымъ вчера выступилъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Владиміръ Рышковъ. Онъ предлагаетъ назвать Улицей Савиной Толмазовъ переулокъ, вблизи Александринскаго театра. Это—грязное и непріятное мѣсто, какому совсѣмъ не приличествуетъ присвоеніе великаго имени. Сама покойная артистка избѣгала этого переулка, который рѣшительно не связанъ ни съ какими воспоминаніями о ней.

К.

18-го сентября пріѣхалъ изъ Москвы солистъ Его Величества Ѳ. И. Шаляпинъ и въ тотъ же день былъ на могилѣ Маріи Гавріиловны Савиной, гдѣ долго молился и возложилъ вѣнокъ, съ надписью на лентѣ: «Незабвенной М. Г. Савиной—съ великой скорбью Ѳ. Шаляпинъ».

Журналъ «Театръ и Искусство», въ № 38, отъ 20-го сентября 1915 года, опубликовалъ слѣдующее:

Влад. А. Рышковъ, ревностный работникъ Бахрушинскаго театральнаго музея, предлагаетъ создать при немъ музей Савиной. Передать Москвѣ музей Савиной, однако, едва ли резонно. Для музея Савиной найдется мѣсто и въ Петроградѣ. Но самая идея, безспорно, нуждается въ скорѣйшемъ осуществленіи. Помѣщаемъ, кстати, замѣтку по этому поводу, полученную нами изъ Харькова:

Нашъ долгъ, долгъ нашего поколѣнія сохранить память о Савиной въ возможно болѣе полномъ и яркомъ видѣ, собрать все, что

можетъ способствовать выясненію исторіи ея дѣятельности, что можетъ помочь лучшему пониманію ея образа. «Актеръ, что умеръ—то исчезъ»,—писалъ сто лѣтъ назадъ князь Шаховской. Память актера живетъ въ сердцахъ театраловъ-современниковъ, она составляетъ утѣху и гордость ихъ воспоминаній. Но вотъ сходитъ съ жизненной сцены поколѣніе, современное сценическому дѣятелю, сходятъ живые свидѣтели его творчества и его тріумфовъ, «огнемъ его таланта опаленные». Затѣмъ, умираютъ ихъ дѣти—и любовно хранимое имя актера становится звукомъ пустымъ и ненужнымъ, память о немъ—пережиткомъ прошлаго. «Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ». Увы, «пѣсни» актера умираютъ вмѣстѣ съ нимъ, умираютъ раньше его. Въ послѣдній разъ опустился занавѣсъ, отзвучали аплодисменты, погасли огни рампы, разошлась изъ театра публика—и до слѣдующаго подъема творчества, до слѣдующаго спектакля твореніе актера не существуетъ. «Отъ артиста драматическаго искусства смерть отнимаетъ все, ничего не оставляя на память и удивленіе потомства». Такъ говорилъ «московскій Златоустъ», покойный Ѳ. Н. Плевако, на похоронахъ знаменитаго московскаго артиста Ив. Вас. Самарина. И раньше умирали у насъ великіе артисты, и мы не умѣли исполнить свой долгъ передъ ихъ памятью, не умѣли сохранить ихъ образъ. Что дѣлать? «Мы лѣнивы и не любопытны»,—писалъ Пушкинъ,—«замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ». Проявимъ хоть теперь нѣсколько энергіи и «любопытства». Надо создать такое мѣсто, гдѣ были бы собраны всѣ изображенія Маріи Гавріиловны—въ жизни и въ роляхъ,—все, что появлялось о ней въ печати при жизни и послѣ смерти. Надо бережно сохранить ея дневникъ, ея переписку, всѣ многочисленные трофеи ея сценическихъ побѣдъ, если можно, ея обстановку, ея любимыя книги, экземпляры ролей, по которымъ она играла. Надо сохранить детали и особенности трактованія ею ролей, надо собрать ея мысли о своемъ искусствѣ, лекціи, читанныя ею въ театральной школѣ. Всѣхъ, ее близко знавшихъ, всѣхъ, работавшихъ съ нею или долгое время наблюдавшихъ ея сценическую дѣятельность, надо побудить закрѣпить свои воспоминанія, изложить ихъ на бумагѣ. Необходимо издать книгу о покойной. Съ внѣшней стороны эта книга должна стоять неизмѣримо выше прежнихъ книжекъ о Савиной, никакъ не ниже въ типографскомъ отношеніи изданной А. А. Бахрушинымъ книги о Ермоловой, но, конечно, неизмѣримо богаче иконографическимъ матеріаломъ и содержательнѣе по тексту. Надо напечатать ея «Записки», дать библіографію всего, напечатаннаго о ней. И, конечно,—насколько это возможно сейчасъ—надо дать характеристику ея творчества, оцѣнку ея дѣятельности, ея роли и значенія въ исторіи нашего театра. Хорошо бы собрать

всѣ отклики печати, вызванные кончиною Маріи Гавріиловны — это представитъ хорошій памятникъ отношенія къ ней современниковъ. Пусть эта книга (или эти книги, если матеріала окажется слишкомъ много) будетъ доступна не всѣмъ, а только любителямъ—тогда надо издать краткую біографію Маріи Гавріиловны и ея Записки въ возможно болѣе дешевомъ, общедоступномъ видѣ. И сдѣлать это должно Театральное Общество. Это надо сдѣлать поскорѣе. Это нашъ долгъ. И еще одно. Я обращаюсь къ актерству, къ дѣятелямъ и участникамъ нашего Театральнаго Общества. Пусть же всегда витаетъ надъ Обществомъ ея духъ, пусть не одно только кресло, занимаемое ею, а вся дѣятельность Общества будетъ нерукотвореннымъ ея памятникомъ, пусть мы, русскіе актеры, съ гордостью скажемъ: «Это Общество основала наша Савина, она въ немъ работала, это Общество—ея достойный памятникъ для потомства». Аминь.

Димитрій Аровъ.

Въ томъ же номерѣ появилось:

ВО ИМЯ САВИНОЙ.

(Письмо въ редакцію).

Каждая смерть на полѣ брани несетъ къ небу свою молитву за родину и сама по себѣ вырываетъ у врага свою долю грядущей побѣды. Смерть каждаго значительнаго человѣка побѣждаетъ свое и въ мирномъ кругу,—приводитъ къ покаянію враговъ.

Не то же ли со смертью Савиной? Театральные рецензенты, отравлявшіе ей жизнь невѣжествомъ, грубостью; драматурги, артисты и публика съ ихъ лукавымъ вѣрноподданничествомъ; всѣ клеветавшіе на Савину при жизни, какъ на мертвую; завистники, своекорыстные искатели; люди, изображавшіе «начальство» Савиной, и всѣ глубокоравнодушные — всѣ изливаютъ теперь свои покаянія. Несутъ вѣнки, цвѣты, пишутъ хвалебные некрологи, почитаютъ великую артистку вставаніемъ.

Но, и повѣря искренности восшедшихъ въ совѣсть фарисеевъ, хочется напомнить, что, помимо очищающихъ душу переживаній, что, кромѣ печали и воздыханій, подобаетъ очиститься на дѣлѣ, на «самомъ» дѣлѣ,—въ жизни и въ каждодневномъ обиходѣ не продолжать того душегубства, которымъ сведена въ гробъ Савина.

Она, какъ всѣ русскіе таланты, не умерла «своею» смертью: умучена, ушла отъ насъ въ томъ возрастѣ, когда Сара Бернаръ покоряла весь міръ!

Такъ пусть же превозносящіе теперь покойную артистку—и публика, и рецензенты—хоть въ теченіе нѣсколькихъ дней обнаружатъ

побольше уваженія къ живымъ талантамъ, — среди нихъ, навѣрное найдутся и такіе, у гроба которыхъ придется проливать позднія слезы...

Пусть кающіеся драматурги напишутъ хотя бы по одной самостоятельной пьесѣ и попробуютъ создать роли безъ разсчета на дарованія и успѣхъ актера. Довольно было получено «авторскихъ» за счетъ Савиной и ея созданій! Пусть съумѣютъ одушевить себя внѣ закулисныхъ вліяній и «проведутъ» свои пьесы не на плечахъ чужой заслуги.

А театральное начальство, вдоволь поиздѣвавшееся надъ Савиной за ея органическую привязанность къ Александринскому театру, пусть оно возьметъ въ руки хлыстъ для самого себя! Пусть вытягиваются во фронтъ «театральные поручики» передъ генералами отъ искусства! Иначе имъ придется заиграть самимъ... въ ансамблѣ труппы, набранной по протекціи.

Пусть, наконецъ, всѣ просившіе у Савиной на бѣдность 100 рублей и получавшіе только по 25-ти, и потому проклинавшіе ее, — пусть они мысленно дополучатъ теперь и остальные 75 рублей и заткнутъ ими свою «бѣдную» неблагодарность по отношенію къ «богатой» аристократіи театра.

Тогда смерть Савиной поистинѣ — побѣда надъ смертью живыхъ театральныхъ покойниковъ. И возликуетъ ея душа, и оживутъ силами тѣ, кому суждено изнемогать на тернистомъ пути русскаго таланта. Молясь объ упокоеніи души усопшей, всѣ понимаютъ, что эта душа живетъ, есть, что она слышитъ и видитъ и что успокоится она только своей побѣдой надъ нами, надъ враждебнымъ въ насъ...

Такъ... «пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть»...

Иначе правъ В. В. Розановъ, который въ своемъ послѣднемъ коробѣ «Опавшихъ листьевъ» увѣряетъ, что «все наше образованіе» выразилось въ: «Господа, предлагаю усопшаго почтить вставаніемъ».

Б. Глаголинъ.

Въ журналѣ Общаго Собранія акціонеровъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, отъ 24-го сентября 1915 года, читаемъ:

«Съ открытіемъ засѣданія, по предложенію акціонера В. К. Залѣсскаго, Собраніе почтило вставаніемъ память скончавшейся геніальной артистки русской сцены Маріи Гавріиловны Савиной, состоявшей акціонеромъ Общества, и выразило свое сочувствіе и соболѣзнованіе супругу ея — предсѣдателю Правленія Общества А. Е. Молчанову».

Въ дополненіе къ этому, на состоявшемся затѣмъ засѣданіи Совѣта того же Общества имѣло мѣсто еще слѣдующее:

«Въ виду широкой благотворительной дѣятельности скончавшейся Маріи Гавріиловны Савиной, состоявшей акціонеромъ Общества, Совѣтъ единогласно постановилъ: почтить память ея участіемъ членовъ Совѣта въ содержаніи учреждаемаго Трудового Пріюта для дѣтей бѣженцевъ и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій, каковому Пріюту имѣется въ виду присвоить имя Маріи Гавріиловны Савиной».

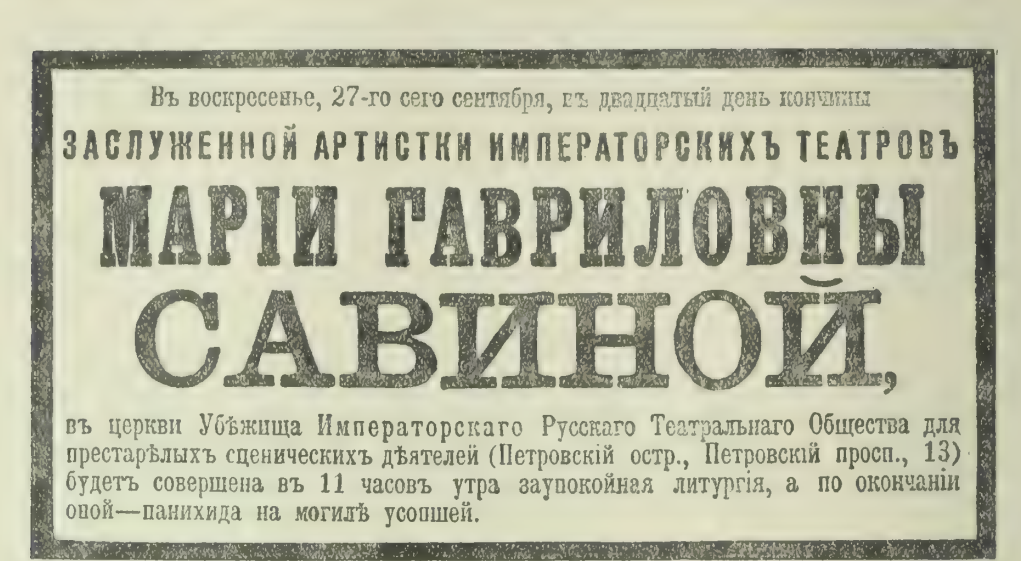
26-го сентября, днемъ, происходило въ Императорскомъ Театральномъ Обществѣ совѣщаніе его Совѣта и приглашенныхъ имъ лицъ для обсужденія вопроса о чествованіи памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

Совѣтъ былъ въ составѣ: предсѣдательствующаго—А. А. Желябужскаго и членовъ Совѣта—П. П. Гайдебурова, А. Р. Кугеля, В. В. Протопопова и П. И. Пѣвина. Изъ числа приглашенныхъ прибыли: С. А. Андреевскій, Н. А. Бакеркина, Ѳ. Д. Батюшковъ, Н. С. Васильева, В. Л. Градовъ, А. А. Плещеевъ, М. А. Славина, В. В. Сладкопѣвцевъ и С. Н. Худековъ. Присутствовалъ также и А. Е. Молчановъ. Не могли на этотъ разъ принять участіе въ совѣщаніи слѣдующія приглашенныя лица: П. А. Гердтъ, А. И. Гучковъ, В. Н. Давыдовъ, А. Ѳ. Кони, В. С. Кривенко, Д. С. Мережковскій и М. А. Стаховичъ.

Пожеланія всѣхъ формулировались такъ: устроить торжественное чествованіе свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной въ Александринскомъ театрѣ, пріурочивъ его къ 8-му марта 1916 года, то есть къ полугодовщинѣ со дня кончины великой артистки, объединиться для этого съ другими учрежденіями и корпораціями и войти одновременно съ ходатайствомъ въ Дирекцію Императорскихъ театровъ о предоставленіи для этихъ торжественныхъ поминокъ Александринскаго театра. Однако, многіе настаивали на томъ, что не слѣдуетъ ограничиваться торжественнымъ чествованіемъ памяти Савиной, но необходимо организовать еще отдѣленіе литературное, посвященное всесторонней характеристикѣ ея таланта, ея артистической карьеры и ея многогранной общественной дѣятельности, воспоминаніямъ о ней и такъ далѣе. Такъ какъ это потребовало бы продолжительнаго времени, то было предложено первую офиціальную часть чествованія устроить днемъ въ Александринскомъ театрѣ, а литературное отдѣленіе—вечеромъ въ залѣ Городской Думы. Все это рѣшено окончательно выяснить на слѣдующемъ засѣданіи, при участіи представителей различныхъ учрежденій.

А. Е. Молчановъ,—на просьбу собравшихся высказаться, какое, по его мнѣнію, помѣщеніе можетъ наиболѣе соотвѣтствовать для тор-

жественнаго чествованія памяти Маріи Гавріиловны Савиной,—замѣтилъ, что, конечно, таковымъ является Александринскій театръ, который такъ любила покойная и который называла «колыбелью» своей артистической карьеры.

Въ воскресенье, 27-го сего сентября, въ двадцатый день кончины

ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ

САВИНОЙ,

въ церкви Убѣжища Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей (Петровскій остр., Петровскій просп., 13) будетъ совершена въ 11 часовъ утра заупокойная литургія, а по окончаніи оной—панихида на могилѣ усопшей.

Богослуженія эти были совершены тѣмъ же соборомъ духовенства и по тому же чину, что и въ 9-й день; къ священнослужителямъ на этотъ разъ присоединился, по собственному желанію, благочинный Александро-Невской лавры—іеромонахъ Аѳанасій.

Глубокое молитвенное настроеніе произвела Херувимская, переложенная на обиходный напѣвъ «Благообразнаго Іосифа». Остальныя партесныя пѣснопѣнія были прежнія, указанныя выше, то-есть тѣ, которыя были особенно по-душѣ почившей Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

За божественной литургіей въ этотъ день были впервые надѣты новыя священныя облаченія, сдѣланныя изъ покрова, который возлежалъ на гробѣ Маріи Гавріиловны Савиной. Въ нихъ служили предстоятель—протоіерей В. И. Маренинъ и сослужащій ему—діаконъ И. Е. Аркадьевъ. Фелонь и стихарь этихъ облаченій увѣнчаны синими въ тонъ орнамента парчи бархатными оплечьями, съ вышитыми на нихъ золотомъ и серебромъ большими крестами; въ крестъ фелони вдѣланъ, какъ въ старину, въ видѣ иконописной миніатюры серебряный образокъ Козельщанской Божіей Матери, а по сторонамъ вышиты два стилизованныхъ бѣлыхъ голубя. Рѣдкая красота и характерная стильность новыхъ облаченій еще болѣе содѣйствовали благолѣпію священнослуженія.

Священныя облаченія за упокой души Маріи Гавріиловны Савиной.

Молящихся и на этотъ разъ было не менѣе, чѣмъ въ 9-й день.

Въ заключеніе, прочелъ на могилѣ свое стихотвореніе А. Б. Каменка:

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Прощай! Какъ тяжело прощанье:
Прощальный вздохъ и скорбная слеза...
Не оскорбитъ безумное рыданье
Твои закрытые прекрасные глаза,
Не оскорбитъ спокойствіе лампады
И колокольный тихій звонъ
Ничьи блуждающіе взгляды,
Ничей тяжелый, грубый стонъ.
Въ осеннемъ вянущемъ уборѣ,
Роняя грустные листы,
Въ своемъ торжественномъ соборѣ
Рыдаютъ солнце и цвѣты,—
Не нужно скорбныхъ словъ прощанья,
Вѣнковъ изъ пышныхъ, жаркихъ розъ...
Мы принесли свое страданье—
Вѣнокъ изъ нѣжныхъ тихихъ слезъ [1]).

---

[1]) Это стихотвореніе напечатано въ «Обозрѣніи Театровъ», № 2886, 30-го сентября 1915 года.

Товарищи-артисты по Императорской драматической труппѣ также отмѣтили этотъ поминальный день Маріи Гавріиловны Савиной. По ихъ приглашенію, была отслужена протоіереемъ В. Ф. Пигулевскимъ и діакономъ М. А. Смирновымъ панихида въ артистическомъ фойе Александринскаго театра. Присутствовала почти вся труппа и представители Конторы Императорскихъ Петроградскихъ театровъ.

27-го сентября появилась въ № 265 «Петроградской Газеты» такая замѣтка:

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ТЕАТРАЛА.

Труппа Александринскаго театра, какъ извѣстно, обратилась въ Городское Управленіе съ ходатайствомъ о переименованіи «Улицы Литераторовъ» въ «Улицу Савиной». Кажется, и Театральное Общество хлопочетъ о томъ же.

— Почему выборъ палъ именно на «Улицу Литераторовъ»?—Этотъ вопросъ предложилъ мнѣ вчера И. Н. Потапенко.—Если потому, что незабвенная артистка жила въ домѣ, находящемся на этой улицѣ, то она значительно дольше жила на Фонтанкѣ, у Аничкова моста. Въ этомъ домѣ Марія Гавріиловна прожила 21 годъ.

— Я считаю, что рядомъ съ Савиной нельзя вычеркивать слово «литераторы», — сказалъ намъ г. Потапенко. — Савина всегда была близка къ литераторамъ, всегда съ уваженіемъ относилась къ нимъ и едва ли она отнеслась бы сочувственно къ этому проекту... Если бы зависѣло отъ меня, то я бы назвалъ именемъ Савиной весь Невскій проспектъ. Но «Улицѣ Литераторовъ» нужно сохранить ея названіе...

28-го сентября въ Чрезвычайномъ Общемъ Собраніи Литературно-Художественнаго Общества, «по предложенію предсѣдательствовавшаго В. И. Попова, почтена вставаніемъ память скончавшейся заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, долгіе годы бывшей почетнымъ членомъ Литературно-Художественнаго Общества».

«Въ воздаяніе исключительныхъ заслугъ Маріи Гавріиловны Савиной», директоромъ Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскимъ возбуждено было ходатайство о назначеніи пожизненной пенсіи ея матери—М. П. Подраменцевой. Пенсія испрашивалась въ половинномъ противъ обычнаго размѣрѣ.

На имя вице-президента Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества было получено слѣдующее увѣдомленіе, отъ 6-го октября 1915 года:

«Больница Всѣхъ Скорбящихъ, глубоко цѣня сочувственное и сердечное отношеніе Маріи Гавріиловны Савиной къ дѣлу развлеченія душевно-больныхъ, принимаетъ на безплатное содержаніе одного душевно-больного артиста въ память Маріи Гавріиловны Савиной, какъ знакъ благодарности за ея участіе въ спектакляхъ больницы».

Директоръ *С. Любимовъ.*

6-го октября въ «Новомъ Времени» (№ 14215) появилось слѣдующее «Письмо въ редакцію»:

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

М. г. Зная, что дня не проходило безъ того, чтобы усопшая Марія Гавріиловна Савина не помогла словомъ или дѣломъ нуждающимся и *не изъ актерской громады,* я позволяю себѣ горячо просить всѣхъ, у кого имѣется хотя бы и небольшой излишекъ, увѣковѣчить память первой царицы родной нашей сцены *образованіемъ неприкосновеннаго капитала ея имени,* на проценты съ котораго можно было бы ежедневно, какъ это всегда дѣлала покойная, временно помогать въ память ея тремъ-четыремъ истинно нуждающимся, обездоленнымъ судьбою. Такой «вѣнокъ» на могилу дорогого намъ человѣка только пополнитъ то, что имѣется въ виду сдѣлать въ ея память и что ей было близко и по-сердцу. Прилагая при этомъ для означенной цѣли сто рублей, покорнѣйше прошу васъ, господинъ редакторъ, кликнуть кличъ среди почитателей памяти покойной—и, мнѣ хочется вѣрить, откликъ для этого еще одного добраго дѣла найдется.

В. А. Ивашкинъ.

Съ октября началось въ Петроградѣ образованіе Мѣстныхъ Отдѣловъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Такъ: 10-го октября учрежденъ былъ Отдѣлъ при Троицкомъ театрѣ; 12-го октября собрался Отдѣлъ внѣ театровъ, изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, не принадлежащихъ къ составу какой-либо изъ труппъ; 14-го октября переформировался Отдѣлъ при Народномъ Домѣ Императора Николая II. Во всѣхъ этихъ Мѣстныхъ Отдѣлахъ, при открытіи каждаго изъ нихъ, была почтена вставаніемъ память Маріи Гавріиловны Савиной.

17-го октября исполнился «самый значительный» изъ поминальныхъ дней—«сороковины». Почти повсюду въ предѣлахъ Россіи былъ этотъ день ознаменованъ молитвами объ упокоеніи души усопшей артистки, — такъ сказать, «всероссійской панихидой» по Савиной, а

также сборомъ среди сценическаго міра добровольныхъ пожертвованій на образованіе благотворительнаго фонда ея имени и посвященными ея памяти литературными вечерами и спектаклями. Обо всемъ этомъ подробно изложено ниже. Здѣсь пока рѣчь идетъ только о Петроградѣ.

Въ субботу, 17-го сего октября, въ сороковой день кончины

заслуженной артистки Императорскихъ театровъ

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ,

въ церкви Убѣжища Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей (Петровскій островъ, Петровскій пр., д. 13) будутъ совершены въ 11 час. утра заупокойная литургія, а по окончаніи оной—панихида на могилѣ усопшей.

Соборъ священнослужителей, весь чинъ богослуженій и выборъ партесныхъ пѣснопѣній оставались въ большинствѣ неизмѣнными и на этотъ разъ, какъ въ предыдущіе поминальные дни. Церковное благолѣпіе, которое было такъ по-душѣ Маріи Гавріиловнѣ, при жизни, должно постоянно сопутствовать и заупокойнымъ моленіямъ о ней.

Церковь Убѣжища была совершенно полна; казалось, что народу было еще больше, чѣмъ въ 9-й и въ 20-й дни. Отрадно отмѣтить, что къ могилѣ Савиной «не заростаетъ народная тропа».

Масса живыхъ цвѣтовъ и зелени украшаютъ мѣсто послѣдняго упокоенія великой артистки. Заботами Н. А. Бакеркиной возложенъ былъ большой зеленый крестъ изъ миртовыхъ листьевъ.

Необыкновенно трогательное отношеніе къ памяти Маріи Гавріиловны Савиной проявилось со стороны ея домашней прислуги. Во время похоронъ онѣ общей складчиной принесли ко гробу почившей большой металлическій вѣнокъ, съ надписью: «Нашей барынѣ—отъ вѣрно служившихъ и горячо любившихъ ее». Зная, какъ покойница восхищалась и любовалась золотисто-красными тонами осенней листвы, онѣ собрали въ ея саду, на Карповкѣ, листья клена и другихъ деревьевъ, собственноручно сплели изъ нихъ вѣнки и гирлянды и украсили ими могилу въ 9-й и въ 20-й дни. Теперь, въ 40-й день, онѣ устроили между собою денежный сборъ и образовавшуюся сумму пожертвовали въ Театральное Общество на фондъ имени Маріи Гавріиловны Савиной.

Повидимому, уже стало обычнымъ, что во всѣ поминальные дни молитвы объ упокоеніи души Маріи Гавріиловны Савиной раздавались

также и въ стѣнахъ родного ей Александринскаго театра. Это имѣло мѣсто и въ «сороковины». Панихида была совершена здѣсь въ 2 съ половиной часа дня, въ артистическомъ фойе; отправлялъ ее, какъ и ранѣе, причтъ церкви Императорскаго Театральнаго Училища, при пѣніи хора А. А. Архангельскаго. Артисты-товарищи почившей собрались помолиться и на этотъ разъ почти въ полномъ своемъ составѣ; тутъ же были: баронъ В. А. Кусовъ, Л. Д. Мецнеръ, А. Е. Молчановъ и другіе.

Сегодня, въ 2 ч. дня. въ фойэ Троицкаго театра (Троицкая, 18) въ сороковой день кончины заслуженной артистки Императорскихъ театровъ, незабвенной

МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ

будетъ отслужена панихида.

Совершали ее священнослужители церкви Владимірской Божіей Матери—протоіерей В. М. Лебединскій и діаконъ К. В. Васильевъ. Присутствовали артисты мѣстной труппы, во главѣ со своимъ директоромъ А. М. Фокинымъ.

Въ этотъ же день, по иниціативѣ артистовъ «Кривого Зеркала» и «Музыкальной Драмы», состоялась панихида въ помѣщеніи фойе перваго изъ этихъ театровъ. Отправлялъ богослуженіе протоіерей церкви Вознесенія—Д. Д. Цѣликовъ.

Равнымъ образомъ, память Маріи Гавріиловны Савиной, по случаю 40-го дня ея кончины, была почтена и въ Народномъ Домѣ Императора Николая II, гдѣ въ присутствіи массы молящихся—артистовъ, учащейся молодежи и другихъ—служилъ панихиду священникъ П. И. Поляковъ. Пѣлъ хоръ мѣстной оперы.

Въ 40-й день кончины Маріи Гавріиловны Савиной на ея домѣ, на Карповкѣ, въ Улицѣ Литераторовъ, № 17, была укрѣплена мраморная памятная доска, съ надписью:

Этотъ домъ принадлежалъ

Маріи Гавріиловнѣ

САВИНОЙ.

Здѣсь она жила и окончила свое земное существованіе

8-го сентября 1915 года.

Въ «Обозрѣніи Театровъ», отъ 17-го октября 1915 года, № 2903, напечатано:

О САВИНОЙ.

Осиротѣвшій супругъ Маріи Гавріиловны Савиной—А. Е. Молчановъ живетъ въ атмосферѣ такого трогательнаго вниманія, о которомъ нельзя умолчать, потому что оно выходитъ изъ границъ личнаго и переходитъ въ явленіе общественное.

Нѣтъ дня, когда бы онъ не получалъ, до сихъ поръ, по почтѣ или телефону изъявленія сочувствія его горю и выраженія нѣжной заботливости о памяти покойной великой артистки и великой женщины.

Присылаются дружеской рукой вырѣзанныя изъ захолустныхъ провинціальныхъ газетъ горячія строки посмертныхъ статей о Савиной.

Присылаются и не напечатанныя доселѣ произведенія захолустныхъ доморощенныхъ поэтовъ и прозаиковъ, вдохновленныхъ когда-либо мимолетнымъ видѣніемъ Савиной въ какой-нибудь изъ ея гастрольныхъ ролей.

Люди чутко поняли, эти захолустные, маленькіе люди, что для памяти великой артистки и для сердца ея душеприкащика-мужа—великое значеніе имѣютъ эти человѣческіе документы и что всѣ они должны сейчасъ слиться, сосредоточиться въ одномъ центрѣ, каковымъ является домъ Савиной, — этотъ музей-памятникъ гордости нашей сцены.

Поняли они чутко, что каждая строка на каждой карточкѣ, подписанной самой Савиной, съ ея обычнымъ юморомъ, каждая записочка, не говорю уже о каждомъ письмѣ Савиной и къ Савиной,—должны быть собраны въ музеѣ ея имени и дополнятъ, быть можетъ, неуловимой черточкой, микроскопическимъ штрихомъ тотъ образъ, который рисуется—и нарисуется, и выльется въ форму колоссальной монографіи о Савиной,—монографіи, равной которой не знаетъ исторія русскаго театра.

Есть чуткіе люди, которые присылаютъ просто даже клочки воспоминаній о ней.

Фразу, нечаянно услышанную, оброненную Савиной невзначай, эпизодъ, который относится лишь издали къ ней и къ ея свѣтлой дѣятельности,—и все это на благо того дѣла, которое созидается и будетъ созидаться въ стѣнахъ дворца Савиной,—дѣла, которое не надо и нельзя считать личнымъ!

И которое имѣетъ глубокое культурное и общественное значеніе...

Н. Шебуевъ.

20-го октября Лазаретъ артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ праздновалъ первую годовщину своего существованія. Къ этому дню въ Лазаретѣ былъ помѣщенъ портретъ Маріи Гавріиловны Савиной, убранный пальмовыми вѣтвями.

Помимо раненыхъ, тутъ были налицо: почетный лейбъ-хирургъ профессоръ В. А. Тилле, докторъ С. В. Гольдбергъ, сестры милосердія и прочій медицинскій персоналъ, архитекторъ И. В. Экскузовичъ, всѣ главные дѣятели Лазарета, много артистовъ всѣхъ труппъ, оркестра и хора и другіе.

По окончаніи молебствія, отслуженнаго протоіереемъ В. Ф. Пигулевскимъ и діакономъ М. А. Смирновымъ, предсѣдательница Комитета—солистка Его Величества М. А. Славина обратилась со словомъ сердечной благодарност ко всѣмъ, принесшимъ свои знанія и трудъ на помощь артистамъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ въ дѣлѣ ихъ служенія раненымъ доблестнымъ защитникамъ нашей родины, и, въ заключеніе, заявила:

— Господа, я хочу сказать вамъ еще нѣсколько словъ. Сегодняшнее наше торжество омрачено недавно постигшимъ насъ тяжелымъ горемъ: неумолимая смерть безжалостно и такъ преждевременно вырвала изъ нашей среды одного изъ самыхъ энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ—дорогую, незабвенную Марію Гавріиловну, которая отдавала Лазарету столько любви, силъ и заботъ. Твердо вѣрю, что душа ея среди насъ! Принесемъ же и ей нашу горячую благодарность и почтимъ ея дорогую всѣмъ намъ память!

Всѣ присутствующіе благоговѣйно пропѣли «Вѣчную память»... Плакала М. А. Славина, плакали и другіе... Воцарившаяся жуткая тишина отразила общую скорбную подавленность...

Въ тотъ же день В. А. Осокина внесла въ Театральное Общество 8.000 рублей на учрежденіе стипендіи имени Маріи Гавріиловны Савиной въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

25-го октября была почтена вставаніемъ память Маріи Гавріиловны Савиной на открытіи при Театрѣ Л. Б. Яворской Мѣстнаго Отдѣла Театральнаго Общества.

На Общемъ Собраніи Литературнаго Фонда, того же 25-го октября, память Маріи Гавріиловны Савиной была также почтена вставаніемъ, причемъ предсѣдатель Комитета—Ѳ. Д. Батюшковъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ Марія Гавріиловна впервые выступила на литературномъ вечерѣ въ пользу Фонда. Впервые ввелъ

ее въ число участниковъ предпріятій Литературнаго Фонда И. С. Тургеневъ, съ которымъ она прочла тогда сцену изъ «Провинціалки». Съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ, за рѣдкими исключеніями, Марія Гавріиловна неизмѣнно принимала участіе въ нашихъ вечерахъ и спектакляхъ въ пользу Литературнаго Фонда; съ живымъ участіемъ относилась она ко всякаго рода чествованіямъ памяти отошедшихъ писателей, сама напоминая о своей готовности быть полезной, въ чемъ можетъ, Фонду. Ее не приходилось упрашивать, кланяться, а въ большинствѣ случаевъ Марія Гавріиловна сама, въ началѣ сезона, освѣдомлялась, какія чествованія на очереди, и принимала самое дѣятельное участіе въ обсужденіи того или иного проекта. Напомню только, что въ сотую годовщину рожденія Гончарова Марія Гавріиловна не только согласилась взять на себя отвѣтственную и новую для нея роль бабушки Райскаго, но самымъ дѣятельнымъ образомъ помогала въ выборѣ другихъ участниковъ, при постановкѣ и инсценировкѣ «Обрыва», заботилась о наилучшей обстановкѣ, входила во всякія детали даже по костюмной и монтировочной части, давала совѣты молодымъ артисткамъ и тому подобное. Успѣхомъ этого спектакля въ пользу Литературнаго Фонда мы на три четверти, если не всецѣло, обязаны Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Далѣе, Ѳ. Д. Батюшковъ говорилъ вообще объ отношеніи Маріи Гавріиловны къ корифеямъ русской литературы—Тургеневу, Достоевскому, Гончарову, Островскому, Льву Толстому, о томъ, какъ она умѣла возвыситься надъ спеціальными интересами театральныхъ пьесъ, широко отзываясь на всякій художественный замыселъ. Въ заключеніе, онъ высказалъ, что, какъ ни велико ея значеніе въ исторіи русской сцены, она, по своимъ отношеніямъ къ русскимъ писателямъ, по мастерскому воплощенію различныхъ женскихъ образовъ, созданныхъ нашими классиками, и вліянію на пониманіе по-новому этихъ образовъ занимаетъ особое мѣсто и въ исторіи русской литературы.

27-го октября память Маріи Гавріиловны Савиной почтилъ вставаніемъ Совѣтъ Россійской Лиги Равноправія Женщинъ.

Въ труппѣ Александринскаго театра довольно большая группа артистокъ объединялась въ своемъ сердечномъ влеченіи вокругъ Маріи Гавріиловны Савиной, которая обыкновенно называла ихъ: «дѣвушки-подружки». Понятно, что въ этой средѣ постигшая утрата чувствовалась особенно сильно. И вотъ, подчиняясь душевной потребности, «дѣвушки-подружки» задумали собраться на «посидѣлки», чтобы подѣлиться переживаніями и совмѣстно вспомнить дорогую покойницу. Самымъ желательнымъ мѣстомъ для этого, конечно, являлся домъ

Маріи Гавріиловны, гдѣ все одухотворено ею и гдѣ все до мелочей сохраняется въ томъ видѣ, какъ было при ея жизни, то-есть—такъ, точно она отбыла только на время и скоро опять вернется къ себѣ...

27-го октября, вечеромъ, по приглашенію А. Е. Молчанова, собрались «у Маріи Гавріиловны, на Карповкѣ»: М. А. Ведринская, Н. Г. Коваленская, М. Д. Прохорова, В. А. Рачковская, Н. В. Ростова, Е. Н. Рощина-Инсарова и Е. И. Тиме. М. П. Домашева увѣдомила, что болѣзнь удерживаетъ ее дома, но всей душой она тутъ вмѣстѣ съ «подружками». Неожиданно пріѣхалъ Н. Н. Ходотовъ. Присутствовали также: В. В. и А. А. Сладкопѣвцевы, К. К. Витарскій, Е. Н. Хитрово, А. Е. Молчановъ, его племянница—Л. А. Даровская и другіе.

Вечеръ отличался рѣдкой задушевностью. Читали отрывки изъ записокъ и дневника Маріи Гавріиловны Савиной, разсказывали отдѣльные характерные эпизоды изъ ея жизни, обмѣнивались трогательными воспоминаніями и... не разъ всплакнули искренними слезами любви по незабвенной усопшей... Эти «посидѣлки» оставили у всѣхъ такое симпатичное впечатлѣніе, что было рѣшено періодически повторять ихъ и даже сорганизоваться частнымъ образомъ въ «Кружокъ дѣвушекъ-подружекъ».

30-го октября происходило Общее Собраніе Русскаго Женскаго Взаимно-Благотворительнаго Общества, которое, почтивъ вставаніемъ память своего почетнаго члена—Маріи Гавріиловны Савиной, постановило украсить ея портретомъ помѣщеніе Общества, гдѣ «она будетъ всегда напоминать о выдающемся талантѣ и силѣ русской женщины».

6-го ноября состоялось первое въ текущемъ сезонѣ собраніе Литературно-Художественнаго Кружка имени Я. П. Полонскаго, почтившее память Маріи Гавріиловны Савиной вставаніемъ.

Слѣдующее затѣмъ собраніе Кружка, 13-го, имѣло въ своей программѣ три доклада, посвященные воспоминаніямъ и характеристикѣ почившей великой артистки.

Первымъ читалъ Е. П. Карповъ:

Милостивыя государыни и господа!

Мы живемъ въ исключительное время. Мы живемъ во время великой европейской войны. Но ни ужасы этой кровопролитнѣйшей, жестокой войны, ни громъ пушекъ, такъ больно отзывающійся въ нашихъ сердцахъ, ни зарево пожара родныхъ деревень, сжигаемыхъ непріятелемъ,—ничто не можетъ заглушить въ насъ скорби о потерѣ трехъ дѣятелей искусства, трехъ крупнѣйшихъ артистовъ нашей родной сцены.

Въ этомъ году смерть вырвала у насъ: Варвару Васильевну Стрѣльскую, Константина Александровича Варламова и Марію Гавріиловну Савину.

Они разнствуютъ во славѣ. Они не одинаковы по размѣру таланта. Они различны по своимъ артистическимъ, душевнымъ и умственнымъ свойствамъ. Но у всѣхъ у нихъ есть нѣчто общее. Они беззавѣтно любили свое дѣло, любили сценическое искусство, они глубоко, проникновенно понимали русскую жизнь, душу русскаго человѣка и ярко, художественно изображали русскій бытъ на сценѣ.

Храня завѣты Гоголя и Островскаго, они воплощались въ написанные авторами типы и передавали ихъ въ реальныхъ яркихъ тонахъ. Они были славными представителями русской реальной школы сценическаго искусства.

. . . .

...Еще такъ недавно безпощадная смерть унесла въ могилу красу русскаго театра—Марію Гавріиловну Савину, яркую звѣзду первой величины.

Марія Гавріиловна Савина,—смѣло скажу я, не погрѣшая противъ истины,—была геніальная артистка.

Она не была писаной красавицей, хотя лицо ея было необычайно выразительно, и чудные искристые умные глаза глубоко и ясно отражали ея малѣйшія душевныя переживанія. Ея голосъ, нѣсколько носового тембра, не отличался богатыми звуковыми тонами. Ея худенькая фигурка не производила импонирующаго впечатлѣнія на публику, хотя своеобразная грація и мягкая женственность дѣлали ее обаятельной. И, несмотря на это, Марія Гавріиловна Савина своимъ талантомъ, недюжиннымъ умомъ, тактомъ и неустаннымъ громаднѣйшимъ трудомъ и энергіей завоевала первое мѣсто среди русскихъ актрисъ.

Марія Гавріиловна Савина была дитя театра. Ея отецъ—Г. Н. Стремляновъ былъ провинціальный актеръ, весьма средняго дарованія; ея мать также играла на провинціальныхъ сценахъ. Чуть ли не съ младенческаго возраста Марія Гавріиловна Савина начинаетъ путешествовать со своими родителями по стогнамъ матушки Россіи, по захолустнымъ городамъ и весямъ. Она играетъ дѣтей въ мелодрамахъ, относясь къ своимъ ролямъ, какъ это видно изъ ея личныхъ воспоминаній, съ серьезностью настоящей актрисы. Вотъ какой эпизодъ слышалъ я объ отношеніи къ дѣлу Маріи Гавріиловны, когда она была еще ребенкомъ-актрисой. Въ мело-

драмѣ «Уголино или Башня голода» дали малюткѣ Манѣ Стремляновой роль ребенка, обреченнаго на голодную смерть, вмѣстѣ съ отцомъ, заключеннымъ въ башнѣ. Съ нею другого ребенка играла какая-то дѣвочка. Маленькая Маня увидала, что эта дѣвочка за-кулисами, во время дѣйствія, уплетаетъ за обѣ щеки пирогъ—и, возмущенная этимъ, вознегодовала.—«Мы должны сейчасъ умереть съ голоду по пьесѣ, а ты смѣешь ѣсть пирогъ съ вареньемъ... Брось сейчасъ!..»—закричала она и, вырвавъ кусокъ, кинула его на полъ.

На шестнадцатомъ году Марія Гавріиловна выступаетъ уже на сценѣ, какъ профессіональная актриса. Она играетъ комическихъ инженю въ водевиляхъ съ пѣніемъ, маленькія роли въ опереткахъ и тому подобное. Затѣмъ, служа у извѣстнаго антрепренера П. М. Медвѣдева, переходитъ на болѣе серьезныя роли инженю въ комедіяхъ, драмахъ и мелодрамахъ. Въ то время въ провинціи былъ весьма разнообразный репертуаръ. Ставили: и мелодрамы — «Розовый павильонъ», «Записки демона», «Уголино», «Материнское благословеніе», «Іоаннъ Фаустъ», «Серафима Лафайль», и пьесы Мольера, Шекспира, Шиллера, и произведенія Кукольника, Гоголя, Островскаго, Дьяченко, а также начинающихъ тогда драматурговъ Виктора Крылова, Антропова и Штеллера, и модныя тогда оперетки Оффенбаха и Лекока. Весь этотъ репертуаръ переиграла Савина за пять лѣтъ своей службы въ провинціи.

Начавъ съ выходныхъ ролей, постоянно дыша воздухомъ кулисъ, дѣля всѣ радости и невзгоды со своими товарищами по провинціальнымъ, скитавшимся изъ одного города въ другой, труппамъ, она прошла хорошую сценическую и житейскую школу. До поступленія въ труппу Медвѣдева, Савина не выдавалась, какъ актриса. Она сама говорила мнѣ, что П. М. Медвѣдевъ и артистка А. И. Шубертъ были ея первыми учителями драматическаго искусства. Они строго муштровали Савину, которая не разъ проливала горькія слезы во время репетицій. Строгая сценическая дисциплина выработала изъ Савиной примѣрную актрису, исключительно добросовѣстно относящуюся къ своему дѣлу, къ своимъ артистическимъ обязанностямъ, всегда вѣрную чувству долга.

Марія Гавріиловна Савина поступила на Императорскую сцену, когда управлялъ казенными театрами баронъ Кистеръ, извѣстный своей экономіей,—человѣкъ, совершенно чуждый искусству, мало знающій художественную сторону

дѣла и лишенный необходимой чуткости. Поступленіе ея въ Александринскій театръ было почти случайное. Не приди на клубный спектакль съ ея участіемъ артистъ Нильскій,—Савина не была бы на Императорской сценѣ. Въ замкнутую атмосферу казеннаго театра Савина принесла свѣжій воздухъ полей и лѣсовъ. Золотой лучъ солнца прорѣзалъ тьму кулисъ. Она пришла на казенную сцену вполнѣ готовой актрисой. Какъ человѣкъ, она, несмотря на юные годы, уже успѣла многое пережить и перечувствовать. Она узнала нужду провинціальной актрисы, испытала и успѣхъ, и провалъ, и интриги, и зависть товарищей. Придя на Императорскую сцену, Савина принесла съ собою не только большой репертуаръ, не только большой сценическій, но и жизненный опытъ. Опытъ женщины, которой, въ своихъ скитаніяхъ по Россіи, приходилось гостить и въ помѣщичьихъ усадьбахъ, во вкусѣ Тургенева, и въ купеческихъ домахъ города Калинова, гдѣ за высокими, крѣпкими заборами прозябали типы «темнаго царства» Островскаго, и въ тѣсныхъ мѣщанскихъ квартиркахъ, гдѣ ей приходилось ютиться въ тяжелыя времена безденежья. Видала она и чиновническую, и поповскую, и горемычную крестьянскую жизнь. Встрѣчалась она съ самыми разнообразными людьми, начиная съ высшихъ слоевъ и кончая подонками общества. И чего-чего только она не переиспытала, чего не пережила, не перечувствовала... Будучи отъ природы тонко наблюдательной, чуткой, обладая острымъ умомъ и глубокой впечатлительностью, Савина воспринимала явленія окружающей ее жизни и несла ихъ на сцену, переработавъ въ тайникахъ своей души. Очевидцы первыхъ дебютовъ Савиной въ Петербургѣ говорятъ, что они были поражены простотой, жизненностью ея игры, свѣжестью и оригинальностью ея дарованія. Она разбила рутинные пріемы: со сцены пахнуло свѣжестью вѣтерка. Марія Гавріиловна,—съ ея чудными полными огня и страсти глазами, съ миловиднымъ подвижнымъ лицомъ, задорнымъ и обаятельно-манящимъ, съ яркимъ, горячимъ темпераментомъ,—однимъ своимъ появленіемъ уже зажигала публику, заражая ее искрометнымъ весельемъ и глубиной искреннихъ переживаній.

Марія Гавріиловна Савина въ первый разъ выступила на сценѣ Александринскаго театра,—къ слову сказать, не по собственному выбору, а по назначенію Дирекціи,—въ пьесѣ Виктора Крылова «По духовному завѣщанію», въ роли скромной мѣщанской дѣвушки Кати. Все въ молодой артисткѣ

было оригинально, необычно и ново для казенной сцены, начиная съ типичнаго костюма, который Савина пріобрѣла у мѣщанки-швейки захолустнаго городка. Кстати сказать, въ двадцатилѣтній юбилей служенія на Императорской сценѣ Марія Гавріиловна играла Катю въ этомъ же самомъ костюмѣ. Жаль, если костюмъ этотъ не сохранился. Не только костюмъ, внѣшность, манеры и повадка мѣщанки изумительно вѣрно передавали типъ Кати, но и ея чистоту, скромную застѣнчивость, глубину чувствъ, ея робкую любовь — прочувствованно глубоко давала Савина въ своемъ художественномъ выявленіи этой скромной русской женщины.

Первые годы службы Савиной совпали съ господствомъ на сценѣ Императорскаго театра пьесъ Виктора Крылова и Николая Потѣхина. Она, конечно, должна была играть этотъ репертуаръ. И Савина, на ряду съ пьесами Островскаго, Алексѣя Потѣхина, играла «Злобу дня», «Нищіе духомъ», «Богатырь вѣка», «Завоеванное счастье», «Вокругъ огня не летай», «Въ осадномъ положеніи», «Чудовище»... Пьесы Виктора Крылова были въ большинствѣ случаевъ передѣланы съ французскаго или съ нѣмецкаго и, конечно, не отражали русской жизни, несмотря на то, что дѣйствіе ихъ якобы происходило въ Россіи и что Жанны, Жюли и Амальхенъ были переименованы Варями, Лизами и Ксеніями. Но Марія Гавріиловна Савина силой своего волшебнаго таланта преображала ихъ въ русскихъ дѣвушекъ — и публика ей вѣрила. Несомнѣнно, успѣхомъ своихъ пьесъ Викторъ Крыловъ почти въ полной мѣрѣ обязанъ Савиной. Ее обвиняли въ томъ, что она сдѣлала сцену Александринскаго театра ареной «окрыленныхъ» пьесъ. Это — клевета. Репертуаръ того времени составлялся всесильнымъ П. С. Ѳедоровымъ. Островскаго въ тѣ времена Дирекція не особенно жаловала. Ставились изрѣдка пьесы Чаева, Аверкіева, Шпажинскаго и рядомъ съ ними былъ Крыловъ съ его передѣлками комедій и переводами оперетокъ. Савина, волей-неволей, должна была играть все, что ей давали.

Видный провинціальный рецензентъ — Н. И. Николаевъ, останавливаясь на обвиненіи Савиной въ насажденіи на сценѣ Императорскаго театра пьесъ Крылова, говоритъ, что Марія Гавріиловна поставила за 20 лѣтъ только одну пьесу Виктора Крылова въ свой бенефисъ — «Общество поощренія скуки», передѣлку французской комедіи Пальерона «Le Monde où l'on s'ennuie»; остальныя пьесы Виктора Крылова были по-

ставлены или въ казенные спектакли, или въ бенефисы Н. Ѳ. Сазонова. Будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ Сазоновымъ, Савина не могла, конечно, отказаться отъ участія въ его бенефисѣ. Понятно, что, благодаря исполненію М. Г. Савиной, Н. Ѳ. Сазонова и лучшихъ силъ труппы, а также благодаря своей сценичности, пьесы Виктора Крылова заполонили репертуаръ Александринскаго театра. Но не репертуаръ Крылова сдѣлалъ Савину любимицей публики и цѣнителей искусства, не его пьесы создали ей славу великой актрисы. Слава завоевана ею созданіями въ твореніяхъ Островскаго, Тургенева, Гоголя, — талантливѣйшихъ представителей русской реальной школы.

Ея громкая слава началась съ художественнаго воплощенія на сценѣ Вѣрочки въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» Тургенева. Въ талантѣ Маріи Гавріиловны Савиной была изумительная черта: она способна была всецѣло переноситься въ эпоху, въ которой жила изображаемая ею героиня пьесы, и душой перевоплощаться, проникаться мыслями и чувствами женщины даннаго времени. Не только ея костюмъ, прическа, манеры, жеманство, своеобразная грація, зависящая отъ того или иного платья, вѣрно и живо передавали эпоху, но и переживанія душевныя поразительно глубоко, до мелочей вѣрно воспроизводились Маріей Гавріиловной Савиной. Всѣ, кто видѣлъ «Марью Антоновну» въ изображеніи Савиной, поражались стильной красотой ея рисунка. По внѣшности это была уѣздная барышня того времени, сорвавшаяся съ гравюры, по внутреннимъ своимъ свойствамъ — наивная, малоразвитая, жеманная дѣвушка двадцатыхъ годовъ, начитавшаяся романовъ того времени, съ умѣньемъ кокетничать, какъ теперь уже не практикуется, съ романическими бреднями, смѣшанными съ мелочной практичностью. Ея Вѣрочка въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ» Тургенева была не менѣе стильна и поразительна по мягкости красокъ, по застѣнчивой граціи, съ которой ее нарисовала Савина. Скромная робость воспитанницы, которую то приласкаютъ, то отшвырнутъ, покорность судьбѣ, безправность бѣдной дѣвушки, живущей изъ милости у гуманной барыни временъ крѣпостного права, пробужденіе первой любви, боль отъ уколовъ всесильной соперницы, оскорбленіе чувства собственнаго достоинства полюбившей дѣвушки — все это было передано Савиной неподражаемо прекрасно. Я нисколько не удивляюсь, что великій художникъ И. С. Тургеневъ, увидавъ свою Вѣрочку въ испол-

неніи Савиной, воскликнулъ: «Я не думалъ, что это я написалъ!..». Вѣрочку дорисовала Савина. Это было ея творчество, равное Тургеневскому по таланту. А ея «Провинціалка» Тургенева? Это — женщина, съ поэтически-настроенной душой, погрязшая въ глуши провинціи, въ семьѣ мелкаго чиновника, въ которой воскресаетъ былая любовь къ престарѣлому князю, вмѣстѣ съ утратившимъ свѣжесть жеманнымъ кокетствомъ. Какъ характерно передавала Савина эту женщину! А старая княгиня въ «Холопахъ» Гнѣдича, Юлія въ «Послѣдней жертвѣ» Островскаго, Глафира въ «Волкахъ и овцахъ»?!..

Передо мной возстали толпой множество русскихъ женщинъ, созданныхъ геніемъ Савиной — и я бы хотѣлъ безъ конца говорить о Савиной и ея чудныхъ созданіяхъ... Но я увлекся и боюсь злоупотреблять вниманіемъ...

Я позволю себѣ только упомянуть объ исполненіи Маріей Гавріиловной Савиной крестьянской женщины. Простонародную среду она, конечно, знала не такъ близко, какъ интеллигентную, но, тѣмъ не менѣе, она создала незабвенные, художественные образы женщинъ крестьянокъ: Дуньки въ «Ночномъ» Стаховича, Акульки во «Власти тьмы», Ульяны въ «Мірской вдовѣ»...

Маріи Гавріиловнѣ Савиной былъ чуждъ трагическій паѳосъ, но драму она чувствовала глубоко, передавала ее сильно и трогательно, потрясая и волнуя зрителей.

Говорить, какъ Савина умѣла переживать на сценѣ чувство любви, какъ разнообразно, тонко передавала она едва уловимые оттѣнки этого чувства, я считаю излишнимъ. Это всѣ знаютъ. Но когда подумаешь, что Марія Гавріиловна Савина сыграла за свою жизнь чуть ли не больше пятисотъ ролей, гдѣ ей приходилось изображать любовь самыхъ разнохарактерныхъ женщинъ, начиная съ подростка Вѣрочки и кончая «Исторіей одного увлеченія» уже пожилой, конченной женщины, и при этомъ съумѣла вложить въ свое исполненіе неисчислимое разнообразіе и оригинальность, — невольно поражаешься огромностью ея таланта и преклоняешься передъ ея геніальностью.

Я кончаю. И, въ заключеніе, хотѣлъ бы сказать еще одно слово. Художественныя созданія Савиной, Варламова и Стрѣльской, ихъ работа, ихъ жизнь на сценѣ — глубоко убѣждаютъ меня, что слова, сказанныя кѣмъ-то въ періодъ «переоцѣнки цѣнностей» и такъ часто повторяемыя до сихъ

поръ: «Бытъ умеръ»—слова неумныя. Бытъ, бытіе—жизнь, умереть въ театрѣ не можетъ. Со смертью быта неминуемо послѣдуетъ смерть искусства, ибо искусство питается корнями жизни—и безъ нея мертво есть.

Вторымъ выступилъ В. В. Сладкопѣвцевъ со своимъ поэтическимъ очеркомъ:

РАДОСТЬ ОБЕЗДОЛЕННЫХЪ ДѢТЕЙ[1]).

(Свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной).

Я не умѣю запоминать факты. Жизненныя встрѣчи съ близкими и дальними, какъ и сама жизнь, оставляютъ въ душѣ моей смутныя пятна неопредѣленныхъ воспоминаній, но для меня безконечно болѣе дорогихъ, чѣмъ тѣ, которыя проходятъ передо мной въ точныхъ воспоминаніяхъ другихъ людей. Да и тамъ меня больше интересуетъ не жизнь въ ея цѣломъ, а отдѣльные кусочки жизни. Вотъ и сейчасъ— я такъ ярко чувствую и вспоминаю рождественскій холодный вечеръ, долгій, жуткій путь по Петровскому проспекту по направленію въ Убѣжище, а въ ушахъ уже звенитъ милая дѣтская пѣсенка:

Вотъ мы составили кружокъ,
Найди мѣстечко, мой дружокъ!
Всѣмъ ручки за спиной держать,
Кого я трону, тому бѣжать.

* * *

И путается, скатывается въ одинъ клубокъ то, что я было вспомнилъ. Совсѣмъ, какъ во снѣ.

Я уже ѣду не на извозчикѣ, а въ маленькой каретѣ Маріи Гавріиловны. Она—тутъ же рядомъ, зябко кутается въ свою ротонду. Я знаю, что Марія Гавріиловна нездорова, нездорова серьезно—и въ моей головѣ никакъ не укладывается мысль, зачѣмъ она, гордость русскаго искусства, сейчасъ, въ первый день Рождества,—не дома, не въ теплой комнатѣ среди своихъ, среди близкихъ, когда всѣ такъ жаждутъ остаться и остаются въ своей семьѣ, почему она, серьезно больная, въ морозный рождественскій вечеръ ѣдетъ по жуткому Петровскому проспекту?... И словно въ отвѣтъ порывъ пронизывающаго вѣтра, отъ котораго никуда не спрячешься, врывается въ темноту маленькой кареты и заставляетъ поднять воротникъ.

---

[1]) Напечатано въ «Извѣстіяхъ Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества», сентябрь—октябрь 1915 г., №№ 17—18, и въ «Обозрѣніи Театровъ», 25—26 декабря 1915 г., № 2971—2972.

Начинаешь дремать, какъ всегда при ѣздѣ въ холодныя зимнія ночи, и баюкаетъ, тихо звеня въ тактъ дребезжащему стеклу кареты, милая дѣтская пѣсенка:

Вотъ мы составили кружокъ,
Найди мѣстечко, мой дружокъ!..

* * *

Карета растаяла. Мы въ большой, теплой, яркоосвѣщенной комнатѣ... «Тетя Маруся пріѣхала!.. Тетя Маруся... Тетя Маруся!..»—счастливо, въ перебивку кричатъ десятки дѣтскихъ голосовъ. И впервые всей душой я понимаю, что слово, само по себѣ,—ничто... Ничего не означаетъ. Я не знаю, многія ли матери слышали такое: «мама!», какъ Марія Гавріиловна—«Тетя Маруся!» отъ бѣдныхъ актерскихъ дѣтей, пригрѣтыхъ ею на Петровскомъ островѣ. Я говорю: «многія ли», потому что обыкновенно матери—всегда при своихъ дѣтяхъ, и дѣти—всегда при своихъ матеряхъ. Вотъ почему трепещущее нѣжной любовью сердце Маріи Гавріиловны, какъ и сама она, не могли не быть въ первый день Рождества Христова вмѣстѣ съ тѣми, кто въ перебивку счастливыми дѣтскими голосами кричалъ ей: «Тетя Маруся!.. Тетя Маруся!» И *Тетя Маруся* знала, что ее зовутъ *ея* дѣти, которыхъ она приняла во имя Того, Кто только что раскрылъ Свои лучезарные глаза и тоже посмотрѣлъ на Свою Мать. Слезы навертываются на глазахъ Маріи Гавріиловны, когда она, держа на своихъ рукахъ и прижимая къ себѣ самаго маленькаго изъ всѣхъ, смотритъ на окружающую ее дѣтвору. «Мечъ прошелъ» скорбную душу Маріи Гавріиловны, она знаетъ, знаетъ по самой себѣ, что уже испытали эти малыши и что еще имъ предстоитъ испытать. И силится она вырвать изъ цѣпкихъ рукъ нужды и горя, хотя бы дѣтство, хотя бы юность тѣхъ, кѣмъ ее благословилъ Богъ, взамѣнъ собственныхъ дѣтей. Большое сердце Онъ предпочелъ отнять у немногихъ, чтобъ отдать и сохранить его всѣмъ... И движется хороводъ вокругъ ярко пылающей рождественской елки, и топочутъ и семенятъ крохотныя дѣтскія ножки, и поютъ счастливые дѣтскіе голоса, вмѣстѣ *со своей мамочкой,* которую они зовутъ «Тетей Марусей», милую дѣтскую пѣсенку:

Вотъ мы составили кружокъ,
Найди мѣстечко, мой дружокъ!..

* * *

Гаснутъ восковыя свѣчи. Темно дѣлается въ комнатѣ. Дѣти устали, но они не расходятся. Они знаютъ, что сейчасъ будетъ самое важное. Сейчасъ Тетя Маруся дастъ имъ дорогіе подарки, такіе же дорогіе, какъ и у тѣхъ, кто тамъ въ городѣ около своихъ папы и мамы. Подарки, купленные *ей самой,* за *свои* деньги, для *своихъ* дѣтей. И

каждый знаетъ, что его ждетъ только то, о чемъ онъ мечтаетъ.— «Ты что хотѣлъ?»—«Паровую миноноску!» — «Получай миноноску!»— «Спасибо, Тетя Маруся!»—«А ты что хотѣла?»—низко наклоняется Тетя Маруся къ кудрявой разрумянившейся дѣвчуркѣ.—«Бювалъ для писемъ».—«Зачѣмъ же тебѣ, душечка ты моя, бюваръ для писемъ?»— «Я не знаю».—«А хочешь?»—Дѣвчурка, вмѣсто отвѣта, тянется рученками и обхватываетъ за шею Тетю Марусю и горячо, горячо ее цѣлуетъ. Кудрявая головка не знаетъ, для чего ей бюваръ, но она знаетъ, что онъ есть, и одно только скрыто отъ нея, что въ той же коробкѣ лежитъ такая маленькая, маленькая, такая нарядная, нарядная съ настоящей косой куколка... И такъ всегда и всѣмъ... Подарки получены, но дѣти не расходятся, имъ нужно показать еще разъ Тетѣ Марусѣ все то, что только что отъ нея получили... А въ углу, у самой двери, примостились старшіе. Они тоже были еще недавно въ Пріютѣ, а теперь они переведены въ Пансіонъ, здѣсь же, откуда ходятъ въ гимназію, въ реальныя и другія училища. Они пришли поблагодарить Тетю Марусю за то, что она дала имъ возможность учиться и полюбить свою родину, за то, что они были лѣтомъ на Волгѣ, въ Крыму, на Кавказѣ. Теперь они приготовили ей сюрпризъ—и на подаренныхъ въ прошломъ году Тетей Марусей балалайкахъ звенитъ ея любимая, милая дѣтская пѣсенка:

Вотъ мы составили кружокъ,
Найди мѣстечко, мой дружокъ!..

* * *

Зима. Снѣгъ запушилъ окна. Но и ему не удалось скрыть маленькій огонекъ лампады, тамъ у креста надъ могилой *Тети Маруси*. Дѣти спятъ спокойно. Они не боятся этой могилы. Крѣпко закрыты ихъ глазки и ровно ихъ дыханіе. Имъ не о чемъ больше безпокоиться. Они знаютъ, что ихъ Тетя Маруся больше никогда не уѣдетъ изъ дому. И всегда, всегда будетъ съ ними. Смотрите! Вотъ они улыбнулись. Щечки ихъ разгорѣлись. Это Тетя Маруся разсказываетъ имъ во снѣ, что все, какъ было, такъ и будетъ и что опять ихъ ждутъ на Рождество дорогіе подарки. И слышутъ они, какъ надъ ними ласково звенитъ чей-то милый родной голосъ—это *Тетя Маруся* убаюкиваетъ ихъ своей пѣсенкой:

Вотъ мы составили кружокъ,
Найди мѣстечко, мой дружокъ!..
Всѣмъ ручки за спиной держать,
Кого я трону, тому бѣжать.

. . . .

Третій докладъ принадлежалъ Н. Н. Тамарину (Окулову):

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА

въ моихъ воспоминаніяхъ.

Послѣ тѣхъ яркихъ личныхъ воспоминаній о Маріи Гавріиловнѣ Савиной, которыя были только что сообщены аудиторіи Е. П. Карповымъ, охарактеризовавшимъ великую русскую артистку-художницу, обрисовавшимъ созданіе ею ряда ролей и показавшимъ подробности процесса ея творчества при разработкѣ сценическихъ образовъ,—послѣ тѣхъ трогательныхъ и искреннихъ воспоминаній В. В. Сладкопѣвцева о покойной «Тетѣ Марусѣ», какъ матери актерскихъ сиротъ и дѣтей въ Пріютѣ, созданномъ Маріей Гавріиловной, гдѣ она дарила чужимъ дѣтямъ сокровища своей души и чувства матери, не даннаго судьбой ей лично,—послѣ всего этого, что же значительнаго могутъ прибавить мои слова,—слова человѣка, который, хотя и имѣлъ счастье знать покойную лично, но не былъ въ числѣ ея близкихъ друзей и знакомыхъ.

Но просится слово, хочется лишній разъ скорбно отдать себѣ отчетъ, какъ громадна потеря!.. Мы лѣнивы, нелюбопытны и неблагодарны. Мы недостаточно цѣнили Марію Гавріиловну, и только послѣ ея кончины намъ становится ясно, что́ потерялъ русскій театръ,—что́ потеряли тѣ, которые любятъ его такъ, какъ завѣщалъ любить Бѣлинскій. Помните его призывъ: «идти въ театръ, жить имъ и умереть въ немъ»?...

Марія Гавріиловна Савина умѣла воплотить на сценѣ разнообразнѣйшія проявленія женской души и преимущественно проявленія глубокія, прекрасныя, самоотверженныя. Художественно воплощала она на сценѣ женскій задоръ, капризъ, кокетство, легкомысліе, лукавство, коварство. Но даже и не безгрѣшныя и дурныя человѣческія свойства въ изображеніи Маріи Гавріиловны были обаятельны, красивы. Савина показывала намъ и въ отрицательныхъ женскихъ образахъ, ею создававшихся, женское обаяніе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее, и вызывала «милость къ падшимъ».

Я помню, какъ Марія Гавріиловна говорила мнѣ по поводу одной изъ блестящихъ своихъ ролей—пѣвицы Елены Протичъ, въ драмѣ М. И. Чайковскаго «Симфонія»: «Я играю эту роль такъ, чтобы, съ одной стороны, публика поняла, какое несчастье окружающимъ создаютъ испорченныя, избалованныя

удачей неглубокія натуры, легко идущія, ради благъ земныхъ, на сдѣлки съ убѣжденіями и совѣстью; но, съ другой стороны, въ моемъ сценическомъ образѣ я стараюсь показать и много такихъ психологическихъ штриховъ, которые могли бы въ публикѣ пробудить жалость къ Еленѣ. Я являюсь прокуроромъ, предостерегающимъ, говорящимъ: «Глядите на эту вредную, хотя и талантливую женщину, бойтесь уподобиться сй и опасайтесь такихъ, какъ она», но тутъ же стараюсь смягчить приговоръ—и своей игрой вношу оговорку въ обвиненіе, какъ бы говоря: «И всетаки пожалѣйте ее!»...

Марія Гавріиловна не боялась несимпатичныхъ ролей,— ролей глупыхъ, пошлыхъ женщинъ. Она умѣла въ своемъ творчествѣ достигать реальной правды, столь художественно и «человѣчно» воплощенной, что эта красота творчества захватывала и самое артистку, и публику.

Реализмъ Маріи Гавріиловны всегда управлялся чувствомъ мѣры. Сценическая правда артистки была всегда той художественной правдой, которая является идеаломъ сценическаго искусства и которую преподавали намъ Щепкинъ и великіе итальянцы—Ристори, Дузе и Сальвини, постигшіе волшебную тайну гармоніи быта и романтики въ театрѣ,— гармонію, достиженіе которой и есть идеалъ сценическаго творчества. А чудную женскую душу, въ частности душу русскую, Марія Гавріиловна выявляла со сцены поистинѣ проникновенно. Я увѣренъ, что многіе, видѣвшіе и слышавшіе Марію Гавріиловну на сценѣ, какъ я, въ массѣ ея ролей, благодарно сознаютъ, какъ много радости, какъ много свѣта и добра влила артистка въ «святая святыхъ», во внутреннее «я» тѣхъ изъ публики, у которыхъ были зоркіе глаза и тонкій воспріимчивый слухъ.

Марію Гавріиловну обвиняли за то, что она часто играла пьесы и роли, которыя были ниже ея таланта. Обвиненія эти несправедливы, прежде всего, потому, что Марія Гавріиловна если и царила на сценѣ, то только благодаря своему исключительному дару Божіему, и это царені было лишь художественное, а отнюдь не господствовавшее въ закулисной жизни. Всѣ росказни о будто бы деспотической власти на Александринской сценѣ Савиной, о насажденіи ею малолитературнаго репертуара, объ ея интригахъ, недопущеніи ею соперницъ на сцену—легенды, распускавшіяся безсильно злобствовавшими ничтожествами и бездарностями, «моськами» искусства, срывавшими гнѣвъ за собственное неудачниче-

ство въ ложной хулѣ на такого «слона» сцены, какъ Савина. Савина была далеко не всесильна за-кулисами. И тотъ легковѣсный репертуаръ пьесъ В. Крылова и Н. Потѣхина, которымъ укоряла Савину досужая сплетня,—репертуаръ не высокой литературно-художественной цѣнности, въ которомъ Савина творила чудеса, создавая сценическія жемчужины порою изъ пустяковъ, царилъ на сценѣ не по волѣ артистки, а по волѣ театральнаго «начальства». Этому содѣйствовала и публика,—увы!—въ большинствѣ эстетически мало развитая, и если любящая театръ, то не той высокой, святой любовью, о которой писалъ Бѣлинскій, а какъ развлеченіе, отдыхъ или средство пріятнаго и незатруднительнаго для головы довершенія хлопотливаго дня, послѣ сытнаго обѣда, который легче переварить при спокойномъ созерцаніи какой-либо пьесы, не требующей напряженія ни ума, ни сердца.

«Савина не боролась съ этимъ»,—говорятъ зоилы...

А знаютъ ли эти зоилы, какъ тяготилась артистка тѣмъ, что ее обрекаютъ на растрачиваніе своего таланта по мелочамъ, какъ пытливо искала она работы, какъ священнодѣйствовала, создавая большія художественныя роли? Знаютъ ли, что она шла наперекоръ даже сверхсильнымъ «давленіямъ», не разъ рисковала карьерой и лишилась однажды даже бенефиса, но не покорилась приказу играть въ слабой пьесѣ вліятельнаго писателя изъ великосвѣтскаго круга? Знаютъ ли о томъ, какъ Савина искала талантливыхъ авторовъ и пьесы, причемъ нерѣдко безкорыстно хлопотала и о такихъ произведеніяхъ, въ которыхъ для нея даже и не было интересной роли? Знаютъ ли зоилы, что въ бенефисъ свой Савина ставила Ибсена (она первая въ Россіи играла «Нору», несмотря на то, что тогда эту пьесу и въ публикѣ, и въ печати считали скучной философіей, ибо еще не доросли до пониманія таланта Ибсена и большой идейности Норы)? Савина познакомила и съ Бьернсономъ («Марія Шотландская» и «Перчатка»). Она открыла, можно сказать, Тургенева, какъ драматурга (успѣхъ «Мѣсяца въ деревнѣ» былъ, благодаря Савиной-Вѣрочкѣ). Въ бенефисы Савиной шли пьесы А. Потѣхина, Островскаго, Лопе-де-Вега («Собака садовника»). Слабыя пьесы въ Савинскихъ бенефисахъ можно сосчитать по пальцамъ, и выборъ ихъ объяснялся всегда или исключительными обстоятельствами, или извинительными компромиссами, безъ которыхъ невозможно прожить, состоя на службѣ. Нерѣдко актеръ и актриса казенной сцены вы-

нуждены играть то, что «предуказано». Помимо этого, нельзя отрицать права театра ставить, а артистовъ играть пьесы, и не относящіяся къ разряду строго образцовыхъ, если таковыя, удовлетворяя, конечно, минимуму литературности, даютъ просторъ творчеству артиста,—если онѣ, что называется, сценичны, и роли ихъ даютъ матеріалъ для художественнаго проявленія чувствъ и страстей. И въ Савинскомъ репертуарѣ много такихъ пьесъ,—къ слову сказать, вовсе ужъ не столь плохихъ, какъ говорятъ зоилы. Такой художникъ театра, какъ Островскій, въ своей знаменитой запискѣ о мечтавшемся ему русскомъ образцовомъ театрѣ, находилъ даже необходимымъ, чтобы въ репертуарѣ такого театра былъ извѣстный процентъ мелодрамъ и пьесъ «для актеровъ», но, конечно, не пошлыхъ, не лубочныхъ, пріемлемыхъ съ точки зрѣнія ихъ сценичности и благодарности ихъ ролей для артистовъ и притомъ не оскорбляющихъ эстетическаго вкуса. Предо мною незабываемымъ стоитъ образъ Савиной именно въ одной изъ такихъ не высокой литературной марки пьесъ—въ драмѣ Н. Потѣхина «Нищіе духомъ». Какъ ярко запечатлѣлись въ памяти переживанія главнаго лица—женщины, жаждущей возрожденія любовью, тянущейся къ честной, хорошей жизни изъ вертепа, куда ее завлекли людскіе обманъ и соблазнъ. Какъ сейчасъ я вижу полные печальнаго укора глаза Савиной, слышу ея скорбный голосъ, когда она на оскорбленіе, брошенное ей матерью любимаго человѣка, послѣ геніальной «Савинской паузы», отразившей на лицѣ артистки подавленную героическимъ усиліемъ воли вспышку, едва владѣя собою, говоритъ: «Я съумѣла бы отвѣтить вамъ, но вы... вы его мать, и я вамъ прощаю!»... Я помню, какъ публика, послѣ ухода вслѣдъ за этой фразой Савиной со сцены, бурно вызывала артистку, какой это былъ свѣтлый театральный восторгъ (тогда такіе восторги не были стѣснены, и артистку вызывали среди акта). Эта сцена влила мнѣ въ душу и въ умъ больше добра, чѣмъ многое болѣе важное, что́ благотворно вліяло на меня въ семьѣ, въ школѣ и въ жизни. А пьеса вѣдь была не важная... Но артисткѣ-то она всетаки давала возможность «жечь глаголомъ сердца»! Радость, растроганность, умиленіе, состраданіе, восхищеніе, хорошій смѣхъ, душевный свѣтлый порывъ, прекрасныя стремленія, печаль, нѣжность—сколько разъ все это вызывала въ публикѣ, даря ей минуты художественнаго наслажденія, Савина!..

А ея «Тургеневскіе» женскіе идеальные образы,—образы, создававшіеся и въ самихъ Тургеневскихъ пьесахъ, и въ передѣлкахъ изъ Тургенева (Лиза—«Дворянское гнѣздо»), и въ пьесахъ другихъ авторовъ, образы которыхъ были родственны Тургеневскимъ!

А воплощенныя Савиной жертвы жестокихъ нравовъ: Тугина («Послѣдняя жертва»), Машенька («Бѣдная невѣста»), Надя («Воспитанница»), Оля Василькова («Свѣтитъ да не грѣетъ») и другія!..

А ея смѣшныя и жалкія, но такія родныя намъ, русскія женщины, какъ Марья Антоновна въ «Ревизорѣ», невѣста въ «Женитьбѣ», Липочка въ «Свои люди сочтемся», Ольга въ «Выгодномъ предпріятіи» А. Потѣхина, Акулина во «Власти тьмы»!..

А ея бой-бабы и бой-дѣвки, чарующія и способныя свести съ ума,—иногда хорошія («Чародѣйка»), иногда со «всячинкой» («Маіорша»)!..

И, наконецъ, ея живописныя пожилыя женщины («Холопы» Гнѣдича, Каренина-мать въ «Живомъ трупѣ» Толстого)!..

Марію Гавріиловну обвиняли въ высокомѣрномъ отношеніи къ товарищамъ по сценѣ и къ стремившейся на сцену молодежи, въ недопущеніи на сцену молодыхъ дарованій, въ интригахъ за-кулисами, въ стремленіи владѣть исключительно лучшими ролями...

Сколько тутъ опять неправды!..

Только послѣ смерти въ полной мѣрѣ узнали, что Марія Гавріиловна была любящей матерью для провинціальнаго актерства, для инвалидовъ сцены и актерскихъ дѣтей и сиротъ.

А извѣстно ли многимъ, что Марія Гавріиловна хлопотала и содѣйствовала поступленію на казенную сцену В. Н. Давыдова, В. Ѳ. Коммиссаржевской, Е. Н. Рощиной-Инсаровой и многихъ другихъ?

Да, Марія Гавріиловна была аристократкой, но аристократкой не по «голубой крови», а въ высшемъ значеніи этого слова. Она была сама себѣ «предкомъ», сама создала свой гербъ «барыни»—и на сценѣ, и въ жизни. Она презирала пошлость, ничтожество и нечистоплотность по отношенію къ своему дѣлу на сценѣ, презирала закулисныя дрязги и пятнающихъ великое дѣло театра, паразитствующихъ на сценѣ людишекъ, а также тѣхъ, которые идутъ на служеніе искусству легкомысленно и несутъ съ собою разгильдяйство и лѣнь.

Да, Савина иронически «рѣзала» и «обливала холодной водой» барышень, стремящихся на сцену подъ вліяніемъ стаднаго инстинкта, отъ нечего дѣлать, не зная литературы, не умѣя работать, а ища здѣсь легкой, веселой жизни.

Да, Савина была изумительно наблюдательна и остроумна; она умѣла вѣрно цѣнить людей, по мѣрѣ того, чего они стоили. Порою она пришпиливала иной мнящей о себѣ, но еще «зеленой» актрисѣ, у которой было больше претензій, чѣмъ способностей, и которая больше «фигуряла», чѣмъ работала, такое мѣткое прозвище, что потомъ ей такъ и не удавалось отъ него освободиться.

Но вѣдь на это Савина имѣла право...

Сама она работала усердно, много, каждую роль изучала до мелочей и священнодѣйствовала на сценѣ, никогда не опаздывала на репетиціи, не пропуская ихъ безъ исключительно уважительной причины, репетировала и играла зачастую совсѣмъ больная.

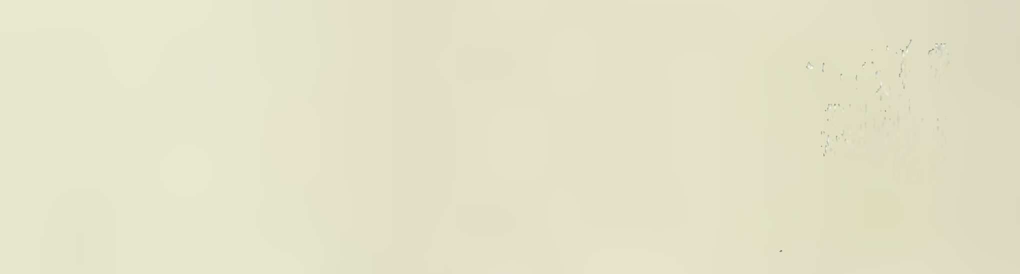
Я помню Савину на репетиціяхъ. Для театрально-близорукихъ людей ея читка роли тутъ могла показаться машинальной, безжизненной, но на дѣлѣ это было пытливое намѣчаніе, нащупываніе интонацій, которыя чуткому уху всегда можно было уловить. Въ этой читкѣ все болѣе и болѣе выяснялись въ абрисахъ, въ намекахъ будущіе и настоящіе тона и темпы. Это была работа художника сцены, которую такъ ярко зафиксировалъ Легуве въ своемъ разсказѣ о сценическомъ творчествѣ Рашели, которая на репетиціи обыкновенно показывала какъ бы завуалированныя очертанія роли.

Я помню, какъ во время спектаклей Савина совершенно отрѣшалась отъ жизни, дѣйствительно перевоплощалась въ лицо пьесы, какъ она не терпѣла перерывовъ ея сценическаго настроенія, рѣзко уклоняясь въ антрактахъ отъ постороннихъ разговоровъ на сценѣ, и какъ истово крестилась, безъ ханжества, передъ выходомъ на сцену (Савина была глубоко религіозна)...

Съ тѣми своими товарищами, которые, какъ и она, были жрецами искусства, и со сценическою молодежью, проявлявшею благоговѣйное отношеніе къ дѣлу, Савина всегда держала себя другомъ и добрымъ совѣтчикомъ.

Когда Савина стала подъ конецъ жизни преподавать сценическое искусство, она, ранѣе боявшаяся браться за это дѣло, такъ какъ сама прошла школу только практи-

чески и болѣе всего при помощи самообразованія и самообученія, увлекалась этимъ дѣломъ до самозабвенія. Вина ли Савиной, что среди учениц не оказалось достойной своей учительницы? Таланты родятся рѣдко; школа обречена на подготовку въ большинствѣ «полезностей», а то и вторыхъ персонажей...

Интриги Савиной!..

Да никогда она,—повторяю,—не имѣла власти «не пущать» на сцену.

Людямъ, знающимъ театральный міръ и театральную провинцію, извѣстно, что играющимъ на частныхъ сценахъ Савина не мѣшала, да и не имѣла возможности мѣшать попасть въ казенный театръ. Большинство изъ нихъ, къ тому же, и не стремилось туда, а если стремилось и не имѣло успѣха, то виною тутъ была не Савина, а или «начальство», или обнаружившійся недостатокъ таланта, правъ и данныхъ для Императорской сцены.

Да и гдѣ онѣ—эти актрисы, которыхъ Савина могла бы бояться, которыя превосходили бы ее талантомъ?... Мы знали ихъ наперечетъ...

Другой вопросъ, что иногда остаются незамѣченными и глохнутъ въ провинціи крупныя дарованія. Виною здѣсь нечуткость антрепренеровъ и режиссеровъ, а частью и то, что люди, имѣющіе власть въ театрѣ, не ѣздятъ по глухой провинціи искать талантовъ, а ждутъ, пока таковые проявятся въ крупныхъ центрахъ.

Я помню, какъ Марія Гавріиловна лично мнѣ и многимъ въ моемъ присутствіи сѣтовала на то, что на казенной сценѣ мало актрисъ на первыя роли, что актрисъ не ищутъ по провинціальнымъ захолустьямъ; сама же она, къ несчастью, не нападала въ столицѣ на молодыхъ актрисъ съ настоящимъ священнымъ огнемъ, и потому не смогла подготовить къ сценѣ достойную себѣ преемницу, о чемъ мечтала. Я помню, какъ Марія Гавріиловна ѣздила на спектакли театральныхъ школъ, тщетно ища таланта.

Помню я и то, какъ страстно искала Марія Гавріиловна хорошихъ новыхъ русскихъ пьесъ и авторовъ.

Гдѣ онѣ—эти пьесы?... Гдѣ эти авторы?... Островскіе родятся не часто!..

Интриги Савиной!!...

Если бы онѣ были,—могла ли бы занять свое видное положеніе на казенной сценѣ В. А. Мичурина, могла ли бы де-

бютировать и потомъ играть въ Савинскихъ роляхъ, рядомъ съ нею, на Александринской сценѣ юная тогда А. А. Пасхалова, начавшая здѣсь блестяще свою карьеру. Успѣху ея Савина, однако, не помѣшала, и ушла Пасхалова съ казенной сцены отнюдь не изъ-за Савиной, какъ утверждали опять таки сплетники, а по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ. Не помѣшала Савина приглашенію на Александринскую сцену Потоцкой, Ведринской и другихъ. Савина не помѣшала, а содѣйствовала появленію на казенной сценѣ Коммиссаржевской. А вѣдь это была актриса, которая отчасти могла быть ей соперницей. Савина не останавливалась играть даже второстепенныя роли въ однѣхъ пьесахъ съ Коммиссаржевской (Ада въ «Гибели Содома», Аркадина въ «Чайкѣ»).

Задушевное съ подкупающимъ надрывомъ, съ прелестью какой-то интимности дарованіе Коммиссаржевской захватывало публику. Хотя артистка эта обладала куда меньшей, сравнительно съ Савиной, гибкостью и широтою сценическихъ данныхъ, но голосъ ея, чарующей прелести, модуляціи котораго были иногда прямо несравненны, подкупалъ зрителя. Здѣсь надо учесть еще и то, что новое всегда, покуда оно не станетъ привычнымъ, возбуждаетъ повышенный интересъ. И Дирекція, и режиссура, и публика, и критика выдвинули Коммиссаржевскую, быть можетъ, съ нѣкоторой чрезмѣрностью. Савина была,—правда, къ счастью, временно,—неблагодарно и несправедливо обречена на рѣдкое появленіе на сценѣ. Она не могла не страдать—и страдала. Но я, знавшій лично покойную Коммиссаржевскую, лично же отъ нея слышалъ утвержденіе, что причиной ея бѣгства изъ Александринскаго театра была вовсе не Савина, а нежеланіе мириться съ режимомъ и стремленіе «на свободу».

Распускали также слухи о томъ, что Савина препятствуетъ появленію на сценѣ опасныхъ для себя конкуренток, нѣкоторыя горе-актрисы, проваливавшіяся на дебютахъ и не имѣвшія прочнаго не случайнаго успѣха въ провинціи и на клубныхъ спектакляхъ.

Савина была всегда выше интригъ. Она не могла не сознавать и сознавала, что Александринскій театръ не можетъ обойтись безъ Савиной, и что публика, въ концѣ концовъ, не измѣнитъ ей и рядомъ съ другими талантливыми артистками будетъ еще болѣе цѣнить ее, со-

храняя за нею попрежнему эпитеты: «несравненная», «единственная». И я помню, какія оваціи дѣлала публика Савиной въ роли Настасьи Филипповны, въ «Идіотѣ», даже въ періодъ своего горячаго увлеченія Коммиссаржевской.

Помню я, какъ дорожила Савина серьезными совѣтами. Какъ она внимательно слушала замѣчанія, которыя дѣлались ей, хотя бы и малоопытными въ театральномъ дѣлѣ людьми. На моей памяти случай, когда она въ пьесѣ Пинеро «Вторая жена» передѣлала свою игру въ концѣ акта, одобривъ планъ этого конца, подсказанный артисткѣ близко знакомымъ мнѣ юношей, любившимъ театръ беззавѣтно и неизмѣнно.

Это ли высокомѣрное отношеніе къ молодежи!..

Помню я и другой фактъ, какъ Марія Гавріиловна искренно просила того же юношу простить ее за то, что она, не зная его и услыхавъ о его стремленіи на сцену, отнеслась къ этому съ той ироніей, о которой я говорилъ выше,—съ ироніей, вызывавшейся у артистки тѣмъ легкомысліемъ, съ какимъ идутъ многіе въ актеры. Она потомъ внимательно слѣдила за первыми театральными шагами этого ей мало знакомаго юноши и помогала ему въ разборѣ нѣсколькихъ ролей.

Это ли высокомѣріе?!..

Молодое поколѣніе театраловъ было жестоко къ Маріи Гавріиловнѣ Савиной, когда торопило ее переходить на пожилыя роли, а она, между тѣмъ, еще была въ полной силѣ воспроизводить на сценѣ съ прежней яркостью молодыя чувства. Да кто могъ дать ей ея годы?... Поразительную энергію, бодрость, жизнеспособность и молодость души она сохранила до самой кончины. А какъ права была она, когда повторила, на не деликатный намекъ, сдѣланный при ней о необходимости для актрисы во-время мѣнять амплуа, слова французской знаменитости Лагранжъ-Белькуръ, восхищавшей исполненіемъ ролей ingénues въ 60 лѣтъ: «Молоденькихъ, смазливенькихъ женщинъ, играющихъ на сценѣ, сколько угодно, а хорошія актрисы на молодыя роли родятся рѣдко, и, казалось бы, надо стараться больше использовать ихъ талантъ, особенно если нѣтъ достойныхъ замѣстительницъ!»...

Мы легкомысленны въ области театра. Мало у насъ того піэтета къ роднымъ талантамъ, который имѣется во Франціи. Тамъ 70-ти-лѣтній Мунэ-Сюлли въ юбилейный спектакль играетъ и восхищаетъ толпу въ роли юноши Ореста, своей дебютной роли. Мунэ - Сюлли выступаетъ до сихъ

поръ въ молодыхъ героическихъ роляхъ классическихъ пьесъ. Сара Бернаръ, тоже 70-ти-лѣтняя, съ искусственной ногой, играетъ молодыхъ героинь — и французы искренно восхищаются талантами и ея, и Мунэ-Сюлли, которые остались неувядаемыми, примиряясь съ возрастомъ артиста, который маскируется гримомъ и костюмами.

А насколько Марія Гавріиловна давала болѣе иллюзіи молодости, чѣмъ та же Сара Бернаръ!..

Но мы, старые театралы — «гурманы театра», хорошо знавшіе Савину и цѣнившіе тѣ сокровища, которыя расточала намъ эта артистка не только «Божіей милостью», но и благодаря своему художественному труду, своему виртуозному мастерству, — мы жалѣли, что Марія Гавріиловна сама слишкомъ торопилась исключить изъ своего репертуара рядъ молодыхъ ролей и искала ролей женщинъ, «которыя еще любятъ, но которыя уже любимы рѣдко и непрочно» мужчинами, ищущими молодости тѣла и не цѣнящими молодости души...

Мы потеряли въ Савиной огромную артистическую величину и выдающуюся по уму женщину, недаромъ пользовавшуюся вниманіемъ Тургенева и Островскаго...

Тяжело мириться съ этой утратой!..

10-го ноября въ «Обозрѣніи Театровъ», въ № 2927, напечатана слѣдующая статья:

СТРАННЫЙ ПРОТЕСТЪ.

Городской Комиссіи по народному образованію, какъ извѣстно, поручено было выработать проектъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

Комиссія намѣтила учрежденіе ряда стипендій имени великой артистки и переименованіе «Улицы Литераторовъ» — въ «Улицу Савиной».

Противъ переименованія Улицы Литераторовъ, какъ оказывается, якобы протестуютъ литераторы. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ почтенный Ѳ. Д. Батюшковъ, сообщившій Комиссіи о томъ, что литераторы обидятся, если уничтожатъ Улицу Литераторовъ.

Русскіе литераторы, изволите ли видѣть, были якобы крайне польщены тѣмъ, что набережную рѣки Карповки городъ переименовалъ въ Улицу Литераторовъ, а теперь городъ хочетъ ихъ «обидѣть».

Кто тѣ литераторы, отъ имени которыхъ «протестуютъ» представители Литературнаго Фонда?...

Чья, собственно, память увѣковѣчена Улицей Литераторовъ?...

На улицѣ той помѣщается зданіе дешевыхъ квартиръ для литераторовъ, построенное на средства, завѣщанныя Голубевымъ. Но не именемъ же Голубева названа улица?..

Названіе «Улица Литераторовъ»—такое же, въ сущности, безличное и ничего не говорящее названіе, какъ существующія чуть ли не во всѣхъ городахъ улицы: «Дворянская», «Мѣщанская», «Ямская», «Офицерская» и тому подобное. Неужели переименованіе этихъ улицъ должно вызывать протесты со стороны дворянъ, офицеровъ, мѣщанъ и ямщиковъ?..

Думается, что Литературный Фондъ оказываетъ русскимъ литераторамъ медвѣжью услугу, приписывая имъ такую нелѣпую обидчивость и такой неумный протестъ, какой поступилъ въ Комиссію по народному образованію. Литераторы, настоящіе литераторы, хорошо знаютъ, что литераторъ литератору рознь и быть коллективно увѣковѣченнымъ «со всѣми», въ «братской улицѣ», истинному литератору далеко не лестно.

Великіе русскіе писатели увѣковѣчены и будутъ увѣковѣчены не скопомъ, а каждый въ отдѣльности.

Во многихъ городахъ уже есть улицы Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Жуковскаго и такъ далѣе.

Отстаиваніемъ теперь общаго названія «Улицы Литераторовъ» Литературный Фондъ, въ сущности, ослабляетъ шансы на новыя переименованія улицъ столицы въ честь корифеевъ нашей литературы. Всегда можно ожидать, что появится какой-нибудь власть-имущій педантъ, который скажетъ:

— Зачѣмъ вамъ еще улицы Толстого, Островскаго, Чехова, когда уже есть «Улица Литераторовъ», которая увѣковѣчиваетъ память всѣхъ русскихъ литераторовъ.

Намъ хотѣлось бы узнать болѣе точно, отъ чьего имени выступилъ со своимъ протестомъ Ѳ. Д. Батюшковъ, и кто именно тѣ литераторы, которые своимъ протестомъ собираются нанести ущербъ памяти незабвенной русской артистки и общественной дѣятельницы—Маріи Гавріиловны Савиной.

Для свѣтлой памяти Маріи Гавріиловны Савиной, если Городская Комиссія внемлетъ протесту Ѳ. Д. Батюшкова, ущербъ получится, дѣйствительно, очень большой. Вѣдь домъ, въ которомъ жила и умерла Марія Гавріиловна Савина, превращается въ театральный музей ея имени, и наименованіе улицы тѣмъ же именемъ послужило бы весьма много для популяризаціи будущаго музея.

И. Осиповъ.

По этому поводу выступили и другіе органы періодической печати. Вотъ что говоритъ П. П. Гнѣдичъ въ «Петроградской Газетѣ», отъ 12-го ноября 1915 г., № 311:

УЛИЦА ЛИТЕРАТОРОВЪ.

На Волковомъ кладбищѣ издавна существуютъ Литераторскіе мостки. Правда, и Тургенева, и Достоевскаго, и Гончарова, и Григоровича, и Салтыкова—тамъ нѣтъ,—ихъ похоронили въ другихъ мѣстахъ, отдѣльно,—но всетаки, тамъ значится немало литературныхъ именъ. Нельзя сказать чтобы всѣ могилы были въ умилительномъ порядкѣ, но провинціалы, осматривающіе Эрмитажъ, музей Александра III, Лѣтній садъ, заглядываютъ и сюда—и, останавливаясь передъ надписью на могилѣ, говорятъ:

— А! Вотъ здѣсь похороненъ Бѣлинскій. Душечка, посмотри: здѣсь похороненъ Бѣлинскій!

Года три назадъ появилась въ Петроградѣ «Улица Литераторовъ». Въ первый разъ я узналъ объ этомъ отъ покойной Савиной.

При встрѣчѣ, она сказала мнѣ:

— Поздравьте меня: я живу теперь не на Карповкѣ, а въ «Улицѣ Литераторовъ».

«Улица Литераторовъ» имѣетъ что-то общее по своему названію съ «Исторіей генераловъ», что, по увѣренію Чичикова, писалъ Тентетниковъ. Даже Бетрищевъ, услыхавъ объ этомъ изъ устъ Павла Ивановича, спросилъ съ недоумѣніемъ:

— Какихъ генераловъ?

Этотъ вопросъ невольно напрашивается, когда произносятъ названіе новой улицы: Какихъ литераторовъ? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ для лица, неподготовленнаго на него заранѣе, является довольно неожиданный:

— Тѣхъ, что живутъ въ общежитіи, въ домѣ для писателей: все люди или пожилого возраста, или нуждающіеся въ отдыхѣ.

На окраинѣ города есть улицы Тургенева, Чехова, Державина,— ни одинъ кучеръ гласныхъ Городской Думы не довезетъ туда своихъ сюзереновъ сразу, потому что не знаетъ, гдѣ такія улицы находятся. Но это проспекты имени отдѣльныхъ литераторовъ. А вотъ, рѣшили, наконецъ, назвать улицу общимъ, исчерпывающимъ всѣхъ, именемъ—и появилась «Улица Литераторовъ», какъ имѣется въ святцахъ недѣля «Всѣхъ святыхъ», кажется, первая послѣ Троицына дня.

Теперь поднялся разговоръ о томъ, чтобъ улицу эту переименовать въ «Улицу Савиной». Не столько потому, что она жила здѣсь послѣдніе годы жизни и умерла, сколько потому, что домъ этотъ

хочетъ мужъ покойной обратить въ театральный музей и предоставить его въ общественное вѣдѣніе. Все это такъ логично и просто, что остается только согласиться и радоваться тому, что городъ получаетъ культурный налетъ со стороны умѣнья почтить память тѣхъ, кто когда-то блестѣлъ въ этомъ городѣ въ области искусства.

И вдругъ пишутъ въ газетахъ, что нѣкоторые литераторы обидѣлись. И съ чего имъ обижаться, и за что? Скажутъ, что Савина такъ недолго жила здѣсь, да вѣдь и домъ общежитія литераторовъ тоже существуетъ недавно,—лѣтъ десять, много пятнадцать.

Литераторы не умираютъ даже въ этомъ общежитіи, а въ какихъ-то невѣдомыхъ углахъ или больницахъ; такъ умеръ Альбовъ, умеръ надняхъ Жукъ. И почему на Карповкѣ непремѣнно должна быть «Улица Литераторовъ», и почему, если упразднить это названіе, будетъ обидно?

Я уже сказалъ, что въ самомъ названіи этомъ есть что-то угловатое, нескладное. Слово «литераторъ» какъ-будто и не русское. По-русски—писатель. А потомъ—если есть «Улица Литераторовъ», то почему не назвать улицу, на которой выстроенъ пріютъ для артистовъ на Петровскомъ островѣ, «Улицей Актеровъ», а одинъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ Академіи Художествъ, гдѣ ютятся по преимуществу академисты, «Улицей Живописцевъ» или «Улицей Зодчихъ»?

Въ Парижѣ есть «Pont des Arts», но названъ онъ такъ потому, что ведетъ черезъ Сену къ воротамъ Лувра, въ которомъ помѣщается великолѣпное хранилище искусствъ. А у насъ есть зато Гороховая улица, Храповицкій мостъ, Поцѣлуевъ мостъ, Мѣщанская улица, Лештуковъ переулокъ. Послѣднее названіе коверкается извозчиками въ «Лещиковъ». А правильно бы назвать «Переулокъ Лестока», потому что домъ Лестока стоялъ въ XVIII вѣкѣ на Фонтанкѣ именно здѣсь. Но боятся возстановить и это правильное наименованіе. А вдругъ кто-нибудь обидится, храни Господь, что тогда будетъ?

П. Гнѣдичъ.

Однородное мнѣніе высказало и «Вечернее Время», отъ того же числа, № 1298:

САВИНА И ЛИТЕРАТОРЫ.

Нѣсколько литераторовъ, имена которыхъ неизвѣстны, высказались противъ переименованія «Улицы Литераторовъ» въ «Улицу Савиной».

Почему они протестовали? Непонятно. Развѣ для литературы такъ цѣнно это названіе? Другое дѣло, если бы рѣчь шла объ улицѣ Толстого, Пушкина, Гоголя, Некрасова и другихъ.

Улицъ, носящихъ названія въ честь корифеевъ литературы, у насъ немного, и если бы одну изъ нихъ хотѣли назвать именемъ Савиной,—это могло бы встрѣтить протестъ.

Но будетъ или не будетъ въ Петроградѣ «Улицы Литераторовъ»—безразлично и для публики, и для литераторовъ. Какъ же выйти изъ такого положенія? Слѣдуетъ предложить литераторамъ высказаться, кто изъ нихъ противъ переименованія улицы и кто за переименованіе? Такое голосованіе быстро разрѣшитъ вопросъ, и мы узнаемъ имена литераторовъ, которыхъ обижаетъ возможность исчезновенія «Улицы Литераторовъ».

Нѣкоторыя изъ газетъ указываютъ на возможный въ этомъ вопросѣ примиряющій компромиссъ. Такъ, между прочимъ, «Голосъ», отъ 23-го ноября 1915 года, № 23, предлагаетъ:

«УЛИЦА М. Г. САВИНОЙ».

Намѣреніе группы общественныхъ, театральныхъ и литературныхъ дѣятелей ознаменовать память Маріи Гавріиловны Савиной присвоеніемъ ея имени улицѣ, на которой она проживала много лѣтъ, какъ извѣстно, встрѣтило серьезное препятствіе со стороны нѣкоторыхъ петроградскихъ литераторовъ.

Послѣдніе протестуютъ противъ переименованія «Улицы Литераторовъ» въ «Улицу Савиной».

Но и среди «несогласныхъ» есть литераторы, допускающіе осуществленіе этого намѣренія при условіи, что названіе «Улица Литераторовъ» не будетъ окончательно «изъято изъ обращенія».

Въ частности, Ѳ. Д. Батюшковъ по этому поводу, между прочимъ, говоритъ:

— Я думаю, что городъ самъ долженъ позаботиться о благополучномъ разрѣшеніи создавшагося положенія. Тѣмъ болѣе, что названіе «Улица Литераторовъ», на изъятіе котораго я никогда бы не согласился, установлено городомъ по собственной инициативѣ, безъ какого бы то ни было давленія со стороны литературныхъ круговъ. Мое мнѣніе, что выходъ изъ создавшагося положенія ясенъ. «Домъ писателей» выходитъ своими фасадами какъ на «Улицу Литераторовъ», такъ и на набережную рѣки Карповки. Благодаря этому, онъ свободно можетъ быть включенъ въ нумерацію домовъ, прилегающихъ къ набережной, которую слѣдовало бы назвать «Набережной Литера-

торовъ», въ томъ случаѣ, если «Улица Литераторовъ» будетъ переименована въ «Улицу Савиной».

23-го ноября въ Театрѣ Сабурова состоялся спектакль, часть сбора съ котораго поступила на стипендію имени Маріи Гавріиловны Савиной въ Убѣжищѣ Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

«Постановленіемъ Петроградскаго Городского Училищнаго Совѣта, отъ 4-го декабря 1915 года, Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества разрѣшено открыть въ городѣ Петроградѣ, на Петровскомъ островѣ, по Большому Петровскому проспекту, домъ № 13/уб., и содержать, согласно закону и правиламъ о низшихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не пользующихся правами правительственныхъ учебныхъ заведеній, приготовительную школу, съ «дѣтскимъ садомъ», подъ названіемъ: «Приготовительная Школа имени Маріи Гавріиловны Савиной состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».

4-го декабря въ Кружкѣ имени Я. П. Полонскаго состоялся давножданный всѣми литературный вечеръ, на которомъ почетный академикъ А. Ѳ. Кони прочелъ свои воспоминанія:

МАРІЯ ГАВРІИЛОВНА САВИНА [1].

Съ тѣхъ поръ, какъ настоящая неслыханная война пролила рѣки слезъ и моря крови, смерть вошла во вкусъ. Она не только не щадитъ молодыя многообѣщающія жизни на поляхъ битвъ и въ глубинѣ окоповъ, но, подобно гигантскому спруту, закидываетъ свои леденящіе щупальцы на выдающихся людей, бывшихъ «сотрудниками жизни» многихъ изъ современниковъ, выводя ихъ изъ строя, и безъ того очень и очень немноголюднаго. Не пощадила она за послѣднее время у насъ ни К. Е. Маковскаго, ни К. Р.,—чистый и возвышенный поэтическій даръ котораго такъ ярко и трогательно выразился въ «Царѣ Іудейскомъ»,—ни тѣхъ артистовъ, столь знакомыхъ петроградской публикѣ, прочувствованная тризна по которымъ справлена недавно здѣсь, въ Кружкѣ имени Я. П.

[1]) Напечатано въ газетѣ «Русскія Вѣдомости», 16-го и 17-го декабря 1915 г., №№ 288 и 289.

Полонскаго, рѣчами Е. П. Карпова, Н. Н. Окулова и В. В. Сладкопѣвцева. Между этими артистами особо высокое мѣсто занимала Савина. Наслаждаясь ея игрой, къ сожалѣнію, не такъ часто, какъ бы слѣдовало и хотѣлось, я имѣлъ счастье знать ее лично и находился съ нею болѣе 30-ти лѣтъ въ перепискѣ. Это помогло мнѣ разглядѣть въ ней не только замѣчательную служительницу драматическаго искусства во внѣшнихъ проявленіяхъ ея таланта, но и человѣка въ его личныхъ свойствахъ и переживаніяхъ. На пространствѣ многихъ лѣтъ удавалось мнѣ видѣть различные періоды развитія ея рѣдкаго дара въ его постоянномъ разрастаніи вширь и вглубь. Начавъ съ полудѣтскихъ ролей, съ участія въ оперeткѣ, она стала затѣмъ съ тонкимъ пониманіемъ олицетворять авторскій замыселъ, а потомъ,—и нерѣдко,—указывать и разъяснять самому автору, что «сквозитъ и тайно свѣтитъ» въ его произведеніи. Въ ея тонкой отдѣлкѣ, въ ея освѣщеніи образъ, набросанный грубыми мазками или неясными штрихами, оставляющими свободу для творчества артиста, оживалъ глубже и содержательнѣе, чѣмъ былъ задуманъ авторомъ. Она иногда повторяла на сценѣ то, что въ свое время дѣлалъ Добролюбовъ въ критикѣ, когда, напримѣръ, въ рядѣ статей онъ показалъ значеніе бытовыхъ произведеній Островскаго, какъ планомѣрной борьбы съ «темнымъ царствомъ». Въ этомъ смыслѣ выработанные ею образы, эти ея, какъ выражаются французы, créations, содержали въ себѣ поучительные для другихъ сценическихъ дѣятелей уроки проникновенія въ мысль автора и умѣнія придавать ей особую, подчасъ неожиданную, выпуклость.

Перебирая воспоминанія о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ нею и перечитывая ея письма, я не могу, прежде всего, не остановиться на ея умѣ. Когда уходитъ навсегда выдающійся человѣкъ, тѣ, кто его зналъ ближе, чувствуютъ, что изъ обихода жизни вырваны или яркое служеніе долгу, или блескъ таланта, или теплота, или красота, или умъ—и что въ окружающей средѣ одинъ или нѣсколько изъ этихъ элементовъ потерпѣли ущербъ. И вотъ, когда такъ неожиданно и горестно прозвучало: «Скончалась Савина», прежде всего, многими почувствовалась утрата въ нашей общественной средѣ украшавшаго ее ума, тонкаго и проницательнаго, съ иронической насмѣшливой складкой, способнаго не только все понимать и усвоять, но и все перерабатывать. Это свойство ума сказывалось въ Савиной и какъ въ частномъ человѣкѣ,

и какъ въ артисткѣ. Какъ послѣдняя, она умѣла глубоко проникать не только въ изображаемую личность съ ея страданіями и страстями, въ ревнивицу или героиню, въ дѣвственную нѣжность Офеліи, въ измученную душу Катерины въ «Грозѣ», но и во всю среду, обстановку, бытовыя и историческія условія, подъ вліяніемъ которыхъ жила и развивалась эта личность, — однимъ словомъ, въ то, что выражается трудно переводимымъ итальянскимъ словомъ ambiente. Благодаря такой ретроспективной интуиціи, въ ея исполненіи чуялось и видѣлось давно отошедшее время, составлявшее оправу для личности, выхваченной изъ далекаго прошлаго. Умъ Савиной былъ въ этомъ отношеніи такъ изощренъ, такъ насыщенъ пониманіемъ характерныхъ свойствъ минувшаго или особенностей настоящаго, не испытаннаго и даже не виданнаго ею, что онъ замѣнялъ ей и ученыя изслѣдованія, и собственный опытъ. Передъ вдумчивымъ зрителемъ и слушателемъ Савиной, какъ княжны Плавутиной, въ «Холопахъ» Гнѣдича, возникали съ особой яркостью послѣдніе годы XVIII вѣка у насъ, съ ихъ самодурнымъ безуміемъ. Въ лицѣ Ольги, въ пьесѣ «Склепъ», съ ея согнутымъ станомъ, остановившимся мрачнымъ взоромъ, потухшей папироской въ рукахъ и плэдомъ на плечахъ, Савина чутко умѣла воспроизвести горемычное, но гордое существо, порвавшее съ прошлымъ во имя неяснаго и для него неосуществимаго будущаго. Въ «Фимкѣ» она дала удивительно правдивый образъ такъ называемой «жертвы общественнаго темперамента» и проникновенно поняла, какъ должна садиться на столъ, закинувъ ногу на ногу, пить залпомъ коньякъ, смѣяться и шутить героиня пьесы. Она даже усвоила себѣ языкъ и слогъ тѣхъ писемъ, которыя можетъ писать Фимка, и, на заявленіе мое объ удачѣ исполненія этой роли, отвѣчала характернымъ письмомъ, начинавшимся словами: «Молодой штатскій» и подписаннымъ: «Извэсная вамъ Фимка».

Выдающійся умъ Савиной жадно впитывалъ въ себя самыя разнообразныя свѣдѣнія. Несмотря на свои занятія и малый досугъ, она ухитрялась много читать, была въ курсѣ не только русской, но и французской литературы, посѣщала лекціи, на которыхъ не оставалась пассивной слушательницей, воспринимающей все безъ критики и самостоятельныхъ выводовъ. Прослушавъ лекцію о психологіи свидѣтельскихъ показаній, она поразила меня своими замѣчаніями и психоло-

гическими наблюденіями по поводу отношеній артистовъ къ зрительной залѣ и наоборотъ.

Вторымъ замѣчательнымъ свойствомъ Савиной была ея любовь къ своему дѣлу, соединенная съ удивительной работоспособностью. Недаромъ она написала, какъ свой девизъ: «*Сцена—моя жизнь*»,—не театръ въ смыслѣ особаго вида литературы, къ которому она относилась подчасъ со строгой, но справедливой критикой, а именно сцена, какъ арена для самостоятельнаго творчества.

12-го іюля 1887 года онаписала мнѣ:

«Я горѣла нетерпѣніемъ подѣлиться съ вами моей радостью, болѣе—моимъ счастьемъ! Я почти счастлива, по крайней мѣрѣ въ два мѣсяца моего путешествія я чувствовала себя на седьмомъ небѣ. Ничего подобнаго мнѣ не снилось. Разсказать нѣтъ словъ. Двадцать три спектакля лучшихъ, любимыхъ ролей: я жила на сценѣ, блѣднѣла, худѣла, краснѣла и умирала на глазахъ у публики, которая, притаивъ дыханіе, слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ. Этихъ минутъ, вѣрнѣе—часовъ, я не забуду никогда, какъ не забуду Тифлиса и его обитателей. Я была счастлива! Послѣ всего этого вернуться въ Петербургъ, съ его «оскорбительнымъ» (по выраженію И. А. Гончарова) климатомъ, и сразу окунуться въ «дѣла», да еще наши—болѣе чѣмъ грустно. Выѣхавъ изъ Тифлиса 8-го іюня, я играла по дорогѣ во Владикавказѣ, Ростовѣ, Новочеркасскѣ, Таганрогѣ и Воронежѣ,—безъ отдыха семнадцать спектаклей въ девятнадцать дней: изъ вагона на сцену, ночь укладывалась, на утро опять въ путь. Клянусь, я ни разу не почувствовала усталости и одинъ разъ испытала головную боль; здѣсь же на другой день пріѣзда получила припадокъ печени, продолжающійся до сихъ поръ».

Савиной было чуждо то, что можно бы назвать «эгоизмомъ исполненія», выражающимся въ стремленіи отдѣлать и выдѣлить исключительно свою роль, безъ отношенія какъ къ самой пьесѣ, такъ и къ другимъ исполнителямъ. Послѣднее такъ часто приходилось видѣть у знаменитыхъ гастролеровъ, пріѣзжавшихъ къ намъ со своей труппой. Занимая на сценѣ первенствующее мѣсто, она имѣла возможность лично выдвинуть всю силу своего таланта и даже плохую, бездарную или уродливую пьесу вынести на своихъ плечахъ. Но она тревожилась и роптала, когда пьеса сама по себѣ была искаженіемъ истинныхъ задачъ театра, которому не

пристало быть фотографическимъ заведеніемъ для точнаго воспроизведенія всей пошлости окружающей жизни и одной лишь грязи человѣческой души. Мы живемъ въ вѣкъ особаго развитія суррогатовъ, не только въ области пищевыхъ продуктовъ, но и въ душевной жизни. Въ послѣдней доброта, дѣятельная и настоящая, стала замѣняться чувствительностью, иногда довольно жестокой; понятіе о чести начало уступать самолюбію и тщеславію; сознаніе долга замѣняется понятіемъ о пользѣ и удобствѣ; на мѣсто любви и праведнаго негодованія становится симпатія и уклончивое несочувствіе. Эта подстановка неизбѣжно отражается и на театрѣ. Форма и методы улучшаются, а содержаніе представляемаго мельчаетъ и нерѣдко рѣзко ухудшается противъ прежнихъ классическихъ образцовъ. Прежде сцена изображала страсти,—теперь пороки. Недаромъ еще Гёте замѣтилъ, что Шекспиръ предлагаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ. Изученіемъ его твореній удается перенять у него его чаши, но ихъ покушаются наполнить картофелемъ. Поэтому не всѣ пьесы новѣйшаго репертуара пользовались сочувствіемъ Савиной.

Нѣсколько лѣтъ назадъ она писала мнѣ: «Умоляю васъ найти сегодня свободную минуту, чтобы прочесть прилагаемую пьесу во вкусѣ современной толпы и сказать мнѣ завтра, при свиданіи, ваше мнѣніе: «Чи я дурна́», или это шарлатанство, а не драматургія?»—и шутливо прибавляла слова изъ письма Татьяны: «Вообрази, я здѣсь одна,—никто меня не понимаетъ».

По поводу другой пьесы она писала, что измучена заучиваніемъ роли въ трагедіи «съ зелеными стихами и зеленой скукой». Ей хотѣлось видѣть на сценѣ пьесы съ глубокимъ возвышающимъ душу содержаніемъ, впечатлѣнія отъ котораго еще долго звучали бы въ послѣдней, уже много спустя послѣ представленія, не стираясь злободневной суетой. Ея мечтой было увидѣть на сценѣ переводъ замѣчательной драмы Ренана «L'Abbesse de Juarre», что, конечно, по соображеніямъ духовно-полицейскаго свойства, оказалось невозможнымъ.

Съ тревогой ждала она разрѣшенія постановки «Воскресенія», переименованнаго въ «Катюшу Маслову», и писала мнѣ съ огорченіемъ 11-го ноября 1901 года: «Катюшу» «закатали» на вѣчныя времена и безъ снисхожденія. Сипягинъ даже задалъ вопросъ (на бумагѣ) князю Шаховскому: «Неужели

правда, что появилась такая пьеса?» Чувствуя себя вообще худо, я такъ огорчилась, что на другой день совсѣмъ не могла играть».

Передѣлка «Воскресенія» для сцены вызвала оригинальный процессъ между двумя лицами, предпринявшими ее каждый въ отдѣльности. Чтеніе одной изъ передѣлокъ происходило у Маріи Гавріиловны Савиной, которая пригласила на него и меня, какъ лицо, разсказавшее Толстому бывшій въ моей прокурорской практикѣ поразительный случай, послужившій темой для его знаменитаго романа. Когда передѣлки появились въ печати, а «Катюша» была «помилована» цензурой, возникъ уголовный процессъ по обвиненію однимъ изъ авторовъ передѣлки другого въ плагіатѣ. Савиной, а также мнѣ, пришлось предстать предъ судомъ въ качествѣ свидѣтелей, причемъ стороны и публика, повидимому, надѣялись услышать отъ меня, помимо показанія по существу обвиненія, еще и подробности о томъ случаѣ, который я сообщилъ Толстому. Въ письмѣ ко мнѣ Савина описывала свое появленіе предъ судомъ и отмѣчала со свойственнымъ ей юморомъ заданный ей передъ приводомъ къ присягѣ деликатный вопросъ: «Не изволили ли вы быть подъ судомъ?»

Ее смущали не только нѣкоторыя пьесы, но и предстоявшія ей роли. По поводу постановки «Горячаго сердца» Островскаго она пишетъ: «Боюсь, съумѣю ли я олицетворить такое сердце». Ее тревожило и сценическое воплощеніе Лизы въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»: «Вы поймете»,—писала она,—«насколько я хочу олицетворить чудный образъ Лизы, и ободрите меня на этотъ трудный шагъ. Я переживаю всѣ муки ада съ тѣхъ поръ, какъ начались репетиціи. Все мнѣ кажется недостойнымъ памяти Ивана Сергѣевича, а мое дерзкое желаніе кажется мнѣ чудовищнымъ. Одно меня утѣшаетъ немного: не удастся, какъ слѣдуетъ, сыграть пьесу, но публика хоть услышитъ чудный языкъ Тургенева. Не судите строго Вейнберга и заступитесь, если его будутъ обвинять. Нельзя себѣ представить, какъ трудно было сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ, и какъ онъ колебался «приступить». Я разсчитывала играть Лаврецкую, но Лизу Вейнбергъ не хотѣлъ никому отдать, кромѣ меня. Директоръ приказалъ играть въ современныхъ костюмахъ, что насъ стѣсняетъ, но я нарушу это приказаніе, тѣмъ болѣе, что современныя женскія моды во многомъ совпадаютъ съ той эпохой».

Строгая къ себѣ, она была строга и къ другимъ исполнительницамъ. Отсюда—частые упреки въ «затираніи» молодыхъ дарованій, несправедливость которыхъ вѣрно оцѣнена въ докладѣ Н. Н. Окулова. Не надо забывать, что въ теченіе болѣе чѣмъ четверти вѣка до появленія Савиной на Императорской сценѣ на ней было лишь три дѣйствительно выдающихся артистки: Вѣра Самойлова, Асенкова и Снѣткова, и она не затмила своимъ талантомъ такія имена, какъ Стрепетова и Коммиссаржевская. Но, любя всей душой искусство, она не могла не предъявить строгихъ требованій къ тѣмъ начинающимъ артисткамъ, неосновательная самонадѣянность которыхъ шла вразрѣзъ съ элементарными условіями для служенія искусству, причемъ призваніе замѣнялось стремленіемъ къ профессіи, казавшейся доступной и легкой. Въ отвѣтъ на мою просьбу прослушать чтеніе одной изъ такихъ «аспиратокъ» Савина отвѣчала мнѣ: «Я исполнила вашу просьбу, но, къ сожалѣнію, должна сказать, что прическа «Клео-де-Уродъ» и лицо «для некурящихъ» не даютъ еще права считать себя «способной быть артисткой».

Въ трудныя минуты сцена была для нея лекарствомъ отъ личныхъ огорченій. Въ особенно тяжелый періодъ жизни, разстроенная смертью брата, самоубійствомъ любимаго племянника и другими обстоятельствами личнаго существованія, она писала: «Тяжело мнѣ живется, но лихорадочная дѣятельность убиваетъ мысль объ окружающемъ и его поневолѣ забываешь».

Ей было уже за 50 лѣтъ, когда она мечтала о поѣздкѣ въ Японію, чтобы ознакомить эту оригинальную страну съ русскимъ театромъ, подобно тому, какъ Сади-Якко знакомила Россію съ японскимъ.

Сценическая дѣятельность Савиной не была, однако, свободна отъ періодовъ крайняго напряженія силъ, вызывавшаго физическое и душевное переутомленіе. Если ея талантъ былъ цѣнимъ публикой и печатью, то, повидимому, то или другое ея непосредственное начальство смотрѣло на нее иногда съ точки зрѣнія хозяина или нанимателя. Отсюда являлось переобремененіе ее ролями и выступленіями, тяжело отражавшееся на ея силахъ и настроеніи. Еще извѣстный художникъ Ѳедотовъ высказалъ такой оригинальный афоризмъ: «Въ дѣлѣ искусства надо дать себѣ настояться; артистъ-наблюдатель—то же, что бутыль съ наливкой: вино

есть, ягоды есть, — нужно только умѣть разливать во-время». А Жоржъ Зандъ говоритъ: «En fait d'art il n'y a qu'une règle, qu'une loi,—montrer et émouvoir». Поэтому понятно въ серьезной артисткѣ желаніе дать себѣ настояться и имѣть возможность обдумать, что именно надо montrer и чѣмъ émouvoir.

Въ письмахъ Савина часто жалуется на одурѣніе отъ непосильной работы и отъ безсмысленной «зубряжки».

Она пишетъ въ 1883 году: «Да, я на этой недѣлѣ играю девять разъ, а Богъ далъ семь дней только. Масляная началась у меня съ октября. На будущей недѣлѣ тоже. И послѣ спектакля (когда кончаю рано) авторы читаютъ у меня пьесы, или меня привозятъ безъ чувствъ, какъ всю прошлую недѣлю».

Въ 1887 году: «Милую Дирекцію очень потревожили мои провинціальные лавры, и она отомстила мнѣ по-своему. Изъ Саратова я выѣхала 31-го и, пріѣхавъ сюда 2-го сентября, узнала, что 1-го на афишѣ стояло «Укрощеніе строптивой» и снято по моей «внезапной болѣзни», а 2-го прямо изъ вагона я должна была играть «Соловушку». Управляющій репертуаромъ, на взрывъ моего негодованія, хладнокровно заявилъ, что хотѣлъ на афишѣ поставить «за неявкою г-жи Савиной». Точно я хористка, за которой присылаютъ и посылаютъ пѣть, ни съ чѣмъ не соображаясь. Сравненіе, конечно, дерзкое съ моей стороны, но поступокъ этотъ сильно напоминаетъ Горбуновскаго генерала Дитятина, упорно называющаго Ивана Сергѣевича: «коллежскій секретарь Иванъ Тургеневъ». Пріѣхала я простуженная, но сразу стала играть и репетировать».

Въ 1890 году: «Завидую вашей поѣздкѣ въ Крымъ. Мнѣ такъ нужно море, и я совсѣмъ задыхаюсь отъ закулисной пыли. Съ начала апрѣля я играла два мѣсяца каждый день, и теперь, въ августѣ, предстоитъ то же въ непріятной обстановкѣ».

Въ 1902 году: «Благодаря тому, что Дирекція превратила меня въ «конку» Александринскаго театра, я лишена возможности быть гдѣ-нибудь, кромѣ репетицій и спектакля: качусь по рельсамъ одного и того же пути, не имѣя времени оглядѣться».

Вслѣдствіе всего этого на нее находили иногда минуты печальнаго раздумья и разочарованія. Въ этомъ отношеніи очень характерно слѣдующее ея письмо:

«Усталая, измученная нравственно и физически, пользуюсь единственной свободной минутой, чтобы начать съ благодарности за портреты. Вѣра Самойлова совсѣмъ не похожа на ту, какой я ее знала. Когда-нибудь я вамъ разскажу, какъ странно я познакомилась съ нею и какую роль играла при ея смерти. Эта женщина имѣла на меня большое вліяніе и положительно очаровывала меня. Мысль о «неблагодарности» и, главное, «безплодности» драматическаго искусства играетъ большую роль въ моей жизни и часто лишаетъ меня сна и аппетита. Въ настоящее время я нахожусь въ періодѣ полнаго разочарованія и даже отвращенія къ сценѣ. Это, впрочемъ, бываетъ со мной, но въ такой сильной степени еще не бывало. Ваше письмо пришло какъ нельзя болѣе кстати. Я не согласна съ вами въ одномъ: едва ли найдется «дѣдушка», который будетъ вспоминать о Савиной. Во времена Самойловыхъ жилось иначе, впечатлѣнія были сильнѣе, чувства выше, да и люди лучше!.. А репертуаръ?! «Красавецъ» — лучшая пьеса сезона и лучшая моя роль, на которую я должна убить всѣ мои силы и дарованіе. У насъ искусства нѣтъ! Есть большія жалованья, мелкія самолюбія и интриги самаго низкаго сорта. Вы найдете это черезчуръ сильнымъ, но я предупредила о моемъ настроеніи. Врядъ ли, впрочемъ, я возьму эти слова назадъ когда-либо. Я убѣждена, что моя слава не переживетъ меня, и ваши внуки, вспоминая о васъ, забудутъ о вашей симпатіи къ бѣдной балаганной актрисѣ. Не удивляйтесь этому названію; въ данную минуту оно какъ нельзя болѣе подходитъ ко мнѣ: я играю на этой недѣлѣ *десять* разъ, то-есть почти по два раза въ день. У балагановъ даже есть преимущество: тамъ не надо жить на сценѣ, а я пла́чу настоящими слезами передъ публикой, которая въ это время смѣется или щелкаетъ орѣхи. Великія слова — «театръ есть школа для народа» — иногда золотятъ пилюлю, и цѣпляешься за нихъ, чтобы совсѣмъ не потерять уваженія къ себѣ. Простите мою безсмысленную и долгую болтовню. Припишите все это отчасти «*лаку*» отъ продажи билетовъ лотереи, который я не могу отмыть до сихъ поръ, и не судите слишкомъ строго несчастную Савину.

P. S. Очень хочу видѣть Гончарова и прошу увѣдомить, когда онъ будетъ у васъ».

Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ, въ серединѣ девяностыхъ годовъ, Савина, отдавшись «духу унынія», говорила, что

она твердо рѣшилась оставить сцену и, наконецъ, получить возможность думать, читать, отдыхать и отдаться воспоминаніямъ о прошломъ своей сценической дѣятельности. Письмо имѣло довольно рѣшительный характеръ. Въ своемъ отвѣтѣ я напоминалъ ей, что талантъ обязываетъ служить искусству до конца, пока есть силы чувствовать его въ себѣ и примѣнять, и что всякая служба обществу сопряжена со всѣмъ тѣмъ, о чемъ такъ страстно говоритъ Гамлетъ въ своемъ монологѣ: «Быть или не быть», почему разочарованія, досада и негодованіе бываютъ неизбѣжны. Но не надо имъ давать овладѣвать собою, памятуя слова поэта: «Блаженъ, кто свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля». Сцена—большой корабль, и артистка, обладающая такимъ даромъ, какъ она, должна плыть съ нимъ, покуда ей не измѣнятъ силы... Обыкновенно акуратная въ перепискѣ, Марія Гавріиловна ничего мнѣ не отвѣтила, и я предполагалъ, что она разсердилась на мои непрошенныя наставленія. Но черезъ недѣлю, вечеромъ, я нашелъ у себя на столѣ пакетъ съ ея большимъ кабинетнымъ портретомъ, съ надписью на немъ: «Блаженъ, кто свой челнокъ привяжетъ къ кормѣ большого корабля»... Это былъ ея отвѣтъ. Она высоко ставила званіе артистки, любила собирать біографическія данныя и воспоминанія о своихъ предшественницахъ. На посланный ей въ ея коллекцію пригласительный билетъ на похороны Асенковой она отвѣтила письмомъ, рисующимъ трогательный образъ послѣдней и ея трагическую кончину, и сообщила, что хранитъ, какъ святыню, ея портретъ, которымъ въ свое время ее благословила умиравшая артистка Левкѣева.

Извѣщая о своемъ возвращеніи съ Кавказа, она писала:

«Пріѣхала я, по выраженію одного изъ знакомыхъ, «съ фейерверкомъ въ глазахъ и вся теплая», а теперь опять завяла и пожелтѣла. И было отъ чего горѣть моимъ глазамъ и самой согрѣться. Что за чудный край, какіе милые, теплые, умные люди! Вообразите, за мной никто не ухаживалъ! Никто не обидѣлъ меня: обожали, восхищались актрисой и уважали женщину».

Не могу не остановиться и на третьемъ свойствѣ Савиной: на ея отзывчивости, выражавшейся въ любви къ природѣ и въ разумной сердечности по отношенію къ людямъ. Впечатлѣнія настоящей природы — этой alma parens—особенно сильно дѣйствовали на Савину, которой при-

ходилось почти постоянно вращаться среди природы нарисованной. Когда она вырвалась на Кавказъ, ея восторгамъ не было конца. Она пишетъ 12-го іюля 1887 года:

«Военно-Грузинская дорога свела меня съ ума, а въ Дарьяльскомъ ущельѣ я испытывала священный ужасъ. Никакія описанія, никакія картины не могутъ передать всей прелести этихъ чудныхъ мѣстъ. Иллюстрація къ Дантову аду! На Гудаурѣ—вѣчная Вальпургіева ночь, а Млетская долина съ Арагвой—чудный уголокъ рая. Казбекъ представился мнѣ головой богатыря изъ «Руслана», а Терекъ!.. А милый Владикавказъ: «тамъ голубыя небеса и фіолетовыя горы». Вообще, я въ полномъ восхищеніи и эти два мѣсяца считаю лучшимъ временемъ моей жизни».

Но и природа сѣвера доставляла ей большое наслажденіе. Она пишетъ изъ Друскеникъ въ 1893 году:

«У меня прелестная дачка, уютная въ высшей степени, вся обвитая ползучими растеніями, и съ балконами кругомъ, какъ швейцарскій домикъ. Садъ тѣнистый, съ крутымъ обрывомъ, на днѣ котораго бѣжитъ каскадами рѣчонка «Родничанка»; въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревья, сломанныя бурей, образуютъ на ней мостики; шумитъ она очень поэтично. Огородъ (моя завѣтная мечта) полонъ всякихъ прелестей, и я до ребячества восхищаюсь имъ, собирая собственноручно припасы для кухни и крупную душистую землянику для себя. Тишина нарушается иногда пѣніемъ пѣтуха или лаемъ собаки... Я чувствую, какъ разливаюсь въ блаженствѣ, и боюсь пошевелиться, чтобы «не расплескать» этого блаженства. У Островскаго есть объясненіе такого состоянія: «душа таетъ».

Этотъ восторгъ передъ природой продолжался у нея всю жизнь. Черезъ четырнадцать лѣтъ, 10-го мая 1907 года, она сообщаетъ мнѣ, что, «ни съ кѣмъ не простясь, скрывая даже отъ прислуги свой адресъ, я убѣжала на двѣ недѣли. Только такъ и можно отдохнуть, чтобы никто не зналъ и не безпокоилъ. Веду «растительную жизнь» въ полномъ смыслѣ этого слова и начинаю приходить въ себя. Развлеченіемъ и огромнымъ удовольствіемъ мнѣ служитъ березка, постепенно распускающаяся передъ окномъ; я слѣжу за каждымъ листомъ и по-дѣтски радуюсь. Солнце ярко и тепло, птицы поютъ, вода сверкаетъ, и чудный ароматъ отъ почекъ. Моя мечта—проводить начало весны въ деревнѣ и видѣть, ощущать пробужденіе природы. Живя всю жизнь въ бута-

форскомъ лѣсу и дыша пылью кулисъ, въ настоящемъ можно дойти до экстаза. Я восхищаюсь природой до умиленія, до слезъ».

Савина, несмотря на свою разносторонность, или, какъ теперь любятъ выражаться, многогранность, была цѣльнымъ человѣкомъ. Она являлась тѣмъ, что французы называютъ un quelqu'un, а не quelque chose. Поэтому въ ней не было однообразнаго и безцвѣтно-любезнаго отношенія ко всѣмъ встрѣчавшимся ей на жизненномъ пути,—того отношенія, за которымъ въ сущности скрывается безразличіе. Къ ней была примѣнима французская поговорка: «L'ami de tous ne l'est de personne», но она умѣла быть другомъ своихъ друзей и приходить съ широкой личной помощью и заботой къ дѣйствительной, а не показной нуждѣ. Подъ ея крыломъ ютились цѣлыя семьи служившихъ у нея людей. Ея свободное отъ казенной театральной службы время бывало отдано устройству благотворительныхъ спектаклей и участію въ такихъ же концертахъ, организаціи подписокъ въ пользу разныхъ Обществъ вспомоществованія учащимся; она устраивала спектакли въ пользу больныхъ товарищей и семей умершихъ, хотя знала, что нѣкоторые изъ этихъ умершихъ относились къ ней при жизни злорѣчиво; она стучалась въ двери вліятельныхъ лицъ съ просьбами объ облегченіи участи тѣхъ, чье преступленіе передъ закономъ было вызвано несчастными условіями ихъ жизни...

Она приняла дѣятельное участіе въ устройствѣ Убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, и ей обязанъ своимъ возникновеніемъ и процвѣтаніемъ Пріютъ для дѣтей артистовъ, къ внутренней жизни которыхъ она относилась съ заботливой и сердечной теплотой. Нужда и трудныя обстоятельства ея «товарищей по оружію» встрѣчали въ ней всегда сочувственный и дѣятельный откликъ, какъ бы далеко ни стояли отъ нея по своему сценическому положенію эти товарищи. Среди надгробныхъ рѣчей особенно выдѣлилось прочувствованное слово преклонившаго предъ ея отверстой могилой колѣна провинціальнаго артиста—В. Л. Градова, который разсказалъ, что когда въ Москвѣ на театральномъ съѣздѣ, при выборѣ предсѣдательницы, Савиной поднесли на блюдѣ всѣ бѣлые шары въ доказательство ея единогласнаго избранія, то она сказала: «Все равно,—если бы вы меня и не выбрали, я всетаки всегда останусь съ вами». И она, по словамъ Градова, на дѣлѣ всегда оставалась съ ними, не жалѣя

для нихъ ни хлопотъ, ни просьбъ. «Когда»,—сказалъ, сколько мнѣ помнится, Градовъ,—«прозвучитъ труба послѣдняго суда, и русскіе артисты предстанутъ предъ Вѣчнаго Судью со своими несчастьями, слабостями, испытаніями и слезами, она станетъ въ ихъ ряды и скажетъ: «И я съ ними и за нихъ!».

Марія Гавріиловна была въ сношеніяхъ и по сценѣ, и въ частной жизни со многими изъ русскихъ писателей. Но особенную роль въ ея душевной жизни игралъ Тургеневъ. Онъ тонко цѣнилъ глубокія свойства ея ума, ея рѣдкій талантъ. Бесѣда съ нею и переписка доставляли ему живое наслажденіе. Онъ вспоминалъ не разъ съ благодарнымъ и восторженнымъ чувствомъ ея пребываніе въ 1880 году у него въ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Мнѣ довелось видѣть одно его письмо за послѣдніе «судьбой отсчитанные» годы его жизни. Изъ прелести его содержанія, — Тургеневскаго содержанія, — изъ переплета словъ нѣжнаго очарованія съ доводами холоднаго разсудка о томъ, что жизнь уже прожита, звучало, что, окончи онъ свои дни на родинѣ, а не подъ холоднымъ и зоркимъ владычествомъ г-жи Віардо, онъ, быть можетъ, вопреки своему утвержденію, сталъ бы изъ «однолюба» «двулюбомъ». Савина берегла письма Тургенева, какъ святыню, и тревожилась мыслью, что они могутъ послѣ ея смерти сдѣлаться достояніемъ назойливаго любопытства, какъ, по ея выраженію, «цѣнный матеріалъ», но уничтожить ихъ очень колебалась. Въ 1885 году, говоря о нихъ, она писала: «Такія письма не жгутъ», а въ 1911 году сообщала о своемъ страстномъ желаніи «засѣсть въ уголъ, въ тишину, и перечесть мой «цѣнный матеріалъ», но... ни угла, ни тишины, ни времени у меня въ Петербургѣ нѣтъ и быть не можетъ: все куда-то спѣшу, куда-то надо бѣжать—и все чужія дѣла, а о своихъ подумать некогда». Въ томъ же году она, очевидно, нашла время снова «пережить» эти письма и сообщила мнѣ объ ихъ уничтоженіи.

Ея душевное отношеніе къ Тургеневу лучше всего видно изъ ея писемъ. Она пишетъ 29-го августа 1883 года:

«Не на радость вернулась я въ Петербургъ, Анатолій Ѳедоровичъ. Этого давно ждали, — говорятъ кругомъ. И я ждала и могу вѣрить! Мнѣ почему-то казалось, что онъ пріѣдетъ умереть,—именно умереть,—домой; что я увижу его еще разъ—и непремѣнно въ Спасскомъ... Я такъ надѣялась, я такъ была увѣрена въ этомъ. Съ вами первымъ я говорю о немъ,—вы поняли, вы вспомнили обо мнѣ. Я даже не бла-

годарю за ваше письмо,—я ничего не могу теперь. Я не плачу, я ничѣмъ не умѣю выразить моего горя. Эта роль труднѣе «Марьи Антоновны»—и въ настоящую минуту у меня совсѣмъ нѣтъ публики. Его, даже далекаго его, нѣтъ. Все, что слышу, читаю эти дни, кажется такимъ мелкимъ, ничтожнымъ—и къ чему все это? Это не эгоизмъ съ моей стороны. Конечно, есть люди, чувствующіе глубже моего утрату, но все это мнѣ кажется мало. Мнѣ кажется, что я ослѣпла наполовину или сплю летаргическимъ сномъ: слышу, чувствую—и не могу крикнуть. Всю ночь сегодня я перечитывала дорогія письма,—четыре послѣдніе года его жизни. Неужели когда-либо это мое богатство попадетъ въ чужія руки?! Сейчасъ ѣду на панихиду: я буду молиться Тому, въ Кого онъ не вѣрилъ. Я никогда не теряла дорогихъ, близкихъ и не испытала чувства утѣшенія въ молитвѣ. Я даже не могу себѣ представить, о чемъ я буду молиться сейчасъ. Любопытные взгляды, банальные вопросы, а можетъ быть, даже соболѣзнованія. Все подобное, относящееся къ нему, кажется мнѣ оскорбительнымъ».—30-го августа: «Сегодня я отслужила раннюю (чтобы никого не встрѣтить) обѣдню въ Лаврѣ и, наконецъ, могла заплакать. Лежу съ головною болью, но мнѣ гораздо легче».—11-го сентября: «Вчера я была въ Казанскомъ соборѣ и, понятно, не могла не плакать. Хотя я стояла за толпой, въ темномъ углу, закутанная вуалью, и никто меня видѣть не могъ, тѣмъ не менѣе, кому-то понадобилось сообщить въ газетахъ о моемъ волненіи. Кажется, это переходитъ за предѣлы моей сценической дѣятельности. Неужели актеръ всегда и вездѣ принадлежитъ публикѣ?! Рѣшила не быть на похоронахъ. Не потому, чтобы я жалѣла своихъ слезъ, а чтобы не дать повода заподозрѣть меня въ притворствѣ и тѣмъ оскорбить память дорогого покойнаго. Я придумала средство проститься съ нимъ и для этого сдѣлаю все, даже невозможное!»...

Заканчивая настоящія отрывочныя воспоминанія, мнѣ остается сказать, что извѣстность выдающагося артиста, какъ воплотителя житейскихъ и поэтическихъ образовъ, имѣетъ одну завидную особенность: она не сопряжена съ нравственной отвѣтственностью и не влечетъ за собою ни строгаго осужденія прозрѣвшаго человѣчества, ни суда исторіи, ни угрызеній совѣсти, напоминающей о средствахъ, которыми иногда куплена слава полководца, политика, властителя. Но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, временна и непрочна. За

извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ другихъ искусствъ или въ области государственной говорятъ неприкосновенная цѣлость ихъ творческихъ трудовъ, или безчисленныя историческія и житейскія послѣдствія ихъ дѣлъ. Иногда непризнанная или скупо отмѣренная современниками слава такого дѣятеля растетъ и расширяется, подобно звукамъ индійскаго гонга. Но не такова судьба сценическаго дѣятеля. Его извѣстность поддерживается почти исключительно живыми свидѣтелями того, какъ прочно или глубоко онъ вліялъ на зрителей и слушателей; совокупность ихъ однородныхъ впечатлѣній и воспоминаній создаетъ конкретный обликъ артиста. Но когда они уходятъ, а за ними слѣдуютъ и тѣ, кому они передали свои непосредственныя ощущенія, живое представленіе объ артистѣ начинаетъ быстро сглаживаться, теряя свою яркость—и громкія имена людей, потрясавшихъ сердца,—имена Кина, Гаррика, Тальмы,—ничего яснаго, опредѣленнаго не говорятъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Извѣстность носителей этихъ именъ принимается на-вѣру, такъ сказать, въ кредитъ. Имя артиста переживаетъ дѣло его творчества; въ другихъ областяхъ нерѣдко дѣло переживаетъ имя. Въ исторіи русскаго театра имя Савиной, однако, займетъ видное мѣсто. Уму нашего отдаленнаго потомка, пришедшаго туда, гдѣ нынѣ подъ двумя склонившимися деревьями почиваетъ прахъ Савиной, имя артистки Савиной скажетъ не болѣе того, что онъ нашелъ или найдетъ на пожелтѣвшихъ страницахъ исторіи русской сцены. Но когда онъ оглянется вокругъ и узнаетъ, что Убѣжища, гдѣ доживаютъ свой трудовой вѣкъ усталые отъ жизни, больные артисты и гдѣ находятъ себѣ пріютъ и попеченіе дѣти артистовъ, созданы усиліями Савиной, то въ его сердцѣ возникнетъ живое представленіе о доброй и прекрасной женщинѣ. Мы же, такъ недавно имѣвшіе возможность наслаждаться ея игрой, унося отъ нея незабываемыя впечатлѣнія, поблагодаримъ судьбу за то, что были ея современниками...

. . . .

Ежегодно первый день Рождества Марія Гавріиловна Савина посвящала всецѣло благотворительнымъ учрежденіямъ Театральнаго Общества, на Петровскомъ островѣ; она заблаговременно готовилась къ этому празднику и заботливо хлопотала, чтобы все прошло наилучшимъ образомъ. Съ наступленіемъ сумерекъ, для дѣтей Пріюта и

Пансіона бывала елка, съ раздачей подарковъ и со всевозможными дѣтскими увеселеніями, а затѣмъ для пансіонеровъ Убѣжища—литературно-музыкальный вечеръ, при участіи наиболѣе выдающихся силъ Петроградскихъ театровъ. Это уже стало традиціей, которую ввела и тщательно поддерживала Марія Гавріиловна. Ей было отрадно, что къ престарѣлымъ сценическимъ дѣятелямъ, «у которыхъ все въ прошломъ», пріѣзжаютъ ихъ товарищи по профессіи, «у которыхъ все въ настоящемъ», — пріѣзжаютъ порадовать, утѣшить, усладить душу стариковъ, а также своими способностями, талантомъ и отношеніемъ къ дѣлу подать примѣръ третьему поколѣнію, «у котораго все въ будущемъ».

По завѣту Маріи Гавріиловны Савиной, и въ нынѣшнемъ 1915 году была 25-го декабря устроена здѣсь елка для дѣтей, со строгимъ соблюденіемъ заведеннаго порядка. Все было, какъ при *ней*... Но не было *ея*,—не было дорогой, незабвенной «Тети Маруси»...

Группа артистовъ Александринскаго театра задумала, въ память Маріи Гавріиловны, устроить въ этотъ день и въ Убѣжищѣ традиціонный «Савинскій концертъ». Пансіонеры, однако, просили отложить это намѣреніе: переживаемое ими горе утраты было еще такъ болѣзненно-остро, что совершенно не согласовалось съ какимъ бы то ни было праздничнымъ весельемъ. Они заявили при этомъ, что будутъ очень рады, если ихъ обычные гости и всѣ, кто пожелаетъ, пріѣдутъ провести съ ними вечеръ 25-го декабря въ тихомъ собесѣдованіи и въ обмѣнѣ воспоминаніями объ «ихъ закатившемся солнышкѣ»—Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Такъ оно и было. Въ Убѣжище съѣхались: Н. А. Большаковъ съ женой, М. А. Ведринская, К. К. Витарскій съ женой, В. Н. Всеволодскій-Гернгросъ, А. И. Долиновъ съ женой, Д. К. Дютель, А. А. Желябужскій, А. Е. Молчановъ, И. О. Осиповъ-Абельсонъ, Н. В. Ростова, Е. Н. Рощина-Инсарова, В. В. Сладкопѣвцевъ съ женой, Е. Н. Хитрово, О. М. Яновская и другіе.

Вотъ какъ описываетъ этотъ вечеръ И. О. Осиповъ-Абельсонъ въ «Обозрѣніи Театровъ» (29-го декабря 1915 г., № 2975):

ВЪ УБѢЖИЩѢ.

Въ первый день Рождества, по традиціи, по «Савинской традиціи», я былъ въ Убѣжищѣ.

Не только публика, но и большинство артистовъ не имѣетъ яснаго представленія о замѣчательныхъ учрежденіяхъ, функціонирующихъ подъ общимъ названіемъ «Убѣжище».

Когда въ саду Убѣжища хоронили Марію Гавріиловну Савину, мно-

гіе изъ присутствовавшихъ артистовъ, осѣдлыхъ петроградскихъ артистовъ, признавались, что они здѣсь:

— Въ первый разъ.

И только немногіе,—тѣ, кого Савина привозила туда разъ въ годъ, въ первый день Рождества, услаждать инвалидовъ сцены,—знали, что дѣлается на Петровскомъ островѣ для актерства.

Въ Убѣжищѣ И. Р. Т. О.

Въ Убѣжищѣ находятъ себѣ пріютъ и покой престарѣлые сценическіе дѣятели, по болѣзни или старческой немощи не способные работать на сценѣ.

При Убѣжищѣ имѣется Пріютъ для актерскихъ дѣтей и сиротъ отъ двухлѣтняго возраста.

Еще—Пансіонъ для дѣтей старшаго возраста, обучающихся въ школахъ, гимназіяхъ и профессіональныхъ училищахъ на средства Театральнаго Общества.

Создательница и душа всѣхъ этихъ учрежденій—Савина.

О томъ, какъ покойная великая артистка радѣла о нихъ, какъ она заботилась объ инвалидахъ сцены и обездоленныхъ актерскихъ дѣтяхъ—объ этомъ должна быть и, вѣроятно, будетъ написана цѣлая книга.

Большіе праздники Савина положительно проводила въ Убѣжищѣ.

А первый день Рождества былъ въ Убѣжищѣ праздникомъ среди праздниковъ.

Савина, бывало, задолго готовилась къ этому дню.

Организовывался концертъ и банкетъ для стариковъ-призрѣваемыхъ, собиралась елка съ подарками для дѣтей, придумывались всевозможныя развлеченія и пріятности для обитателей обширнаго дома на Петровскомъ островѣ.

И все это дѣлалось на личныя средства Маріи Гавріиловны Савиной.

Нынѣшнее Рождество—первое «безъ Савиной».

Насъ, близкихъ, «савинцевъ», естественно волновала предстоящая, по традиціи, поѣздка въ Убѣжище.

Безъ традиціоннаго телефоннаго звонка Маріи Гавріиловны:

— Не забудьте! Сегодня первый день Рождества. Пріѣзжайте!..

Но многіе пріѣхали.

Не по приглашенію,—такъ, въ память Маріи Гавріиловны.

Къ счастью, Марія Гавріиловна Савина оставила Убѣжищу незамѣнимое наслѣдство въ лицѣ А. Е. Молчанова.

А. Е. позаботился о томъ, чтобы все было:

— Какъ при Маріи Гавріиловнѣ!

Кромѣ концерта.

Дѣти получили обычные подарки.

Старики—свое обычное угощеніе.

Большая столовая Убѣжища была полна народу.

Изъ призрѣваемыхъ инвалидовъ-артистовъ тутъ всѣ, «кто на ногахъ».

Всѣ дѣти Пріюта и Пансіона.

И много бывшихъ воспитанниковъ Пріюта и Пансіона, уже «вышедшихъ въ люди» и явившихся на праздникъ своей «alma-mater».

Какое разнообразіе карьеръ!

Тутъ и прапорщикъ въ походной формѣ, и студентъ, и цирковой клоунъ (карликъ), и медикъ, и инженеръ—всѣхъ ихъ вскормила и выходила Марія Гавріиловна Савина.

Но общая скорбная мысль: «Ея нѣтъ»—не располагала къ обычнымъ концертнымъ выступленіямъ, къ веселью.

Шла бесѣда, поминальная бесѣда о великой тяжелой потерѣ, о той, которая мирно покоится тамъ, за окномъ, въ саду, подъ крестомъ и цвѣточнымъ холмомъ.

И не было человѣка, который не могъ бы разсказать какой-нибудь фактъ изъ жизни покойной, свидѣтельствующій о ея поразительной душевной добротѣ, безпримѣрной человѣчности, неизсякаемой энергіи и безпредѣльной талантливости.

Разсказывали о Савиной наиболѣе пространно А. И. Долиновъ, В. В. Сладкопѣвцевъ и нѣкоторые изъ стариковъ-призрѣваемыхъ, помнящихъ Савину еще до ея поступленія на Императорскую сцену.

Трогательный эпизодъ изъ жизни Савиной разсказалъ А. Е. Молчановъ.

Оказывается, что въ дѣтствѣ Марія Гавріиловна знала подлинную нужду и, въ возрастѣ 8—10 лѣтъ, жила со своими родителями въ Одессѣ, въ какомъ-то подвалѣ. Было тогда такое время, когда она нерѣдко получала на пищу 3 копейки въ день, на которыя покупала себѣ жаренныхъ каштановъ.

Потомъ, уже знаменитой артисткой, въ одинъ изъ ея пріѣздовъ въ Одессу, она разыскала подвалъ, въ которомъ жила въ дѣтствѣ, и нашла тамъ бѣдствующую семью еврея-лудильщика. Съ момента этого посѣщенія семья еврея-лудильщика не знала больше нужды...

. . . .

Окончилось «собесѣдованіе». Всѣ присутствующіе стройнымъ хоромъ спѣли «Вѣчную память»...

. . . .

Уже былъ 10-й часъ на исходѣ...

Вдругъ всѣ встали и, молча, пошли въ садъ, къ могилѣ... Никто не зналъ, какъ это случилось, но всѣмъ захотѣлось помолиться за ту, для которой Рождественскій праздникъ былъ днемъ, посвященнымъ «Господу своему»,—днемъ, отданнымъ сирымъ и обездоленнымъ. И всѣмъ какъ-то сразу ясно стало, что тамъ внизу, у могильнаго креста, въ тихой молитвѣ долженъ быть завершенъ сегодняшній вечеръ...

Въ саду было темно и полно какой-то таинственности. Мягко обозначался мерцающій свѣтъ неугасимой лампады подъ кровелькой креста-голубца. Въ ясномъ морозномъ воздухѣ ярко блестѣли съ высоты небеснаго свода извѣчными свѣтильниками несгораемыя искры звѣздъ... Дулъ легкій вѣтерокъ... Питомцы Пансіона собрали восковыя свѣчи въ два пука и зажгли ихъ: образовались пылающіе факелы и освѣтили могилу, всю въ зелени и въ цвѣтахъ, съ возвышающейся посрединѣ маленькой ёлочкой, какія такъ любила видѣть у себя на Рождественскомъ столѣ Марія Гавріиловна... Колеблющееся пламя бросало вокругъ таинственныя движущіяся тѣни. Отдѣльныя человѣческія фигуры тонули въ ночной темнотѣ...

Протоіерей А. Ѳ. Димитріевъ началъ литію. Пѣли всѣ. Образовался большой невидимый, скрытый покровомъ ночи, хоръ, болѣе чѣмъ

въ пятьдесятъ голосовъ. Мощные звуки заупокойныхъ пѣснопѣній гулко огласили воздухъ въ этотъ необычный часъ. Всѣ пѣли такъ, какъ-будто всегда жили одною мыслью, одними чувствами, одною любовью...

Затихли послѣдніе звуки «Вѣчной памяти»... Съ ними закончился въ уголкѣ Театральнаго Общества, на Петровскомъ островѣ, и «Савинскій традиціонный день» 25-го декабря .. Разошлись не сразу... Каждый невольно чувствовалъ, что все прошло такъ, «какъ хотѣла бы Марія Гавріиловна»...

. . . .

26-го января Марія Гавріиловна Савина справляла свои именины. Въ этотъ день у нея обыкновенно бывала масса народу—товарищей, сотрудниковъ, родныхъ, друзей, знакомыхъ. Всѣ они и теперь собрались *къ ней*,—собрались... у ея могилы, чтобы, взамѣнъ обычнаго поздравленія и привѣтствія, помолиться о упокоеніи ея души. Чудные цвѣты и зелень приношеній покрыли могилу почившей именинницы, какъ бывало украшался въ этотъ день ея домъ...

Заупокойныя богослуженія въ церкви Убѣжища — божественная литургія и панихида—были отправлены и на этотъ разъ соборне: протоіереями В. И. Маренинымъ, А. Ѳ. Димитріевымъ и В. Ф. Пигулевскимъ, протодіакономъ П. А. Симо и діакономъ Ѳ. П. Поляковымъ. Установившійся обычай «церковнаго поминовенія», согласный съ душевной склонностью почившей Маріи Гавріиловны Савиной, при ея жизни, былъ соблюденъ и во всемъ прочемъ.

11-го февраля 1916 года исполнилось десять лѣтъ со дня освященія храма Убѣжища. Этотъ юбилей былъ ознаменованъ особо торжественнымъ богослуженіемъ, совершеннымъ митрополитомъ петроградскимъ Питиримомъ.

Марія Гавріиловна Савина какъ бы невидимо присутствовала на этомъ праздникѣ *своей* церкви: воспоминаніе о ней любовно царило у всѣхъ на душѣ, и ея имя было у всѣхъ на устахъ.

Наканунѣ, передъ всенощной, была отслужена торжественная панихида: по храмоздательницамъ—Елизаветѣ Іосифовнѣ Молчановой и Маріи Гавріиловнѣ Савиной-Молчановой, а также по щедрымъ жертвователямъ на благолѣпіе сего храма—Василіи Андреевичѣ и Олимпіадѣ Алексѣевнѣ Таратинымъ.

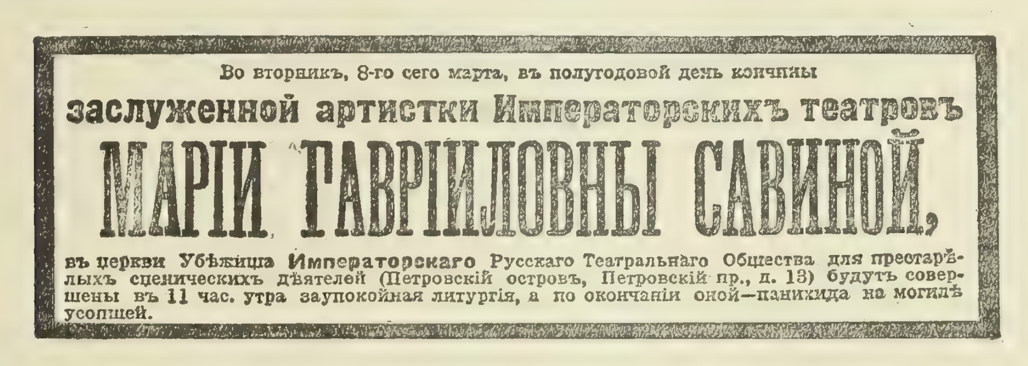
7-го марта А. Е. Молчановымъ получена телеграмма:

«Петроградское Художественно-Драматическое Общество на первомъ послѣ смерти Маріи Гавріиловны Савиной Общемъ Собраніи, 6-го

марта 1916 года, почтивъ ея свѣтлую память вставаніемъ, постановило высказать вамъ, что Общество глубоко проникнуто горестнымъ сознаніемъ незамѣнимой утраты, постигшей русскую драму, и вмѣстѣ со всѣми оплакиваетъ великую артистку.

Предсѣдатель Общаго Собранія *Троицкій*».

День 8-го марта 1916 года—полугодовщина кончины Маріи Гавріловны Савиной—былъ весь посвященъ ея памяти.

Во вторникъ, 8-го сего марта, въ полугодовой день кончины

заслуженной артистки Императорскихъ театровъ

МАРІИ ГАВРІЛОВНЫ САВИНОЙ,

въ церкви Убѣжища Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей (Петровскій островъ, Петровскій пр., д. 13) будутъ совершены въ 11 час. утра заупокойная литургія, а по окончаніи оной—панихида на могилѣ усопшей.

Совершали заупокойную литургію преждеосвященныхъ даровъ: протоіереи В. И. Маренинъ, А. Ѳ. Димитріевъ и В. Ф. Пигулевскій, протодіаконъ П. А. Симо и діаконъ Ѳ. П. Поляковъ. Мѣстный хоръ пѣвчихъ исполнилъ слѣдующія партесныя пѣснопѣнія: **Свѣте тихій**—Архангельскаго, **Да исправится**—Виноградова, **Нынѣ силы небесныя**—Орлова, **Отче нашъ**—Завадовскаго, **Блажени яже избралъ**—Коченовскаго.

Церковь была полна народу. Тутъ были всѣ члены Совѣта и служащіе Театральнаго Общества, пансіонеры Убѣжища и дѣти Пріюта и Пансіона, артисты Императорскихъ и частныхъ Петроградскихъ театровъ, многіе представители театральнаго и литературнаго міра, родственники, друзья и почитатели почившей и другіе.

Передъ панихидой протоіерей В. И. Маренинъ обратился къ молящимся со слѣдующимъ «словомъ»:

> Есть, братія, на землѣ мѣсто, гдѣ никто изъ живущихъ, или когда-нибудь жившихъ, никогда не забывается—это церковь! Общество людей помнитъ, восторгается многими чертами дѣятельности людской, оцѣниваетъ ее, тѣшитъ дѣятелей... Но уходитъ человѣкъ отъ дѣла, умираетъ, и проходитъ мѣсяцъ, другой, проходитъ годъ—и этотъ человѣкъ, можетъ, онъ былъ геніальный, забывается: люди всегда—люди!
>
> Прошло полгода послѣ смерти Маріи Гавріловны, только полгода—и о ея дѣятельности, ея талантѣ, ея личности

начинаютъ забывать и литература, и общество; конечно, кромѣ тѣхъ, для которыхъ ея память священна, которые до гробовой доски не будутъ имѣть силъ оторвать ее отъ своего сердца: для тѣхъ она всегда жива. А она ли силою таланта не несла обществу все, что даровалъ ей Господь?!... Она ли не давала часовъ истиннаго высокаго наслажденія?!... Она исторгала искреннія слезы ее слышавшихъ, призывая многихъ къ исправленію своего сердца! И когда на громъ рукоплесканій выходила она къ публикѣ, серьезная, безъ слѣдовъ любезной улыбки, когда она обводила эту капризную толпу своими «Савинскими» глубокими, вдумчивыми глазами,—можно было читать въ ея глазахъ скорбь за то, что эта измѣнчивая въ своихъ вкусахъ публика, только скройся она, забудетъ ее: такъ люди всегда—люди! Дѣйствительно, летѣли годы обаянія, годы успѣха, овацій,—рукоплесканія неслись ей, благодарность за слезы, примирявшія многихъ, за ту искренность игры, которая отзывалась у нея слабостью и болью сердца... а тамъ—болѣзнь, временами приковывавшая ее къ постели. Мы слышали о тяжкихъ симптомахъ этой болѣзни... Далѣе, безъ борьбы смерть... потомъ гробъ... погребальныя пѣсни... падающія на гробъ послѣднія глыбы земли съ розами и орхидеями... а затѣмъ тишина подземная... и все: умерла!..

Теперь, братія, я поведу васъ на Голгоѳу, на мѣсто страданій нашего Спасителя. Онъ страдалъ, молча; среди враговъ, Ему грозившихъ, Ему смѣявшихся, грубо извращавшихъ Его слова жизни и этимъ платившихъ Ему за все Его добро къ нимъ. И когда Онъ просилъ у нихъ со креста пить, только пить,—они давали Ему уксусъ, смѣшанный съ желчью.

О, братія, и у каждаго изъ насъ есть своя Голгоѳа, есть мѣсто, есть положеніе, когда и гдѣ мы страдаемъ, есть и то, когда мы просимъ участія, жалости,—намъ даютъ горечь жизни... И немало усопшая испила этой горечи жизни!.. А копье, этотъ атрибутъ креста и страданій Господнихъ, это копье уязвленія всегда стояло близъ нея! И нужно было, братія, умереть Господу, чтобы врагъ Его—язычникъ—громко, вслухъ всѣхъ сказалъ: «Да, воистину Божій Сынъ былъ Онъ!». Нуженъ былъ послѣдній вздохъ Господа, чтобы люди, бія себя въ грудь, отходили съ сознаніемъ грѣховности своей отъ Голгоѳы.

И здѣсь смерть... Но сколько она подняла высокихъ правдивыхъ глубоко-религіозныхъ чувствъ къ усопшей! Какая вы-

сокая, стройная пальма добра выросла изъ ея гроба, достигающая до самыхъ небесъ. Эта высокая пальма тѣхъ дѣлъ глубоковдумчивой, христіанской дѣятельности ея, которую она тщательно скрывала, какъ великую святыню, почти ото всѣхъ! Сколько можно было, послѣ ея смерти, сказать громко въ похвалу ея словъ, которыхъ она, при жизни своей, никогда не позволила бы произнести и закрывала бы своими руками уста, касавшіяся тайниковъ ея религіознаго сердца!..

Будемъ же молиться за усопшую рабу Божію Марію—да сбудутся святыя слова Евангелія, которыя мы слышали сегодня: «Да не пріидетъ она на судъ, но да прейдетъ она отъ смерти въ животъ!»...

Въ заключеніе панихиды, духовенство съ пѣвчими, сопровождаемое всѣми молящимися, вышло изъ храма въ садъ Убѣжища, къ могилѣ великой артистки, гдѣ и была отслужена литія. При возглашеніи «Вѣчной памяти», присутствующіе опустились на колѣни. Многіе плакали...

Могила Савиной была убрана зеленью и массой живыхъ цвѣтовъ.

Въ тотъ же день, въ 2 съ половиной часа, протоіереемъ В. Ф. Пигулевскимъ и діакономъ М. А. Смирновымъ, при пѣніи хора А. А. Архангельскаго, была совершена панихида по Маріи Гавріиловнѣ Савиной въ артистическомъ фойе Александринскаго театра. Здѣсь была въ сборѣ вся Императорская драматическая труппа.

Фойе къ этому дню обогатилось большимъ портретомъ Маріи Гавріиловны Савиной, работы К. Е. Маковскаго, и фотографической группой заслуженныхъ артистовъ Императорскихъ театровъ перваго состава[1]), съ ихъ автографами; оба эти предмета переданы сюда, согласно «послѣдней воли» почившей артистки.

8-го же числа состоялся въ Александринскомъ театрѣ «вечеръ памяти заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной», устроенный Совѣтомъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Главнымъ распорядителемъ былъ режиссеръ А. И. Долиновъ.

По признанію прессы, вечеръ этотъ явился «дѣйствительно поминками великой артистки». Это было «благоговѣйное поминовеніе», какъ охарактеризовалъ въ своей рѣчи А. И. Южинъ ту дань памяти незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной, которой почтили ее

[1]) Е. Н. Жулева, М. Г. Савина, К. А. Варламовъ, В. Н. Давыдовъ и П. М. Медвѣдевъ.

товарищи по Императорской сценѣ и литераторы. И она какъ бы воскресала предъ нами и ярко оживала въ передаваемыхъ воспоминаніяхъ. «Въ этомъ поминальномъ вечерѣ Савиной не было ничего уныло-похороннаго, всѣ говорили о ней, какъ о живой, о геніальной артисткѣ, о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ, о чудномъ человѣкѣ, объ обаятельной и умной женщинѣ».

Вотъ какъ описываетъ извѣстный театральный критикъ—Н. А. Россовскій присутствовавшую публику. «Въ зрительномъ залѣ собрались посѣтители былыхъ премьеръ съ участіемъ Савиной, ея бенефисовъ. За многолѣтній періодъ времени пребыванія Савиной на сценѣ Александринскаго театра успѣли состариться многочисленные поклонники ея колоссальнаго таланта. Сколько сѣдыхъ головъ въ партерѣ и ложахъ! Старики и старухи переплелись съ молодежью. Члены Государственнаго Совѣта, бывшіе министры, сенаторы, извѣстные общественные дѣятели, адмиралы, генералы, академики, профессора, художники и пламенная театральная молодежь... Всѣмъ было желательно лично присутствовать на «благоговѣйномъ поминовеніи» артистки, которая поставила своимъ девизомъ: «сцена—моя жизнь», которая своей работой многому научила, многимъ доставляла пользу и удовольствіе своей художественной игрой, своимъ перевоплощеніемъ въ героинь въ пьесахъ великихъ писателей, способствуя тѣмъ самымъ ихъ неувядаемости въ памяти театраловъ».

Общее настроеніе было благоговѣйно-торжественное. На программахъ была напечатана устроительская ремарка, которая придала вечеру надлежащій отпечатокъ: «Покорнѣйшая просьба—не аплодировать».

На сценѣ стоялъ павильонъ въ стилѣ ампиръ, совершенно того же характера архитектурной отдѣлки, какъ и зрительный залъ—и, такимъ образомъ, получилось нѣчто объединенное, цѣлое. Въ глубинѣ была громадная арка, закрытая спадавшей пышными складками красной драпировкой. Полъ сцены значительно выдвигался впередъ, благодаря помосту, прикрывавшему помѣщеніе оркестра. Занавѣсъ, отдѣляющій обыкновенно сцену отъ зрительнаго зала, отсутствовалъ. Сцена была уставлена мягкой мебелью, на которой группами расположились артисты Александринскаго театра и участвовавшіе въ «вечерѣ». Впереди, на лѣвой сторонѣ сцены, возвышался, утопая въ тропической зелени и цвѣтахъ, большой поясной портретъ Маріи Гавріиловны Савиной, освѣщенный скрытымъ въ листвѣ электрическимъ рефлекторомъ.

«Вечеръ» открылся чтеніемъ отрывковъ изъ автобіографическихъ записокъ Маріи Гавріиловны Савиной, касающихся ея дѣтства

и первыхъ лѣтъ ея сценическаго поприща [1]). Долженъ былъ читать эти отрывки маститый В. Н. Давыдовъ, но, по болѣзни, будучи лишенъ голоса, не могъ этого исполнить. Самолично заявивъ объ этомъ публикѣ, онъ вывелъ на авансцену артистку Н. В. Ростову и передовѣрилъ ей чтеніе.

Вторымъ номеромъ программы было инструментальное тріо П. И. Чайковскаго: «Памяти великаго артиста», исполненное В. Г. Вальтеромъ (скрипка), І. И. Прессомъ (віолончель) и И. А. Венгеровой (рояль).

Профессоръ Ѳ. Д. Батюшковъ сдѣлалъ слѣдующій докладъ:

М. Г. САВИНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА [2]).

Марія Гавріиловна Савина написала въ одномъ частномъ письмѣ, вскорѣ послѣ постановки у насъ «Власти тьмы», слѣдующія строки:

«До сихъ поръ у меня были двѣ роли, которыя я имѣла право считать своими созданіями: Марья Антоновна въ «Ревизорѣ», Вѣрочка въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», и теперь третья— Акулины во «Власти тьмы». Имена Гоголя, Тургенева и Толстого велики, и я счастлива, что могла олицетворить ихъ типы. Этихъ трехъ ролей достаточно для всей моей карьеры, и онѣ служатъ мнѣ щитомъ».

Какъ просто и какъ значительно великая артистка резюмировала свои лучшія достиженія на избранномъ ею поприщѣ; съ какой скромностью и съ какимъ благоговѣніемъ она выдвигала впередъ геніевъ русской литературы, ограничивая свои заслуги олицетвореніемъ лишь трехъ типовъ русской дѣвушки, созданныхъ Гоголемъ, Тургеневымъ и Толстымъ.

Конечно, ея дѣятельность была шире и многостороннѣе; конечно, число ролей, которыми по праву она могла гордиться, было несравненно больше. Марія Гавріиловна, однако, назвала ихъ только три, очевидно, придавая этимъ ролямъ особое значеніе. И мы не можемъ не признать, что въ извѣстномъ смыслѣ она была права; но названнымъ тремъ типамъ придется дать обобщенный, символическій смыслъ. Въ то же время приведенное признаніе вскрываетъ одну очень

---

[1]) Напечатаны въ изданіи товарищества «Трудъ»: «Марія Гавріиловна Савина. Біографическій очеркъ В. В. Протопопова». Выпускъ І. Спб. 1900.

[2]) Напечатанъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», 14-го марта 1916 г., № 15440.

цѣнную черту во взглядахъ артистки на значеніе сценическаго искусства вообще,—ея личное пониманіе задачъ этого искусства.

Вѣдь искусство актера, мима,—вообще мимическое творчество можетъ быть разсмотрѣно съ двухъ точекъ зрѣнія: это вполнѣ самостоятельное искусство, поскольку актеръ проявляетъ способности подражательныя, поскольку онъ можетъ симулировать различныя чувства, изображать аффекты, вызывать въ себѣ и дѣлать наглядными разныя переживанія. Съ другой стороны, это же искусство является и служебнымъ, когда актеръ подчиняется чужому замыслу, старается угадать его истинный смыслъ и наивозможно точно и полно олицетворить.

Которое же изъ двухъ пониманій мимическаго искусства выше?

Первое, во всякомъ случаѣ, благодарнѣе. Актеръ—на первомъ планѣ. Значеніе и качества пьесы, въ которой онъ выступаетъ, не играютъ роли; они даже забываются при созерцаніи мастерства исполненія артиста, которому нужна только канва, и по ней онъ выводитъ собственные узоры. Это въ прямомъ смыслѣ—«театральный театръ», который какъ бы поворачивается спиной къ художественной литературѣ, живетъ мгновенной, но исключительно своей жизнью; это—театръ, который восходитъ къ commedia dell'arte, къ импровизаціямъ на данную тему.

Гораздо труднѣе, болѣе стѣсненной и болѣе отвѣтственной является другая форма сценическаго искусства, добровольно подчиняющагося замысламъ художниковъ слова. Тутъ нѣтъ мѣста произволу, широкому размаху личныхъ свойствъ артиста; онъ долженъ не разъ жертвовать своей индивидуальностью, быть непохожимъ на самого себя, чтобы воплотить чужой замыселъ. Но чѣмъ труднѣе, тѣмъ выше эта игра по намѣченной задачѣ, тѣмъ устойчивѣе традиціи и результаты, при этомъ достигнутые.

Марія Гавріиловна почти въ равной степени проявляла себя въ той и другой формахъ мимическаго творчества. Она раньше всего выступала въ пьесахъ «театральнаго театра», выказавъ необыкновенную гибкость въ разнообразныхъ роляхъ, но оставалась въ нихъ по преимуществу Савиной,—обаятельной, чарующей Савиной, какъ бы появляющейся лишь подъ разными псевдонимами—«Чародѣйки», «Маіорши», «Генеральши Матрены» и тому подобное, въ роляхъ ingénue,

въ пьесахъ В. Крылова и другихъ, даже въ нѣкоторыхъ переводныхъ произведеніяхъ.

Но Марія Гавріиловна стремилась къ болѣе высокимъ задачамъ: она захотѣла, чтобы, видя ея сценическія перевоплощенія, запоминали не только очаровательную Савину, а тѣ образы, которые были задуманы великими писателями, чтобы узнавали артистку лишь въ напряженіи ея творческой воли. Она захотѣла достичь наивозможной объективности изображенія. И это ей удалось, главнымъ образомъ, именно въ направленіи тѣхъ трехъ типовъ, которые она сама назвала.

Эти три типа—разновидности образа русской дѣвушки на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій жизни нашего общества. Они заключаютъ въ себѣ черты, общія многимъ, и чрезвычайно характерны именно въ своей типичности.

Марья Антоновна,—эта жеманная, въ старомодномъ для насъ костюмѣ, наивная и любопытная, вся напоказъ и вся скованная условностями быта дѣвушка,—типичная представительница дореформенной Россіи. Марія Гавріиловна оживила старинный медальонъ; вспомнить только, какъ она порхала по сценѣ, какіе усвоила позы и жесты, съ какой безподобной мимикой передавала различныя ощущенія этой уѣздной барышни—и цѣлая полоса русской жизни вставала предъ нами въ олицетвореніи дочери городничаго захолустнаго городка.

Если бы Гоголь чудомъ ожилъ и увидѣлъ Савину въ роли Марьи Антоновны, онъ, несомнѣнно, былъ бы удивленъ и пораженъ, какъ возможно такъ выдвинуть второстепенное дѣйствующее лицо, придать такую яркость и блескъ персонажу, которому въ пьесѣ отведено второе мѣсто. Игра Маріи Гавріиловны была бы для него такимъ же откровеніемъ, какъ открытія, сдѣланныя впослѣдствіи и Тургеневымъ, и Толстымъ по поводу исполненія Савиной Вѣрочки и Акулины.

Вѣрочка—типъ новой дѣвушки, которой уже коснулись вѣянія иной эпохи. Пусть въ общественномъ отношеніи она въ подчиненномъ положеніи, пусть она простая воспитанница, занимаетъ серединное мѣсто между господами и слугами,—она уже есть личность; все жеманство, весь декорумъ прежней сковывающей обстановки, и прежній, туго стянутый, высокій корсетъ, тщательно завитыя букли, декольте и пышныя складки на рукавахъ и платьѣ,—все это отошло. Вѣрочка въ изображеніи Маріи Гавріиловны,—этотъ подростокъ, съ распущенной косой, въ фартучкѣ и корот-

комъ свободномъ платьѣ,—непосредственная натура, дичокъ привитый къ умирающему стволу, и заживетъ она вскорѣ вполнѣ самостоятельной жизнью; это—почка, готовая распуститься, и Марія Гавріиловна съ удивительной интуиціей показала намъ этотъ процессъ перехода отъ ребячества къ возмужалости, превращенія дѣвочки въ женщину силою первой пробудившейся любви. Какъ извѣстно, Тургеневъ сказалъ Савиной послѣ спектакля: «Вѣрочка... я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка... Какой у васъ большой талантъ». Еще бы не «большой», когда артистка открыла глаза автору на собственное его созданіе, значеніе котораго онъ не подозрѣвалъ. Но та же Вѣрочка, съ различными видоизмѣненіями типа, много разъ повторялась въ различныхъ произведеніяхъ нашихъ драматурговъ, и Марія Гавріиловна имѣла основаніе назвать эту роль, какъ показатель серіи другихъ, однородныхъ. Для артистки представлялись сродни Вѣрочкѣ, — поскольку она олицетворяетъ мотивъ пробужденія любви въ дѣвственной натурѣ,—и «Дикарка» Островскаго, и Чеховская Саша изъ драмы «Ивановъ», и многія другія.

Марія Гавріиловна и съ Толстымъ вступила въ споръ, когда зашла рѣчь о постановкѣ «Власти тьмы» на сценѣ Александринскаго театра. Въ данномъ случаѣ не художникъ, а моралистъ Толстой придавалъ особое значеніе роли Марины; онъ хотѣлъ, чтобы Марія Гавріиловна взяла на себя исполненіе именно этой роли. Но артистка оказалась проницательнѣе геніальнаго писателя, остановивъ свой выборъ на роли Акулины: такъ же, какъ Тургеневъ по отношенію къ Вѣрочкѣ, Толстой «не обращалъ достаточно вниманія» на Акулину, когда писалъ свою драму. И Савина «открыла» ему значеніе Акулины—этой простоватой, ярко типической дѣвушки, негораздой разумомъ, но чистой сердцемъ и просвѣтленной тѣмъ высшимъ откровеніемъ, которое посѣщаетъ именно «нищихъ духомъ». Акулина, по праву, есть дѣйствительное созданіе Маріи Гавріиловны, которая своимъ творчествомъ обнаружила, сдѣлала понятнымъ для всѣхъ то безсознательное, что было вложено въ данный образъ великимъ писателемъ.

Марія Гавріиловна Савина въ періодъ наибольшаго блеска своей артистической карьеры, въ кульминаціонномъ пунктѣ расцвѣта силъ и дарованій, стремилась именно къ тому соединенію творческой свободы и зависимости отъ

замысла драматурга, — соединенію, которое еще Бѣлинскій считалъ необходимымъ условіемъ достиженія высшихъ предѣловъ сценическаго искусства.

«Только черезъ это соединеніе двухъ крайностей актеръ можетъ быть великъ», — писалъ онъ по поводу игры Мочалова. И Марія Гавріиловна умѣла соединять эти двѣ крайности: она самостоятельно переживала и воплощала образы, созданные драматургами, и благоговѣйно относилась къ замысламъ великихъ писателей, подчиняясь имъ, отнюдь не переиначивая по-своему. Она, какъ мы видѣли, умѣла открывать новое въ томъ, что создано было корифеями нашей литературы, но это «новое» вѣдь было заложено ими безсознательно въ ихъ же произведеніяхъ. Чтобы открыть его, требовалась конгеніальность, если не въ пониманіи идеи цѣлаго произведенія, то, во всякомъ случаѣ, даннаго опредѣленнаго лица, которое надлежало воплотить. Этой конгеніальностью и обладала Савина.

Я уже говорилъ, что Марія Гавріиловна могла бы записать на своемъ «щитѣ», какъ она выразилась, несравненно большее количество именъ, чѣмъ тѣ три роли, которыя она пожелала признать своими главными достиженіями. Но въ этой ипостаси, въ этихъ трехъ образахъ, стоящихъ подъ знакомъ «великихъ» — Гоголя, Тургенева и Толстого, — артистка лишь рельефнѣе подчеркнула обусловленность высокаго сценическаго искусства отъ литературы.

Эта слава — самая устойчивая, непреходящая, преодолѣвающая ту мгновенность, на которую, какъ принято думать, обречена дѣятельность актера, ибо его творчество погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Нѣтъ, отнюдь не вполнѣ погибаетъ, если идти по указанной дорогѣ: остается традиція, остаются воспоминанія о томъ, какъ онъ истолковывалъ и воплощалъ ту или иную роль. За Гаррикомъ остается вѣчная заслуга — возрожденіе Шекспира, забытаго его же соотечественниками. Игра Рашель «открыла» Герцену значеніе Расина и пробила брешь въ нашемъ непониманіи французскаго классицизма. Имя Сары Бернаръ навѣки связано съ ея истолкованіемъ «Федры» и пропагандой театра Дюма, Сарду и Ростана. Дузе явилась лучшимъ оправданіемъ театра д'Аннунціо, который, благодаря ей, былъ понятъ и воспринятъ по-настоящему. Савина связана неразрывно съ именами Гоголя, Тургенева и Толстого. Помимо ролей, въ которыхъ она, при всѣхъ индивидуальныхъ качествахъ выполненія, выступала

въ череду съ другими исполнительницами, напримѣръ, въ театрѣ Островскаго, она является единственной и незабвенной въ тѣхъ созданіяхъ, которыя были и ея открытіями. И въ общемъ направленіи ея дѣятельности красной чертой проходитъ стремленіе соединить свободу артистическаго творчества съ подчиненіемъ замыслу писателя, то трудное и рѣдкое ихъ сочетаніе, тотъ союзъ литературы и театра, который ведетъ къ высшимъ ступенямъ неувядаемой славы.

Затѣмъ, выступила В. А. Мичурина, которая прочла:

ПАМЯТИ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ.

Очеркъ Юрія Бѣляева [1]).

— Александринскій театръ—это я!—писала какъ-то мнѣ Савина.

Премудрая казенная Дирекція хотѣла тогда «отставить» ее—и вотъ вся пресса стала горой за свою любимицу.

Я тогда дебютировалъ въ «Новомъ Времени» и шумѣлъ, кажется, больше всѣхъ... Савиной лично не зналъ, но въ отвѣтъ на свои бурныя изліянія получилъ отъ нея настоящій рескриптъ.

«Мой рыцарь»—писала она.

«Милый рыцарь»—значилось въ другомъ мѣстѣ.

«Рыцарь Юрій»—стояло еще ниже.

И началась отсюда наша долгая прочная дружба. Создалась на самомъ дѣлѣ хорошая сказка—«О рыцарѣ и его дамѣ».

. . . .

Я вспоминаю васъ, моя Прекрасная Дама, наша блистательная Савина,—васъ, дама нашей литературы, создательница «Марьи Антоновны», «Натальи Петровны», «Чародѣйки», «Маіорши», героиня Островскаго, Потѣхина, Шпажинскаго, Чехова, Невѣжина,—и очень жалѣю, что, посвящая вамъ много и много въ газетахъ, я ничего не принесъ для васъ и для новыхъ созданій вашихъ...

— Такъ и знайте!—говорили вы мнѣ,—пока не напишете пьесы для Савиной, изъ васъ путеваго драматурга не выйдетъ.

Вы, вообще, были очень жестоки, какъ мой критикъ.

Я помню, въ Москвѣ, у Незлобина, послѣ «Псиши», вы, вся въ слезахъ, пришли за-кулисы поздравить меня съ успѣхомъ, а, уходя, все-таки сказали:

— Только, пожалуйста, не воображайте, что вы—драматургъ!

Я ничего не воображаю...

---

[1]) Напечатанъ въ журналѣ «Аргусъ», 1915 г., № 9.

Я, напримѣръ, не могу вообразить себѣ даже того, что васъ нѣтъ съ нами!

Есть такіе люди и такіе таланты, которыхъ никакъ не вообразишь мертвыми.

Вотъ—Пушкинъ...

Въ «Письмахъ» Вяземскаго я нашелъ любопытныя строчки, на которыя могу опереться.

Онъ пишетъ, что и десять лѣтъ спустя послѣ кончины поэта никто изъ его осиротѣлыхъ друзей не давалъ себѣ отчета въ такомъ въ сущности простомъ актѣ человѣческаго существованія, какъ смерть. Пушкинъ и смерть—этому никто не вѣрилъ!

Савина и панихида, и парастасъ, и литія у Александринскаго театра, и, наконецъ, эти важныя и необыкновенныя похороны,—похороны не актрисы, не благотворительницы, не общественной дѣятельницы, а будто и впрямь какой-то необыкновенной легенды театра, его сказки, его стихотворенія въ прозѣ, его музыки.

«Александринскій театръ—это я!»—сказали вы.

Съ этимъ никто не спорилъ.

И любя, и не любя васъ, всякій подчинялся вашей власти, вашему скипетру и державѣ, моя прекрасная, великодушная, жестокая, сварливая, обаятельная, трогательная и несносная дама.

Русскіе литераторы, какъ ихъ теперь ни мало, должны во имя традицій своего свободнаго, великаго и могучаго языка, своего широкаго, какъ разливъ Волги, искусства, написать о васъ цѣлую книгу.

Увы! тѣхъ литераторовъ, которыми зажигался вашъ геній, не стало!

Нѣтъ Тургенева, нѣтъ Чехова, нѣтъ Суворина, нѣтъ Толстого!

Но изъ здравствующихъ понынѣ, близкихъ вамъ, поддерживаемыхъ вами, насыщенныхъ,—сказалъ бы я,—вдохновеніемъ вашимъ есть всетаки Найденовъ, Юшкевичъ, Ѳедоровъ! И вотъ они и должны посвятить скорбнымъ и благодарнымъ воспоминаніямъ о васъ новыя талантливыя страницы. Это будетъ, конечно, не Савина, не портретъ ея, не біографія ея, не сущность ея—это будетъ тотъ же литературный парастасъ, которымъ наканунѣ похоронъ вашихъ, моя Прекрасная Дама, почтила васъ православная церковь...

Сейчасъ трудно разбираться въ талантѣ вашемъ, да и какъ разобраться въ немъ, когда все отзвучало.

Старое надоѣдливое выраженіе: «съ актеромъ умираетъ все»—невольно приходитъ на память и теперь, но васъ, именно васъ, Марія Гавріиловна, не забудетъ русская литература, потому что вы, и никто, какъ вы, не содѣйствовали отъ скромныхъ силъ сценической работницы торжественному шествію ея ко всемірной славѣ.

Вспомните, — нашъ недругъ, суровый кайзеръ, умилялся вашей игрѣ, когда вы, «Василиса Мелентьева», поразили его мягкостью сердечныхъ нотъ.

Онъ подарилъ вамъ свой портретъ—этотъ желѣзный тевтонъ—и въ сердцѣ ругнулся, прочитавъ въ «Berliner Tageblatt» пустяшный фельетонъ Керра, гдѣ тотъ назвалъ русское искусство—мужицкимъ, а обаяніе ваше приравнялъ къ граціи кошки, къ кошачьему «мяу».

— Это царица и это царское искусство!—сказалъ Вильгельмъ, пригласивъ васъ къ себѣ въ ложу, послѣ «Татьяны Рѣпиной».—Это вовсе не «мяу»—это голосъ влюбленной львицы,—за это я вамъ ручаюсь!

Видите, какого современнаго рецензента вы имѣли, моя Прекрасная Дама.

Что же въ сравненіи съ этимъ—мой голосъ, который вы всегда сами называли «скрипучимъ».

Въ ладонѣ, при каждомъ взмахѣ кадила, при каждомъ поминовеніи вашего имени, я меньше всего думаю о вашей смерти.

. . . .

О безсмертіи думаю я, о созданіи вѣчныхъ образовъ, которыми вы населили, развеселили, обрадовали и поразили нашу жизнь.

Я слышу на панихидахъ вашихъ такое прекрасное славянское слово, какъ «жизнодавчество».

Вотъ въ этомъ, вѣроятно, словѣ опредѣляется смыслъ всего вашего великаго, благороднаго и подвижническаго искусства.

Прекрасная русская артистка, почивайте спокойно въ вашемъ любимомъ уголкѣ, у царственной Невы, окруженная заботами старыхъ, призрѣваемыхъ артистовъ.

Вы нашли, какъ никто, мѣсто вѣчнаго упокоенія, вы—львица сцены, наша незамѣнимая и любимая Савина!

Членъ Государственнаго Совѣта М. А. Стаховичъ подѣлился слѣдующими воспоминаніями:

> Безсмертные стансы Альфреда де Мюссэ на кончину великой пѣвицы Малибранъ останутся, конечно, навсегда геніальнымъ рыданіемъ поэта передъ жестокостью смерти, особенно жестокой къ артистамъ сцены. Эта жестокость—сугубая, безпощадная. Другіе художники оставляютъ по себѣ вѣчныхъ наслѣдниковъ, дѣтей своего творчества... А высокое творчество актрисы умираетъ, какъ ея бренное тѣло: оно навсегда становится уже недоступнымъ постиженію, то-есть пропадаетъ. Для художниковъ сцены смерть есть казнь, она — исчезновеніе,— исчезновеніе того

главнаго, того высшаго, что подымаетъ ихъ надъ людьми, за что мы къ нимъ тянемся, чему они отдаютъ свою щедрую жизнь, потому что горѣть въ жизни значитъ искушать Бога.

Нѣтъ артиста,—остается память о человѣкѣ.

Вы помните, что Альфредъ де Мюссэ, назвавъ Фидія и Рафаэля, Кювье и Шиллера, Гёте, Байрона и Беллини, упомянувъ о Парѳенонѣ, Ватиканѣ, академіяхъ и типографіяхъ какъ о защитникахъ человѣческаго генія, звучнымъ воплемъ' восклицаетъ:

Et de toi, morte hier, de toi, pauvre Marie!
Au fond d'une chapelle il nous reste une croix...
Une croix et ton nom, gravé sur la pierre,
Non, pas même le tien, mais celui de l'époux—
Voilà ce qu'après toi tu laisses sur la terre.

Извиняюсь, что цитирую по-французски. Я не съумѣлъ найти русскаго перевода, чтó, сохранивъ моей рѣчи теплоту, придало бы большую доступность чтенію поэмы Мюссэ. «Какъ незаконная комета среди размѣренныхъ свѣтилъ», я позволяю себѣ отступленіе и призываю всѣхъ, всѣхъ, даже рядовыхъ изъ войска Маріи Савиной и Маріи Малибранъ, всѣхъ, потому что Пушкинъ завѣщалъ:

Что намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ...

Языкъ артистическаго, языкъ святого духа! Я приглашаю всѣхъ не прочесть, а заучить эти «Stances à la Malibran»... Въ нихъ лучшее отданіе памяти товарища, въ нихъ возвышающее признаніе своей роковой очереди.

То, что была Савина, по настоящему ушло безвозвратно, а главное—безслѣдно. Лучшія рѣчи и статьи не помогутъ невидавшему, не дадутъ ему почувствовать, что была Савина. Да простится мнѣ громкими и авторитетными моими сегодняшними соучастниками наивное по грубости признаніе. Все, что я прочелъ и слышалъ о Савиной, меня менѣе тронуло, чѣмъ тѣ два раза, когда, скоро послѣ ея смерти, я видѣлъ Савину во снѣ: разъ—въ «Ночномъ», другой разъ—«Марьей Антоновной». Я видѣлъ ее живою—вотъ въ чемъ была радость! И никто—ни живописецъ, ни художникъ слова, ни критикъ, ни товарищи—не можетъ болѣе явить Савину живою. Кромѣ счастливыхъ сновъ, отъ нея остались только

воспоминанія. А воспоминаніе—это почти панихида, потому что въ нихъ признаніе исчезновенія. Это переломъ отъ перваго живого горя къ пытливой и добросовѣстной любознательности. Здѣсь и повсюду есть болѣе, чѣмъ я, авторитетные судьи таланта, значенія, труда, даже славы Савиной. Но, въ необычной для меня обстановкѣ и съ сознаніемъ своего безправія, я взошелъ на эту каѳедру, какъ благодарные пансіонеры духовнаго богача слѣдуютъ за катафалкомъ, окруженнымъ близкими. Я хотѣлъ напомнить, что, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ богатствъ, въ Савиной было заложено еще одно золото: въ ней было много трогательнаго. А это для насъ важно, потому что трогательное всегда умиляетъ. А умиленіе — это вдохновеніе рядового человѣка. Недаромъ мудрѣйшіе мыслители молились въ канонѣ: «Умили нашу жизнь, Господи!». Они знали, что́ это значитъ для души человѣческой...

За сорокъ лѣтъ—порою влюбленнаго, всегда восторженнаго общенія моего съ великой артисткой—сколько разъ я подмѣчалъ въ ней трогательное, самое дорогое для насъ, безталанныхъ. Карьера театрала обыкновенно противорѣчитъ жизненной. За сорокъ лѣтъ я въ этомъ театрѣ опускался все ниже и ниже—и, начавши въ 1874 году тамъ—въ райкѣ, я по балконамъ всякихъ ярусовъ опустился въ мѣста за креслами, а потомъ пробирался по нимъ впередъ, покуда сегодня не дошелъ до самой сцены. Сорокъ лѣтъ тому назадъ букеты и подношенія подсчитывались, какъ вызовы: ими сравнивали бенефиціантовъ. И тогда Савина запретила намъ подношенія. Нарушавшіе ея законъ не только теряли право на билетъ на слѣдующій бенефисъ, но не допускались и благодарить — ни въ уборную, ни на домъ. Развѣ эта прямая заботливость еще начинающей молоденькой, соревнующейся актрисы о тощихъ кошелькахъ малыхъ сихъ въ сонмѣ ея поклонниковъ не трогательна, не человѣчна?...

Въ 1889 году Савина пріѣхала въ Парижъ по семейнымъ дѣламъ и на всемірную выставку. Имѣя за собою уже пятнадцать лѣтъ безспорной славы и премьерства, она ежедневно отрывалась отъ кружка близкихъ и, какъ ученица, идущая готовить уроки, непремѣнно ѣхала смотрѣть то Бартэ въ «Comédie Française», то Режанъ, то любимицу свою Гранье въ «Vaudeville», а за ними и другихъ. Она называла это: «себя экзаменовать». Она завидовала одному— такъ недавно за нею послѣдовавшему Мунэ-Сюлли, тогда

еще въ полномъ расцвѣтѣ таланта и силъ. «Ахъ, кабы нашимъ первымъ любовникамъ такую пластику!»... «Какъ онъ сталъ на колѣно!»... «Этотъ жестъ!»... «Разыгрались бы мы — русскія актрисы!»... И меня, ея неизмѣннаго — хотя часто неубѣжденнаго — спутника, трогало это трудолюбіе среди короткаго отдыха!..

Мнѣ еще вспоминается... Что Савина была необыкновенно умна — это знаютъ всѣ. Тѣмъ трогательнѣе было наблюдать въ такой умницѣ порывъ непосредственнаго чувства надъ очевидностью опыта, даже здраваго смысла. Въ 1895 году поставили «Власть тьмы». Кто не помнитъ созданія Савиной — «Акулины»?! Высшую похвалу въ данномъ случаѣ изрекъ не то плотникъ, не то чернорабочій, сказавъ: «По глазамъ сейчасъ видать, что глуховата дѣвка». Ни одинъ критикъ такъ не воспѣлъ Савинской мимики... Но многіе знаютъ, что еще лучше она читала Анютку. И, желая непремѣнно отдать это лучшее тому, чѣмъ тогда увлекалась всѣмъ своимъ вдохновеніемъ, умная, разсудительная Савина полетѣла въ Москву просить Толстого передѣлать Анютку въ 18-тилѣтнюю — ну, хоть въ 16-ти-лѣтнюю. Конечно, это наивно, но такъ любить свое дѣло — трогательно. И великій художникъ такъ это и понялъ. Онъ вспомнилъ очарованность Тургенева, покаялся въ своихъ насмѣшкахъ надъ нимъ за увлеченіе «актеркой». Онъ говорилъ графинѣ: «Нѣтъ, знаешь, это счастье, что я старъ. Она прелестна! Какъ прочла Анютку! Вся насквозь умница — однова дыхнуть!»... Такъ смаковалъ Левъ Николаевичъ очаровательное впечатлѣніе отъ знакомства съ Савиной.

Но самое трогательное изъ увлеченій то, что безкорыстно, — то, что является отданіемъ памяти уже неживущаго или исполненіемъ отвлеченнаго долга. И бѣлыя крылья Савинской души поднимали ее на эту высоту духовности. Когда Орляне задумали почтить память своего великаго земляка Тургенева, создать народный домъ и въ немъ музей его имени, когда это извѣстіе мелкимъ шрифтомъ промелькнуло въ провинціальномъ отдѣлѣ газетъ, — первая отозвавшаяся была С а в и н а. Она была первой жертвовательницей и прислала великолѣпный бронзовый бюстъ-оригиналъ работы Полонской. Высокая цѣнность дара равнялась ея щедрости, но съ чѣмъ сравнить эту отзывчивость?!..

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ того же 1903 года, въ день смерти Тургенева, устраивали въ пользу того же народнаго

дома литературный вечеръ. На сконфуженный призывъ провинціальныхъ затѣйниковъ, приглашавшихъ къ себѣ артистовъ въ серединѣ августа, въ самые дорогіе послѣдніе дни ихъ лѣтняго отдыха, откликнулись двое—два свѣточа русской сцены. Первой была Савина. Вторымъ—я радъ ему сегодня напомнить его сотрудничество съ дорогой артисткой—былъ А. И. Южинъ. И, конечно, все общество, весь городъ, всѣ съѣхавшіеся изъ губерніи не только были благодарны за эстетическое наслажденіе, но и запомнили урокъ, «какъ живая душа таланта чтитъ величавую память ушедшаго художника».

Вотъ за эти частые въ ея жизни порывы, за то, что среди славы и почестей она умѣла быть трогательной движеніемъ своей души, лаской отзывчиваго энтузіазма,—этой женской регаліей, по словамъ Дидерота,—за это мы любимъ память Савиной, мы, то-есть современники и петербуржцы (не знаю, можетъ быть, есть уже и петроградцы...

Но я... Какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ)...

Особыя условія, всецѣло теперь поглощающія наши способности, чувства, мысли, силы, помѣшали мнѣ сегодня найти чудесныя слова умиленія и нѣжности передъ этой дорогой памятью, но я не сочту себя виноватымъ, если напомню хоть одному изъ васъ, что въ очаровательномъ образѣ Савиной великій талантъ сливался съ трогательной и милой душой.

Закончилось первое отдѣленіе романсомъ А. Г. Рубинштейна: «Не говори, что онъ умеръ», исполненнымъ М. А. Славиной, подъ акомпаниментъ А. В. Таскина.

Вл. И. Немировичъ-Данченко сказалъ «слово»:

ПРАВДА ХУДОЖНИКА.

Съ чувствомъ признательности къ устроителямъ сегодняшняго «вечера» за то, что они дали мнѣ возможность выступить передъ вами, я рѣшаюсь разсказать случай, происшедшій... на этихъ же самыхъ подмосткахъ между Савиной и... однимъ, вѣроятно, небезызвѣстнымъ вамъ драматургомъ. Столкновеніе это характерно для творческаго генія Савиной, а то, что разсказъ о немъ произойдетъ здѣсь,

передъ вами, мнѣ кажется, умѣстно для сегодняшняго чествованія.

У каждаго человѣка на душѣ сохраняются какія-нибудь стыдныя воспоминанія. Часто воспоминанія касаются факта или проступка, повидимому, незначительнаго, а, между тѣмъ, стыдное чувство бываетъ острымъ и длительнымъ. Я зналъ одного господина, который до зрѣлаго возраста не могъ безъ чувства стыда вспомнить одну свою мальчишескую шалость: играя на улицѣ, онъ ловкимъ броскомъ арбузной корки убилъ на лету ласточку. Можетъ быть, я дѣлаю не совсѣмъ вѣрное психологическое сопоставленіе, но, мнѣ кажется, что нѣчто въ этомъ же родѣ должны испытывать люди, заставляющіе артиста играть на сценѣ неправду, жить художественной неправдой.

Это—особенная неправда. Часто житейская, будничная, несомнѣнная правда въ произведеніи искусства является настоящей преступной ложью,—преступной передъ той высшей правдой, которую мы называемъ идеальной и которая только одна и должна властвовать на подмосткахъ серьезнаго театра...

Этому драматургу удалось написать роль, которая увлекла Савину. Въ пьесѣ выводилась дѣвушка, уже не молодая, рѣзко отмѣченная характерными чертами жалости ко всѣмъ обездоленнымъ и униженнымъ. Росла она въ богатой купеческой семьѣ и съ дѣтства относилась со страхомъ и ужасомъ къ главнымъ традиціямъ своего богатаго дома,—наживѣ и издѣвательству надъ бѣдными. Случайно она попала подъ вліяніе жившей съ нею дальней родственницы, которую называла «тетей», женщины энергичной, сильной, озлобленной личнымъ отношеніемъ къ тому же, что возмущало дѣвочку, и которая невольно развила въ ней эту жалость къ приниженнымъ судьбой. Когда отецъ этой дѣвушки умеръ, и она получила самостоятельное состояніе, «тетя» увезла ее въ другой городъ и научила ее широко пользоваться средствами для утоленія ея сердобольной природы. Но въ дальнѣйшемъ образовалась пропасть между воспитанницей и воспитательницей. Старуха начала пользоваться средствами дѣвушки, для удовлетворенія своего тщеславія и устройства жизни сына, а дѣвушка, наоборотъ, отдавшись своему стремленію цѣликомъ, развила его до крайнихъ предѣловъ. Ея сострраданіе не считалось ни съ какими соображеніями. Ей не нужно было доказательствъ того, достоинъ ея состраданія

или нѣтъ тотъ, кого она жалѣла. И, въ концѣ концовъ, поведеніе ея для окружающихъ начало казаться ненормальнымъ, ее считаютъ блаженной, многіе даже сумасшедшей. Въ пьесѣ выводился еще одинъ почтенный человѣкъ изъ родственниковъ этой семьи, очень порядочный, очень добрый, относящійся строго и критически къ тщеславнымъ поступкамъ «тети» и съ истиннымъ сочувствіемъ къ героинѣ драмы. Но онъ не понималъ, какъ можно растрачивать состояніе такъ безудержно, какъ это дѣлаетъ героиня, безъ провѣрки того, поскольку призрѣваемый ею достоинъ сожалѣнія. Онъ тоже находитъ необходимымъ сочувствовать горю, страданіямъ, бѣдности и помогать, но съ разсчетомъ: тому можно помогать и нужно, а другому не слѣдуетъ, потому что ему помощь не принесетъ существенной пользы, не спасетъ погибающаго отъ его пороковъ и такъ далѣе.

Когда Савина увлекалась предлагаемой ей ролью, она сразу схватывала самую главную, такъ сказать, господствующую черту, характера. Авторамъ, вообще, не представлялось надобности убѣждать артистку или подробно раскрывать передъ нею свои замыслы. Она ихъ схватывала сама сразу, и вся ея творческая природа устремлялась по линіи господствующей черты характера. Такъ и въ данномъ случаѣ, артистка отдалась образу съ той прямолинейностью, съ тѣмъ непризнаваніемъ никакихъ компромиссовъ, какіе свойственны генію, почувствовавшему настоящую идеальную правду.

Между тѣмъ, драма развертывалась такъ, что въ послѣднемъ дѣйствіи для того, чтобы распутать завязавшійся узелъ между героиней и ея братомъ на почвѣ денежныхъ формальностей, этотъ самый почтенный, добрый человѣкъ предлагаетъ героинѣ выйти за него замужъ и... она соглашается. Вотъ тутъ и начали происходить столкновенія между артисткой и авторомъ. Она находила этотъ бракъ недопустимымъ для героини, распыляющимъ цѣльность образа, измѣной тому главному, что увлекло артистку въ роли. Развязка пьесы, какъ она была написана, могла казаться правдивой, жизненно-правдивой и даже удовлетворяющей мѣщанскимъ вкусамъ. Люди, боящіеся идеальной правды и стремящіеся вынести изъ театра мораль узкую, «удобную для житейскаго обихода», должны были остаться довольны именно такой развязкой. Но та высшая правда, которая принадлежитъ искусству, бунтовала въ душѣ артистки. И

этотъ бунтъ поднимался каждый разъ, какъ репетиція приближалась къ послѣднему дѣйствію. Въ теченіе трехъ дѣйствій атмосфера репетицій была все время прекрасной, артистка смѣло, свободно и радостно работала... Но, какъ только приближалась развязка пьесы, Савина начинала вести себя безпокойно, нервничала, авторъ ее убѣждалъ, спорилъ, наконецъ, даже соглашался съ нею, признавалъ себя безсильнымъ найти иную сценическую развязку пьесы... и обращался къ артисткѣ съ просьбой употребить все искусство... для утвержденія этой лжи.

Споры артистки съ авторомъ ничѣмъ не разрѣшались, конецъ пьесы на репетиціяхъ комкался. Какъ не надо было убѣждать Савину въ томъ, что въ образѣ правдиво и сильно, такъ нельзя было бы убѣдить и въ томъ, что въ немъ лживо. Разсуждать долго, анализировать, убѣждать — это Савина не умѣла или не любила. При томъ же, въ Савиной въ чрезвычайной степени были развиты привязанность, сочувствіе, долгъ,—все то, что сопровождаетъ артистическій трудъ во взаимоотношеніяхъ съ авторомъ, въ пьесѣ котораго она работаетъ, съ артистами, съ которыми создаетъ новый спектакль, съ товарищемъ, къ бенефису котораго готовится этотъ спектакль, съ Дирекціей, принявшей эту пьесу для постановки. Только во время репетицій она оставалась исключительно артисткой, между репетиціями и спектаклемъ она принадлежала всей той цѣпи обстоятельствъ, связей, заботъ, интересовъ, — всему движенію, какое вращается около театра, и чему Савина отдавалась такъ же сильно, ярко и безъ остатка, какъ отдавалась художественному образу во время спектакля или репетиціи. Это соединеніе въ Савиной было наиболѣе характерно для ея личности. Геній артистки и сердце женщины и общественнаго человѣка сталкивались въ ней непрерывно.

Поэтому въ отношеніяхъ между авторомъ и артисткой между репетиціями все обстояло вполнѣ благополучно. Но на другой день, когда опять приближалась развязка пьесы, Савина, съ присущимъ ей знакомымъ вамъ носовымъ звукомъ, говорила: «Начинается моя мука».

Вотъ это «начинается моя мука» до сихъ поръ звенитъ въ моихъ ушахъ. Говорю «въ моихъ», потому что вы, конечно, уже догадались, кто былъ авторъ этой пьесы.

Если бы она не увлеклась этой ролью въ первыхъ актахъ... Если бы она готовила ее съ тѣмъ равнодушіемъ, которое

бываетъ и у большихъ артистовъ, когда они прилагаютъ къ роли только свою технику и какъ бы поневолѣ,—по приказанію начальства,—низводятъ свое искусство до, можетъ быть, очень высокаго, но ремесла... Но, чѣмъ больше Савина устремлялась въ направленіи образа «Христовой невѣсты», тѣмъ мучительнѣе для нея было подходить къ развязкѣ пьесы. И вотъ, въ одну изъ послѣднихъ репетицій произошла рѣзкая сцена. Находящійся сейчасъ передъ вами авторъ наговорилъ дерзостей и ушелъ со сцены...

Все это происходило въ очень тяжелое время. Это были предкончинные дни Императора Александра III. Надъ его театромъ нависло грозное ожиданіе. Нервы у всѣхъ были подняты...

И кому же больше было волноваться, какъ не Савиной, за жизнь Государя, отъ котораго она много разъ получала высокія милости... А тутъ еще волненія бенефиціантки, что спектакль можетъ не состояться, заражавшія артистку волненія автора... Словомъ, трудно найти оправданіе послѣднему.

Разумѣется, черезъ полчаса, черезъ часъ авторъ послалъ Савиной письмо, съ выраженіемъ сожалѣнія о случившемся. Вечеромъ, при встрѣчѣ, все было быстро сглажено. «Перестанемъ объ этомъ говорить, все это было «недоумѣніе...». (Савина любила цитировать пьесу, надъ которой она въ данное время работала).

Послѣ этого прошло много времени, авторъ давно уже передѣлалъ пьесу въ томъ направленіи, какое ему было подсказано чутьемъ Савиной, но боль отъ воспоминанія «убитой ласточки» не прекратилась. И сейчасъ я разсказываю обо всемъ этомъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ подходитъ къ могилѣ и кладетъ на нее пучокъ иммортелей человѣкъ, привязанный къ памяти умершей невысказанной виной передъ нею.

Ю. М. Юрьевъ прочелъ стихотвореніе: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной», впервые прочитанное М. Н. Ермоловой, на «вечерѣ» 8-го ноября 1915 года, въ Москвѣ. Вотъ его текстъ:

Королевой взошла ты на сцену,
Все подъ властью склонилось твоей!
Надъ тобою—лишь власть Мельпомены,
Ты всю жизнь принесла въ жертву ей!

Душу ты отдала обездоленнымъ
Младшимъ братьямъ, забитымъ судьбой,
И въ могилу сошла успокоенной,—
Долгъ ты свято исполнила свой.

Надъ артисткой не надо рыданія,—
Наша память—тебѣ мавзолей!
Ангелъ смерти безъ мукъ, безъ страданія
Погасилъ факелъ жизни твоей.

Спи спокойно въ немеркнущемъ свѣтѣ
Правды вѣчной, гдѣ царствуетъ Богъ!
Тамъ покой лишь, въ Небесномъ Совѣтѣ,
Гдѣ ни зла нѣтъ, ни лжи, ни тревогъ!

Далѣе, слѣдовало «Ave Maria» Ш. Гуно въ исполненіи М. Э. Марковичъ, подъ акомпаниментъ В. Г. Вальтера (скрипка), И. Д. Венгеровой (рояль) и Г. И. Щурова (фисгармонія).

Н. С. Васильева прочла отрывокъ изъ пролога къ «Лагерю Валленштейна» Шиллера: «Да! Скоро и безслѣдно передъ мыслью скользитъ искусство пламенное мима»...

Затѣмъ, выступилъ А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ) со слѣдующимъ «словомъ»:

Я не намѣренъ въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя я предложу вашему вниманію, дать хотя бы приблизительную характеристику покинувшей насъ великой художницы. Это и внѣ моихъ силъ, и внѣ моихъ задачъ. Рядомъ со мною сегодня дѣлятся съ вами своими взглядами и воспоминаніями люди, призванные давать всестороннюю оцѣнку артистическому творчеству и художественному труду. Мнѣ бы хотѣлось лишь подѣлиться съ вами тѣми отдѣльными впечатлѣніями, которыя, какъ свѣтлыя пятна, усѣяли почти сорокъ лѣтъ моей жизни, пронесшихся съ того момента, когда я въ первый разъ увидѣлъ оттуда, откуда вы меня слушаете, здѣсь, гдѣ я говорю, на этихъ славныхъ подмосткахъ Александринской сцены, обаятельную красоту женщины и артистки. Я былъ студентомъ перваго курса, когда изъ этихъ дверей, въ пьесѣ «Капризница», выпорхнула стройная, прелестная дѣвочка, съ черными алмазами несравненныхъ глазъ, полныхъ огненныхъ искръ и чарующаго блеска. Отсюда раздался ея серебряный голосъ, волнующій и звенящій—и сейчасъ я вижу и слышу эту волшебную прелесть и испытываю искреннюю

жалость къ тѣмъ, кто никогда не видѣлъ и не слышалъ ея, а еще большую къ тѣмъ, кто зналъ ее, но больше никогда не увидитъ и не услышитъ... И являлась ли она потомъ, въ четыре года моего студенчества, «Дикаркой» или «Маіоршей», Поликсеной или Маргаритой Готье,—вездѣ и всегда образъ, созданный драматургомъ, сверкалъ и переливался фантастическими огнями, какъ брилліантъ на солнцѣ, ослѣплялъ богатствомъ такихъ красокъ, какихъ не ждалъ и не видѣлъ раньше, при другомъ освѣщеніи. Все богатство души, таланта, всей индивидуальности Маріи Гавріиловны насыщали творимый ею образъ такими живыми, такими чарующими чертами, какими богата сама жизнь въ ея наиболѣе поэтическихъ, наиболѣе художественныхъ проявленіяхъ.

Прошелъ періодъ, когда я былъ восторженнымъ, юнымъ зрителемъ творчества Маріи Гавріиловны. Я сталъ работникомъ другого театра,—театра, который захватилъ мою душу цѣликомъ во власть своихъ великихъ художественныхъ пріемовъ, своихъ безсмертныхъ традицій. Это былъ Московскій Малый театръ,—театръ, требующій отъ своихъ слугъ подвижническаго труда, создавшій свои законы и свои пути, не всегда совпадающіе съ путями и пріемами другихъ великихъ театровъ. И этотъ театръ, въ лицѣ величайшихъ своихъ представителей, любилъ и высоко цѣнилъ Савину, какъ любилъ и цѣнилъ Ѳедотову, Ермолову, Лешковскую. У насъ, въ нашемъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ, будь то литература или медицина, военное дѣло или адвокатура, есть свои особые термины, которыми опредѣляются тѣ или иныя цѣнности нашей профессіи. У насъ не говорятъ: «Ахъ, это блестящій геніальный актеръ», когда говорятъ между собою, когда говорятъ о театрѣ, какъ о своемъ дѣлѣ. У насъ довольно сказать: «Ну, это актеръ»,—и передъ этимъ именемъ блѣднѣютъ всѣ прилагательныя. Мнѣ случалось слышать, какъ про всемірныхъ знаменитостей говорили особымъ тономъ: «Ну, какая это актриса, Богъ съ ней!». И, право, никакая брань, никакой печатный разносъ не хоронилъ репутаціи такъ глубоко, не клалъ такого тяжелаго камня на ея могилу, какъ этотъ спокойный, безповоротный приговоръ. И вотъ одна изъ крупнѣйшихъ силъ Малаго театра—Н. М. Медвѣдева, расцѣнивая Марію Гавріиловну Савину на нашемъ языкѣ спеціалистовъ, пользующихся всякими способами для точности и вѣрности опредѣленія, сказала: «Что́ за актриса! Посмотрите, у нея и лицо гуттаперчевое!»... Трудно лучше

опредѣлить это великое повиновеніе каждой черты лица Савиной малѣйшему переживанію ея души. Я помню, уже опытнымъ актеромъ, я игралъ въ Тифлисѣ, въ 1887 году, съ Маріей Гавріиловной роль Армана Дюваля, въ «Дамѣ съ камеліями». Правда, она жаловалась на небольшое недомоганіе передъ актомъ, но когда она умерла на моихъ рукахъ, когда я увидѣлъ это осунувшееся, мертвенно-блѣдное не отъ грима, а подъ гримомъ лицо и въ особенности взглянулъ въ ея остановившіеся стеклянные глаза, только что горѣвшіе невыносимымъ огнемъ страсти и страданія, мнѣ вдругъ представилось, что она умерла, тѣмъ болѣе, что руки ея были, несмотря на многоградусную жару, совершенно ледяными. Я едва кончилъ спектакль, и то потому, что замѣтилъ, наконецъ, что она дышитъ. И надо было видѣть, какъ это же лицо, подъ тѣмъ же гримомъ, послѣ этого спектакля, когда я говорилъ о моемъ страхѣ, сіяло самой очаровательной, самой живой насмѣшкой надъ моимъ волненіемъ, и какимъ живымъ, шаловливымъ блескомъ юмора горѣли эти же только что ужасные мертвые глаза... Мнѣ вспомнилось это черезъ 3—4 года, когда я услышалъ отъ Медвѣдевой это опредѣленіе лица Маріи Гавріиловны: дѣйствительно, «гуттаперчевое»,—подумалъ я,—только мнетъ и мѣняетъ эту гуттаперчу цѣлый океанъ внутренней силы.

Опять проходитъ рядъ лѣтъ—пріѣзжаетъ Марія Гавріиловна къ намъ въ Москву, въ Малый театръ, играетъ рядъ ролей. Опять встрѣчи, опять игра въ однѣхъ и тѣхъ же пьесахъ, опять искрящаяся умомъ, любовью къ театру, изумительной жизнерадостностью бесѣда—и за-кулисами, и въ недолгіе перерывы между репетиціями и спектаклями. Опять новое впечатлѣніе отъ этой изумительной отзывчивости на все живое, на все нужное и важное, опять созидательные планы, опять боль и вѣчное горѣніе театромъ—этой ея «жизнью». Уже назрѣваетъ у нея мысль о созданіи Театральнаго Общества, уже вербуетъ она для него себѣ сотрудниковъ, а рядомъ съ этимъ играетъ неутомимо, блестяще, сверкая своей комедіей, какъ фантастическимъ фейерверкомъ, увлекая и залъ, и насъ самихъ.

Еще нѣсколько лѣтъ—и я съ нею встрѣчаюсь опять, лѣтомъ, то въ Кіевѣ, то въ Ростовѣ, то въ Одессѣ, то въ Вильнѣ, — по всей Россіи, вездѣ, — послѣ огромнаго зимняго труда. И такъ далѣе, и такъ далѣе—безъ конца. Она, слышимъ, въ Берлинѣ, играетъ, и первая безъ страха передъ

Европой, передъ которой трусили крупные люди и литературы, и государственной и общественной жизни, смѣло отдаетъ себя ей на судъ и возвращается побѣдительницей. И, глядь, ее, чуть не умирающую, везутъ послѣ гастрольной поѣздки по Россіи въ Карлсбадъ, но прошли урочныя четыре недѣли, и она Nachkur продѣлываетъ въ Красносельскихъ спектакляхъ, съѣздитъ прочесть въ Орелъ на Тургеневскомъ вечерѣ и возвращается репетировать первую новинку Александринской сцены...

Встрѣчи съ нею были у меня всегда неожиданны,—простите изысканность сравненія,—молніеносны. Явится, непремѣнно освѣтитъ, исчезнетъ, гдѣ-то мелькнетъ для меня—уже зарницей, а тамъ «гдѣ-то», значитъ—молніей, и дальше, и опять сюда же. Интересная постановка, новое начинаніе въ Маломъ Московскомъ театрѣ или въ другихъ—и она, иногда больная, иногда заваленная работой, но пріѣдетъ, пронесется, посмотритъ, откликнется—и улетитъ.

Въ этомъ вѣчномъ кипѣніи въ котлѣ жизни, въ этомъ вѣчномъ движеніи кроется, кажется, смыслъ и разгадка глубинъ ея творчества и великаго значенія ея въ огромномъ дѣлѣ театра—и какъ художественнаго явленія, и какъ явленія соціальнаго. Боясь утомить ваше вниманіе, я все же остановлюсь на этой чертѣ ея богатой природы, потому что въ ней родникъ, источникъ всего ею сдѣланнаго.

Марія Гавріиловна, когда я суммирую свои жизненныя впечатлѣнія, представляется неутомимой перелетной птицей, которая свободно, не зная разстоянія, не считаясь съ нимъ, носится по необъятному міру, постоянно возвращаясь въ то гнѣздо, какимъ былъ для нея Александринскій театръ. Здѣсь она перерабатывала въ законченные художественные образы тѣ наблюденія, впечатлѣнія и переживанія, которыя она накопляла сознательно и безсознательно во время своихъ вѣчныхъ налетовъ на безграничную русскую, да и иную жизнь. Ни одна характерная мелочь, ни одно выдающееся въ области психологической или бытовой жизненное явленіе, ни одинъ характеръ, ни одно лицо, ни одинъ жестъ, интонація, ни одно яркое столкновеніе, случай, жизненный анекдотъ,—словомъ, ничто изъ того, съ чѣмъ она сталкивалась въ своемъ вѣчномъ трепетаніи, въ непрерывномъ своемъ движеніи, не пропадало даромъ. Все это западало въ неизмѣримыя и невѣдомыя глубины ея памяти, ея воспріятій—и рано или поздно служило безцѣннымъ матеріаломъ для ея сцени-

ческихъ созданій. Поэтому въ нихъ она всегда шла отъ жизни, играла ли она крестьянку во «Власти тьмы» или Екатерининскую фрейлину въ «Холопахъ» П. П. Гнѣдича. Въ ея творчествѣ не было сочиненія, выдуманности. Ея геній вольно и властно черпалъ въ ея же собственной душѣ, изъ неисчерпаемыхъ богатствъ живыхъ впечатлѣній то, что ей нужно было для даннаго созданія — и созданіе получалось огромной цѣнности, такъ какъ въ немъ великій мастеръ строилъ изъ первокласснаго матеріала, огромный художникъ черпалъ изъ огромныхъ и безконечно разнообразныхъ складовъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, ея вѣчное безпокойное исканіе звало ее безъ устали носиться по Россіи, по міру возможно чаще, возможно дальше именно для того, чтобы накоплять тотъ матеріалъ, изъ котораго она потомъ творила. Съ другой, она платила тѣмъ, съ которыхъ она брала, какъ пчела, эти взятки, разнося имъ зрѣлыя и совершенныя созданія, выстроенныя ею изъ собраннаго съ нихъ матеріала. Инстинктивно ея геній дѣлалъ дѣло природы: онъ бралъ, претворялъ и возвращалъ жизни то, что у нея было взято. Какъ птица, какъ пчела или бабочка, какъ вѣтеръ разносятъ и оплодотворяютъ и цвѣты, и деревья, и травы, создаютъ новые лѣса изъ сѣмянъ, переносимыхъ на ихъ крыльяхъ, луга изъ цвѣточной пыли, такъ великая актриса и собирала, и разносила по міру, главное, по родной своей землѣ, сѣмена красоты и выросшую изъ нихъ великую и прекрасную правду творчества.

Нужны были огромныя силы молодости и жизни, чтобы дѣлать неустанно это большое дѣло. Сила Савиной была въ ея самодовлѣющемъ «Я». Это «Я» какъ бы отрицало неумолимый законъ времени. Оно точно не примирялось съ неизбѣжностью старости. Старость—и Савина! Это два исключавшихъ другъ друга понятія. Она прекрасно играла старухъ... съ молодыми глазами и подъ накрашенными морщинами, и подъ краской грима, и съ замедленнымъ темпомъ рѣчи. Но никто изъ насъ не вѣрилъ, что она стара. До какой степени старость, смерть и Савина не соединялись въ одно, иначе, какъ въ сценическомъ сліяніи, ясно изъ того, что произошло только вчера, въ Москвѣ, на спектаклѣ Малаго театра, послѣ котораго я уѣхалъ сюда. Прощаясь со мною, М. Н. Ермолова сказала мнѣ: «Я не вѣрю, что вы ѣдете на вечеръ въ память Савиной! Я не вѣрю!». Немного позднѣе,

я встрѣчаюсь у дверей уборной съ Е. К. Лешковской. Она говоритъ мнѣ: «Прошло полгода, а мнѣ все кажется, что вы ѣдете не вспоминать Савину, а играть съ нею, что ли». У себя въ уборной я встрѣтилъ мою жену, которая пріѣхала меня проводить. Она сказала почти то же: «Мнѣ кажется, ты ѣдешь ставить пьесу съ Маріей Гавріиловной, такъ странно, что ея нѣтъ въ Александринскомъ театрѣ». Это произошло на протяженіи десяти минутъ и черезъ полгода послѣ ея смерти. Вотъ живое отраженіе той жизненной силы, которая ушла отъ насъ.

Но смерть не знаетъ пощады: Савина боролась за молодость и жизнь до послѣдняго вздоха. Молодость ей нужна была для ея дѣла, для ея назначенія. И когда молодость ушла—смерть взмахнула рукой и смела прекрасную жизнь.

«Sanctus Dominus» Керубини, исполненнымъ хоромъ А. А. Архангельскаго, началось третье отдѣленіе «вечера».

Е. Н. Рощина-Инсарова прочла стихотвореніе, написанное къ этому дню Т. Л. Щепкиной-Куперникъ:

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Въ глазахъ ея было бездонное море;
Душа ея чуткою арфой была.
Она откликалась на каждое горе,
Она трепетала отъ каждаго зла.
Всѣ женскія чувства въ таинственной смѣнѣ
Скрывала искусства ея глубина...
Она, какъ артистка, царила на сценѣ;
Какъ женщина, въ жизни царила она.
Ей путь украшали и лавры, и розы...
Но мало ей было отъ славы вкушать—
И вызвать на сценѣ умѣвшая слезы
Умѣла ихъ въ жизни она осушать.

Вся страсть, вся горѣнье, стремленье, движенье,
Для многихъ была она яркимъ лучемъ...
Казалось, что вѣчны ея достиженья,
Что жизнь въ ней кипитъ неизбытнымъ ключемъ.
И смерть къ ней не даромъ тихонько подкралась—
Не властной хозяйкой, но тайно вошла:
Какъ-будто сама съ ней борьбы убоялась—
Нежданно ей въ сердце ударъ нанесла.

М. Савина.

Увянули лавры, осыпались розы;
Земному не надо ее украшать—
Жемчужнымъ вѣнцомъ ей остались тѣ слезы,
Что въ жизни любила она осушать.

Слѣдующимъ номеромъ программы стоялъ К. С. Станиславскій, но онъ не могъ пріѣхать изъ Москвы и прислалъ телеграмму:

«Боленъ. Докторъ не пускаетъ. Пріѣхать не могу. Искренно огорченъ. Приношу извиненія всѣмъ собравшимся на концертъ зрителямъ, вамъ, устроителямъ спектакля—въ невозможности исполнить обѣщаніе. Прошу передать многоуважаемому Анатолію Евграфовичу Молчанову искреннее сожалѣніе, что не могу принять участіе въ концертѣ имени великой артистки и человѣка, память о которой я храню съ благоговѣніемъ, благодарностью и любовью.

Станиславскій».

Выступилъ В. С. Шароновъ и исполнилъ романсъ А. Т. Гречанинова «Смерть». Акомпанировалъ А. В. Таскинъ.

Е. И. Тиме прочла стихотвореніе Петра Сторицына:

ПАМЯТИ САВИНОЙ.

(Надгробное рыданіе).

Гаснутъ звѣзды изумрудныя серебряными лунами,
Тихо, тихо растворяются прозрачныя райскія врата,
Плачутъ ангелы бѣлоснѣжные съ серафимами вѣчно-юными,
Снова манитъ душу чистую горнихъ далей высота...

Неожиданно, такъ неожиданно умерла она, тихая и свѣтлая,
Положила сердце хрустальное у израненныхъ ногъ Христа,
И надъ ней наклонялись тучи отъ закатныхъ лучей нѣжно-блеклыя,
И лепестки розъ, осыпавшихся, цѣловали ея уста.

...Помню, въ нашемъ городкѣ, заброшенномъ, блинами и дураками прославленномъ,
На низкихъ досчатыхъ заборахъ, надъ репейниками и бурьянами,
Однажды появились афиши: «Гастроли артистки Савиной»,
Останавливая проходившихъ школьниковъ и бабъ съ молочными кувшинами.

Днемъ мы толкались у театра, между тарантасами,
Расталкивали толпу локтями и оглядывались несмѣло,
Смотрѣли на подошедшихъ къ барышнѣ, сидѣвшей за деревянною кассою,
Какъ на великихъ людей, совершившихъ трудное дѣло...

Вечеромъ въ балаганѣ (онъ у насъ назывался театромъ),
На низкихъ некрашеныхъ скамьяхъ мы сидѣли за рядомъ рядъ,
Смотрѣли на ситцевый занавѣсъ, на стулья, покрытые лакомъ,
Наступали другъ другу на ноги, вдыхали ламповый чадъ.

Я не знаю, о чемъ говорила она, смѣялась она или плакала,
Я не помню, не знаю, но мнѣ стало такъ легко, такъ легко,
Что тихія слезы радости изъ глазъ смущенныхъ закапали,
И сцена, и занавѣсъ ситцевый умчались далекò, далекò...

Дорогая, Марья Гавриловна, когда ты умирала,
Сжимая крестъ серебряный въ бѣлой съ синими жилками рукѣ,
Ты, можетъ быть, вспомнила, какъ когда-то проѣздомъ играла
Въ маленькомъ, заброшенномъ, прославленномъ блинами, городкѣ...

Гаснутъ звѣзды изумрудныя съ серебряными лунами,
Тихо, тихо растворяются прозрачныя райскія врата,
Плачутъ ангелы огнекрылые съ серафимами вѣчно-юными,
Снова манитъ душу чистую горнихъ далей высота...

Послѣднимъ произнесъ А. Р. Кугель:

СЛОВО О САВИНОЙ [1].

Не стало Савиной...

Савина боялась не смерти, а старости. Не потому она боялась старости, что хотѣла казаться «молоденькой», какъ объ этомъ писали, а потому, что, натура кипучая, энергическая, неутомимая, она боялась оказаться бездѣятельной. Не старость, въ тѣсномъ смыслѣ слова, пугала ее, а инвалидность, и если Савина «цѣплялась», то лишь за то, чтобы ея жизнь была всегда полна разумнаго, разнообразнаго содержанія.

Для Савиной былъ мучителенъ «переходъ», какъ выражаются на актерскомъ языкѣ, потому что нашъ обыкновенный сценическій репертуаръ весь построенъ для молоденькихъ женщинъ. Женскіе характеры, разновидности женской психологіи занимаютъ въ репертуарѣ самое ничтожное мѣсто. Варламовъ со своею толщиною могъ до конца дней играть содержательныя, важныя, первостепенныя роли, потому что интересъ мужскихъ ролей не зависитъ ни отъ возраста, ни даже часто отъ внѣшнихъ данныхъ. Но для актрисы—другіе законы. У нея свой «опасный возрастъ», и безспорно, что только опасеніе бездѣйствія страшило ту, для которой сцена была «моя жизнь».

---

[1] Напечатано въ журналѣ «Театръ и Искусство», 13-го сентября 1915 г., № 37.

Въ этотъ афоризмъ Савина вложила всю искренность и правду ея души. Такъ оно въ дѣйствительности и было. Жизнь Савиной—это, помимо ея блестящаго таланта, прежде всего, исторія огромнаго труда, неустанной энергіи и чрезвычайныхъ преодолѣній на поприщѣ сцены. Она вышла изъ среды незначительнаго и незамѣтнаго провинціальнаго актерства, не получивъ никакого другого сценическаго образованія, кромѣ школы опыта. Въ 20 лѣтъ, молоденькой дебютанткой, имѣвшей уже за спиною 5 лѣтъ настоящей театральной работы, она появляется въ Петроградѣ, гдѣ всегда, а не только теперь, было такъ много снобизма, модничанія, угодничества предъ сегодняшними знаменитостями. И вотъ, хрупкая, юная, съ провинціальными манерами, вѣроятно, и съ провинціальными туалетами, безъ знакомствъ и протекцій, она начинаетъ свою карьеру. Сколько надо было энергіи, страсти къ сценѣ, безоглядпаго увлеченія театромъ, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ Савина стала для театра! Савина—если не совсѣмъ одной крови, то одной кости съ Шаляпинымъ, Горькимъ и т. п. Она была «сама себѣ предокъ», какъ выражается какой-то персонажъ въ «Санъ-Женъ». Савина покорила жизнь, взяла ее, завоевала, ничего не получивъ даромъ, и если такъ крѣпко держалась за то, что пріобрѣла, то тутъ была черта, общая всѣмъ, кто пріобрѣтаетъ и завоевываетъ. У Лабиша, кажется, есть комедія «Бѣлоручка», гдѣ мимоходомъ, какъ всегда у этого необычайно талантливаго писателя, намѣчена противоположность между тестемъ, который пріобрѣлъ, и зятемъ, который тратитъ. И какъ первый считаетъ величайшей заслугой умѣнье пріобрѣтать, такъ второй такой же заслугой почитаетъ умѣнье тратить. Это два типа соціальнаго характера. Однимъ все достается легко, такъ, здорово живешь,—и это растратчики. А другимъ все приходится дѣлать сначала и въ тяжкихъ усиліяхъ ковать свою судьбу. Жизнь же, какъ говорится гдѣ-то у Горькаго, принадлежитъ тому, кто трудится. Расширимъ это опредѣленіе: трудъ, основанный на иниціативѣ,—вотъ что даетъ право на власть, силу и вліяніе...

Воля въ дѣйствіи, порядокъ въ достиженіи, эгоизмъ въ борьбѣ и страсти были также и тѣми новыми чертами, которыя талантъ Савиной внесъ въ толкованіе сценическихъ образовъ, въ психологію русскихъ женщинъ. Савина была изъ выдающихся русскихъ актрисъ едва ли не первая, которая отбросила такъ называемую «симпатичность» на сценѣ, какъ обязательное елейное помазаніе страдающей героини. Этотъ реализмъ Савиной, отвергавшій ангелоподобный типъ русской ingénue, былъ, быть можетъ, самымъ крупнымъ ея завоеваніемъ.

Савина не прикрашивала на сценѣ своихъ героинь и не играла ни въ жалость, ни въ жалѣніе. Даже Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»

осталась у Савиной неподкрашеннымъ живымъ существомъ, въ мѣру реальнаго чувства жизни обвѣяннымъ поэзіею. Савина никогда не впадала въ истеричность, въ кликушество, у нея былъ вѣрный взглядъ художественнаго реализма, всегда удерживающагося на грани истиннаго. «Правда — вотъ чего она добивалась и къ чему всемѣрно стремилась въ своемъ исполненіи.

Когда говорятъ о «самодержавіи» Савиной и о власти ея на Александринской сценѣ, то, быть можетъ, этимъ хотятъ указать на извѣстную односторонность репертуара. Но всякая крупная личность налагаетъ свою печать на театръ, и каждый несетъ въ себѣ достоинства своихъ недостатковъ и недостатки своихъ достоинствъ. Говоря о Савиной и ея вліяніи, мы должны признать въ ея торжествѣ побѣду правды искусства надъ притворствомъ, лицемѣрнымъ миндальничаніемъ и жантильничаніемъ ingénues, надъ истерическимъ надрывомъ героинь, надъ поддѣлкою лирическихъ чувствъ, — надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ соблазнительно для актрисъ и что давало имъ легкіе успѣхи. Савина оздоровила въ этомъ отношеніи русскую сцену, и кто пристально слѣдилъ за исторіею русской сцены послѣдняго сорокалѣтія, долженъ признать, что не «самодержавіе» и «самовластіе» Савиной, а правда ея сценическаго творчества, неизмѣнный реализмъ ея созданій отметали ложь поддѣлокъ и имитацій и разоблачали фокусы и вымогательства фальшиваго искусства.

Чего Савина не могла, — того не могла. Универсальныхъ геніевъ не бываетъ. Развѣ что Леонардо да Винчи былъ исключеніемъ. Я допускаю, что Савина укоротила героизмъ на русской сценѣ, но изъ этого выросла школа сценическаго реализма. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что душѣ Савиной былъ чуждъ романтическій стиль. Но не слишкомъ ли много у насъ экстаза? Не въ самоопьянѣніи ли экстазомъ и туманностями «âme slave», какъ пишутъ французскіе комментаторы, коренится наша отсталость, наше пренебреженіе къ матеріальной сущности жизни? И не потому ли мы бѣдны знаніемъ и культурою, что такъ богаты воображеніемъ и мечтательностью? Вспомнимъ, что въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ приснопамятный К. П. Побѣдоносцевъ писалъ по поводу неурожая и голода, что, дескать, бѣдствіе это не столь значительно, ибо мужикъ разсчитываетъ больше на радости загробной жизни. При тѣхъ размѣрахъ, какіе принялъ у насъ мистицизмъ и въ искусствѣ, и въ литературѣ, и въ жизни, и въ политическихъ теоріяхъ, — величайшая, быть можетъ, заслуга въ томъ, что въ одной грани нашей жизни, въ одномъ ея отрѣзкѣ — въ театрѣ, побѣда склонилась на сторону реализма, а не фантастики. Савина была здравымъ смысломъ русскаго театра. Она не возносилась въ горнія и не возносила. Она была земная, но истин-

ная, искренняя и правдивая. Она внесла, какъ я выразился въ другомъ мѣстѣ, въ духовный обликъ русской женщины на сценѣ—порядокъ и дисциплину.

Рядомъ съ крайними очертаніями женскаго облика—то пассивно страдательнымъ, то мечтательнымъ и потустороннимъ—начинаетъ обрисовываться третій, который воплотить довелось Савиной. Это—женщина, которая знаетъ, чего хочетъ, и которая умѣетъ выразить, что хочетъ; женщина, придавшая мистическимъ порывамъ черты практической пригодности и внесшая порядокъ въ сумятицу ея чувствъ и настроеній.

Когда праздновалось 35-лѣтіе служенія Савиной на Александринской сценѣ, былъ поставленъ сборный спектакль. Савина дала ретроспективный, такъ сказать, очеркъ своей сценической жизни. Она показала намъ четыре возраста и четыре профиля женской души въ четырехъ актахъ: изъ «Холоповъ» П. П. Гнѣдича, «Власти тьмы», «Мѣсяца въ деревнѣ» и «Дикарки».

Съ каждымъ отрывкомъ мы какъ бы все больше переносились въ даль пути, пройденнаго Савиной, и для тѣхъ, кто помнилъ артистку въ молодые годы, полную жизни, огня и темперамента, это была прекрасная, быть можетъ, даже мучительно-прекрасная панорама. Было сладко за молодость и тяжело за сѣдѣющіе волосы, мелкія морщины, пустоту отравленныхъ желаній... Душа настраивалась элегически, и то, что свѣтъ искусственныхъ огней и румянецъ искусственныхъ красокъ давалъ неполную, конечно, иллюзію молодости, еще болѣе подчеркивало трагическую сущность невозвратнаго, рокъ движенія этихъ, какъ искры загорающихся и тутъ же потухающихъ въ мракѣ вѣчности, секундъ жизни. Знаете ли, въ чемъ трагедія Фауста? Мнѣ всегда думалось, что истинная трагедія Фауста заключается въ томъ, что, получивъ молодой и блестящій костюмъ изъ дьявольской мастерской и сверкающій румянецъ изъ косметическаго магазина Мефистофеля, Фаустъ не могъ получить—и не получилъ—молодой души. Во первыхъ, какъ мнѣ кажется, потому, что душа внѣ сатанинской власти—отъ того сатана за нею такъ и охотится—и, во вторыхъ, потому, что Мефистофелю и нужна-то была душа Фауста-старца, который все изучилъ—и медицину, и юриспруденцію, «und, leider, auch theologie», а не душа юноши, которую чего легче купить. И Фаустъ, загримированный юношей,носитъ съ собою всюду, куда ни придетъ и что ни дѣлаетъ, старую душу, не поддающуюся гриму, и отсюда противорѣчіе дѣлъ, страстей, желаній холоду разсудка, составляющее трагедію его разорваннаго на двѣ части бытія...

Сказать, что М. Г. Савина хорошо играла въ этотъ вечеръ,—мало. Она играла очаровательно, и лично для меня воздушная тон-

кость и усталое увяданіе Натальи Петровны, или поразительная изобрѣтательность комическихъ интонацій въ «Дикаркѣ» были источникомъ самой высокой поучительности и самаго чистаго наслажденія. Думаю, что и всѣ моего возраста и театральнаго прошлаго зрители испытали то же, но верхи, которые обыкновенно бываютъ такъ восторженны, потому что обыкновенно такъ юны, аплодировали вяло и нерѣшительно. Совпаденіе *жизни* въ глазахъ молодости сплошь и рядомъ имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ совершенство искусства: молодость живетъ больше жизнью, чѣмъ ея идеальнымъ «отображеніемъ». Обратно—старость, которая ищетъ формъ и наполняетъ свое существованіе формальной красотой.

Савина дала четыре лица, и всѣ четыре лица были нарисованы одинаково мастерски, съ одинаковой строгостью и изящной легкостью рисунка. Хотѣлось бы запечатлѣть для будущаго хотя нѣкоторыя черты ея изумительнаго сценическаго мастерства. Рисунокъ Савиной отличался геніальной мѣткостью, можно сказать, стенографической краткостью. Экономія средствъ—этотъ самый драгоцѣнный принципъ художества—доведена была у Савиной до послѣдней степени. Лицо, фигура—и это какъ въ гримѣ, такъ и въ костюмѣ, и въ интонаціи — характеризуется двумя-тремя штрихами, дающими яркое и совершенно опредѣленное представленіе объ изображаемомъ. Въ игрѣ Савиной нѣтъ «многоглаголанія». Ея характеристики, можно сказать, выражаются въ афоризмахъ и «крылатыхъ» штрихахъ. Она ищетъ какую-то одну, но необычайно стилизованную, суммарную, синтетическую и въ то же время пластическую черту, до того полно охватывающую всю сценическую задачу, что для сомнѣнія болѣе не остается мѣста. Если этой черточки, этого штриха она не нашла,—значитъ, роль у нея не вышла. А если она нашла, то роль уже не забываема. Вотъ Акулина во «Власти тьмы». У Савиной было всего два штриха: у придурковатой Акулины, во первыхъ, полузакрытый глазъ, придающій ей какой-то животный, идіотскій видъ, во вторыхъ, сидя на лавкѣ, во время лирическаго объясненія Акима съ Никитой, она, видимо, плохо понимающая, въ чемъ суть этой лирики, да и вообще далекая отъ нравственныхъ вопросовъ, какъ отъ звѣзды Сиріуса, покачиваетъ все время правой ногой. Вотъ и все. Но характеръ, образъ готовъ. Въ безпрестанномъ подчеркиваніи и акцентированіи роли, что создаетъ сложное пестрое, утомительное впечатлѣніе фотографичности, тщательности и какого-то потнаго усердія, нѣтъ нужды. Роль идетъ свободно, легко, безъ напряженій, безъ насилія надъ личностью актера. Какъ это выразить словами, которыя такъ часто вводятъ въ заблужденіе? Здѣсь сліяніе актерскаго «я» съ сценическимъ «не я». Это подлинно, по опредѣленію Зола, кусокъ

жизни, прошедшій черезъ темпераментъ художника. Вотъ «Дикарка». Это не мелькающее, надоѣдливое, назойливое скаканіе: смотрите-де, какая я странная, и потому вотъ вамъ, и вотъ, и вотъ еще, и до самаго безчувствія буду я угощать васъ капризами и эксцентричностями. У Савиной (которая уже была не юная «дикарка», а только показывала, какъ надо играть «Дикарку») ничего этого не было. Вотъ она заложила руки за спину, закативъ глаза кверху, съ видомъ комическаго созерцанія—и вы видѣли уже всю «дикарку», все это внѣшне-взбалмошное, но внутренно-дисциплинированное и нравственное молодое существо. Сказать въ немногомъ многое—таковъ секретъ истиннаго искусства, и этимъ даромъ въ высшей мѣрѣ отличалась Савина. Я прибѣгну къ одному сравненію, которое будетъ очень понятно актерамъ. Савина такъ же играла, какъ гримируются очень хорошія французскія актрисы, давая нѣсколько яркихъ бликовъ на общемъ жизненномъ фонѣ: яркія губы, яркія уши, яркіе глаза и почти ненамазанное лицо. А вы, конечно, знаете, какъ у насъ гримируется большинство: на лицѣ географическая карта, посыпанная фунтомъ пудры.

На вѣнкѣ отъ нашей редакціи Савиной были выгравированы слова: «Великой реалисткѣ русской сцены». Мнѣ кажется, что это самое точное опредѣленіе сущности таланта Савиной. Она была насквозь реалисткой, до мозга костей, даже безъ русской мистики, которая такъ сопредѣльна русскому реализму. Она чувствовала только реальную правду жизни, допускающую опытную провѣрку. Она всегда была вѣрна натурѣ, и красота ея искусства вся, полностью, заключена была въ правдѣ. Когда она—къ счастью рѣдко—отступала отъ правды, перефасонивая роль въ какой-нибудь комическій жанръ, изъ ея игры исчезала немедленно и вся красота. Получалось, какъ ни покажется сейчасъ неумѣстнымъ такое сужденіе, нѣчто весьма ординарное. Но вотъ она почувствовала правду положенія, психологіи, дѣйствій—и это было такъ же красиво, какъ и истинно. Если Ермолова знаменуетъ свою русскую романтику, то Савина была выразительницей русскаго здраваго смысла, русской смѣтливости, русскаго savoir vivre, тѣхъ талантовъ русскаго народа, которые помогли ему сложиться въ огромный государственный организмъ.

Въ русской политикѣ, какъ она рисуется исторіей, вѣдь тоже двѣ стороны: кающагося романтизма и реальнаго имперіализма.

Я не видалъ Савиной въ мелодрамахъ, но не думаю, чтобы она себя хорошо въ нихъ чувствовала. Ей были не къ лицу пышная романтика и риторика, востокъ грузинскихъ «Измѣнъ», загадочный туманъ норвежскихъ фіордовъ. Она хотѣла видѣть и видѣла только ясное, просторное. Въ ея Катеринѣ мистическое начало было придушено, но,

наоборотъ, церковно-религіозное начало великолѣпно, дивно изображено въ Вѣрѣ Филипповнѣ («Сердце не камень»). Мистику не схватишь реальнымъ глазомѣромъ, церковная же религіозность есть фактъ, реальность, нѣчто ощутимое, эмпирически доступное. И такъ было во всемъ... По сю сторону и по ту сторону, и все, что по сю сторону, едва ли знало такую художницу сцены, какъ Савина. А что по ту сторону... Но что мы знаемъ о потустороннемъ?

Жизнь была стихіей Савиной на сценѣ также и потому, что жизнь, какъ дѣйствіе, какъ воля, какъ энергія, какъ безпрестанная работа, была, вообще, стихіей ея души. Савина была, по натурѣ своей, въ высшей степени тѣмъ, что Аристотель назвалъ zoon politikon. Она на все отзывалась, на все дѣятельно реагировала, всѣмъ интересовалась, всего алкала. Когда печальный консиліумъ врачей собрался у ея смертнаго одра, одинъ изъ нихъ, молчавшій все время, промолвилъ: «Еще одна жертва войны!» И точно, она волновалась изъ-за войны безмѣрно. Когда были первыя собранія торгово-промышленныхъ съѣздовъ, она съ возбужденнымъ видомъ разсказывала мнѣ подробности, и въ ея строгихъ, пронизывающихъ, горящихъ глазахъ я уловилъ искорки какого-то дѣтскаго восторга. Хлопотать, добиваться возможнаго и невозможнаго, собирать, уговаривать—въ этомъ проходила ея жизнь. То она вынимала фотографіи своихъ учениковъ и ученицъ, рекомендуя ихъ антрепренерамъ, то мчалась въ Убѣжище, то въ Школу, оттуда на репетицію, потомъ въ театръ, если не въ свой, такъ въ чужой. Она ничего не пропускала, ничѣмъ не пренебрегала, и помню изъ далекой молодости своей, что я увидѣлъ Савину въ первый разъ не на сценѣ, а на какой-то выставкѣ,—тому лѣтъ тридцать. И странно, когда я возсоздаю сейчасъ образъ ея по первому впечатлѣнію, Савина мнѣ кажется выраженіемъ своимъ до крайности мало измѣнившейся. Энергія, освѣщавшая ея лицо, нимало не потухла. Какой была, такой и осталась.

На вѣнкѣ отъ труппы «Кривого Зеркала» значится очень вѣрная надпись: «Собирательницѣ земли актерской». Савина, точно, была «собирательницей». Этой заслуги ея вовѣкъ не забыть русскимъ актерамъ. Она занялась общественными дѣлами не тогда, когда ими занимаются обычно—на склонѣ дней, «quand le diable devient érmite», а въ пору юности, свѣжей, молодой «чародѣйкой русской сцены», балованнымъ ребенкомъ публики. Въ то время, когда Савина создавала Общество пособія сценическимъ дѣятелямъ, ставшее впослѣдствіи Театральнымъ Обществомъ, ей было 25—27 лѣтъ. Жизнь «мимобѣгущая», казалось, не давала ни отдыху, ни сроку, ни возможности оглянуться, ни способности сосредоточиться. Кому незнакома эта сила молодого эгоизма, когда пьешь жизнь для себя, только для себя, когда

все, что не ты, кажется такимъ далекимъ, неуловимымъ, незначительнымъ? Но Савина не только зрѣлость свою, а и молодость отдала «землякамъ своимъ», какъ она называла актерскую провинціальную братію. Она помнила свято, что она дитя театра, дитя бѣднаго провинціальнаго театра, освѣщеннаго жестяными лампами,—дитя Великаго Балагана!

...Какой прекрасный символъ—погребеніе Савиной въ церкви Убѣжища для артистовъ, которое такъ много ей обязано, которое, вѣрнѣе сказать, ею призвано къ жизни! Это счастливая и благородная идея! А. Е. Молчановъ навѣки не только связалъ имя М. Г. Савиной съ Убѣжищемъ—оно, конечно, и безъ того было бы связано съ именемъ Савиной,—но въ этомъ погребеніи въ Убѣжищѣ выразилъ какую-то нѣжную, прелестную мысль о возвращеніи Савиной, послѣ блестящей жизни ея, послѣ всевозможныхъ и всяческихъ утѣхъ и радостей, и славы, въ скромную семью того же провинціальнаго бѣднаго актерства, откуда вышла краса нашего театра!.. Въ этомъ «коловращеніи вещей», какъ выражались въ старину, чувствуются концы и начала. Такъ переселилась душа провинціальнаго актерства въ пышные чертоги и, проживъ жизнь, похожую на сказку, вернулась назадъ, домой, *къ себѣ!*

Да будетъ тебѣ, великое дитя актерской семьи, легка земля родного дома!..

Въ заключеніе «вечера», хоръ А. А. Архангельскаго запѣлъ «Славу» и въ глубинѣ сцены открылась живая картина: «Образы сценическаго творчества Маріи Гавріиловны Савиной», увѣнчанные девизомъ: «Сцена—моя жизнь».

Поставлена была живая картина Н. Н. Арбатовымъ, при участіи артистокъ Императорской драматической труппы и учениц Императорскихъ Драматическихъ Курсовъ.

ріиловна для Театральнаго Общества, мы должны. Пока будетъ существовать Русское Театральное Общество, — въ стѣнахъ его будетъ витать свѣтлая душа усопшей и болѣть нашими горестями, радоваться нашими радостями. Вы, какъ никто, знаете, что не было жертвъ, не было трудовъ, на которые бы ни шла Марія Гавріиловна для любимаго ею Театральнаго Общества. Если кто-либо изъ всѣхъ русскихъ сценическихъ дѣятелей дѣйствительно заслужилъ право на вѣчную память въ нашихъ сердцахъ, такъ это незабвенная Марія Гавріиловна. О томъ, какъ увѣковѣчить память Маріи Гавріиловны, сейчасъ мы не будемъ говорить. Крупныхъ людей надо чтить большими дѣлами. Предоставимъ обсудить, какъ и что́ сдѣлать въ этомъ отношеніи, Мѣстнымъ Отдѣламъ, Совѣту Общества и будущему Делегатскому Собранію. Но сейчасъ, пока еще не разсѣялся дымъ кадильный, пока въ вашихъ ушахъ еще не отзвучала «вѣчная память»,— мы должны отозваться, мы не можемъ этого не сдѣлать. Могилу Маріи Гавріиловны покроютъ безчисленные вѣнки, ее одѣнутъ самые роскошные цвѣты, но впереди ихъ всѣхъ долженъ лежать нашъ вѣнокъ, — вѣнокъ отъ русскихъ провинціальныхъ актеровъ. Пусть онъ будетъ простъ и скроменъ,—я вѣрю, что для свѣтлой души усопшей онъ будетъ дороже и ближе, чѣмъ самые роскошные вѣнки. Я предлагаю, пусть каждый изъ васъ дастъ на этотъ вѣнокъ то, что онъ можетъ; а затѣмъ изберемъ изъ нашей среды людей и пошлемъ ихъ въ Петроградъ, чтобы у открытой могилы Маріи Гавріиловны они сказали простое теплое, сердечное слово, выражающее наши безпредѣльныя слезы, нашу великую горесть.

Затѣмъ, В. Л. Градовъ предложилъ собравшимся уполномочить кого-либо послать сочувственную телеграмму супругу покойной— А. Е. Молчанову. Собраніе возложило это на В. Л. Градова.

Послѣ этого, къ присутствующимъ обратился М. А. Дмитріевъ-Шпоня съ заявленіемъ, что изъ суммъ актерской столовой имъ отчисляется 100 рублей въ фондъ койки имени Маріи Гавріиловны Савиной въ Московскомъ Убѣжищѣ для увѣчныхъ артистовъ-воиновъ, и просилъ всѣхъ присутствующихъ присоединиться къ его пожертвованію. Тутъ же былъ произведенъ сборъ.

Делегатами на похороны было рѣшено командировать В. Л. Градова, М. А. Дмитріева-Шпоню и П. П. Струйскаго, которымъ поручено возложить вѣнокъ, съ надписью: «Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—русская театральная провинція».

10-го сентября, въ 12 часовъ дня, «по заслуженной артисткѣ Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловнѣ Савиной» была совершена панихида въ церкви при Императорскомъ Московскомъ Театральномъ Училищѣ. Служилъ мѣстный причтъ—настоятель іерей І. В. Никольскій и діаконъ В. В. Дружининъ.

Прибыли въ церковь на это богослуженіе: директоръ Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскій, управляющій Конторой Императорскихъ Московскихъ театровъ—С. Т. Обуховъ, режиссеръ Императорской Московской оперы—П. С. Оленинъ, режиссеръ Императорскаго Московскаго балета—С. Д. Булгаковъ, помощникъ управляющаго Императорской Московской драматической труппы по режиссерской части—И. С. Платонъ, заслуженные артисты—М. Н. Ермолова, А. В. Нежданова, О. А. Правдинъ и въ большомъ числѣ артисты всѣхъ Императорскихъ Московскихъ труппъ, дѣлопроизводитель Московской Конторы—Н. А. Василевскій, полицеймейстеръ Императорскихъ Московскихъ театровъ — Н. П. Штеръ, ученицы и ученики Императорскаго Московскаго Театральнаго Училища, со своей администраціей, и другіе.

11-го сентября, въ день погребенія Маріи Гавріиловны Савиной, въ Бюро Театральнаго Общества была въ 12 часовъ дня вновь отправлена панихида тѣми же священнослужителями, что и 9-го числа.

Тутъ находились представители Московскаго Отдѣленія Совѣта Театральнаго Общества—А. А. Яблочкина, Н. Ѳ. Монаховъ и Н. Ѳ. Аксагарскій, артисты Московскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ, масса съѣхавшихся въ Москву провинціальныхъ сценическихъ дѣятелей, весь служебный персоналъ Бюро, во главѣ съ Г. Н. Васильевымъ, А. А. Бахрушинъ, А. П. Каютовъ и другіе.

12-го сентября въ засѣданіи Правленія Лиги Любителей Сценическаго Искусства память Маріи Гавріиловны Савиной была почтена вставаніемъ.

13-го сентября состоялось Общее Собраніе делегатовъ всѣхъ театровъ и цирковъ организаціи «Русской арміи—артисты Москвы». Въ этомъ засѣданіи, по предложенію предсѣдательницы Комитета А. А. Яблочкиной, была почтена вставаніемъ память Маріи Гавріиловны Савиной.

Въ помѣщеніи Театральнаго Бюро состоялось заупокойное богослуженіе также и 16-го сентября, въ 9-й день по кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной. Служилъ панихиду, какъ и въ предыдущіе раза, причтъ церкви святого Николая чудотворца, что въ Хлыновѣ.

Собрались помолиться много артистовъ Московскихъ и провинціальныхъ театровъ, весь составъ Московскаго Отдѣленія Совѣта, служащіе Бюро и другіе.

18-го сентября было собраніе Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Отдѣла — М. И. Комарова.

Въ протоколѣ этого засѣданія значится: «Предсѣдательствующій, охарактеризовавъ въ краткой рѣчи свѣтлую и плодотворную дѣятельность великой печальницы русскаго актерскаго міра—незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной, предлагаетъ почтить ея память вставаніемъ, что и исполняется собраніемъ».

На слѣдующемъ собраніи того же Отдѣла, 21-го сентября, предсѣдатель В. Л. Градовъ сказалъ такую рѣчь:

— Господа! Наше сегодняшнее засѣданіе мы посвятимъ памяти той, кто была нашимъ ангеломъ-хранителемъ, нашей печальницей, нашей нѣжной заботливой матерью—памяти Маріи Гавріиловны Савиной. Благоволите выслушать отчетъ о моей поѣздкѣ въ Петроградъ на погребеніе Маріи Гавріиловны и не обезсудьте, если не вездѣ мой отчетъ будетъ носить сухой, дѣловой характеръ. Семья русскихъ актеровъ, присутствовавшая въ Москвѣ въ тотъ страшный моментъ, когда сюда пришла леденящая душу вѣсть о кончинѣ незабвенной Маріи Гавріиловны, возложила на меня, П. П. Струйскаго и М. А. Дмитріева-Шпоню печальную «отвѣтственную миссію» присутствовать при ея погребеніи, проводить дорогой намъ прахъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія и напутствовать въ селенія горнія ея душу—словами, которыя отразили бы въ себѣ все горе, все отчаяніе и ужасъ, переживаемые сценическимъ міромъ отъ этой безграничной утраты. Беру на себя смѣлость думать, что мои товарищи-делегаты и я исполнили возложенное на насъ порученіе именно такъ, какъ этого желали пославшіе насъ. Что касается лично меня, то не скрою отъ васъ, что всю дорогу отъ Москвы до Петрограда, и безъ того подавленный обрушившимся на насъ, провинціальныхъ актеровъ, гнѣвомъ Божіимъ, весь охваченный страхомъ за наше будущее, я переживалъ минуты положительнаго отчаянія: мнѣ казалось, что я не съумѣю найти,—не въ душѣ, нѣтъ! она была полна безконечнаго горя, а на языкѣ,—тѣхъ словъ, которыя достойнымъ образомъ обрисовали бы и свѣтлую личность усопшей, и то,

чѣмъ она была для насъ, и тѣхъ чувствъ, какія вызвала въ насъ ея безвременная кончина. Мнѣ казалось, что я взялъ на себя непосильную задачу и осуждалъ себя за излишнюю смѣлость. Въ этой тревогѣ я не спалъ цѣлую ночь—и въ Петроградъ пріѣхалъ разбитый и морально, и физически; меня угнетала мысль, что, когда нужно будетъ говорить, у меня не окажется ни словъ, ни мыслей, ни образовъ. По дорогѣ съ вокзала мы купили вѣнокъ, очень красивый, весь бѣлый, и направились на Улицу Литераторовъ, гдѣ жила покойная Марія Гавріиловна. По тому же направленію двигалась безчисленная толпа народа. Тротуары были буквально запружены, а на Улицѣ Литераторовъ, около дома покойной, пришедшіе поклониться ея праху стояли такой плотной массой, что пришлось оставить экипажъ и продираться сквозь толпу пѣшкомъ. Въ домѣ была положительная давка, и только благодаря тому, что мы шли съ вѣнкомъ, намъ удалось добраться до зала, гдѣ покоилась усопшая и гдѣ въ это время шла служба. Мое вниманіе привлекла та особая серьезная, суровая печаль, которая была на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ: было видно, что здѣсь дѣйствительно глубоко и искренно горюютъ. Это благоговѣйное настроеніе какъ-то сразу успокоило и ободрило меня—и я почувствовалъ, что, когда наступитъ время, я скажу именно то, что нужно... По окончаніи службы, гробъ съ тѣломъ усопшей былъ поставленъ на катафалкъ—и печальный кортежъ, сопровождаемый колесницами съ безчисленными вѣнками, длинной вереницей траурныхъ экипажей и стотысячной толпой народа, направился къ Александринскому театру. Толпа провожавшихъ была такъ велика, что по всему пути слѣдованія процессіи было остановлено трамвайное и экипажное движеніе. На площади Александринскаго театра была отслужена краткая литія. Затѣмъ, печальное шествіе, повернувъ на Невскій проспектъ, двинулось по направленію къ Петровскому острову, гдѣ находится Убѣжище нашихъ стариковъ. По прибытіи туда, гробъ былъ внесенъ въ церковь Убѣжища—и началась вечерняя заупокойная служба. Толпа молящихся не могла вмѣститься въ нашей небольшой церкви и наполнила густой массой коридоры Убѣжища, его садъ, дворъ и площадь передъ нимъ. То же самое было и на слѣдующій день, когда состоялось отпѣваніе и погребеніе. Могила Маріи Гавріиловны находится въ саду съ восточной стороны храма, противъ алтаря, подъ тѣми самыми деревьями, гдѣ покойная

при посѣщеніи Убѣжища лѣтомъ такъ любила сидѣть на скамейкѣ, ласково бесѣдуя со стариками и дѣтворой... Когда гробъ съ дорогимъ прахомъ былъ опущенъ въ могилу, начались надгробныя рѣчи. Первымъ говорилъ товарищъ покойной по Александринскому театру — В. Н. Давыдовъ. Вторымъ—А. А. Желябужскій, товарищъ предсѣдателя Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Третьимъ—я. Вотъ мое слово, господа, такъ, какъ я его помню. (В. Л. Градовъ передаетъ свою рѣчь [1]). Правильно ли я выразилъ и охарактеризовалъ наши чувства и мысли, нашу безпредѣльную скорбь и отчаяніе—судить вамъ... Но по слезамъ присутствовавшихъ, которыя я видѣлъ тамъ и вижу сейчасъ здѣсь, я чувствую, что выполнилъ мою миссію такъ, какъ это было должно... Въ настоящее время намъ предстоитъ обсудить, какъ Первый Внѣтруппный Московскій Мѣстный Отдѣлъ, состоящій въ бо́льшей части изъ безработныхъ, можетъ и долженъ почтить память Маріи Гавріиловны Савиной. Прежде всего, почтимъ ея память вставаніемъ. (Всѣ встаютъ). Затѣмъ, вотъ мои предложенія на ближайшее время: 1) отслужить въ 40-й день по кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной панихиду и 2) произвести между собою сборъ, какъ бы мала ни была собранная сумма. (Оба предложенія единогласно принимаются). А теперь, господа, въ знакъ траура по нашей дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ—я закрываю засѣданіе.

Въ «Театральной Газетѣ», № 39, отъ 27-го сентября 1915 года, напечатано:

«Актеръ, что умеръ—то исчезъ». Эта фраза князя Шаховского, насчитывающая столѣтнюю давность, устарѣла по структурѣ, но жива по содержанію и сейчасъ. Далеко ли ходить за примѣрами. Развѣ не забытъ и какъ основательно забытъ такой актеръ, какъ А. П. Ленскій? А умеръ онъ всего шесть лѣтъ тому назадъ. Поэтому надо всѣми мѣрами привѣтствовать тѣ шаги, которые предпринимаются по увѣковѣченію памяти Маріи Гавріиловны Савиной. Какъ это сдѣлать—вопросъ другой. Проектовъ на этотъ счетъ очень много. Мы видѣли, что изъ русскихъ актеровъ наиболѣе долго живетъ память Мочалова и живетъ благодаря пламеннымъ статьямъ Бѣлинскаго. Не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что лучшій, прочнѣйшій памятникъ актеру—книга о немъ. Конечно, Бѣлинскіе родятся не каждый

[1]) См. выше, страница 73.

Могила Марiи Гаврiиловны Савиной.

Съ акварели художника А. Ѳ. Максимова.

день, и восторги ихъ не пишутся по заказу. Имѣть своего Бѣлинскаго—счастье, выпавшее на долю Мочалова, но для книги о Савиной и не нужны Бѣлинскіе. О ней достаточно писали, каждый шагъ ея художественной дѣятельности запечатлѣнъ—и въ словѣ, и въ рисункѣ. Собрать все это, систематизировать—и книга о Савиной, памятникъ ей готовъ. На комъ лежитъ эта, скажемъ категорически, обязанность? Думаемъ, скорѣй всего на Театральномъ Обществѣ, которое потеряло въ ней не только художницу-артистку, но и основательницу, что дѣлаетъ для него такой шагъ вдвойнѣ настойчивѣй. Это не исключаетъ, конечно, частной иниціативы, если такая возникнетъ, и тогда Императорское Русское Театральное Общество явится главнымъ сотрудникомъ такой книги. Вл. А. Рышковъ проектируетъ создать Савинскій уголокъ при музеѣ А. А. Бахрушина. Такой уголокъ явится, конечно, лучшимъ дополненіемъ къ книгѣ. Чуткій коллекціонеръ и страстный любитель театра, А. А. Бахрушинъ, несомнѣнно, встрѣтитъ эту идею горячимъ сочувствіемъ. Есть еще и другіе пути увѣковѣчить Савину въ памяти потомства, но книга и музей представляются намъ основаніемъ, фундаментомъ».

1-го октября состоялось очередное Общее Собраніе Общества имени А. Н. Островскаго; присутствовавшіе почтили вставаніемъ память скончавшагося почетнаго члена Общества—Маріи Гавріиловны Савиной.

Собраніе Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла, происходившее 6-го октября, подъ предсѣдательствомъ М. И. Комарова, постановило:

1) «Завести книгу для записи членовъ этого Отдѣла съ самаго начала его существованія, вписавъ первымъ лицомъ покойную Марію Гавріиловну Савину».

2) «Присоединиться къ панихидѣ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, какъ цѣлая организація, въ 40-й день кончины незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной».

3) «Учредить кружку посильныхъ пожертвованій отъ Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла на предметъ увѣковѣченія памяти покойной Маріи Гавріиловны Савиной».

Въ протоколѣ Правленія Общества Помощи Сценическимъ Дѣятелямъ, отъ 15-го октября 1915 года, записано: «Одну изъ коекъ въ Пріютѣ постановлено учредить въ память Маріи Гавріиловны Савиной и предоставить право замѣщенія въ распоряженіе Московскаго Отдѣленія Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества,

такъ какъ Марія Гавріиловна Савина состояла членомъ нашего Общества и была предсѣдательницей Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».

16-го октября въ собраніи Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла было принято рѣшеніе: «Всѣмъ членамъ Отдѣла присутствовать in corpore на панихидѣ въ 40-й день смерти Маріи Гавріиловны Савиной, во главѣ со старѣйшимъ членомъ Отдѣла—товарищемъ предсѣдателя М. И. Комаровымъ».

Въ 40-й день по кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, 17-го октября, въ Театральномъ Бюро была отслужена панихида іереемъ М. Д. Смирновымъ и діакономъ С. П. Фивейскимъ.

Присутствовали члены Московскаго Отдѣленія Совѣта Театральнаго Общества, во главѣ со своей предсѣдательницей—А. А. Яблочкиной, представители всѣхъ Московскихъ театровъ, провинціальные артисты, члены Мѣстнаго Перваго Внѣтруппнаго Отдѣла, служащіе Театральнаго Бюро и другіе.

Въ тотъ же день въ Театральномъ Бюро и во всѣхъ Московскихъ театрахъ состоялся среди сценическихъ дѣятелей сборъ въ фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной. Въ Бюро послѣ панихиды М. А. Дмитріевъ-Шпоня произвелъ кружечный сборъ среди членовъ Перваго Внѣтруппнаго Мѣстнаго Отдѣла.

Въ Художественномъ театрѣ отъ дирекціи и артистовъ труппы отчислено 200 рублей.

Въ Императорскихъ театрахъ, въ Оперѣ Зимина, въ Театрѣ Незлобина, Московскомъ Драматическомъ, Камерномъ и имени Коммиссаржевской былъ произведенъ кружечный сборъ.

Въ Театрѣ Корша было устроено засѣданіе, на которомъ Ѳ. А. Коршемъ было прочитано воззваніе Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, послѣ чего память Маріи Гавріиловны Савиной была почтена вставаніемъ и была произведена подписка среди артистовъ.

Въ Театрѣ «Зон», во время репетиціи, членъ Совѣта Театральнаго Общества—Н. Ѳ. Монаховъ обратился къ труппѣ съ краткимъ «словомъ» о значеніи понесенной сценическимъ міромъ невознаградимой утраты въ лицѣ скончавшейся Маріи Гавріиловны Савиной и предложилъ почтить ея память вставаніемъ. Затѣмъ, было приступлено къ сбору пожертвованій.

Въ Опереткѣ Потопчиной, въ Фарсѣ Бѣляева, въ «Летучей мыши», въ Театрахъ Струйскаго, Черепанова и «Современномъ» былъ также произведенъ кружечный сборъ.

8-го ноября въ залѣ Театральнаго Бюро Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества состоялся концертъ—«Всѣ артисты Москвы въ одинъ вечеръ», весь сборъ съ котораго поступилъ «на увѣковѣченіе памяти Маріи Гавріиловны Савиной—на койку ея имени въ Московскомъ Убѣжищѣ для увѣчныхъ на войнѣ артистовъ-воиновъ». Отвѣтственнымъ устроителемъ вечера былъ М. А. Дмитріевъ-Шпоня.

Передъ началомъ концерта публика почтила память Маріи Гавріиловны Савиной вставаніемъ.

Отъ Императорскаго Малаго театра въ вечерѣ участвовали заслуженные артисты М. Н. Ермолова, А. А. Яблочкина и А. И. Южинъ

М. Н. Ермолова прочла, между прочимъ, только что написанное стихотвореніе: «Памяти Маріи Гавріиловны Савиной»—«Королевой взошла ты на сцену»... [1]).

На программѣ этого вечера, кромѣ того, стояли еще слѣдующіе исполнители: отъ Художественнаго театра—И. М. Москвинъ; отъ Московскаго Драматическаго театра—М. М. Блюменталь-Тамарина и Я. Д. Южный; отъ Театра Незлобина—В. И. Лихачевъ; отъ Театра Корша—Н. Д. Борская и В. А. Кригеръ; отъ Императорской оперы—А. І. Добровольская, О. Б. Павловскій и В. Р. Петровъ; отъ Оперы Зимина—Н. П. Кошицъ, А. А. Орловская и К. Д. Запорожецъ; отъ Императорскаго балета—М. М. Мордкинъ. Читали стихотворенія: Роб. Л. Адельгеймъ и Н. Н. Кригеръ-Богдановская; разсказывалъ народныя сцены В. П. Свободинъ. Исполнителями инструментальной музыки выступили: З. Н. Богдановская (арфа), В. Р. Іодко (цитра), О. Р. Киттъ (рояль), Анна Любошицъ (віолончель), Лея Любошицъ (скрипка) и Петръ Любошицъ (рояль). Акомпанировалъ Н. А. Миклашевскій.

12-го ноября Мѣстный Отдѣлъ Театральнаго Общества при Театрѣ Струйскаго, заслушавъ предложеніе товарища предсѣдателя Отдѣла—А. М. Самарина-Волжскаго объ увѣковѣченіи памяти Маріи Гавріиловны Савиной, постановилъ:

1) «Предложить Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества издать въ увеличенномъ размѣрѣ портреты Маріи Гавріиловны Савиной».

2) «Предложить гг. антрепренерамъ, арендаторамъ и городскимъ театрамъ пріобрѣсти такіе портреты для помѣщенія ихъ въ фойе для публики или для артистовъ».

3) «Вырученныя отъ продажи портретовъ деньги внести въ одинъ изъ фондовъ, связанныхъ съ именемъ незабвенной основательницы Театральнаго Общества—Маріи Гавріиловны Савиной».

---

[1]) Текстъ этого стихотворенія помѣщенъ выше—см. стр. 190.

4) «Сообразуясь со свободной наличностью кассы Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, предложить Совѣту учредить стипендіи имени Маріи Гавріиловны Савиной».

28-го ноября Первое Литературно-Драматическое и Музыкальное Общество имени А. Н. Островскаго устроило въ Политехническомъ музеѣ—«Вечеръ памяти М. Г. Савиной и К. А. Варламова».

Большая аудиторія музея была полна публикой—представителями литературы и театра, артистами, учащимися. На эстрадѣ, среди зелени и цвѣтовъ, возвышались портреты обоихъ великихъ артистовъ, такъ безжалостно и почти одновременно отнятыхъ у насъ смертью.

Открылъ вечеръ заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ) рѣчью—«Воспоминанія о Маріи Гавріиловнѣ Савиной и Константинѣ Александровичѣ Варламовѣ». Въ образныхъ, яркихъ словахъ ораторъ охарактеризовалъ все огромное значеніе почившихъ артистовъ для русскаго искусства и русской сцены. Студентомъ еще увидалъ ихъ обоихъ князь Сумбатовъ на Александринской сценѣ—и оба дали ему впечатлѣнія исключительно яркія и полныя очарованія. Опредѣляя ихъ творчество, ораторъ подчеркнулъ, что оба они—актеры-субъективисты: ихъ личная индивидуальность всегда стояла впереди роли; печать этой индивидуальности—въ каждомъ созданіи Савиной и Варламова.

Затѣмъ, артистка М. М. Блюменталь-Тамарина подѣлилась слѣдующими воспоминаніями о Маріи Гавріиловнѣ Савиной:

Милостивыя государыни и господа!

Говорить о томъ, какой яркій, громадный и разнообразный талантъ былъ у покойной Маріи Гавріиловны, я не буду. Мой предшественникъ—Александръ Ивановичъ Южинъ сказалъ объ этомъ, да и кто изъ насъ не знаетъ, какъ Марія Гавріиловна все озаряла своимъ удивительнымъ, гибкимъ, разностороннимъ талантомъ, какъ она заразительно весела бывала въ одной пьесѣ и трогала до слезъ въ другой. Мнѣ хочется сказать о той незамѣнимой утратѣ, которую понесла вся театральная Россія. Мнѣ, которая была съ нею знакома съ 1880 года, видѣла ее въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ въ самый расцвѣтъ ея громаднаго,—опять таки повторяю,—ея очаровательнаго, великаго таланта. Мнѣ выпадало счастье—именно счастье—играть съ Маріей Гавріиловной въ ея гастрольныхъ поѣздкахъ, видѣть и восхищаться ею—и какъ актрисой, и какъ человѣкомъ. А человѣкъ она была съ замѣчательно доброй и отзывчивой душой. Она никогда не проходила безучастно мимо чужого

горя и помогала много и широко. Не было случая, чтобы Марія Гавріиловна не отвѣтила на письмо, просьбу, кто бы къ ней ни обращался изъ нашей актерской братіи: будь это человѣкъ большихъ степеней или самый скромный работникъ сцены. Занимая сама такое громадное положеніе, Марія Гавріиловна не забывала своей сценической колыбели — провинціи. Сколько разъ она говорила: «Я съ ними изъ одной деревни».

Марія Гавріиловна дала жизнь «Обществу пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ», которое выросло, по ея иниціативѣ и при ея непосредственномъ содѣйствіи, въ современное Императорское Русское Театральное Общество, раскинувшееся на всю Россію. Болѣе отзывчиваго товарища на нужды актеровъ я не знала!..

Бывало, въ поѣздкахъ, пріѣзжая въ городъ, надо было видѣть, какъ ее осаждали просители: то какой-нибудь полуслѣпой суфлеръ, то какая-нибудь старуха-актриса, выброшенная за бортъ волею судебъ, то курсистка, то студенты. Марія Гавріиловна, усталая послѣ репетиціи, всѣхъ выслушивала, всѣхъ надѣляла—и они уходили, благословляя ее. Доброта была ея врожденная черта; отъ нея вѣяло всегда чѣмъ-то теплымъ, милымъ, роднымъ — такъ плѣнительно изящна была она. Поѣздки съ нею бывали настоящей радостью для всѣхъ. Когда она бывала въ духѣ, сколько юмора, веселья она вносила; ея лаконическіе эпитеты, прозвища, которыя она давала актерамъ, оставались за ними на всю жизнь.

Поклоняться, благоговѣть и восторгаться Маріей Гавріиловной я лично начала еще съ гимназической скамьи, а потомъ, въ 1880 году, когда я вышла замужъ за покойнаго А. Э. Блюменталь-Тамарина, на мою долю выпало счастье—именно счастье—съ нею познакомиться. Это было въ С.-Петербургѣ, въ домѣ у Лопатиныхъ, страстныхъ театраловъ, гдѣ она часто бывала и гдѣ бывали всѣ колоссы Императорской Александринской сцены. У нихъ собирались по воскресеньямъ. И вотъ, въ одно изъ такихъ воскресеній въ гостиную вошла Марія Гавріиловна. Я до сихъ поръ чувствую этотъ трепетъ, который овладѣлъ мною при видѣ ея. Когда хозяйка дома и мой мужъ представили меня ей—радости моей не было конца!..

Въ этотъ вечеръ она особенно была очаровательна, и я помню, какъ мой покойный мужъ, когда мы вернулись домой, сказалъ мнѣ: «Ты, кажется, съ ума сошла отъ радости знакомства съ Маріей Гавріиловной». И вѣрно!...

Черезъ годъ мужъ мой былъ переведенъ изъ Александринскаго театра въ Московскій Императорскій Малый театръ, и я не видѣлась съ Маріей Гавріиловной лѣтъ восемь. За это время я осуществила свою завѣтную мечту: поступила на сцену—и все время думала о встрѣчѣ съ Маріей Гавріиловной и о томъ, какъ бы попасть въ поѣздку съ нею... Но все мнѣ это не удавалось. Мы встрѣтились, наконецъ, когда былъ первый актерскій съѣздъ (въ 1897 году), на которомъ Марія Гавріиловна сказала блестящую рѣчь. Обращаясь къ провинціальной актерской громадѣ, она сказала имъ, чтобы они помнили, что въ Петербургѣ ихъ «землячка» работаетъ для нихъ, что ихъ интересы ей дороги и что она всегда готова отозваться на ихъ оклики о помощи... Залъ дрогнулъ отъ рукоплесканій—и многіе плакали. Во время перерыва я хотѣла къ ней подойти, но не рѣшалась, думая, что восемь лѣтъ—время долгое: можетъ, она и забыла меня. Я издали смотрѣла на нее, какъ вдругъ наши глаза встрѣтились—и она подошла ко мнѣ съ такой лаской, такъ тепло говорила со мною. Ея ласка была особенно дорога для меня, потому что въ то время я переживала большое семейное горе.

Въ 1903 году, когда я была на службѣ въ Москвѣ у Ѳ. А. Корша, я вдругъ получила совершенно неожиданно письмо отъ А. И. Долинова, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что составляетъ на постъ гастрольную поѣздку съ Маріей Гавріиловной и, по ея желанію, приглашаетъ меня. Я была безконечно счастлива!.. Пріѣзжаю въ Одессу, прихожу на репетицію—и вижу мою дорогую Марію Гавріиловну, встрѣтившую меня съ материнской лаской и сразу взявшую меня подъ свое теплое крылышко. Я каждый день съ репетиціи ѣхала къ ней обѣдать и все время была съ нею. Тутъ-то вотъ я и узнала о добротѣ ея сердца, о ея широкой помощи товарищамъ по искусству и,—повторяю,—всѣмъ, кто бы къ ней ни обращался съ какой-либо просьбой.

Вниманіемъ своимъ она прямо поражала: всегда все помнила. Я не могу обойти молчаніемъ такой случай. Однажды страстную недѣлю мы были въ Севастополѣ; въ труппѣ у насъ была одна артистка-еврейка, все время грустившая, что наступаетъ ихъ Пасха, а она—одна, безъ родныхъ. И что же: утромъ въ ея праздникъ приносятъ ей чудный букетъ изъ бѣлыхъ розъ, сладкій пирогъ и милое, милое поздравленіе отъ Маріи Гавріиловны. Развѣ это не трогательно?!...

Была я какъ-то въ Ессентукахъ и сильно прихворнула. Пріѣхала Марія Гавріиловна, разыскала мой адресъ и, узнавъ, что я больна, сейчасъ же пришла ко мнѣ и въ теченіе двухъ недѣль ежедневно навѣщала меня, просиживая около меня отъ 4-хъ до 7-ми часовъ, давая мнѣ лекарство, читая мнѣ вслухъ...

Марія Гавріиловна создавала всегда вокругъ себя какой-то особый уютъ: ѣхала ли она въ вагонѣ, останавливалась ли въ номерѣ гостиницы — все превращалось ею въ какой-то очаровательный уголокъ.

Играть мнѣ съ нею въ первый разъ пришлось въ пьесѣ Вл. И. Немировича-Данченко «Цѣна жизни». Я очень волновалась, пришла къ ней въ уборную—она меня благословила...

Играли мы въ Одессѣ весь постъ; Марія Гавріиловна у насъ нѣсколько дней прихворнула... Когда она поправилась и пріѣхала на репетицію, мы всѣ, выстроившись по-военному, встрѣтили ее возгласомъ: «Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство, нашъ дорогой шефъ!». Она разсмѣялась и сказала, что съ этой минуты наша поѣздка будетъ называться: «Полевой Летучій Эскадронъ имени Маріи Гавріиловны Савиной полка», шефомъ котораго она состоять будетъ. Назначила намъ всѣмъ чины... Какъ-то послѣ обѣда, мы съ нею поѣхали кататься и накупили игрушечныхъ пушекъ, ружей, сабель и тому подобнаго, а по пріѣздѣ въ Симферополь, снялись со всѣмъ этимъ оружіемъ. Въ этой поѣздкѣ мы всѣ особенно школьничали, веселились: каждое утро я и всѣ наши являлись съ докладами къ шефу, сообщали, какъ обстоятъ дѣла эскадрона, подавали шефу рапорты для подписи и такъ далѣе. Доклады эти и до сихъ поръ хранятся у Липковскаго, артиста Императорскаго Малаго театра, состоявшаго въ чинѣ полковника «Полевого Летучаго Эскадрона»...

Послѣ этой поѣздки Марія Гавріиловна принимала участіе въ нашихъ спектакляхъ Коршевской труппы въ Варшавѣ, въ правительственномъ театрѣ. Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ относились къ ней польскіе артисты и артистки!..

Послѣдняя моя поѣздка съ Маріей Гавріиловной, въ 1905 году, была мнѣ особенно памятна и дорога тѣмъ, что послѣ нея я поѣхала съ Маріей Гавріиловной за границу—на отдыхъ. Случилось это такъ. Когда мы возвращались изъ Казани домой, Марія Гавріиловна спросила меня, что я буду дѣ-

лать лѣтомъ. Я сказала, что, вѣроятно, просижу все время въ Москвѣ.—«Поѣдемте со мною въ Карлсбадъ, довезу васъ, какъ въ люлькѣ»,—были ея слова. Мысль попасть въ первый разъ за границу, да еще съ Маріей Гавріиловной, приводила меня въ неописуемый восторгъ, но я колебалась, такъ какъ финансы были плохи. Марія Гавріиловна это сейчасъ же поняла и, по свойственной ей добротѣ, предложила мнѣ сдѣлать у нея «внутренній заемъ» и быть готовой къ отъѣзду. Въ Ярославлѣ мы распрощались, а по пріѣздѣ въ Москву, черезъ двѣ недѣли я получила телеграмму: «Билеты взяты. Ѣдемъ съ Богомъ. Жду». Я выѣхала въ Петербургъ прямо къ ней, а затѣмъ съ рѣдкой чисто материнской заботливостью Марія Гавріиловна и ея супругъ—Анатолій Евграфовичъ довезли меня до Карлсбада... Эти четыре недѣли, что я провела съ ними—лучшая страница въ моей жизни! Сколько вниманія, заботъ, удовольствія и радостей я получала отъ нея!.. Всего не перескажешь!..

Да, мы потеряли въ ней лучшую представительницу родной сцены, отзывчиваго, дорогого товарища, родную мать! Царство ей Небесное!..

Третьимъ номеромъ былъ докладъ Н. Е. Эфроса:

САВИНА-АКТРИСА [1].

Мрачное подземелье въ «башнѣ голода». Скупо вползаетъ свѣтъ черезъ два круглыхъ окошечка, гдѣ-то подъ самыми сводами. Близокъ послѣдній часъ великаго грѣшника Уголино, вовлеченнаго честолюбіемъ въ самыя страшныя преступленія. Сосчитаны минуты жизни. Безславна будетъ смерть. Но съ вѣстью мира и прощенія приходитъ графъ Нино.

— Сбери остатокъ силъ, пойдемъ покаяться, просить враговъ, съ людьми и Богомъ примириться,—говоритъ онъ торжественно.

— Да, силъ моихъ достанетъ произнесть благословенье... слово мира,—шепчутъ слабѣющія уста Уголино.

А въ это время, въ еле различаемой глубинѣ подземелья, у задней кулисы, лежали на грязной соломѣ, терзаемые голодомъ и жаждою, два маленькихъ сына графа Герардески, Гаддо и Анзельмо,—двѣ переодѣтыя дѣвочки. Одна и впрямь проголодалась. Пьеса Полевого—такая длинная! Дѣвочка вы-

[1]) Напечатанъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», 4-го декабря 1915 года, № 278.

тащила изъ-за пазухи пирогъ съ вареньемъ—свой актерскій гонораръ—и стала аппетитно ѣсть. Но для умирающаго Анзельмо, съ нервнымъ смуглымъ лицомъ, съ пылающими громадными глазами, нѣтъ голода, нѣтъ жизни. Онъ весь—во власти роли, во власти вымысла. Отъ пирога съ вареньемъ Анзельмо пришелъ въ настоящее негодованіе. — «Мы умираемъ отъ того, что намъ нечего ѣсть, а онъ ѣстъ пирогъ! Не смѣй ѣсть!» — грозно шепчетъ черноглазый мальчикъ.— «Не смѣй! Вѣдь мы умираемъ отъ голода». Слова не подѣйствовали. Тогда Анзельмо гнѣвно вырвалъ пирогъ изъ рукъ Гаддо и зарылъ въ солому.

Въ Петербургъ пріѣхалъ знаменитый Коклэнъ. Мадамъ Монталанъ, игравшая въ ту пору на Михайловскомъ театрѣ, повезла его знакомиться съ самой популярной артисткой Петербурга.

— Играютъ у васъ въ Петербургѣ и наши французскія пьесы?—поинтересовался Коклэнъ.

— Конечно, всѣ ваши лучшія пьесы переведены на русскій языкъ. Мы играемъ «Даму съ камеліями» и «Въ царствѣ скуки».

— А кто играетъ Маргариту Готье?

— Я.

— А роль Сюзонъ?

— Тоже я.

Лицо французскаго комика изобразило чрезвычайное недоумѣніе. Онъ наклонился къ Селинѣ Монталанъ и прошепталъ:

— Est ce qu'elle est folle?...

Въ Александринскомъ театрѣ играли «Мѣсяцъ въ деревнѣ». На спектаклѣ присутствовалъ самъ Тургеневъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій изъ Парижа. Послѣ третьяго акта, послѣ сцены Натальи Петровны и Вѣрочки, Иванъ Сергѣевичъ пришелъ въ уборную Савиной, взялъ ее за обѣ руки, подвелъ къ газовому рожку и сталъ внимательно разсматривать лицо Маріи Гавріиловны, какъ-будто видѣлъ въ первый разъ.

— Вѣрочка... А я даже не обращалъ на нее вниманія, когда писалъ... Все дѣло въ Натальѣ Петровнѣ... Вы—живая Вѣрочка...

Кажется, по поводу двадцатипятилѣтія на Александринской сценѣ, когда «г-жа Савина, откуда-то изъ провинціи»,— какъ записалъ въ своихъ «Запискахъ» Нильскій, стала не

только всероссійской, но и европейской знаменитостью, къ князю А. И. Сумбатову обратились съ просьбой—дать краткую характеристику артистки. И онъ включилъ въ свою характеристику три коротенькихъ слова, которыя, можетъ быть, стóятъ цѣлыхъ страницъ кропотливаго анализа:

— Она вся—«я».

Пусть не покажется, что я нанизываю случайные анекдоты и цитаты. Въ каплѣ отражается цѣлое солнце. Въ этихъ небольшихъ эпизодахъ и въ этихъ лаконическихъ опредѣленіяхъ отразилось все это громадное и очаровательное художественное явленіе, которому имя—Савина, самое существенное, что слагаетъ ея артистическую личность.

Анзельмо, возмущенно вырывающій пирогъ изъ рукъ Гаддо,—да развѣ это не зародышъ той великой артистки, про которую черезъ нѣсколько десятилѣтій Вл. И. Немировичъ написалъ: «Во время перваго представленія Марія Гавріиловна напоминаетъ человѣка, поставившаго на одну карту всю свою жизнь. Если бы ей сказали: «Экономьте ваши силы, иначе вы завтра умрете»,—она ни минуты не колебалась бы и выбрала бы смерть». Савина была, когда играла въ Одессѣ, у Фолетти, въ «Уголино», девятилѣтнимъ ребенкомъ. Но геніальнымъ инстинктомъ она уже поняла и приняла верховный законъ театральнаго искусства. Лишь тогда театральное искусство серьезно, лишь тогда оно—искусство, когда актеръ вѣрно служитъ богу театра—правдѣ и приноситъ ему на алтарь себя, свою душу. Этому богу съ вѣрностью неизмѣнною и съ энтузіазмомъ пламеннымъ служила Савина всю свою долгую сценическую жизнь. Если вы не видѣли Савиной въ роли Акулины изъ Толстовской «Власти тьмы»,—вы, навѣрное, видѣли хоть фотографіи. Даже ихъ довольно, чтобы увидать, что та черта благоговѣйнаго уваженія къ правдѣ сцены, къ правдѣ искусства, которая обозначилась такъ наивно и такъ трогательно въ первомъ ребячьемъ шагѣ на подмосткахъ,—она достигла своего апогея въ Акулинѣ. И она явственно выражалась во всемъ, что Савина играла, во всѣхъ ея сценическихъ свершеніяхъ. Все благоговѣніе передъ памятью артистки и вся безграничная признательность за содѣянный ею художественный подвигъ не исключаютъ права сказать, что не всегда Савина играла совершенно. Да она и сама про нѣкоторыя свои исполненія говорила сердито и зло, такъ мѣтко-зло, какъ не сказалъ бы, можетъ быть, и недоброжелательный рецензентъ. Такъ, къ слову сказать, су-

дила она свою Офелію или свою Катерину. У Савиной могли быть роли, неудачно сыгранныя, но у нея не было ролей сыгрнаных сознательно ложно, съ отреченіемъ отъ бога правды. И въ этомъ, между прочимъ,—источникъ того, что она никогда не идеализировала никакихъ своихъ героинь, относилась къ нимъ съ суровой трезвостью, не рядила ни въ какіе наряды, кромѣ строгихъ одеждъ правды... Хотя она ли не могла облечь любой образъ своею привлекательностью, внутреннею и внѣшнею, самою властною обаятельностью. «Савина играетъ зло»,—я слышалъ это неожиданное опредѣленіе, кажется, по поводу ея Елены Протичъ. И это вѣрно, это мѣтко, поскольку «зла»—сама правда.

«Да она съ ума сошла»,—подумалъ и сказалъ Коклэнъ, самъ—великій мастеръ сценическаго разнообразія и гибкости, когда узналъ, что Савина играетъ и умирающую въ чахоткѣ отъ оскорбленной любви Маргариту Готье, и милую, веселую птичку Сюзанну. Что сказалъ бы онъ, до какого предѣла недоумѣнія дошелъ бы онъ, если бы ему сказали, что одна и та же актриса въ одинъ сезонъ играла и Кондорову въ «Нищихъ духомъ», и Шекспировскую Беатриче, и Липочку въ «Своихъ людяхъ» Островскаго,—и во всѣхъ одинаково восторгала; или «Идеальную жену» и Анну Демурину, Пушкинскую донну Анну, Толстовскую придурковатую Акулину, и что чуть ли не буквально наканунѣ того, какъ умирала въ чахоткѣ Маргарита Готье—Савина, разсыпался чистымъ серебромъ смѣхъ выбѣжавшей со змѣемъ Вѣрочки—той же Савиной. Предѣльная гибкость таланта, предѣльная способность перевоплощеній! Когда начнешь читать тотъ списокъ сыгранныхъ ролей, въ 274 названія, который былъ опубликованъ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ» послѣ ея 25-ти-лѣтняго юбилея на Александринской сценѣ,—право, голова начинаетъ кружиться,—не отъ количества, но отъ совершенно исключительнаго разнообразія, примѣры котораго, можетъ быть, даже не самые разительные, я только что приводилъ. И эта многогранность дарованія, чувствовавшаго себя привольно и въ трагедіи, и въ водевильной карикатурѣ, въ безпечной радости и въ сокрушающей тоскѣ, въ розовыхъ облакахъ юныхъ надеждъ и въ черныхъ безднахъ отчаянія,—эта многогранность—является второй ярко отличительной чертой Савиной-артистки. Въ такой мѣрѣ не обладалъ ею,—скажу не боясь погрѣшить преувеличеніемъ,—никакой другой художникъ сцены.

Савина мѣняла сценическіе лики непрестанно, проходила по всѣмъ ступенямъ лѣстницы и психологической, и соціальной, была королевой и бабой Акулиной, была дочерью Фамусова и дочерью Сквозникъ-Дмухановскаго, была чистой, какъ снѣгъ, Свавой («Перчатка») и захлебнувшейся въ грязи Фимкой. Именно—*была*, а не играла ту или другую. «Живая Вѣрочка», — говорилъ восхищенный и пораженный Тургеневъ. «Живая»,—могъ бы сказать каждый авторъ, кого она играла. Да они такъ и говорили. Я перечиталъ довольно много отзывовъ о Савиной драматурговъ—и всѣ сходятся въ одномъ, въ этомъ признаніи, что Савина—«живая». «На душѣ Савиной врядъ ли есть хоть одинъ грѣхъ убіенія авторскаго образа»,—писалъ Боборыкинъ. Савина никогда не обезцвѣчивала образа, не отнимала у него ничего изъ его характернаго содержанія и не подчиняла себѣ, а себя подчиняла.

— Но, позвольте, — могутъ меня остановить,—какъ же тогда: *вся она—«я»*? Значитъ, именно, «не я», если перевоплощалась постоянно и исчерпывающе-полно. Значитъ, отреченіе отъ своей индивидуальности—вотъ первая стихія этой артистки. Это кажущееся противорѣчіе — самая сложная проблема, — и не только относительно Савиной. Отреченіе отъ себя, отъ своей индивидуальности, — какъ-будто это первый законъ и первое условіе сценическаго искусства. Актеръ дѣлаетъ себѣ гримомъ изъ одного лица другое. Это возмущаетъ Гамлета въ Офеліи, но это, конечно, восхищаетъ его въ актерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, гримируется душа актера; дана ему одна, — онъ дѣлаетъ себѣ другую: нѣжный, — онъ долженъ быть непреклонно-суровымъ Брандомъ, кроткая и застѣнчивая актриса,—она должна быть лэди Макбетъ. И всетаки нѣтъ великаго, даже просто значительнаго актера безъ яркой индивидуальности. Даже, больше того: нѣтъ истинно прекраснаго и цѣннаго исполненія, разъ на немъ нѣтъ яркой печати этой индивидуальности. Лѣтъ десять назадъ у насъ вышла книжка, въ которой авторъ доказывалъ, что перевоплощеніе на сценѣ—это предразсудокъ, что онъ, авторъ, вовсе не хочетъ, чтобы исполнитель заслонялся играемымъ образомъ. И если онъ идетъ въ театръ, то именно для того, чтобы видѣть Ленскаго, Ермолову, которыхъ личность ему мила, а вовсе не исчезновеніе ихъ личности. Каюсь, я былъ изъ числа тѣхъ, которые посмѣялись надъ этой новой теоріей сценическаго искусства. Но я тогда же чувствовалъ,

что за неудачной оболочкой мысли кроется какое-то очень вѣрное зерно. А зерно—въ томъ, что при самомъ совершенномъ перевоплощеніи, при полномъ какъ-будто перелитіи актера въ роль непремѣнно должна сохраниться его индивидуальность, лично его духовная прелесть и очарованіе. «Живой городничій», но Щепкинъ; «живой Хлестаковъ», но Михаилъ Провычъ Садовскій; «живая Вѣрочка», но Савина. И въ этомъ—непремѣнное условіе насъ возвышающаго обмана театра и его обаянія. Великая артистка Дузе,—я прекраснѣе не знаю. Но она такъ велика и такъ плѣнительна и тѣмъ, что во всѣхъ ея роляхъ есть и Дузе,—исключительная красота ея внутренней индивидуальности. Также и Савина. Да, *она вся—«я»*, и это «я» не терялось ни въ какихъ перевоплощеніяхъ, какъ ни совершенны они были. И именно потому они были такъ совершенны, что это «я» не растрачивалось въ нихъ. Актеръ—не актеръ, если онъ не умѣетъ быть не самимъ собою. Но онъ — неинтересный, незначительный актеръ, если не остается при всемъ томъ самимъ собою.

Тонкая, изящная, — я бы сказалъ, — роскошная индивидуальность Савиной просвѣчивала черезъ все, что дѣлала Савина на сценѣ, и она, эта индивидуальность, дѣлала Савину Савиной. Въ этомъ «я» было исключительно полное и такое же острое чувствованіе жизни, настоящая жадность ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія и смѣлое, радостное ихъ пріятіе. Савина—геній жизнерадостности въ самомъ высокомъ и прекрасномъ значеніи этого слова. Жизнерадостные такъ всегда широки и всегда гармоничны. Широта и гармоничность — это самое характерное, самое опредѣляющее для души Савиной. И это же—самое характерное и самое опредѣляющее для ея исполненій, потому что въ нихъ всегда была душа Савиной, печать ея духа.

Къ услугамъ этой души человѣка и этой души актрисы былъ не только изощренный сценическій аппаратъ, но, прежде всего, гармоничный. У Савиной былъ далеко не безупречной красоты голосъ, и лицо Савиной далеко не было лицомъ красавицы. Но между голосомъ, между манерою говорить, лицомъ, жестами была какая-то совсѣмъ особая, вотъ именно безупречная гармонія. И именно этимъ была такъ очаровательна внѣшняя сторона Савинской игры. «У васъ каждое слово отточено, какъ слоновая кость», — сказалъ какъ-то Савиной Достоевскій. Это можетъ быть отнесено не только къ рѣчи Савиной.

Сочетаніе всего того въ Савиной, что я пробовалъ сейчасъ обозначить хоть блѣдными намеками, создало неповторяемое художественное явленіе.

Второе отдѣленіе вечера было цѣликомъ отдано музыкѣ — инструментальному тріо П. И. Чайковскаго «На смерть великаго артиста», въ исполненіи Д. С. Шора, Д. С. Крейна и Р. И. Эрлиха.

Первымъ номеромъ третьяго отдѣленія на программѣ значилось: «Изъ воспоминаній о М. Г. Савиной» М. А. Стаховича («Появленіе Савиной въ 70-хъ годахъ. Значеніе личности въ заслугахъ таланта; вліяніе ея на зрѣлое и молодое поколѣніе той эпохи. Постоянство въ служеніи русскому искусству и его дѣятелямъ. Отношеніе Савиной къ И. С. Тургеневу и Л. Н. Толстому. Почему память Савиной будетъ навсегда дорога ея сверстникамъ»), которыя долженъ былъ прочесть авторъ. Членъ Государственнаго Совѣта М. А. Стаховичъ, задержанный въ Петроградѣ экстренным засѣданіемъ, не могъ принять участія въ этомъ вечерѣ и прислалъ телеграмму съ выраженіемъ «искренняго сожалѣнія». Остальные номера этого отдѣленія были посвящены К. А. Варламову.

8-го марта 1916 года, въ полугодовой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, въ Театральномъ Бюро была отслужена въ 1 часъ дня панихида; отправляли ее тѣ же — священникъ М. Д. Смирновъ и діаконъ С. П. Фивейскій.

Присутствовали члены Московскаго Отдѣленія Совѣта, съ предсѣдательницей Отдѣленія А. А. Яблочкиной во главѣ, делегаты Мѣстныхъ Отдѣловъ Театральнаго Общества, пріѣхавшіе въ Москву на Съѣздъ, артисты Московскихъ и провинціальныхъ театровъ, служащіе Театральнаго Бюро и другіе.

12-го марта открылся въ Москвѣ четвертый Всероссійскій Делегатскій Съѣздъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества; засѣданія его происходили, какъ и въ предыдущіе годы, въ Театрѣ Незлобина.

Въ 1 часъ дня былъ отслуженъ здѣсь торжественный молебенъ, въ заключеніе котораго была возглашена «Вѣчная память» Маріи Гавріиловнѣ Савиной.

Самое открытіе Съѣзда состоялось въ 8 часовъ вечера, причемъ предсѣдательница Московскаго Отдѣленія Совѣта А. А. Яблочкина произнесла слѣдующее вступительное «слово»:

— Прежде, чѣмъ приступить къ дѣловой сторонѣ нашего Съѣзда, намъ слѣдуетъ вспомнить о той тяжелой утратѣ, которую понесло Театральное Общество.

Скончалась незабвенная Марія Гавріиловна Савина—великая артистка-художница, большое сердце, создательница и вдохновительница Театральнаго Общества и предсѣдательница его Совѣта.

Кончина Маріи Гавріиловны—тяжелый ударъ для всего театральнаго міра и всего русскаго искусства.

Отлетѣла душа Театральнаго Общества, и вамъ предстоитъ трудная и серьезная задача объединеніемъ, энергіей и любовью многихъ восполнить утраченную огромную силу.

Замѣнить Марію Гавріиловну Савину нельзя, но во имя ея, во имя вашего единенія и самоопредѣленія Театральное Общество должно существовать.

Будемъ надѣяться, что общими силами вамъ удастся найти вѣрный путь къ обновленію и укрѣпленію Театральнаго Общества.

Но помните, господа, что критиковать и уничтожать легче, чѣмъ созидать, и я убѣждена, что вы подойдете къ своей задачѣ бережно, не спѣша и не разрушая того, что есть цѣннаго въ Обществѣ, особенно его благотворительныхъ учрежденій.

Отъ души желаю вамъ продуктивной работы, которая бы подвела прочный фундаментъ подъ зданіе нашего Общества, чтобы оно росло, крѣпло во славу искусства, на благо русскаго актера и въ увѣковѣченіе имени создательницы Театральнаго Общества—Маріи Гавріиловны Савиной, память которой предлагаю почтить вставаніемъ.

Вся громада делегатовъ—на сценѣ и членовъ Общества—въ зрительномъ залѣ поднялась съ молчаливой и проникновенной серьезностью...

Предсѣдателемъ Съѣзда избирается Н. Д. Красовъ, который обращается къ Собранію съ слѣдующей рѣчью:

— Господа делегаты! Позвольте поблагодарить васъ за высокую честь, которую вы оказали мнѣ, избравъ предсѣдателемъ четвертаго Собранія Делегатовъ.

Оставляя за собою право подѣлиться съ вами нѣкоторыми мыслями, связанными съ переживаемымъ нашей родиной тяжелымъ историческимъ моментомъ, а также предстоящей работой, считаю своей обязанностью еще до выбора всего президіума указать на одно событіе, образовавшее цѣлую пропасть въ жизни Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Господа делегаты! Громада сценическихъ дѣятелей потеряла свою заступницу передъ сильными міра, великую печальницу за судьбы родного театра—въ лицѣ такъ неожиданно скончавшейся полгода тому назадъ основательницы нашего Общества, почетнаго его члена и предсѣдательницы его Совѣта—Маріи Гавріиловны Савиной.

Правду сказала глубокоуважаемая А. А. Яблочкина: изъ сценическаго міра вынули его душу. Но я скажу болѣе: у нашего исполнительнаго органа, у Совѣта, вынули его душу...

Нельзя въ нѣсколькихъ словахъ моими слабыми устами охарактеризовать геніальность ея художественнаго таланта, хотя бы въ общихъ чертахъ охватить всю многообразную высоко полезную благотворительную дѣятельность Маріи Гавріиловны, разсказать объ ея безсмѣнной продуктивной работѣ въ качествѣ члена Совѣта Общества. Ея имя будетъ вписано золотыми буквами на страницахъ исторіи Россіи.

Какъ лучше и цѣлесообразнѣе увѣковѣчить имя Савиной—это предстоитъ обсудить во время нашихъ занятій въ связи съ имѣющимся спеціальнымъ докладомъ. Но сейчасъ, какъ избранный вами предсѣдатель, предлагаю еще разъ почтить память этого великаго человѣка вставаніемъ.

Всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи встаютъ.

Послѣ выборовъ остальныхъ членовъ президіума, Н. Д. Красовъ предложилъ Собранію привѣтствовать вице-президента Общества—А. Е. Молчанова, пріѣхавшаго въ Москву поддержать Съѣздъ въ трудную для него минуту.

Всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ и привѣтствуютъ дружными долго не смолкающими рукоплесканіями.

А. Е. Молчановъ растроганно отвѣчаетъ:

— Отъ всего сердца благодарю васъ. Я являюсь въ настоящее время, можетъ быть, самымъ старымъ дѣятелемъ нашего Общества, пережившимъ съ нимъ въ теченіе почти тридцати пяти лѣтъ, съ самаго его основанія, всѣ его судьбы, всѣ его горя и радости; наиболѣе дѣйственно пришлось мнѣ поработать въ немъ со старымъ поколѣніемъ актеровъ, котораго уже теперь осталось немного. Но я радъ увидать, что и новое поколѣніе почувствовало мою любовь къ вамъ, дѣятелямъ сцены...

Да, господа, ваше дѣло было въ вѣрныхъ рукахъ. Богъ мнѣ судилъ великое счастье быть мужемъ Маріи Гавріиловны—и я лучше, чѣмъ кто-нибудь, знаю, что она была поистинѣ вашей душой, вашей «землячкой», чувствовала себя

до послѣдняго вздоха «изъ вашей деревни»,—какъ она сама говорила. За этимъ вотъ столомъ она горѣла душою за васъ и была всѣмъ вамъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ. Замѣнить ее нельзя. Я пріѣхалъ только по возможности замѣстить ее и сказать вамъ, что всѣмъ, чѣмъ смогу, я готовъ помогать вамъ...

Еще разъ благодарю васъ. Позвольте въ лицѣ Николая Дмитріевича Красова расцѣловать васъ всѣхъ.

Бурные аплодисменты и клики привѣтствій покрываютъ эти слова.

. . . .

Въ программу занятій четвертаго Делегатскаго Съѣзда былъ также включенъ вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

По этому поводу А. А. Яблочкина, отъ имени Совѣта, внесла предложеніе: прибавить къ названію «Императорское Русское Театральное Общество» слѣдующія слова: «созданное Маріей Гавріиловной Савиной», что вполнѣ соотвѣтствуетъ истинному значенію дѣятельности почившей великой артистки въ этомъ учрежденіи. Собраніе при громкихъ рукоплесканіяхъ единогласно утвердило предложеніе Совѣта.

Далѣе, говорилъ В. А. Градовъ:

— Господа делегаты! Сейчасъ вы изволили принять рѣшеніе, вполнѣ достойное той, чью память намъ предстоитъ увѣковѣчить. Отнынѣ имя Маріи Гавріиловны Савиной навѣки соединено съ ея созданіемъ — Императорскимъ Русскимъ Театральнымъ Обществомъ. Но ограничиться только этимъ мы не можемъ и не должны: память самаго большого нашего человѣка должна быть увѣковѣчена больше и значительнѣе, чѣмъ это сдѣлано сейчасъ. Мы, русскіе, вообще отличаемся тѣмъ, что своихъ великихъ людей слишкомъ мало цѣнимъ при жизни и очень быстро забываемъ по смерти. Въ этомъ отношеніи мы—прямая противоположность Западу. Тамъ давно уже усвоили ту простую истину, что вѣрнѣйшій путь къ самоусовершенствованію — это достодолжнымъ образомъ чтить дѣла и память выдающихся людей. Будь это во Франціи, памятникъ такого дѣятеля, какъ Марія Гавріиловна, былъ бы уже воздвигнутъ на какой-либо изъ Парижскихъ площадей. Чѣмъ была для Театральнаго Общества Марія Гавріиловна, вы всѣ знаете—и я, лишь въ подкрѣпленіе моихъ положеній, позволю себѣ подѣлиться съ вами личнымъ моимъ взглядомъ на то значеніе, какое имѣютъ въ моихъ глазахъ личность Маріи Гавріиловны и ея дѣла.

На зарѣ моей юности, почти ребенкомъ, мнѣ пришлось пережить моментъ, который навѣки врѣзался въ мою память и останется въ ней наиболѣе жуткимъ изъ воспоминаній. Я какъ сейчасъ помню сумрачный день, огромную площадь передъ дворцомъ и стотысячную толпу людей, съ глазами полными ужаса, тревоги и горя, устремленными на развѣвающійся надъ дворцомъ штандартъ. Царило жуткое, напряженное, недвижное молчаніе... И вдругъ вся эта толпа дрогнула, какъ одинъ человѣкъ, какъ изъ одной груди вылетѣлъ глухой подавленный стонъ ужаса: штандартъ медленно, медленно сталъ опускаться, дошелъ до половины флагштока и... остановился. Послышались рыданія, толпа, крестясь, стала опускаться на колѣни — и полные недоумѣннаго страха возгласы: «Что же будетъ дальше? Господи! Что же это будетъ?!» — тяжелой волной прокатились по площади отъ края и до края. Этой минуты мнѣ не забыть никогда! Почти такое же чувство я пережилъ въ тотъ моментъ, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной: мнѣ казалось, что я снова, какъ тотъ мальчикъ, затерянный въ толпѣ, полными ужаса глазами слѣжу за тѣмъ, какъ надъ Театральнымъ Обществомъ, этимъ зданіемъ, построеннымъ Маріей Гавріиловной, медленно, медленно опускается до половины древка ея флагъ, ею воздвигнутое знамя, въ знакъ великаго траура, безконечной скорби, какъ символъ того, что отлетѣла душа Театральнаго Общества, ушелъ его ангелъ-хранитель, отошла его некоронованная царица. И тотъ же мучительный, гнетущій вопросъ: «Что же будетъ дальше?!» — тяжелымъ камнемъ легъ на душу и мозгъ, вытѣсняя изъ нихъ всѣ остальныя чувства и мысли...

Событія послѣдующихъ дней показали, что моя тревога за будущее была не напрасна: цементъ, крѣпко связывавшій насъ воедино, разсыпался — и мы пошли врозь, вразбродъ... Она, одна она могла и умѣла спаять разрозненные элементы нашего Общества и объединить въ себѣ, въ своей замѣчательной личности, въ своей беззавѣтной любви къ намъ!..

Вотъ почему я говорю: мы слишкомъ многимъ обязаны ей и должны неустанно изыскивать новые и новые способы и формы увѣковѣченія памяти нашего самаго большого человѣка. Мнѣ казалось, что нужно имя Маріи Гавріиловны еще тѣснѣе, интимнѣе связать съ Театральнымъ Обществомъ.

И вотъ, когда я думалъ объ этомъ, мнѣ пришло на память одно событіе, которое по своимъ послѣдствіямъ

является огромной аналогией настоящему. Во время Кавказской войны маленькую крѣпость — Михайловское укрѣпленіе, затерянную въ горахъ, осадили чеченцы, численностью чуть ли не въ десять разъ превосходившей гарнизонъ. Начался штурмъ съ двухъ сторонъ. И вотъ одинъ изъ защитниковъ укрѣпленія—рядовой Архипъ Осиповъ, замѣтивъ, что огромная толпа горцевъ готова ворваться въ укрѣпленіе съ той стороны, гдѣ находились пороховые погреба и которая была совсѣмъ не защищена, испросилъ благословеніе у священника, схватилъ горящій фитиль, бросился въ пороховой погребъ и взорвалъ его, похоронивъ подъ развалинами и себя, и наступавшаго врага. Крѣпость была спасена, а имя Архипа Осипова увѣковѣчено тѣмъ, что онъ навѣки зачисленъ въ списки полка и, пока будетъ существовать славная Кавказская армія и геройскій Тенгинскій полкъ, при всѣхъ перекличкахъ, на возгласъ: «Архипъ Осиповъ» — правофланговый изъ вѣка въ вѣкъ за своего однополчанина, незримо присутствующаго на перекличкѣ, будетъ отвѣчать: «Погибъ во славу русскаго оружія 22-го марта 1840 года»... Вотъ такъ мнѣ хотѣлось бы увѣковѣчить и Марію Гавріиловну. Какъ простой рядовой работникъ, она трудилась на пользу дорогого ей Театральнаго Общества; въ трудныя и опасныя минуты она не разъ выручала, спасала его и умерла на своемъ посту. Такъ пусть же имя ея на вѣки-вѣчные пребудетъ въ спискахъ «ИРТО». Въ отдѣлѣ состава Совѣта пусть въ первой строкѣ значится: «Почетный предсѣдатель Совѣта Марія Гавріиловна Савина — умерла 8-го сентября 1915 года». Пусть она вѣчно и присутствуетъ въ нашемъ Совѣтѣ и незримо вдохновляетъ его на плодотворную работу тому Обществу, которое она при жизни любила такой безконечной любовью.

Второе мое предложеніе заключается въ слѣдующемъ. Марія Гавріиловна всю жизнь говорила, что только образованіе дѣлаетъ людей. Она сама всю жизнь училась—и одной изъ ея главныхъ заботъ было, чтобы актерскія дѣти получили то, что въ дальнѣйшей ихъ жизни помогло бы имъ стать честными людьми и полезными гражданами,—образованіе... Чѣмъ же лучше мы почтимъ и увѣковѣчимъ память этого исключительнаго человѣка, какъ не тѣмъ, что учредимъ на средства Театральнаго Общества 4 стипендіи—2 въ среднихъ и 2 въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—имени почетнаго предсѣдателя Совѣта «ИРТО»—Маріи Гавріиловны

Савиной. Пусть тѣ, кто будетъ учиться на этихъ стипендiяхъ, съ благодарной любовью чтутъ и благословляютъ ея имя.

И, наконецъ, третье мое предложенiе: установить въ Бюро мраморную доску для начертанiя на ней именъ нашихъ большихъ людей—и пусть на этой доскѣ первымъ будетъ увѣковѣчено имя Марiи Гаврiиловны Савиной.

Выслушавъ эти предложенiя, Съѣздъ постановилъ:

1) Хранить на вѣчныя времена имя Марiи Гаврiиловны Савиной въ спискахъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, на первомъ мѣстѣ, въ качествѣ «почетной предсѣдательницы Совѣта».

2) Учредить 4 стипендiи имени Марiи Гаврiиловны Савиной въ учебныхъ заведенiяхъ (2—въ мужскихъ и 2—въ женскихъ) для дѣтей сценическихъ дѣятелей, причемъ, до образованiя спецiальныхъ на этотъ предметъ средствъ, «наименовать стипендiями ея имени имѣющiяся въ Обществѣ вакансiи» этого назначенiя.

3) Собранный «фондъ имени Марiи Гаврiиловны Савиной» перечислить въ капиталъ стипендiи ея имени въ Убѣжищѣ Общества въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, въ Петроградѣ, на Петровскомъ островѣ.

4) Утвердить учрежденiе «первой койки имени Марiи Гаврiиловны Савиной» въ устраиваемомъ въ Москвѣ Убѣжищѣ для увѣчныхъ на войнѣ артистовъ-воиновъ и престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

5) Помѣстить въ Театральномъ Бюро Общества мраморную доску и занести на нее первымъ—имя Марiи Гаврiиловны Савиной.

18-го марта, днемъ, происходило въ Театрѣ Незлобина Годовое Общее Собранiе членовъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, почтившее вставанiемъ свѣтлую память незабвенной Марiи Гаврiиловны Савиной.

ПРОВИНЦІЯ.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ

(Екатеринославской губерніи).

Сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, 17-го октября 1915 года, совпалъ съ открытіемъ здѣсь Мѣстнаго Отдѣла Театральнаго Общества, который и началъ свою дѣятельность, почтивъ вставаніемъ память великой усопшей.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Газета «Сѣверное Утро» (18-го октября 1915 года, № 231) сообщаетъ:

«Вчера, въ 2 часа дня, по иниціативѣ Архангельскаго Мѣстнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, въ сороковой день по кончинѣ заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, въ Рождественской церкви мѣстнымъ причтомъ была совершена панихида, на которой присутствовали: артистки и артисты труппы А. С. Зборовскаго, во главѣ съ режиссеромъ труппы Ю. Б. Мирскимъ, уполномоченный Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества—В. Ѳ. Бидо, представители мѣстной прессы и много молящихся».

АСТРАХАНЬ.

Астраханскій уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества—Ѳ. И. Дерюжкинъ доноситъ:

«Имѣю честь увѣдомить, что 17-го октября сего года, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, была отслужена панихида. Затѣмъ, мною переданъ дирекціи М. А. Смоленскаго подписной листъ для сбора среди сценическихъ дѣятелей пожертвованій на увѣковѣченіе славнаго имени Маріи Гавріиловны Савиной».

БАКУ.

Драматическая труппа А. В. Полонскаго и уполномоченный Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Театральнаго Общества С. А. Айвазовъ сегодня, въ сороковой день кончины

Маріи Гавриловны САВИНОЙ

приглашаютъ всѣхъ желающихъ почтить память усопшей, пожаловать на панихиду, имѣющую состояться въ 2½ ч. дня, въ Александро-Невскомъ соборѣ.

4532 1

Собрались на панихиду: въ полномъ составѣ играющая въ театрѣ Тагіева драматическая труппа, во главѣ съ предпринимателемъ А. В. Полонскимъ, представители малороссійской труппы Д. А. Гайдамаки, въ ихъ числѣ артисты Л. Я. Манько и П. Ѳ. Листопадъ, мѣстный уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества—С. А. Айвазовъ и другіе.

Послѣ панихиды, среди артистовъ труппы А. В. Полонскаго состоялась подписка на «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

БЛАГОВѢЩЕНСКЪ.

Въ газетѣ «Благовѣщенское Утро» (13-го и 17-го октября 1915 года, №№ 223 и 227) напечатано:

«Памяти М. Г. Савиной. Въ сороковой день кончины извѣстной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, по примѣру всей театральной Россіи, 17-го октября, труппой Е. М. Долина, въ Театрѣ Общественнаго Собранія, въ 2 часа дня, будетъ отслужена панихида. Желающихъ почтить память покойной просятъ придти не позже 2-хъ часовъ дня».

ВИТЕБСКЪ.

Витебскій уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества — Е. А. Завойчинскій увѣдомляетъ, «что въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной въ Спасской церкви города Витебска была отслужена панихида, въ присутствіи: артистовъ мѣстной труппы, предсѣдателя Городской Театральной Комиссіи—П. Ѳ. Коссова, уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О.—Е. А. Завойчинскаго и почитателей таланта покойной. Приглашенія на панихиду были разосланы антрепренеромъ Г. К. Невскимъ».

ВОРОНЕЖЪ.

12-го октября 1915 года въ Воронежскомъ Городскомъ театрѣ состоялось открытіе Мѣстнаго Отдѣла Театральнаго Общества. Протоколъ этого засѣданія гласитъ:

«Предсѣдатель собранія, уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. — В. Л. Мюфке сказалъ, что прежде, чѣмъ приступить къ дѣламъ, поставленнымъ на обсужденіе сегодняшняго собранія, онъ позволяетъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу постигшей Общество тяжелой и незамѣнимой утраты въ лицѣ предсѣдательницы Совѣта Общества — Маріи Гавріиловны Савиной. То, что сдѣлала для русскаго актера Марія Гавріиловна Савина, принимая живѣйшее участіе въ созданіи Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, а также и въ проведеніи въ жизнь новаго устава Общества, дающаго надежду на лучшее будущее въ жизни служителей русской сцены, такъ велико, что только исторія будетъ въ состояніи произвести должную оцѣнку. Предлагается почтить ея память вставаніемъ, что единодушно и исполняется собраніемъ»...

. . . .

...«В. И. Никулинъ, бывшій въ Петроградѣ на похоронахъ Маріи Гавріиловны Савиной, передалъ о томъ удручающемъ состояніи, какое царило въ эти печальные дни въ Совѣтѣ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества. Очертивъ въ краткихъ словахъ дѣятельность Маріи Гавріиловны, бывшей не только создательницей Общества, его предсѣдательницей, но и, — какъ она сама себя называла, — «старшимъ разсыльнымъ» по всѣмъ министерствамъ и «сильнымъ міра сего», хлопотавшей по дѣламъ Общества и собравшей въ кассу Общества болѣе милліона рублей, В. И. Никулинъ указалъ, что созданное при ея горячемъ участіи Императорское Русское Театральное Общество, находясь въ административномъ центрѣ, является единственнымъ органомъ защиты интересовъ сценическаго міра. И, такимъ образомъ, при отсутствіи у насъ спеціальныхъ законовъ о театрѣ, заставляетъ насъ, съ душевнымъ трепетомъ за судьбу этого учрежденія, оберегать его, какъ замѣняющее, хотя бы только отчасти, имѣющееся во Франціи Министерство Изящныхъ Искусствъ. Вѣдь у насъ, — воскликнулъ В. И., — имѣется лишь одна статья о пресѣченіи преступленій и о нарушеніи общественной тишины и спокойствія, регламентирующая жизнь театра! А, между тѣмъ, театръ въ настоящее время является крупнѣйшимъ факторомъ культуры родной страны и просвѣщенія массъ народныхъ. Согласно постановленія Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, 17-го октября, по

всей Россіи будутъ отслужены панихиды и произведенъ сборъ пожертвованій на увѣковѣченіе памяти ея, причемъ будущему Собранію Делегатовъ, великимъ постомъ, въ Москвѣ, будетъ предоставлено избрать лучшій способъ рѣшенія этого вопроса. Въ Воронежѣ В. И. Никулинъ предложилъ отслужить въ Митрофановскомъ монастырѣ 17-го октября панихиду, послѣ которой произвести среди артистовъ сборъ пожертвованій, а вечеромъ поставить въ театрѣ спектакль въ память Маріи Гавріиловны Савиной. Предложеніе это было принято единогласно».

17-го октября, въ 3 часа дня, въ сороковой день кончины Великой Русской артистки
Маріи Гавриловны
САВИНОЙ,
въ соборѣ Митрофановскаго монастыря будетъ отслужена панихида.
Мѣстный Отдѣлъ И Р Т. О-ва.

Панихиду совершалъ намѣстникъ Митрофановскаго монастыря архимандритъ отецъ Александръ Кременецкій, въ присутствіи представителей артистическаго и газетнаго міра, а также почитателей таланта покойной.

Въ тотъ же день среди мѣстныхъ сценическихъ дѣятелей былъ произведенъ сборъ «актерской копейки» «въ фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

Вечеромъ 17-го октября былъ данъ въ Городскомъ театрѣ спектакль, посвященный памяти «великой печальницы о нуждахъ сценическаго міра»—Маріи Гавріиловны Савиной; шла пьеса А. С. Суворина «Татьяна Рѣпина».

Передъ началомъ спектакля поднялся занавѣсъ. На авансценѣ возвышался портретъ Савиной, убранный лаврами и цвѣтами и задрапированный трауромъ. Вокругъ стояла вся труппа. Выступилъ В. И. Никулинъ и сказалъ слѣдующее «слово»:

> Она вышла на дорогу темной ночью... Дорога же наша тогда была истинно тернистая, а жизнь наша—мрачна и тяжела, какъ непроницаемая, темная ночь глубокой осенью.
>
> Скромная дочь безвѣстнаго учителя, она, эта лучшая, прекраснѣйшая русская женщина, вступила на тернистый

актерскій путь, одаренная «Божіей милостью» лишь великимъ талантомъ «глаголомъ истины жечь сердца людей»... Пошла съ вѣрой въ свое высокое призваніе и беззавѣтной готовностью отдать все свое сердце на служеніе обездоленнымъ условіями жизни и работы того времени товарищамъ.

И увидала она тогда, что тамъ, по дорогамъ необъятной матушки-Руси, гдѣ нынѣ расходится множество рельсовыхъ путей, гдѣ сейчасъ мчатся велосипеды, мотоциклеты, автомобили, а надъ ними рѣятъ аэропланы и «Ильи-Муромцы», пробирались пѣшкомъ голодные и усталые пилигримы—родные Несчастливцевы и Счастливцевы, съ убогими котомками на плечахъ.

Даже богадѣльня для этихъ «бродягъ» являлась недосягаемой мечтой, такъ какъ «города» не считали возможнымъ лишать коекъ своихъ обывателей для никому невѣдомыхъ чужихъ приблудныхъ людей.

Нерѣдко можно было въ то время встрѣтить у какой-нибудь корчмы продрогшихъ, озябшихъ, небритыхъ театральныхъ трагиковъ и комиковъ, въ ожиданіи, чтобы проѣзжій купецъ или усатый помѣщикъ съ краснымъ околышемъ пригрѣлъ и напоилъ ихъ... А у меценатовъ того времени, какъ извѣстно, принципъ по отношенію къ этимъ жрецамъ Мельпомены былъ одинъ: «пить — сколько хочешь и закусывать тоже допускается сколько угодно, но деньгами ни-ни!»...

Такъ, натѣшившись вдоволь, меценатъ мчался далѣе въ свое помѣстье, звеня колокольцами, подъ хлопанье бича и пѣсни ямщика, а бѣднякъ-актеръ, взваливши на плечи «библіотечку-съ, бутафорскія мелкія вещи и ордена-съ», плелся дальше, въ надеждѣ пристать въ Сорокахъ или Ямполѣ къ какой-нибудь труппѣ, которая подвизалась въ хлѣбномъ амбарѣ, съ нарисованнымъ на бѣлой стѣнѣ черной сажей лѣсомъ...

Каково было отношеніе общества къ лицедѣямъ, лучше всего можно судить по очень популярному въ то время стихотворенію, которое съ глубокой горечью читали вездѣ въ дивертисментахъ почти всѣ лучшіе чтецы-артисты. Вотъ первыя строки:

Въ честномъ трудѣ всѣ дороги равны—
Повода нѣтъ для позора.
Въ мірѣ жъ общественномъ
Смотрятъ не такъ на назначенье актера...

Всѣ мы привыкли судить,
Что ему съ словомъ «порядочность» трудно ужиться:
Цѣль его жизни есть праздность—
И лишь... на безпутство годится.

Общество мало до нашихъ временъ
Вѣритъ въ искусство святое
И съ укоризной глядитъ на него,
Какъ на занятье пустое...

И такъ далѣе... И тому подобное...

Вотъ что увидала и услышала вступившая на актерскій путь нѣкая дѣвица Стремлянова... И это никогда не могла забыть она, обратившаяся изъ скромной дочери учителя въ великую учительницу жизни, геніальную толковательницу безсмертныхъ образовъ родной и всемірной литературы, лучшую русскую артистку—Савину.

Въ Россіи были, есть и будутъ великіе, геніальные артисты и артистки, но такой, какъ Марія Гавріиловна Савина,—я это говорю во всеуслышаніе,—которая отдавала бы всю свою жизнь, весь успѣхъ, все обаяніе своего таланта, всю любовь, которой она пользовалась съ самыхъ высокихъ сферъ, куда еле достигаетъ нашъ взоръ, до «меблирашки» студента, угла рабочаго и хижины бѣдняка, на служеніе товарищамъ-актерамъ, «своимъ землякамъ», людямъ «изъ той же деревни», какъ она насъ, провинціальныхъ артистовъ, называла, — не было и нѣтъ... А будетъ ли?... Богъ вѣдаетъ! Хочется вѣрить, что будетъ!..

Вступивши тріумфаторшей въ чертоги Александринскаго театра, живя и творя въ храмѣ рядомъ съ дворцами, она помнила о провинціальныхъ актерахъ, обреченныхъ работать въ страшно тяжелыхъ условіяхъ провинціальнаго театра. Она знала, что мы безправны, что мы зависимъ отъ усмотрѣнія любого «лица», понимала, что у всѣхъ другихъ работниковъ, какой бы то ни было отрасли, есть законы, худые ли, хорошіе—это другой вопросъ, но они есть, тогда какъ театръ—внѣ закона, онъ заключается весь въ статьѣ о пресѣченіи преступленій и о соблюденіи порядка и тишины въ общественномъ мѣстѣ.

И вотъ началась созидательная работа Маріи Гавріиловны Савиной.

Сначала мы видимъ ее въ Обществѣ Вспомоществованія Сценическимъ Дѣятелямъ.

Но она чувствуетъ, видитъ, сознаетъ, что этого мало. Нельзя ограничиться одной благотворительностью,—необходимо создать такое учрежденіе, чтобы оно объединило сценическій міръ на началахъ этическихъ, экономическихъ и взаимной помощи, чтобы оно, это учрежденіе, пользовалось въ глазахъ вершителей судебъ, центральныхъ правительственныхъ сферъ, авторитетомъ и значеніемъ возникшаго изъ самой жизни «министерства». И рука объ руку съ замѣчательнымъ общественнымъ дѣятелемъ, впослѣдствіи ея мужемъ,—Анатоліемъ Евграфовичемъ Молчановымъ, они создаютъ Императорское Русское Театральное Общество. Историкъ и театральный лѣтописецъ разскажетъ, что дѣлало и значило для насъ И. Р. Т. О. Мы же, работавшіе въ немъ рядомъ съ нашей свѣтлой Маріей Гавріиловной Савиной, можемъ только до конца дней своихъ благословлять память этой замѣчательной женщины, которая соединяла въ своемъ лицѣ великую артистку, выдающагося общественнаго дѣятеля и родную мать для всего провинціальнаго актерства.

Восемнадцать лѣтъ я былъ счастливъ видѣть ее за безпрестанной работой на пользу сценическаго міра и я же недавно, сорокъ дней назадъ, былъ глубоко несчастливъ видѣть, какъ ее, нашу Марію Гавріиловну, погребали въ томъ самомъ Убѣжищѣ престарѣлыхъ артистовъ, которое она же создала, и рядомъ съ тѣмъ самымъ Пріютомъ актерскихъ сиротъ, который ею былъ вызванъ къ жизни...

Она вышла на дорогу темной ночью... А окончила свой путь при яркомъ свѣтѣ дня...

Но мы осиротѣли!..

И насъ постигло большое горе!..

Присоединитесь же и вы, милостивыя государыни и милостивые государи, къ нашей скорби—и почтимъ вмѣстѣ память этой великой русской женщины и артистки.

Всѣ въ глубокомъ молчаніи встали, и занавѣсъ медленно опустился.

ДЕРБЕНТЪ.

Мѣстный уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества—Е. И. Тарасенко увѣдомляетъ: «Память нашей геніальной артистки Маріи Гавріиловны Савиной была почтена здѣсь въ сороковой день ея кончины панихидой, отслуженной въ соборѣ».

ЕВПАТОРІЯ.

Въ субботу 17 сего октября въ 1 час. дня въ гимназической церкви по случаю сорокового дня кончины заслуженной артистки Императорскихъ театровъ

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ

САВИНОЙ

будетъ отслужена торжественная панихида.

Всѣ почитающие память великой русской артистки приглашаются помолиться объ усопшей.

Въ газетѣ «Евпаторійскія Новости» (18-го октября 1915 года, № 1087) напечатано:

ПАНИХИДА ПО М. Г. САВИНОЙ.

Вчера, въ сороковой день кончины великой русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной, въ гимназической церкви благочиннымъ Евпаторійскаго округа—протоіереемъ отцомъ В. Бощановскимъ, при соединенномъ хорѣ учащихся обѣихъ гимназій, была отслужена торжественная панихида.

Передъ панихидой отецъ В. Бощановскій обратился къ присутствующимъ со слѣдующимъ «словомъ»:

> «Благій и добрый рабе!.. Вниди въ радость Господа своего» (Мѳ. 25, 21).
>
> Давно-давно прозвучали эти дивныя и сладчайшія для человѣческаго сердца слова. Ихъ произнесли уста Божественнаго Учителя; въ нихъ открылась глубочайшая тайна человѣческой жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея свѣтлая конечная цѣль.

«Вниди въ радость Господа своего». Да, жизнь человѣческая не пустая игра глупаго случая; это непрестанное дѣланіе; это полное глубокаго трагизма скитаніе человѣка по дебрямъ грѣшной земли, въ цѣляхъ постиженія божественной правды. Понятно. Какъ ни велика тяжесть человѣческаго грѣха, однако, она не въ состояніи погасить мерцающую въ душѣ человѣка искру Божества. Отсюда вѣчное тяготѣніе человѣческаго духа «во дворы Господни», въ область немерцающаго свѣта, въ обители Отца Небеснаго, гдѣ мятущійся духъ человѣка чаетъ найти разрѣшеніе своихъ недоумѣній, свой покой, свою радость.

Многоразличны пути, ведущіе человѣка «во дворы Господни», какъ многоразличны и дарованія человѣческаго духа. Однихъ изъ сыновъ и дщерей человѣческихъ мы видимъ трудящимися на широкой нивѣ научныхъ изысканій, другихъ на различныхъ поприщахъ государственно-общественной жизни, третьихъ всецѣло отдающихъ свои дарованія служенію чистому искусству въ его многоразличныхъ видахъ. Если первые, разбираясь въ великихъ книгахъ природы и божественнаго духа, пытаются глубже и шире понять и усвоить мысли и намѣренія Творца всяческихъ, вторые, плѣняясь возвышеннымъ духомъ христіанской морали, стараются вдохнуть ея живоносныя начала въ государственно-общественную жизнь, то третьи—служители чистаго искусства—неустанно будятъ человѣческій духъ, являя ему въ плѣнительно-художественной формѣ не только то, что есть и чѣмъ бываетъ, но и то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, какъ единственный свободно-разумный выразитель на землѣ божественнаго нравственнаго начала.

Мы собрались молитвенно почтить память Маріи Гавріиловны Савиной. Почившая была блестящей представительницей русскаго сценическаго искусства; это—сила незаурядная; это—одна изъ первостепенныхъ звѣздъ въ русскомъ сценическомъ мірѣ. Не одинъ и не два, а цѣлыхъ пять талантовъ даровалъ почившей Господь. Та глубокая искренняя скорбь, съ которой проводило почившую въ могилу русское интеллигентное общество, убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Марія Гавріиловна не зарыла въ землю своихъ талантовъ... Но въ жизни почившей отмѣчена еще одна черта. Въ нагорной проповѣди Божественнаго Учителя среди дивныхъ изреченій о духовно-нравственной жизни читаемъ: «Когда твориши милостыню... пусть лѣвая твоя рука

не знаетъ, что дѣлаетъ правая». Наставленіе Великаго Учителя было глубоко усвоено сердцемъ почившей. Одаренная отъ Господа рѣдкимъ талантомъ, отмѣченная вниманіемъ земного царя, Савина обладала не малыми матеріальными средствами. И вотъ бóльшую часть этихъ средствъ чуткая душа великой русской артистки отдавала туда, гдѣ ютилась нужда, и притомъ такъ, что лѣвая рука ея не вѣдала, что дѣлала правая.

Вѣчная, молитвенная память о талантливой служительницѣ чистаго искусства да пребудетъ среди насъ. Грѣхи да проститъ ей милосердный Господь, а за доброе чуткое сердце да возрадуетъ ея душу сладчайшимъ призывомъ: «Благій и вѣрный рабе!.. Вниди въ радость Господа своего».

На панихидѣ присутствовали: директоръ гимназіи—А. К. Самко, инспекторъ—П. М. Политовъ, преподаватели и преподавательницы гимназій, предсѣдатель вновь открывающагося въ Евпаторіи Литературно-Артистическаго Общества, непремѣнный членъ Землеустроительной Комиссіи—Д. В. Познанскій, уполномоченный Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества—В. Б. Школьникъ и другіе.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

Екатеринбургскій уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О.—А. В. Комаровъ сообщаетъ, «что въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной въ Екатеринбургѣ труппою П. П. Медвѣдева, въ здѣшней приходской Вознесенской церкви, была отслужена панихида».

Предложеніе принять участіе въ «фондѣ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной» было «собраніемъ труппы встрѣчено сочувственно, причемъ большинство артистовъ высказалось за отчисленіе съ этой цѣлью извѣстной суммы отъ предположеннаго спектакля въ пользу благотворительныхъ учрежденій Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Здѣсь также въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной память ея была почтена драматической труппой Берже, отслужившей панихиду въ театрѣ.

Мѣстный Отдѣлъ Театральнаго Общества, вполнѣ сочувствуя идеѣ «фонда увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной», остановился на мысли произвести денежный сборъ путемъ доброхотныхъ пожертвованій артистами труппы, либо путемъ процентнаго отчисленія отъ одного изъ спектаклей.

ИРКУТСКЪ.

Въ донесеніи мѣстнаго уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. — О. М. Першиной указывается, «что въ сороковой день смерти Маріи Гавріиловны Савиной была отслужена панихида артистами Городского театра».

КАЗАНЬ.

Въ газетѣ «Казанскій Телеграфъ» (17-го октября 1915 года, № 6700) появилось, за подписью Ю. Г., слѣдующее воззваніе:

«Сегодня, 17-го октября, исполняется сорокъ дней съ печальнаго момента кончины заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Савиной. Потеря такой огромной и исключительной художественной силы, какъ скончавшаяся Марія Гавріиловна, по праву и справедливости стяжавшая себѣ своимъ талантомъ имя «гордости русской сцены», является горемъ не одной только семьи артистовъ и даже не одного только русскаго театральнаго міра. Это—горе всей Россіи, всей русской культуры, всѣхъ тѣхъ, кому дорого наше родное искусство. Не сомнѣваемся поэтому, что Казань, неизмѣнно принимавшая къ сердцу судьбы русскаго театра и чутко слѣдившая за постепеннымъ ростомъ его славы, не останется нѣмой свидѣтельницей его печали въ день поминовенія, по обрядамъ православной церкви, одной изъ крупнѣйшихъ его величинъ. Сегодня семья казанскихъ артистовъ собирается и приглашаетъ всѣхъ желающихъ помолиться за упокой свѣтлой души оплакиваемой ею Маріи Гавріиловны Савиной. Панихиды будутъ отслужены: въ 1 часъ дня труппой Городского театра—въ Грузинской церкви; въ 3 часа дня Театральной Комиссіей Новаго Клуба и труппами Новаго и Большого театровъ—въ фойе Новаго театра. Почтимъ же дорогую память усопшей!».

На этихъ богослуженіяхъ собрались помолиться: актеры и актрисы мѣстныхъ труппъ, члены Театральной Комиссіи, исполняющій обязанности мѣстнаго уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. — П. Н. Михайловъ, представители литературнаго міра и много посторонней публики.

Въ тотъ же день среди артистовъ состоялся сборъ на «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

КАЛУГА.

16-го октября, наканунѣ сорокового дня кончины Маріи Гавріиловны Савиной, здѣшней труппой, подъ управленіемъ Е. Ѳ. Боура, былъ данъ спектакль, 20 процентовъ сбора съ котораго было отчислено въ фондъ увѣковѣченія памяти почившей великой артистки.

На слѣдующій день, 17-го, утромъ, по иниціативѣ тѣхъ же артистовъ, была отслужена панихида въ церкви Успенія.

КИСЛОВОДСКЪ.

Въ газетѣ «Пятигорское Эхо» (17-го октября 1915 года, № 231) напечатано:

«Кисловодскъ. Панихида по М. Г. Савиной. Въ субботу, 17-го октября, въ сороковой день кончины заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, въ мѣстномъ соборѣ артистами Кисловодскаго театра-курзала будетъ отслужена панихида по усопшей. Желающихъ почтить память незабвенной артистки просятъ пожаловать къ 11-ти часамъ утра въ мѣстный соборъ къ началу панихиды».

КІЕВЪ.

Артисты и Дирекція театра Соловцовъ извѣщаетъ, что въ ночь на 8-е сентября скончалась заслуженная артистка Императорскихъ театровъ

Марія Гавриловна Савина.

Панихида будетъ отслужена 11 сентября, въ 3 ч. дня въ Александро-Невской церкви.

Газета «Послѣднія Новости» (12-го сентября 1915 года, № 3305) говоритъ:

«На панихидѣ присутствовали артисты театра «Соловцовъ», нѣкоторые журналисты и очень немного посторонней публики. Это послѣднее, такъ же, какъ и отсутствіе представителей остальныхъ мѣстныхъ театровъ, слѣдуетъ всецѣло объяснить позднимъ оповѣщеніемъ о днѣ и часѣ панихиды».

Во избѣжаніе этого, было рѣшено въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной объединить всѣ Кіевскіе театры для общаго участія въ поминовеніи памяти почившей артистки. Съ этой цѣлью Н. Н. Синельниковымъ, антрепренеромъ театра «Соловцовъ», были разосланы спеціальныя воззванія во всѣ мѣстные театры и въ Кіевскій Литературно-Артистическій Клубъ съ предложеніемъ почтить память Маріи Гавріиловны Савиной устройствомъ общей панихиды.

Дирекція и Артисты Кіевскихъ театровъ: **„Соловцовъ", „Городского" „Кручинина", „Ливскаго", „Интимнаго". Мѣстный Отдѣлъ И. Р. Т. О.** при Городскомъ театрѣ и **Литературно-Артистическій Клубъ** симъ извѣщаютъ, что въ **сороковый день по кончинѣ заслуженной** артистки Императорскихъ театровъ

Маріи Гавріиловны Савиной,

въ субботу, 17-го октября с. г., въ 3 часа дня во Владимирскомъ соборѣ будетъ отслужена панихида по усопшей.

11-го октября въ Городскомъ театрѣ происходило, подъ предсѣдательствомъ М. Ѳ. Багрова, совѣщаніе оперной труппы по поводу участія въ ознаменованіи памяти Маріи Гавріиловны Савиной. Совѣщаніе постановило:

1) Принять участіе въ устройствѣ общей панихиды отъ всѣхъ Кіевскихъ театровъ въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной.

2) Открыть подписку среди артистовъ «для образованія фонда имени Савиной, со спеціальнымъ назначеніемъ на поддержку благотворительныхъ учрежденій Театральнаго Общества—Пріюта для дѣтей-сиротъ артистовъ и Убѣжища для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей».

3) Устроить съ тою же цѣлью большой концертъ въ Городскомъ театрѣ.

Среди мѣстныхъ сценическихъ дѣятелей возникла мысль организовать 17-го октября, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, кружечный сборъ въ театрахъ. Для осуществленія этого проекта рѣшено было обратиться къ высшимъ властямъ за соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ.

Между тѣмъ, въ Кіевскомъ Литературно-Артистическомъ Клубѣ шли дѣятельныя приготовленія къ устройству спеціальнаго «литературнаго музыкальнаго вечера памяти Маріи Гавріиловны Савиной», который и состоялся 17-го октября.

М. Г.

Въ Субботу, 17-го октября с. г., въ Кіевскомъ Литературно-Артистическомъ Клубѣ состоится для членовъ Клуба и гостей (по рекомендаціи членовъ), **Литературно-музыкальный вечеръ**

Памяти Маріи Гавриловны Савиной,

Участвуютъ: Г-жи Л. В. Болотина, Н. И. Кварталова, С. А. Королькова, М. І. Кохацкая, Е. М. Михайлова-Руднева, В. П. Янова, Г.г. И. В. Александровскій, А. Д. Каратовъ, М. И. Левинъ, Н. И. Николаевъ, Н. А. Поповъ, М. Б. Рабиновичъ, И. Б. Скоморовскій, С. В. Тарновскій, В. А. Чаговецъ, Д. М. Ярославскій.

Портретъ М. Г. Савиной работы художника И. Ф. Селезнева.

Начало въ 10 часовъ вечера.

Для Г.г. членовъ Клуба входъ безплатный, гости платятъ 1 рубль.

Совѣтъ Директоровъ.

Эстраду украшалъ портретъ почившей артистки, написанный къ этому дню художникомъ И. Ф. Селезневымъ.

Для начала, А. П. Штейнбергъ исполнилъ прелюдію на фисгармоніи.

Затѣмъ, слѣдовалъ докладъ Н. И. Николаева:

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ [1]).

У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ...
Н. А. Некрасовъ.

«Всѣ люди смертны»... Такова первая половина стараго латинскаго силлогизма, заключающая въ себѣ старую же и общеизвѣстную истину... Но когда оправданіе этой старой, общеизвѣстной, ставшей трюизмомъ, истины приходится на близкое, дорогое вамъ лицо,—она становится новой, неожиданной и... ужасно несправедливой. Умерла Марія Гавріиловна Савина... Когда я, находясь далеко отъ Кіева, въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, прочелъ объ этомъ въ газетѣ, строчки телеграммы запрыгали у меня передъ глазами, горло сжали спазмы, я былъ въ буквальномъ смыслѣ слова ошеломленъ этимъ извѣстіемъ, казавшимся какой-то ненужной чудовищной мистификаціей. Умерла Савина!.. Я, разумѣется, не думалъ, что она безсмертна, что на нее не простирается всеразрушающее вліяніе времени. Нѣтъ... Я зналъ, что и она, несмотря на всѣ необыкновенныя свойства своей высокоодаренной натуры, умретъ. Ибо говоря словами поэта:

Листьямъ дубравы подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ разстилаетъ, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая, рождаетъ и съ новой весной возращаетъ...
Такъ человѣки: тѣ нарождаются, тѣ погибаютъ...

И, тѣмъ не менѣе, ея смерть была, для меня по крайней мѣрѣ, такой жестокой неожиданностью, которая поражала своей очевидной несправедливостью.

Почему жребій палъ именно на нее? Почему эта, не знавшая усталости, женщина, въ груди которой, казалось, билось не одно, а нѣсколько сердецъ разомъ, женщина, полная кипучей энергіи, цѣликомъ отданной на подвигъ служенія ближнему, понимая это слово въ самомъ широкомъ, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ, вдругъ угасла, какъ простой уличный фонарь, загашенный порывомъ случайно налетѣвшаго вѣтра? Кто зналъ Савину въ послѣдніе годы ея жизни, тотъ съ полной убѣжденностью можетъ сказать, что у нея не было личной жизни, понимая это выраженіе, какъ

[1]) Напечатано: въ «Кіевлянинѣ», 18-го, 19-го, 20-го октября 1915 года, №№ 287, 288, 289, и въ «Библіотекѣ Театра и Искусства», октябрь 1915 года, № 10.

стремленіе къ достиженію какихъ-либо эгоистическихъ желаній и цѣлей. Она вся, со всѣмъ огромнымъ запасомъ душевныхъ силъ, ума и воли, принадлежала добровольно взваленной на себя работѣ и заботамъ чисто общественнаго характера. Все, что оставалось въ ней личнаго, было лишь той необыкновенной любовью къ искусству, театру, къ драматической сценѣ, бывшей ея профессіей,—любовью, позволившей ей, нисколько не рисуясь и не преувеличивая, избрать своимъ девизомъ,—девизомъ, выражавшимъ святая-святыхъ ея многогранной души, слова: «Сцена—моя жизнь!»... Да, сцена дѣйствительно была ея жизнью, въ томъ глубокомъ, сакраментальномъ значеніи этого слова, что внѣ связи съ этой сценой она не могла бы жить съ той полнотой жизненнаго ощущенія, съ какимъ не можетъ жить растеніе, лишенное необходимаго ему солнечнаго свѣта. Сцена для покойной Маріи Гавріиловны Савиной была тѣмъ жизненнымъ импульсомъ, въ творческихъ волненіяхъ котораго возрождались, обновляясь, ея духовныя силы, создавая для нея возможность чувствовать въ себѣ каждый разъ новую, неувядающую мощь духа... Она была давно и серьезно больна. Ей давно нуженъ былъ покой и отдыхъ... Когда приступы физической слабости одолѣвали, осиливали сопротивляемость ея духовной природы, съ ней происходила необыкновенная метаморфоза. Я былъ однажды случайнымъ свидѣтелемъ, какъ сломленная недугомъ Савина за два съ небольшимъ часа постарѣла по крайней мѣрѣ на двадцать лѣтъ... Но стоило вспыхнуть въ ея душѣ никогда не замиравшему тамъ, подобно неугасимой лампадѣ, энтузіастическому порыву безконечной жажды творчества, будь то личное вдохновеніе сценическимъ образомъ, счастливое рѣшеніе трудной организаціонно-строительной задачи, связанной съ общеизвѣстной дѣятельностью ея въ Совѣтѣ Театральнаго Общества, или даже просто мелькнувшая возможность удовлетворить одну изъ безконечно-разнообразныхъ личныхъ просьбъ, съ которыми обращались къ ней буквально со всѣхъ концовъ Россіи, по самымъ разнообразнымъ поводамъ и мотивамъ,—просьбъ, на удовлетвореніе которыхъ былъ такъ счастливъ ея гибкій практически-изворотливый умъ, и она совершенно преображалась. Недугъ подавлялся, уходилъ куда-то въ глубины надломленнаго имъ организма, и Савина, помолодѣвшая, обновленная, полная прежней кипучей энергіи, забывала о его существованіи—и вся съ головой уходила въ свое подвижниче-

Марія Савина.

ство добровольнаго ходатая по устройству тысячъ чужихъ дѣлъ и интересовъ.

Она даже какъ-будто бы не сознавала, что это въ сущности является актомъ ея доброй воли. Она такъ привыкла къ такому распорядку вещей, что, смотря на это со стороны, легко было придти къ заключенію, что вся эта безконечно надоѣдливая возня съ мелочными, чуждыми лично ей, дѣлами людей самыхъ разнообразныхъ профессій, возрастовъ и общественныхъ положеній является ея прямой и неотложной обязанностью, словно она была не замѣчательной русской актрисой, а какимъ-то полномочнымъ министромъ—министерства «общаго благополучія».

Эта сторона дѣятельности Маріи Гавріиловны Савиной является вообще малоизвѣстной, ибо дѣлала она свои добрыя дѣла съ чисто евангельской скромностью, не разсчитывая ни на благодарность, ни на воздаяніе... Происходило это, однако, не отъ елейности христіанскаго смиренія,—черты совершенно чуждой ея характеру,—а просто вытекало изъ самыхъ свойствъ исключительнаго, по логической ясности и дѣловой практической трезвости, необыкновеннаго ума этой замѣчательной женщины. Она хорошо знала людей и никогда не требовала отъ нихъ невозможнаго. Характеру покойной Маріи Гавріиловны Савиной былъ вообще чуждъ даже малѣйшій оттѣнокъ сентиментальности. Все, что она дѣлала, она дѣлала, повинуясь сознанію необходимости и возможности сдѣлать; доброта ея сердца была только производной отъ рѣдкой способности ума—ясно понимать и вѣрно оцѣнивать людей и ихъ обстоятельства, въ которыхъ они искали ея помощи и покровительства. Ея филантропія была продиктована не слезливымъ сочувствіемъ, а принципіальнымъ сознаніемъ необходимости придти на помощь людямъ въ ихъ нуждахъ, хотя бы лично они не возбуждали въ ней ни симпатіи, ни уваженія. Умъ покойной Маріи Гавріиловны Савиной былъ тотъ рѣдкій умъ прирожденнаго государственнаго человѣка, который, родись она мужчиной, при другихъ условіяхъ общественности, вѣроятно, вознесъ бы ее на вершины власти, могущества и, кто знаетъ, обезпечилъ бы за ней мѣсто на страницахъ всемірной исторіи. Но она была только русская женщина,—женщина, ставшая замѣчательной актрисой и, въ предѣлахъ отведенной ей сферы творчества, обезпечившая безсмертіе своему имени въ ряду славнѣйшихъ именъ русскаго драматическаго театра.

Своей артистической индивидуальностью покойная Марія Гавріиловна Савина походила на отца русскаго сценическаго реализма—Михаила Семеновича Щепкина. Въ ней, какъ и въ Щепкинѣ, поскольку черты его сценической дѣятельности сохранены намъ исторіей театра, преобладалъ элементъ сознательности критицизма надъ непосредственной художественной впечатлительностью. Отсюда опредѣленное влеченіе къ реалистическому репертуару, простая натуралистическая манера сценической игры, сознательно избѣгающая всякихъ условныхъ эффектовъ. Но натурализмъ ея сценической манеры не былъ грубымъ зоологическимъ натурализмомъ; онъ былъ только стремленіемъ къ строгой жизненной правдѣ сценическаго выраженія, проходя въ формахъ осуществленія сценической задачи черезъ строгій фильтръ утонченнаго артистическаго вкуса, смягчаясь въ своихъ крайностяхъ до степени самой строгой необходимости. Это отчетливо сказалось, напримѣръ, въ изображеніи Маріи Гавріиловны Савиной Акулины изъ Толстовской «Власти тьмы».

Романтика и паѳосъ, какъ равно и всѣ уродливыя явленія позднѣйшаго модернизма, были органически чужды ея гармонически уравновѣшенному дарованію, ея чуткому вкусу, отъ котораго не могла укрыться никакая фальшь, какъ бы искусно и красиво она ни была замаскирована. Какъ актриса, она не нуждалась въ подчеркнутой красочности сценическихъ положеній. Напротивъ, чѣмъ меньше заботился авторъ пьесы объ этой сторонѣ своего произведенія, сохраняя правдоподобіе и жизненность его общей концепціи, тѣмъ больше внушало оно ей довѣрія и интереса. Отсюда ея необыкновенная любовь къ И. С. Тургеневу, совершенно искренно считавшему себя неудавшимся драматургомъ. Слишкомъ общеизвѣстно, что сдѣлала покойная Марія Гавріиловна для популяризаціи драматическихъ произведеній знаменитаго русскаго романиста, чтобы стоило подробно останавливаться на этомъ поучительномъ эпизодѣ въ исторіи русской драматической сцены. Это опредѣленно призналъ и самъ И. С. Тургеневъ въ своемъ обращеніи къ молодой тогда восходящей звѣздѣ русскаго драматическаго театра. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ эпизодѣ изъ своей богатой впечатлѣніями жизни Марія Гавріиловна Савина говоритъ: «Это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ спектаклей въ моей жизни. Я священнодѣйствовала... Мнѣ совершенно ясно представлялось, что Вѣрочка и я—одно лицо»... И въ этомъ утвержденіи

нѣтъ даже тѣни преувеличенія. Покойная Марія Гавріиловна Савина, какъ художница сцены, дѣйствительно принадлежала къ тѣмъ счастливо одареннымъ артистическимъ индивидуальностямъ, въ свойствахъ дарованія которыхъ слитно сочетались: отчетливое сознаніе объективно-критическаго изученія матеріала исполняемой роли, со всѣхъ сторонъ его бытового, психологическаго содержанія, какъ равно и формъ его сценическаго воплощенія, со способностью чисто художественной интуиціи, дающей возможность той идеальной полноты творческаго перевоплощенія, когда человѣкъ-актеръ какъ бы сливается съ изображаемымъ имъ лицомъ, теряя опредѣленность ощущенія своего личнаго *я*, растворяющагося безъ остатка въ создаваемомъ имъ образѣ.

Я могу привести слѣдующій случай, относящійся, правда, къ болѣе позднимъ временамъ моего личнаго знакомства съ покойной артисткой. Я стоялъ однажды съ Маріей Гавріиловной Савиной, передъ ея выходомъ на сцену, въ боковой кулисѣ театра. Разговоръ велся о самыхъ незначительныхъ вещахъ, въ связи съ событіями текущаго дня. Она была совершенно спокойна,—роль была старая, много разъ игранная, и Савина отчетливо знала въ ней каждую свою фразу, позу, жестъ, интонацію... Но вотъ подошелъ помощникъ режиссера и тихо произнесъ стереотипную фразу: «Марія Гавріиловна, вамъ сейчасъ выходить». Она механически, какъ бы повинуясь какой-то внѣшней, невидимой силѣ, оттолкнувшей ее отъ меня, оборвала на полусловѣ свою рѣчь и, торопливо крестясь на ходу, бросилась впередъ къ выходу на сцену. Лицо ея необыкновенно измѣнилось... Губы побѣлѣли и сжались отъ сдерживаемаго усиліями воли внутренняго волненія... Зрачки расширились, а выраженіе глазъ получило какую-то необыкновенную, загадочную глубину. Словомъ, вся она совершенно преобразилась... Это была уже совершенно другая женщина, чѣмъ та, съ которой я минуту назадъ перебрасывался пустыми, малозначущими фразами обывательскаго разговора... Это была въ полномъ смыслѣ жрица искусства, вся охваченная неодолимымъ, таинственно загадочнымъ трепетомъ священнаго экстаза творческаго служенія своему божеству... Я ушелъ въ зрительный залъ совершенно смущенный и подавленный случайно подсмотрѣнной мною мистической тайной культа. И когда потомъ мнѣ приходилось слышать банальные разговоры о головной надуманности и виртуозной сценической техникѣ несогрѣтыхъ внутрен-

нимъ чувствомъ и творческимъ вдохновеніемъ сценической игры Савиной, во мнѣ закипало чувство глубокаго негодованія. Я испытывалъ почти физическое страданіе за участь генія сцены, столь доступнаго для сужденія во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ и столь непонятнаго и загадочнаго въ глубинахъ своихъ, скрытыхъ отъ глазъ, творческихъ переживаній.

Въ этомъ отношеніи судьба покойной Маріи Гавріиловны Савиной была особенно поучительной. Обаяніе ея, какъ актрисы, было неотразимо... Яркая своеобразность ея дарованія, непохожаго ни въ чемъ, даже въ малѣйшихъ штрихахъ исполненія, на что-либо раньше видѣнное, никогда и никѣмъ не отрицалась уже въ силу своей очевидности. Но вотъ та изумительная законченность и непринужденное изящество формъ ея сценическаго исполненія, лишеннаго даже тѣни какой-либо искусственности, какъ-то невольно сама-собою наводила на мысль, что въ сущности Савина играетъ только себя. Казалось, что очарованіе актрисы является не болѣе, какъ отраженіемъ личнаго обаянія женщины. Это мнѣніе особенно прочно держалось въ тѣ годы, когда Марія Гавріиловна Савина, еще молодая, дѣйствительно очаровательная неповторяемой прелестью оригинальности своей женской личности, играла въ рядѣ какъ бы спеціально для нея написанныхъ пьесъ, въ родѣ пьесъ покойнаго В. А. Крылова... Пьесъ, дававшихъ такой благодарный матеріалъ для проявленія привлекательныхъ сторонъ ея щедро одаренной чарами женственности природы. Мнѣніе это было, разумѣется, совсѣмъ несправедливо, основано на поверхностномъ отношеніи къ отличительнымъ свойствамъ сценической дѣятельности актрисы, какъ таковой, и причинило въ свое время покойной Маріи Гавріиловнѣ Савиной много личнаго огорченія.

Мое знакомство съ Маріей Гавріиловной Савиной, какъ съ актрисой, началось съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Вся моя довольно большая родня была завзятыми театралами, благодаря чему и я съ самаго юнаго возраста сталъ почти постояннымъ посѣтителемъ Петербургскихъ театровъ. На мое счастье большинство моихъ родственниковъ были опредѣленными поклонниками драмы, а потому именно этотъ родъ театральныхъ впечатлѣній является для меня преобладающимъ. Посѣщенія же оперы и балета, несмотря на всю свою замѣчательность, какъ въ смыслѣ подбора артистовъ, такъ и художественной роскоши постановокъ,

далеко оставлявшихъ за собою Александринскую сцену временъ прославившагося своей скупостью барона Кистера, бывшаго тогда директоромъ Императорскихъ театровъ, носили характеръ эпизодическій и случайный. Драматическая труппа Александринскаго театра того времени была необыкновенно богата талантами. Всѣ, кого мы теперь знаемъ и чтимъ, какъ маститыхъ, заслуженныхъ артистовъ, всѣ, кого мы оплакиваемъ, какъ невознаградимую потерю русскаго театра, выхваченную изъ его рядовъ безжалостною смертью,—всѣ они были тогда, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, молоды и восхищали зрителей обаяніемъ своихъ расцвѣтавшихъ талантовъ. Въ сущности, со смертью Маріи Гавріиловны Савиной, изъ нихъ уцѣлѣло всего трое: Н. С. Васильева, В. Н. Давыдовъ и милѣйшій, вѣчно юный, М. М. Петипа, только что весною нынѣшняго года плѣнявшій кіевлянъ неувядающей прелестью своего живого и бодраго дарованія. И надъ всѣмъ этимъ царила Марія Гавріиловна, находившаяся въ полномъ блескѣ своего оригинальнаго, полнаго неотразимой женственности таланта, которому въ равной мѣрѣ были доступны, какъ живой изящный юморъ комедіи, такъ и глубоко проникновенныя переживанія драмы. Она производила со сцены впечатлѣніе такой хрупкой, такой утонченно-женственной, полной такихъ неотразимыхъ чаръ, какъ женщина и актриса, что я понимаю, почему три четверти посѣтителей Александринскаго театра были не только увлечены ея необыкновеннымъ талантомъ актрисы, но и просто по уши влюблены въ нее, какъ въ женщину.

Я живо помню, что, будучи въ сущности мальчикомъ-подросткомъ, я однажды мучительно позавидовалъ милѣйшему А. А. Плещееву, который, сидя въ ложѣ съ Маріей Гавріиловной Савиной и съ дружеской фамильярностью наклонясь къ ней, что-то шепталъ ей на ухо, за что улыбавшаяся Марія Гавріиловна, шутя, съ милой безцеремонностью оттрепала его за уши. Боже мой, какъ это было давно!.. А, между тѣмъ, стоитъ мнѣ закрыть глаза—и эта сцена со всѣмъ строемъ пережитыхъ мною тогда чувствъ встаетъ передо мною, какъ живая, словно я только что ее пережилъ. Да, она была необыкновенно хороша! Хороша не той банальной красотой женщины, о которой всѣ говорятъ: «Посмотрите, какія у нея правильныя черты лица, необыкновенный цвѣтъ кожи, волосъ, стройная, словно выточенная фигура» и тому подобное. Нѣтъ! Красота Маріи Гавріиловны Савиной выра-

жалась, главным образомъ, въ необыкновенной одухотворенности ея смуглаго, съ неправильными чертами лица, — лица, на которомъ, словно звѣзды среди глубокой ночи, сіяли ея глубокіе, выразительные, мѣнявшіе свою окраску глаза. Грѣшный человѣкъ, я тоже отдалъ дань всеобщему увлеченію этой необыкновенной женщиной... Увлеченію чисто платоническому, о которомъ она и не подозрѣвала, но, тѣмъ не менѣе, достаточно властному, чтобы и послѣ долгихъ лѣтъ личнаго знакомства и, смѣю сказать, дружескаго расположенія, я не могъ смотрѣть на поблекшее подъ вліяніемъ времени необыкновенное лицо этой замѣчательной женщины безъ чувства трепетнаго благоговѣнія... А тогда!.. Когда я получилъ первый портретъ своего театральнаго кумира, — портретъ, на которомъ увѣреннымъ и изящнымъ, твердымъ, какъ сталь, почеркомъ Маріи Гавріиловны было начертано любезное посвященіе, я не могъ удержаться, чтобы не излить взволновавшія меня чувства въ стихахъ, украсившихъ собою, если память мнѣ не измѣняетъ, страницы скромнаго «Театральнаго Мірка», издававшагося тогда въ Петербургѣ, теперь тоже, увы, покойнымъ, П. Левдикомъ. Они были напечатаны съ эпиграфомъ изъ Пушкина, заимствованнымъ изъ его извѣстнаго посланія къ А. М. Колосовой. Вотъ эти стихи:

М. Г. САВИНОЙ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, —
Черты волшебницы прекрасной...
А. С. Пушкинъ.

Она, она!.. Ея портретъ, —
«Черты волшебницы прекрасной»,
Чей взоръ плѣнительный и властный
Таитъ въ себѣ и мракъ, и свѣтъ.
Какой восторгъ, когда безпечно,
Забывъ про шумъ житейскихъ бурь,
Онъ отражаетъ безупречно
Небесъ бездонную лазурь...
Но въ часъ смятенья, въ часъ тревоги,
Когда въ душѣ встаетъ гроза, —
Мнѣ силу дать, молю васъ, боги,
Тогда взглянуть въ ея глаза.
И пусть свершится воля рока
Надъ тѣмъ, кто, презрѣвъ власть ихъ чаръ,
Склонясь надъ бездной, дно потока
Увидѣть дерзко пожелалъ!..

Я не знаю, дошли ли они по назначенію,—я, впрочемъ, на это никогда и не разсчитывалъ. Первая пьеса, въ которой мнѣ пришлось первый разъ видѣть покойную Марію Гавріиловну Савину, была драма Николая Потѣхина—«Мертвая петля». Это было, вѣроятно, въ концѣ 70-хъ годовъ. Н. Потѣхинъ былъ самымъ моднымъ драматургомъ того времени, пьесы его, въ родѣ «Злобы дня», не сходили съ репертуара Александринскаго театра. Въ «Мертвой петлѣ», содержанія которой я совершенно не понялъ, Савина играла роль Вѣры Дмитріевны Запольевой, молоденькой интеллигентной дѣвушки, у которой ловкая свѣтская барыня, вдова генерала Крамолина, попавшая въ генеральши изъ балетныхъ фигуранткъ, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, отбиваетъ жениха, своего бывшаго любовника, разбивая ей жизнь. Вольфъ въ своей «Хроникѣ Петербургскихъ театровъ», говоря о первомъ представленіи этой пьесы, утверждаетъ, что авторомъ предназначалась Савиной роль Крамолиной, но Савина отъ нея отказалась, предпочитая менѣе выигрышную и эффектную роль Вѣры Дмитріевны. Онъ прибавляетъ дальше, резюмируя впечатлѣнія спектакля: «Савина, несмотря на всѣ старанія, не могла придать жизненности жалкой роли угнетенной невинности». Само собою разумѣется, я не собираюсь оспаривать этого сужденія стараго театральнаго хроникера, бывшаго большимъ знатокомъ и любителемъ театра. Вѣроятно, это такъ и было. Но, въ качествѣ юнаго зрителя, я былъ очень растроганъ. Всѣ мои симпатіи были на сторонѣ Савиной—Вѣры Дмитріевны. Я буквально возненавидѣлъ ни въ чемъ неповинную Дюжикову, прекрасно, по отзыву того же Вольфа, сыгравшую роль кокетки Крамолиной. Вѣра Дмитріевна въ исполненіи Савиной предстала мнѣ въ такомъ ореолѣ женственной чистоты, такой юной, безпомощной противъ всякаго житейскаго зла, уже въ силу своей отчужденности отъ него, даже въ самыхъ сокровенныхъ помыслахъ своей любящей души, что преднамѣренная театральность этого образа могла быть доступной развѣ взорамъ критически умудреннаго театрала. Съ этого спектакля я сдѣлался неизмѣнно-постояннымъ поклонникомъ дарованія Маріи Гавріиловны Савиной и безупречно пробылъ въ этомъ почетномъ званіи до конца ея дней... Правда, что умудренный впослѣдствіи такимъ же житейскимъ и театральнымъ опытомъ, которымъ былъ продиктованъ скептическій отзывъ Вольфа въ отношеніи исполненія ею роли Вѣры

Дмитріевны, я не всегда и не всѣмъ безусловно восхищался въ безконечномъ рядѣ сыгранныхъ ею и видѣнныхъ мною ролей. Это и понятно. Какъ бы ни былъ великъ и всеобъемлющъ талантъ актрисы, но если галлерея созданныхъ ею сценическихъ образовъ, при дѣленіи ея типовъ по личнымъ, бытовымъ, психологическимъ или общественно-сословнымъ категоріямъ, поражаетъ своимъ необыкновеннымъ разнообразіемъ, то вполнѣ естественно допуститъ, нисколько не умаляя блеска ея дарованія, что многое могло ей и не удастся. Этого, впрочемъ, никогда не отрицала и сама покойная Марія Гавріиловна. Зато я съ полнымъ убѣжденіемъ могу удостовѣрить, что никогда и ни въ чемъ не видѣлъ и не слышалъ отъ другихъ, чтобы Савину можно было упрекнуть въ недостаточно внимательномъ, опредѣленномъ и сознательномъ отношеніи ко всякой исполняемой ею роли, какъ бы ни было малозначительно ея содержаніе или мѣсто, занимаемое ею въ общемъ развитіи пьесы. Деспотически строгая, неподкупная требовательность покойной артистки къ себѣ не знала никакихъ компромиссовъ... Это хорошо извѣстно всѣмъ, кому приходилось работать съ покойной Маріей Гавріиловной, и въ этомъ отношеніи она не допускала ни малѣйшихъ отступленій. Но требовательная къ другимъ, къ себѣ она была прямо безпощадна. Она никогда, ни при какихъ условіяхъ, не вышла бы на сцену, если бы у нея возникла хоть тѣнь сомнѣнія въ отчетливомъ знаніи и правильномъ пониманіи предстоящей ей творческой задачи. Правда, что непогрѣшимостью во всѣхъ отношеніяхъ, какъ извѣстно, обладаетъ лишь одинъ римскій первосвященникъ, а потому и Савиной, какъ и всѣмъ смертнымъ, случалось ошибаться. Но она никогда не упорствовала въ своихъ заблужденіяхъ и не ставила свое личное и артистическое самолюбіе выше признанія подобныхъ случайностей. Для этого покойная Марія Гавріиловна была слишкомъ крупною личностью.

Существуетъ еще упорно держащееся мнѣніе, что Савина не терпѣла соперницъ. Что, будто бы пользуясь своимъ исключительнымъ вліяніемъ, покойная артистка всячески устраняла со своего пути все, что такъ или иначе могло быть—если не опаснымъ, то все же непріятнымъ ея самолюбію, какъ вызывающее на сравненія и параллели. Г. Арабажинъ, посвятившій покойной артисткѣ статью въ одномъ изъ номеровъ журнала «Рампа и Жизнь», касаясь этого предмета, объясняетъ его, какъ онъ выражается, «законнымъ

деспотизмомъ таланта». Я думаю, что это одно изъ тѣхъ ходячихъ заблужденій, которыя въ изобиліи создаются около всякой сколько-нибудь выдающейся личности. Само собою разумѣется, что столь яркая индивидуальность, какой была покойная Марія Гавріиловна, награжденная, помимо всего прочаго, еще опредѣленной твердостью характера, совершенно лишеннаго тѣхъ чертъ расплывчатой мягкотѣлости, какими, къ сожалѣнію, за рѣдкими исключеніями (графъ Л. Н. Толстой), надѣлялись судьбою талантливые русскіе люди, наступать себѣ на ногу, выражаясь фигурально, никогда никому не позволяла. Это было всѣмъ, имѣвшимъ съ нею дѣло, хорошо извѣстно, но не у всѣхъ, къ сожалѣнію, хватало смѣлости и характера дѣйствовать съ такой же откровенной рѣшимостью. Я не стану разбираться въ этомъ вопросѣ, но смѣю увѣрить, что выступленіе, напримѣръ, покойной П. А. Стрепетовой на сценѣ Александринскаго театра въ роли Сарры, въ пьесѣ Чехова «Ивановъ», состоялось по личному, настойчиво выраженному желанію Маріи Гавріиловны, уговорившей И. А. Всеволожского согласиться на замѣну ея въ этой роли Стрепетовой. Разговоръ этотъ происходилъ въ моемъ присутствіи. Странный взглядъ на природу искусства имѣютъ люди, утверждающіе Савинскую нетерпимость. Искусство, по природѣ своей, свободно,—въ этомъ именно и заключается его самая привлекательная сторона. Подобное мнѣніе давно стало общеизвѣстной истиной. Но тогда, какимъ же способомъ можно превратить это свободное искусство въ какую-то личную монополію? Вѣдь ко всякому таланту вполнѣ примѣнимы тѣ свойства, которыя приписаны поэтомъ природѣ: «Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно»... Если предположимъ, что личное вліяніе покойной Савиной и могло устранять опасные ей таланты съ подмостковъ Александринской сцены, то вѣдь гдѣ же нибудь они должны были объявиться, ибо, какъ говорится, свѣтъ не клиномъ сошелся для нихъ на кулисахъ казеннаго театра. А гдѣ они? Что мы о нихъ знаемъ? Вотъ когда-то, по закулиснымъ соображеніямъ, а вѣрнѣе просто по чиновничьей халатности казенной Дирекціи, не были приняты на Императорскую сцену ни Н. Х. Рыбаковъ, ни Н. К. Милославскій. Развѣ это помѣшало имъ стать самыми популярными артистами въ провинціи и внести свои имена на страницы театральной исторіи? А гдѣ же тѣ, собиравшіеся соперничать съ Савиной таланты? Въ чемъ и гдѣ они себя проявили?..

Вся эта легенда о Савинскомъ злопыхательствѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Надо только удивляться, что всѣ эти слухи, порожденные низкой завистью, презрѣннымъ наушничествомъ людей, недостойныхъ, по своимъ личнымъ качествамъ, развязать шнурки на ея башмакахъ, такъ прочно держатся и живутъ въ обществѣ и печати. Я много лѣтъ зналъ покойную Марію Гавріиловну—и ни разу, ни разу въ буквальномъ смыслѣ слова, не слышалъ отъ нея хотя бы одинъ отзывъ о своихъ товарищахъ по сценѣ, который можно бы было подвести подъ категорію злословія, вызваннаго личнымъ раздраженіемъ и недоброжелательствомъ. Ея отзывы бывали рѣзки, иногда безусловно отрицательны, но они всегда были логически обоснованы; ихъ мотивы лежали въ превосходствѣ пониманія задачъ и законовъ искусства, а не въ мелочномъ чувствѣ раздраженнаго самолюбія. Таковы были, напримѣръ, ея отзывы о покойной В. Ѳ. Коммиссаржевской. По вполнѣ понятнымъ причинамъ, я не считаю возможнымъ ихъ приводить. Я могу только сказать, за своей личной отвѣтственностью, что между двумя этими женщинами не могло быть никакого соперничества. Не могло быть уже въ силу полной несоизмѣримости ихъ артистическихъ индивидуальностей, бывшихъ взаимно-полярными, не имѣвшихъ даже отдаленнѣйшихъ точекъ соприкосновенія. Если и существовала коллизія, то это была коллизія не личностей, а столкновеніе и борьба принциповъ, формъ и пониманія интересовъ искусства, т.-е. нѣчто неизбѣжное и законно-необходимое во всякой живой, измѣняющейся во времени, интеллектуальной дѣятельности творчески одаренныхъ людей.

Слѣдующимъ, довольно прочно державшимся обвиненіемъ противъ покойной Маріи Гавріиловны Савиной, было обвиненіе въ пониженіи художественныхъ задачъ образцоваго русскаго театра, въ засореніи репертуара Александринской сцены ничтожными, по своему внутреннему содержанію и литературнымъ достоинствамъ, пьесами В. А. Крылова. Утверждали, что исключительно эгоистическое желаніе этой актрисы выступать въ пьесахъ покойнаго В. А. Крылова заполняло ими репертуаръ образцовой русской сцены, затрудняя туда доступъ другимъ болѣе глубокимъ, зрѣлымъ и художественно-содержательнымъ произведеніямъ. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не представляетъ ли и это обвиненіе Савиной такой же злостной выдумки ея завистниковъ и недоброжелателей, а также вторившихъ имъ болтуновъ, кото-

рымъ было рѣшительно все равно, въ какой степени оно отвѣчаетъ дѣйствительности? Несомнѣнно одно, что успѣхъ пьесъ покойнаго В. А. Крылова, бывшаго,—надо отдать ему справедливость,—большимъ мастеромъ техники сценическаго писательства, былъ обязанъ въ большой степени несравненному таланту покойной Маріи Гавріиловны Савиной, но изъ этого, во всякомъ случаѣ, нельзя дѣлать обратнаго вывода, что и успѣхъ Савиной, а слѣдовательно, и ея личные вкусы, и ея художественные интересы, какъ актрисы, были тѣсно связаны съ репертуаромъ Крылова. Въ чемъ наиболѣе отчетливо и наглядно проявляются личныя склонности и преобладающій вкусъ актрисъ и актеровъ, какъ не въ выборѣ бенефисныхъ пьесъ. Это, быть можетъ, единственный шансъ, для многихъ изъ нихъ, наиболѣе ярко проявить свою личность, обнаружить лучшія стороны своего дарованія, сплошь и рядомъ угнетающагося необходимостью играть не то, что хочется, что даетъ внутреннее удовлетвореніе, а выступать въ текущемъ репертуарѣ, выборъ пьесъ котораго въ большинствѣ случаевъ слагается помимо ихъ личной воли. Императорскій казенный театръ, какъ бы ни было велико вліяніе Савиной на его внутреннюю жизнь, все же не находился въ ея личномъ распоряженіи. Онъ управлялся и управляется сложнымъ штатомъ театральной Дирекціи, которая, помимо всего прочаго, несла и несетъ служебную отвѣтственность передъ министромъ Императорскаго Двора также и за тѣ или иные денежные результаты своего управленія. Интересы театральной кассы не являются для гг. казенныхъ администраторовъ интересами чисто отвлеченными. Напротивъ, были моменты въ жизни Императорскихъ театровъ, какъ напримѣръ, во времена директорства барона Кистера, когда экономическія соображенія являлись рѣшающимъ факторомъ всѣхъ сторонъ многообразной жизни театра, и особенно театра русскаго драматическаго. Какъ примѣръ, я могу привести слѣдующій случай: 16-го января 1875 года на Александринской сценѣ долженъ былъ праздноваться 40-лѣтній юбилей артистической дѣятельности знаменитаго В. В. Самойлова. По разъ установившемуся обычаю, Самойлову необходимо было дать бенефисъ, хотя бы для того, чтобы онъ свободно могъ выбрать пьесы, въ которыхъ предполагалъ выступить въ этотъ исключительный день своего личнаго торжества. По условіямъ службы, Самойлову бенефиса не полагалось. Воспользовавшись этимъ обстоя-

тельствомъ, баронъ Кистеръ разрѣшилъ Самойлову бенефисъ, но съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, что весь полный сборъ съ бенефиса поступаетъ въ казну. И такіе случаи являются далеко не рѣдкимъ исключеніемъ. Покойную Марію Гавріиловну Савину, находившуюся въ полномъ расцвѣтѣ своей сценической популярности, лишили бенефиса за отказъ отъ роли въ пьесѣ князя Мещерскаго «Милліонъ». Я не знаю, разумѣется, чего стоитъ этотъ «Милліонъ» пресловутаго князя и что онъ могъ дать Дирекціи, но Савиной онъ обошелся, вѣроятно, въ весьма почтенную цифру... Отсюда мы въ правѣ сдѣлать выводъ, подтверждающій высказанное нами раньше предположеніе, что наиболѣе безспорнымъ случаемъ проявленія своего личнаго вкуса для актрисы былъ выборъ пьесы для своего бенефиса. Она была въ этомъ и матеріально заинтересована, и, слѣдовательно, успѣшный результатъ отъ бенефиснаго торжества былъ одинаково необходимъ, какъ ея самолюбію, такъ и карману. Что же покойная Марія Гавріиловна ставила въ свои бенефисы? Въ первый свой бенефисъ на Императорской сценѣ, т.-е. въ концѣ 1874 года, Марія Гавріиловна возобновляетъ пьесу А. А. Потѣхина «Мишура». Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ былъ безусловно идейнымъ писателемъ, сотрудничалъ въ либеральныхъ русскихъ журналахъ, и пьесы его, не касаясь ихъ внутреннихъ достоинствъ, съ большимъ трудомъ проникали на сцены Императорскихъ театровъ. «Мишура» была пьесой не новой, шла раньше на сценѣ безъ особаго успѣха, такъ какъ Яблочкиной не удавалась роль Даши, и выборъ этой пьесы Савиной для своего перваго бенефиса показался многимъ довольно страннымъ. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. «Личность Даши»,—пишетъ Вольфъ въ своей уже не разъ мною здѣсь цитированной «Хроникѣ Петербургскихъ театровъ», — «предстала совершенно въ другомъ свѣтѣ. Образъ простенькой дѣвушки, всѣмъ жертвующей для милаго человѣка, вышелъ глубоко поэтичнымъ. Авторъ остался вполнѣ доволенъ новой Дашей и даже сказалъ: «Теперь можно писать для сцены». Я думаю, что это непроизвольно вырвавшееся признаніе не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Въ 1875 году Марія Гавріиловна ставитъ въ свой бенефисъ пьесу Опочинина «Гордіевъ узелъ». Въ 1876 году Марія Гавріиловна была больна, уѣхала изъ Петербурга и бенефиса не имѣла. Въ 1877 году она выбираетъ для своего бенефиса пьесу того же А. А. Потѣхина «Виноватая», пьесу тоже не

новую, уже шедшую ранѣе на сценѣ Александринскаго театра. М. В. Карнѣевъ въ своемъ этюдѣ о Савиной говоритъ объ исполненіи ею роли Екатерины Ивановны въ этой пьесѣ слѣдующее: «Роль «Виноватой», по нашему мнѣнію, можетъ считаться одной изъ лучшихъ въ ея репертуарѣ. Она исполняетъ эту роль въ высшей степени талантливо; вполнѣ прочувствовала ее, проникласъ положеніемъ изображаемаго лица, сдѣлала все, что было въ ея средствахъ,—словомъ, доставила своей правдивой игрой истинно-художественное наслажденіе, которое на Александринской сценѣ составляетъ большую рѣдкость». Это же почти дословно подтверждаетъ своимъ отзывомъ и вообще скептически настроенный Вольфъ. Въ 1878 году Савина ставитъ въ свой бенефисъ новую комедію начинавшаго тогда свою драматическую карьеру Н. Я. Соловьева «Женитьба Бѣлугина». Мнѣ нѣтъ надобности говорить что-либо о сценическихъ и литературныхъ достоинствахъ этого, всѣмъ хорошо извѣстнаго, произведенія, до сихъ поръ не сходящаго со сцены. Въ 1879 году она ставитъ «Мѣсяцъ въ деревнѣ» И. С. Тургенева. Я говорилъ уже въ началѣ своего сообщенія о значеніи и характерѣ этого исключительнаго спектакля. Въ 1880 году, послѣ лѣтнихъ гастролей въ Кіевѣ, подробное описаніе которыхъ желающіе могутъ найти въ моей книгѣ «Драматическій театръ въ Кіевѣ», она ставитъ въ свой бенефисъ комедію Шекспира «Много шуму изъ ничего». Въ 1881 году опять идетъ пьеса начинающаго драматурга, на этотъ разъ М. И. Чайковскаго, «Благодѣтель» и драматическій этюдъ М. В. Карнѣева «Сердечная канитель». Въ 1882 году — «Таланты и поклонники» А. Н. Островскаго. Въ 1883 году—«Въ обществѣ поощренія скуки», комедія В. А. Крылова. Въ 1884 году—«Нора» Генриха Ибсена. Въ 1885 году—«Мужъ знаменитости» князя А. И. Сумбатова и «Вечеръ въ Сорренто» И. С. Тургенева. Въ 1886 году—«Самородокъ», комедія И. А. Салова. Въ 1887 году Савина бенефиса не имѣла, въ наказаніе за отказъ отъ роли въ пьесѣ князя Мещерскаго «Милліонъ». Въ 1888 году въ бенефисъ Савиной идутъ: «Провинціалка», комедія И. С. Тургенева, и старая пьеса князя А. А. Шаховского «Своя семья». Въ 1889 году—«Послѣдняя воля», комедія Вл. И. Немировича-Данченко. Въ 1890 году—«Бѣдная невѣста» А. Н. Островскаго. Въ 1891 году—«Собака садовника», комедія Лопе-де-Вега. Въ 1892 году—«Послѣдняя жертва», комедія А. Н. Островскаго. Въ 1893 году—«Ранняя осень» Е. П. Карпова и «Трактирщица», комедія Голь-

дони. Вотъ репертуаръ Савинскихъ бенефисовъ за двадцать лѣтъ ея службы на Императорской сценѣ. И что же мы видимъ?...

Мы видимъ, что за всѣ эти двадцать лѣтъ перу В. А. Крылова принадлежитъ всего одна вещь, которая была поставлена Маріей Гавріиловной Савиной въ свой бенефисъ, да и та представляетъ собою передѣлку на русскіе нравы,—и, надо признаться, передѣлку, очень ловко сдѣланную,—изящной комедіи Пальерона «Le monde où l'on s'ennuie», съ успѣхомъ шедшей на сценѣ Михайловскаго театра. Во всемъ остальномъ ея выборъ опредѣляется, очевидно, не пристрастнымъ влеченіемъ актрисы, стремящейся къ легкому, обезпеченному успѣху, а зрѣлымъ сужденіемъ настоящаго художника сцены. Покойную Марію Гавріиловну Савину, насколько я могу объ этомъ судить, плѣняла въ исполняемой пьесѣ не легкость предстоящей задачи, а скорѣе наоборотъ. Чѣмъ сложнѣе и отвѣтственнѣе была предстоящая ей роль, въ связи съ общимъ содержаніемъ спектакля, тѣмъ скорѣе и охотнѣе она за нее бралась. Всѣ, кто видѣлъ ее, напримѣръ, въ Толстовской «Власти тьмы», вѣроятно, никогда не забудутъ, какой необыкновенный фуроръ произвело тогда въ Петербургѣ появленіе ея въ этой пьесѣ. Савина, утонченно-изящная женщина и актриса, строгій вкусъ и рѣдкая высота интеллекта которой были всѣмъ хорошо извѣстны, вдругъ выступаетъ въ роли простой, придурковатой деревенской дѣвки... Это былъ дѣйствительно смѣлый вызовъ, брошенный Савиной всему своему прошлому, — всему, что, казалось, неотъемлемо срослось въ представленіи публики съ ея артистической личностью... И Савина побѣдила!.. Такъ было всегда и во всемъ.

То преобладаніе въ репертуарѣ Александринской сцены «легкихъ» пьесъ «окрыленнаго», какъ тогда острили газеты, жанра, ставившееся ей въ тяжкую, непростительную вину передъ русскимъ театромъ, было вызвано совсѣмъ не ея личнымъ вкусомъ и стремленіями, а исключительно желаніемъ ея товарищей по труппѣ и ея начальства по Дирекціи театра использовать въ своихъ интересахъ исключительный успѣхъ ея, какъ исполнительницы ролей этого жанра. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости этого утвержденія, достаточно лишь просмотрѣть афиши бенефисныхъ спектаклей Александринскаго театра за опредѣленный періодъ времени. Ея вина была лишь въ томъ, что она слиш-

комъ хорошо ихъ играла!.. Но она также хорошо играла и все то, за что бралась по своей охотѣ, по внутреннему побужденію, увѣренности, что она можетъ сдѣлать это съ достаточнымъ совершенствомъ. Вотъ почему упреки Савиной, что она, занимая положеніе первой драматической актрисы, не играетъ пьесъ такъ называемаго «классическаго» репертуара, представляются мнѣ столь же несообразными, какъ если бы г. Шаляпину ставили на видъ, что онъ не поетъ теноровыхъ партій... У нея просто не было для этого подходящихъ физическихъ средствъ. Ея голосъ былъ весьма ограниченнаго регистра, окраска его звука была суховата и носила замѣтный носовой оттѣнокъ. Форсировать его было невозможно. Замѣчаніе П. Д. Боборыкина, что въ строѣ драматической игры Савиной «нѣтъ драматическаго нажима», совершенно справедливо. «Драматическій нажимъ» — это дѣло прирожденной темпераментности актрисы, устройства и развитія ея голосовыхъ связокъ. У Савиной этого не было, и она, сознавая это обстоятельство, преднамѣренно избѣгала, когда могла, ставить себя въ тяжелое и сомнительное положеніе. Но вѣдь всякому, понимающему дѣло, ясно, что глубина, значительность и сложность драматическихъ положеній, какъ и формъ ихъ сценическаго выявленія, не всегда выражаются именно этими сторонами человѣческой природы. Комплексъ душевныхъ переживаній человѣка чрезвычайно сложенъ; въ сценической разработкѣ и художественномъ воплощеніи многообразія его формъ найдется мѣсто самымъ различнымъ артистическимъ индивидуальностямъ. И если природа отказала покойной Маріи Гавріиловнѣ Савиной въ богатствѣ и красотѣ голосовыхъ средствъ, то она же щедро надѣлила ее необыкновенной выразительностью лица, которое у покойной актрисы было въ полномъ смыслѣ слова «зеркаломъ души». Богатство и разнообразіе ея мимики были поистинѣ поразительны. Савина въ этомъ отношеніи была положительно внѣ всякихъ сравненій. Я видѣлъ на своемъ вѣку почти всѣхъ знаменитыхъ актрисъ нашего времени и могу увѣрить, что ни у одной изъ нихъ не было той изумительной способности Савинскаго лица передавать тончайшіе оттѣнки и изгибы душевныхъ переживаній изображаемаго ею персонажа. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова даръ Божій, ибо научиться и научить этому невозможно. Ея лицо на сценѣ говорило иногда краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе словъ. Но и слова, произносимыя ею, были тоже необыкновенно убѣ-

дительны. Ея интонаціи всегда были точны, характерны и выразительны. Онѣ никогда не были случайными и неопредѣленно-расплывчатыми. Напротивъ, вся сценическая игра Савиной, построенная на строгой экономіи средствъ, была точна и закончена, какъ математическая формула. Въ ней никогда не было ничего лишняго и ненужнаго. Въ ней иногда могло не хватать силы чувства, сердечной теплоты, темпераментности, ибо все это, какъ я уже говорилъ, составляетъ непроизвольныя свойства неизмѣняемой физической природы артиста, но въ предѣлахъ намѣченной Савиной сценической задачи все было приведено въ точно согласованную гармонію художественнаго замысла и средствъ его сценическаго осуществленія. Она играла роль такой, какой она представлялась ея творческому воображенію, принимая во вниманіе всѣ ея физическія и духовныя особенности. Но это не было только счастливой случайностью совпаденія интуитивной догадки съ жизненной и реалистической правдой. Нѣтъ! Пытливый умъ, острая наблюдательность Савиной не допускали столь непрочныхъ основаній для разрѣшенія сценически-художественныхъ задачъ. Она строила свое зданіе на основахъ опыта и изученія, отчего всѣ ея сценическія созданія поражали не только типической вѣрностью соціально-бытовыхъ и психологическихъ чертъ изображаемаго ею лица, но и рѣдкою характерностью формъ ихъ сценической передачи. Вся сложная гамма разновидности русскихъ женщинъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, была ей доступна во всемъ объемѣ своего содержанія. Внимательный наблюдатель ея сценической работы легко могъ замѣтить, что она, подобно Шекспировскому королю Лиру, бывшему королемъ въ каждомъ вершкѣ своего существа, была тѣмъ же въ каждой исполняемой ею роли. Малѣйшая деталь ея внѣшности, не говоря уже о болѣе важномъ, была обдумана въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями исполняемой роли. Смотря на нее, вамъ казалось, что вы уже видѣли гдѣ-то эту женщину, т.-е. не эту самую, но такую же, ей подобную, также одѣтую, съ такими же манерами, характеромъ рѣчи,—словомъ, со всѣмъ строемъ типическихъ отличій ея личнаго и соціальнаго положенія. И все равно—была ли она героиней сложной психологической драмы, бытовой или условной комедіи, даже просто сценическаго пустяка, въ родѣ «Женской чепухи» покойнаго И. Л. Щеглова—впечатлѣніе оставалось тѣмъ же, т.-е. поражало и увлекало

художественной полнотой, цѣльностью, жизненной правдой создаваемаго образа, въ непередаваемомъ обаяніи котораго терялись и исчезали недостатки и условности самаго произведенія. Въ этомъ отношеніи покойная Марія Гавріиловна Савина, какъ актриса, не имѣла себѣ равныхъ.

Она унесла съ собою въ могилу тайну своего личнаго непосредственнаго очарованія, но мы навсегда сохранимъ въ своей памяти образъ этой дивной художницы русской сцены, которая, подобно сказочному фениксу, въ каждой новой сыгранной ею роли, возрождалась на нашихъ глазахъ въ новой, невиданной красотѣ своего не знавшаго вліянія времени таланта. Она умерла, но пусть ея бодрый, не знавшій усталости духъ попрежнему царитъ надъ русскимъ театромъ, вдохновляя его дѣятелей къ неустанной работѣ во славу идеаловъ правды, красоты и добра...

Да будетъ миръ ея праху!..

Послѣ того, былъ исполненъ квартетъ «Ave Maria» Ш. Гуно: Е. М. Михайловой-Рудневой (пѣніе), М. И. Кохацкой (рояль), г. Козловымъ (віолончель) и А. П. Штейнбергомъ (фисгармонія).

Л. В. Болотина прочла стихотвореніе Гарольда:

ПАМЯТИ САВИНОЙ[1].

Да! «Сцена—жизнь моя»,—она намъ говорила,
И сценою она горѣла и жила.
Какіе образы она намъ подарила,
Какой волшебный свѣтъ искусства намъ зажгла!

Она была красой Александринки,
Начавъ свой путь въ провинціи, въ глуши,
И въ грустный часъ справляемъ мы поминки
По той, кто отдалъ намъ весь свѣтъ своей души.

Она порой изъ «ничего» творила...
И... больше нѣтъ ея, и вотъ она ушла.
Какіе образы она намъ подарила,
Какой волшебный свѣтъ искусства намъ зажгла!

---

[1]) Напечатано: въ «Кіевской Мысли», 11-го сентября 1915 года, № 252, и въ «Александровскомъ Вѣстникѣ», 18-го сентября 1915 года, № 1009.

То намъ являлася она «провинціалкой»,
То—яркой львицею, плѣнявшей шумный свѣтъ,
Умѣла чаровать она и въ пьесѣ жалкой,
Умѣла оживлять она и «пустоцвѣтъ».

Къ чему бъ она рукой ни прикасалась,
За что бы ни бралась,—такъ ярокъ былъ талантъ,—
Все въ драгоцѣнность сразу превращалось,
Въ какой-то рѣдкій бриллiантъ.

Въ ея игрѣ плѣняли насъ детали,
Какія тонкія сплетались кружева...
И чудной музыкой въ ея устахъ звучали
Простѣйшія слова...

Ей чужды были крикъ и всякое уродство,
И простоты она была полна,—
Одна лишь простота, одно лишь благородство,
И глубина, какая глубина!

Роль новую она въ душѣ своей творила
И тихо въ креслѣ умерла...
Какіе образы она намъ подарила,
Какой волшебный свѣтъ искусства намъ зажгла!

М. Б. Рабиновичъ сказалъ «слово»:

НА СМЕРТЬ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ.

Падаетъ подъ безпощаднымъ топоромъ смерти старый вишневый садъ русскаго театра.

«Милый, нѣжный, прекрасный садъ!»... Сколько въ немъ было красоты и очарованія, сколько аромата!.. Жутко постукиваетъ топоръ—и валятся деревья-великаны, такія еще мощныя, величественно-прекрасныя, полныя еще жизненныхъ силъ и соковъ. И безсмысленно жестокимъ, безцѣльнымъ разрушеніемъ кажется ихъ смерть. И нѣтъ силъ съ нею примириться. Хочется молить о пощадѣ, хочется кричать: остановитесь!.. или хоть подождите еще!.. Но кого молить? И чего ждать? Развѣ можетъ когда-нибудь наступить такой моментъ, когда тяжкія эти утраты наши станутъ для насъ не такъ горьки и ужасны?!..

Падаетъ подъ топоромъ нашъ старый чудесный садъ, и, безсильные помочь и спасти его, мы обречены съ ужасомъ,

тоской и горемъ присутствовать при его умираніи. Что замѣнитъ намъ его,—прозаическія Лопахинскія доходныя дачи или утопическіе новые сады Пети Трофимова? Нѣтъ, замѣнить его ничто не можетъ. Можно только чѣмъ-нибудь занять, заполнить освободившееся, опустошенное мѣсто.

Умираетъ старый театръ. Не славнѣйшіе только представители его вымираютъ,—нѣтъ, вмѣстѣ съ ними умираетъ и самъ театръ,—тотъ театръ, который владѣлъ нашей душой, который дарилъ намъ безконечные восторги и наслажденія, который тьму низкихъ истинъ превращалъ въ насъ возвышающій обманъ. Знаю, народились новыя формы сценическаго творчества, весьма значительныя и цѣнныя, и никогда еще, быть можетъ, не былъ такъ великъ интересъ къ театру, какъ теперь, никогда еще къ нему не относились такъ вдумчиво и серьезно, съ такимъ уваженіемъ, но... вѣдь это не тотъ театръ, не тотъ! Современный театръ—это театръ «ума холодныхъ наблюденій», а душа тоскуетъ объ уходящемъ театрѣ «сердца горестныхъ замѣтъ». Теперь не тотъ театръ. Недаромъ вѣдь даже самое названіе «театръ» все чаще и чаще вытѣсняется новымъ, моднымъ, но сухимъ и чуждымъ намъ словомъ «студія». Повторяю, то, что дѣлается въ этихъ студіяхъ, интересно, умно и заслуживаетъ вниманія и полнаго уваженія, но увлекаться этимъ, горѣть, любить такъ, какъ любили мы нашъ дорогой старый театръ,—нѣтъ, это невозможно! И не могу я представить себѣ ихъ, нашихъ старыхъ боговъ, на подмосткахъ студій. И не могу я повѣрить, чтобы студіи эти могли намъ дать актеровъ, хоть нѣсколько подобныхъ тѣмъ, чьи имена любовно, бережно и ревниво хранитъ память каждаго театрала.

Помню, разсказывали, что Марія Гавріиловна Савина, присутствуя впервые на спектаклѣ Московскаго Художественнаго театра, воскликнула въ экстазѣ: «Пойду къ нимъ, стану хоть выхода играть, пусть они дѣлаютъ со мною, что хотятъ!» Намъ понятенъ этотъ порывъ артистки, самоотверженно, всей душою любящей свое искусство; намъ понятенъ ея восторгъ, когда она увидала исключительную сценическую дисциплину и небывалое богатство техническихъ средствъ этого театра. Но для меня, по крайней мѣрѣ, ясно и то, почему такъ скоро погасъ этотъ порывъ, почему слова Савиной не претворились въ дѣло. При своемъ необыкновенномъ умѣ и чуткости, при своемъ умѣньѣ разби-

раться въ получаемыхъ впечатлѣніяхъ и тонко ихъ анализировать, Марія Гавріиловна скоро увидѣла, какой дорогой цѣной пришлось бы ей заплатить за эту для нея, для Савиной, ненужную въ сущности и безполезную роскошь. На это она не имѣла права. И я думаю, что даже самые убѣжденные и крайніе поборники новыхъ теченій въ театральномъ искусствѣ признали бы неслыханнымъ и недопустимымъ святотатствомъ, если бы безподобный талантъ Савиной, ея самобытную, оригинальную, изумительно богатую и сложную индивидуальность попытались втиснуть на Прокрустово ложе театра технической изощренности и режиссерскихъ опытовъ.

Говорить о Савиной—это такъ трудно... и такъ страшно! Слишкомъ грандіозна эта задача. Какими жалкими и ненужными кажутся собственныя слова, какія они маленькія и безсильныя даже въ сравненіи съ тѣми чувствами, переживаніями и впечатлѣніями, которыя я самъ испытывалъ, когда имѣлъ счастье видѣть Савину на сценѣ и наслаждаться творчествомъ этой дивной, Богомъ благословенной художницы-артистки! Что же могутъ они сказать тѣмъ, кто не видѣлъ и не знаетъ Савиной? Такъ же мало, какъ мало самыя краснорѣчивыя, поэтическія описанія могутъ сказать слѣпому отъ рожденія о томъ, что такое солнце, лѣсъ, море, звѣздное небо,—какъ прекрасны они. А тѣмъ, кто видѣлъ Савину на сценѣ, говорить о ней и ея талантѣ не нужно,—тутъ слова излишни... Но когда безвозвратно теряешь кого-нибудь безконечно любимаго, близкаго и родного,—находишь грустное утѣшеніе въ разговорахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ; съ безпредѣльной нѣжностью перебираешь въ памяти все, все,—пусть это даже будутъ мелочи, на посторонній, равнодушный взглядъ незначительныя и ненужныя... Вспоминаешь и грустишь, и тоскуешь, и плачешь... И такъ близки намъ тогда люди, которые вмѣстѣ съ нами съ искренней любовью и печалью поминаютъ покойнаго.

Сегодня мы собрались здѣсь, чтобы по мѣрѣ силъ нашихъ почтить всѣмъ намъ дорогую свѣтлую память незабвенной Маріи Гавріиловны. И я буду безконечно счастливъ и удовлетворенъ, если не слова мои,—нѣтъ, гдѣ ужъ!—а та благоговѣйная, любовная память о великой артисткѣ, которая мнѣ эти слова подсказала, встрѣтитъ сочувственный откликъ въ вашихъ сердцахъ; если вмѣстѣ со мною вы молитвенно преклонитесь предъ всѣмъ намъ родной могилой;

если съ вѣрой и задушевной грустью о почившей скажете вѣчная слава, вѣчная память закатившемуся солнцу русской сцены—Маріи Гавріиловнѣ Савиной!

Второе отдѣленіе открылось инструментальнымъ тріо П. И. Чайковскаго «Памяти великаго артиста», исполненнымъ: Н. Б. Скоморовскимъ (скрипка), М. И. Левинымъ (віолончель) и С. В. Тарновскимъ (рояль).

И. В. Александровскій сдѣлалъ докладъ:

ОДНА ИЗЪ ЛЕГЕНДЪ О М. Г. САВИНОЙ.

Савина... Чѣмъ-то необычайно близкимъ и дорогимъ,—больше того, чѣмъ-то роднымъ вѣетъ отъ этого имени. И тѣмъ обиднѣе, что надъ этимъ дорогимъ всѣмъ намъ именемъ тяготѣетъ обвиненіе,—обвиненіе, хотя и рискованное, но тягостное, доселѣ не разсѣянное и не упраздненное...

Не очень давно и даже очень недавно и въ публикѣ, и въ критикѣ весьма и весьма охотно повторялась язвительная «идейка»,—повторялась, какъ «общее мѣсто», какъ непреложный фактъ: будто Савина своимъ предрасположеніемъ къ пьесамъ легкаго жанра затормозила развитіе русской драматической литературы.

Говорили и твердили настойчиво:

— Стоило появиться Савиной на Александринской сценѣ, и наши драматурги начали приспособляться къ особенностямъ таланта Савиной, начали писать пустозвонныя пьесы, съ героинями, симпатичными таланту Савиной. Удивительно, что даже профессоръ Б. В. Варнеке, въ своей «Исторіи русскаго театра», очень рельефно оттѣняетъ ту же язвительную «идейку» (стр. 370). «Видя любовь публики къ Савиной, драматурги»,—повѣствуетъ профессоръ Варнеке,—«стали усиленно подгонять свои пьесы къ особенностямъ ея дарованія, вводя умышленно въ пьесы такія сцены, въ которыхъ Савина могла бы особенно ярко проявить свойство своего таланта». Профессоръ Варнеке подтверждаетъ свое заключеніе, между прочимъ, указаніемъ на то, что «Крыловъ приспособилъ къ русскимъ нравамъ цѣлую серію совершенно ничтожныхъ пьесъ, державшихся на сценѣ только потому, что Савина прекрасно въ нихъ играла».

Въ подобныхъ заявленіяхъ не случайнаго рецензента и не «одного изъ публики», а историка русскаго театра нельзя

не видѣть упрека тяжкаго и весьма обременительнаго для артистической репутаціи Савиной.

Однако, насколько достовѣрны, основательны и неотразимы столь тяжкіе упреки? Не являются ли такіе упреки плодомъ простого недоразумѣнія?

Въ чемъ основанія для такого обвиненія? Гдѣ изобличающіе факты?

Факты говорятъ о томъ, что къ моменту занятія Савиной первенствующаго положенія на Александринской сценѣ, какъ извѣстно, въ то время дававшей тонъ всей театральной жизни въ Россіи, въ столицѣ, по разнымъ причинамъ, началось быстрое паденіе увлеченія опереткой. А увлеченіе опереткой въ столицѣ, а затѣмъ и въ провинціи было воистину помпезное.

Въ сезонъ 1866—1867 гг. на сценѣ Михайловскаго театра впервые появилась Оффенбаховская «Прекрасная Елена», поставленная казенной французской труппой, въ бенефисъ артистки Деверіа. По замѣчанію театральнаго хроникера того времени, «какъ сама пьеса, такъ и Деверіа рѣшительно свели съ ума весь Петербургъ». Оперетка выдержала 32 представленія къ ряду. Фуроръ былъ неописуемый. На всѣхъ углахъ старички и молодежь распѣвали куплеты изъ оперетки. А черезъ два года Деверіа, несмотря на столь фурорный успѣхъ въ роли супруги Менелая, исчезла изъ Петербурга, такъ какъ «объ удаленіи ея изъ Петербурга хлопотали родители нѣкоторыхъ юношей, которые сильно увлеклись Прекрасной Еленой и надѣлали ради нея много долговъ». Успѣхъ, какъ видите, былъ воистину помпезный.

Послѣ неслыханныхъ успѣховъ «Прекрасной Елены» на Михайловской сценѣ рѣшено было серьезно позаняться Оффенбаховщиной и на сценѣ Александринской. Къ событію готовились тщательно и съ великимъ благоговѣніемъ, даже не безъ высокихъ самопожертвованій. Роль Елены поручена была актрисѣ Лядовой, которая не задумалась вышибить у себя 32 зуба, ибо у нея, какъ пишетъ хроникеръ, «зубы были черноваты, а у супруги Менелая должны были быть, конечно, бѣлые-пребѣлые, и Лядова рѣшилась вставить себѣ искусственную челюсть, т.-е. рѣшилась испытать 32 пытки изъ любви къ искусству» (sic!). Въ опереткѣ участвовали также тузы Александринскаго театра, какъ Сазоновъ (Парисъ), Монаховъ (Ахиллъ), Марковецкій (Менелай), Озеровъ (Калхасъ). Въ итогѣ, «въ Александринку ломились на «Пре-

красную Елену» такъ же, какъ и въ Михайловскій театръ; на ложи и кресла записывались и дожидались своей очереди по недѣлямъ. Въ первый сезонъ число представленій дошло до 42». Въ слѣдующемъ сезонѣ репертуаръ Александринскаго театра обогатился еще «Фаустомъ на изнанку» и «Птичками пѣвчими». «Благодаря Лядовой, и старъ, и младъ»,—пишетъ все тотъ же хроникеръ,—«стремился въ Александринскій театръ, и восторгамъ не было конца». Сезонъ закончился тѣмъ, что изъ 265 спектаклей 60, т.-е. почти четвертая часть, посвящены были опереткѣ...

Въ январѣ 1870 года Лядова опасно заболѣла и вскорѣ умерла. «Оперетоманы совсѣмъ пріуныли, лишившись самой блистательной представительницы каскаднаго жанра». Приглашались новыя примадонны, но новымъ примадоннамъ не суждено было замѣнить Лядовой. «Новыя оперетки шли вяло, старыя болѣе не привлекали публики». А въ концѣ сезона 1873—1874 гг., т.-е. какъ разъ наканунѣ появленія Савиной на Александринской сценѣ, все тотъ же достовѣрный лѣтописецъ Петербургскихъ театровъ Вольфъ съ грустью констатируетъ: «Оперетка доживала свой вѣкъ».

Царство оперетки кончилось, но надо ли говорить о томъ, сколь благотворное вліяніе могла оказать оперетка на репертуаръ, на актеровъ, на вкусы публики... Оперетка много посодѣйствовала упадку нашего репертуара въ 70-е и 80-е годы прошлаго столѣтія и засоренію его вздорными издѣліями драматическихъ дѣлъ мастеровъ, но... согласитесь, Савина здѣсь рѣшительно не при чемъ.

Было бы, однако, совсѣмъ ужъ однобокой односторонностью всю отвѣтственность за неурядицы въ нашемъ театрѣ сваливать на оперетку и на увлеченія публики опереткой. Были другія причины бѣдствій русскаго театра,—причины болѣе вѣрныя, быть можетъ, даже содѣйствовавшія плѣненію русскаго театра опереткой.

Не станемъ говорить о малой литературности и о малой интеллигентности нашей театральной публики, нерѣдко и въ наши дни умѣющей возводить пустоцвѣтъ въ перлъ созданія. На минутку остановимся на дѣятельности тѣхъ, кто призванъ былъ руководить судьбами нашихъ казенныхъ театровъ, такъ долго дававшихъ, да и доселѣ въ извѣстной степени дающихъ, тонъ всему русскому театральному дѣлу. Вспомнимъ о мытарствахъ, на которыя обреченъ былъ этими руководителями не кто иной, какъ А. Н. Островскій.

Въ 1866 году Островскій писалъ Бурдину: «Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставилъ театральное поприще... Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ ужъ пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе. Безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается... Давши театру 25 оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало-мальски отличили отъ какого-нибудь плохого переводчика». Вотъ въ какія ненормальныя условія поставлено было развитіе театра, а послѣдствіемъ стѣснительныхъ условій, угнетающимъ образомъ вліявшихъ на Островскаго, было то, что сцена, какъ замѣчаетъ Скабичевскій, не могла удержаться на той высотѣ, на которую пытался вознести ее знаменитый драматургъ своей плодотворной дѣятельностью. Лучшія литературныя силы не привлекались, а устранялись отъ работы для театра, и театръ пробавлялся разнымъ литературнымъ хламомъ.

Такіе порядки установились задолго до появленія Савиной на Александринской сценѣ. Такъ же было и въ самый канунъ ея дебюта.

Описаніе сезона 1869—1870 гг. авторъ «Хроники Петербургскихъ театровъ» открываетъ репликой, краснорѣчиво характеризующей репертуаръ предшествовавшаго періода: «Купцы-самодуры, спившіеся съ круга купеческіе сынки, студенты-развиватели, эмансипированныя барышни, видимо, надоѣли публикѣ. Начала ощущаться потребность чего-нибудь новаго, менѣе тенденціознаго. В. Александровъ-Крыловъ, въ виду новыхъ требованій, принялся передѣлывать на русскіе нравы легкія и веселыя комедіи, не возбуждающія желчи и не мѣшающія пищеваренію».

У публики, какъ видимъ, явились новые запросы. Чѣмъ же отвѣтила Дирекція казенныхъ театровъ на эти запросы? «Не возбуждающими желчи и не мѣшающими пищеваренію» издѣліями В. А. Крылова. И даже того великолѣпнѣе — водвореніемъ опереточнаго разгула на Александринской сценѣ.

Такъ обстояло дѣло, говорю я, въ самый канунъ Савинскихъ дебютовъ на Александринской сценѣ. Та же удушливая атмосфера и въ послѣдующіе годы заполняла собою образцовую русскую сцену. Оперетка обанкротилась, но репертуаръ загромождался пьесами, «не мѣшающими пищеваренію», даже тогда, когда на этой сценѣ уже царила Савина. Опять спрашиваю, причемъ же здѣсь Савина? И годъ отъ года по части

репертуара становилось все горше. Характеризуя репертуаръ русскаго театра того періода, когда на Александринской сценѣ первенствовала Савина, профессоръ Варнеке выражается такъ: «Безотрадную картину представляетъ собою репертуаръ русской драмы за послѣднюю четверть XIX вѣка. Громадное большинство даже тѣхъ пьесъ, которыя ставились на самыхъ вліятельныхъ сценахъ того времени, находилось совершенно въ сторонѣ отъ истинной литературы и не имѣло подъ собою никакой художественной почвы». Тотъ фактъ, что съ 80-хъ годовъ классическія пьесы начинаютъ все рѣже и рѣже появляться въ репертуарѣ, профессоръ Варнеке склоненъ объяснить «той средой, откуда выходили артисты». «Въ половинѣ XIX вѣка»,—говоритъ профессоръ Варнеке,—«большинство актеровъ были или питомцы крѣпостныхъ труппъ, или же съ рожденія, какъ дѣти актеровъ, принадлежали театральному міру. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они проходили, хотя бы практическую, но всетаки опредѣленную школу, которой совершенно чужды были уже тѣ неудавшіеся чиновники, выгнанные гимназисты, ошибшіеся въ картахъ офицеры и разведенныя жены, изъ-за житейской неудачи свободно переходившіе съ любительской сцены на подмостки профессіональнаго театра. Исполненіе же пьесъ классическаго репертуара безъ школы, безъ практической подготовки невозможно».

Противъ такой реплики можно спорить, но дѣло для насъ въ данную минуту не въ этомъ, а въ томъ, что все это говоритъ профессоръ Варнеке,—тотъ самый профессоръ Варнеке, который въ той же самой своей «Исторіи русскаго театра» повѣствуетъ о томъ, что «драматурги, видя любовь публики къ Савиной, стали усиленно подгонять свои пьесы къ особенностямъ ея дарованія». Иными словами: репертуаръ засорялся негодными пьесами, благодаря Савиной!.. Кто же виноватъ въ ничтожности репертуара? Русскіе актеры и драматурги или одна актриса Савина? Гдѣ истина?...

Изъ приведенныхъ мною справокъ и изъ отмѣченныхъ мною фактовъ, полагаю, вполнѣ ясно, что обвиненіе Савиной въ содѣйствіи загроможденію репертуара ничтожными издѣліями рыночной драматургіи является, если не плодомъ недомыслія, то плодомъ недоразумѣнія.

Савина играла не только Крыловскія произведенія. Играла Савина и въ Гоголевскихъ пьесахъ, и въ пьесахъ Грибоѣдова и Островскаго, Шекспира и Бомарше,—хотя и рѣдко, больше

для «статистики», но все же появлявшихся на сценѣ Александринскаго театра,—играла главныя роли въ «Фру-Фру» и въ «Дамѣ съ камеліями», которыя обязательно исполняются всесвѣтными знаменитостями.

Если Крыловскія пьесы и имъ подобныя преобладали въ репертуарѣ казенной сцены, дававшей тонъ всему русскому театру,—при чемъ здѣсь Савина?

Если драматурги писали слабыя пьесы, а Дирекція казенныхъ театровъ ставила эти пьесы,—при чемъ здѣсь Савина?

Можно ли винить Савину за то, что силою своего таланта она превращала въ шедевры ничтожныя роли въ ничтожныхъ пьесахъ.

Напишетъ драматургъ пьесу изъ современной жизни— Савина доставшуюся ей роль превращаетъ въ шедевръ. Переведетъ переводчикъ иностранную пьесу, изображающую мало знакомую намъ жизнь иностраннаго общества,—роль героини опять превращается у Савиной въ шедевръ. Роль въ исторической пьесѣ—новый шедевръ. Новая роль въ пьесѣ Островскаго, Шекспира, въ пьесѣ какого-либо стародавняго иностраннаго драматурга — и опять «Савинскія штучки», опять рѣдкое творческое проникновеніе, удивительный художественный анализъ и не менѣе поразительная художественная законченность изображенія.

Все это свершалъ талантъ артистки,—талантъ могучій и цѣльный, необычайно гибкій и разносторонній, не нуждавшійся ни въ какихъ приспособленіяхъ драматурговъ, тѣмъ болѣе, весьма немощныхъ драматурговъ.

И всѣ незаурядныя свойства и особенности своего исключительнаго сценическаго таланта Савина проявила сразу, въ первые же годы своего пребыванія на Александринской сценѣ. Подмѣтила ли это Дирекція театровъ и считалась ли съ этимъ Дирекція? Само собою разумѣется. Особенно ярко и рельефно для публики и Дирекціи театровъ могла обнаруживаться незаурядность Савинскаго таланта въ тѣхъ пьесахъ, которыя шли въ Александринскомъ театрѣ до приглашенія Савиной, и въ тѣхъ роляхъ, которыя до Савиной исполнялись на этой сценѣ другими актрисами. Одной изъ такихъ пьесъ была комедія Алексѣя Потѣхина «Мишура», а одной изъ такихъ ролей была роль Даши въ «Мишурѣ». Авторъ «Хроники Петербургскихъ театровъ» пишетъ объ исполненіи этой роли: «Въ первый свой бенефисъ (т.-е. въ 1875 году) М. Г. Савина возобновила «Мишуру»; личность

Даши предстала совершенно въ другомъ свѣтѣ при новомъ исполненіи. Образъ простенькой дѣвушки, всѣмъ жертвующей для милаго человѣка, вышелъ глубоко поэтичнымъ. Авторъ остался вполнѣ доволенъ новой Дашей и, говорятъ, сказалъ: «Теперь можно опять писать для сцены»... Послѣ этого патетическаго восклицанія Потѣхинъ черезъ два года написалъ «Выгодное предпріятіе», а потомъ снова четыре года не писалъ. А другіе солидные русскіе писатели и послѣ воцаренія Савиной въ Александринскомъ театрѣ всетаки не писали для сцены. Кто былъ виноватъ въ этомъ, я указалъ со словъ Скабичевскаго. Не Савина и не ея сценическій талантъ были виноваты въ этомъ и въ томъ, что репертуаръ попрежнему загромождался разной рухлядью. Будь талантъ Савиной поскромнѣе—и сама Савина размѣнялась бы на мелочи и въ мелочахъ, преподносившихся публикѣ съ Александринской сцены, повторяю, дававшей тонъ въ тѣ печальныя времена всѣмъ русскимъ театрамъ. Недюжинный талантъ Савиной сохранилъ намъ блестящую актрису, гордость нашего театра, спасъ и нашъ театръ отъ окончательнаго превращенія его, если не навсегда, то на долгія времена въ развеселый балаганъ.

Это много, но это не все, что оставила намъ въ наслѣдство отъ своего таланта знаменитая артистка. Когда приходится доказывать злостную несостоятельность язвительной «идейки», будто Савина тормозила развитіе русской драматической литературы, необходимо вспомнить и о Тургеневскихъ пьесахъ.

О Тургеневскихъ театральныхъ пьесахъ можно быть различнаго мнѣнія, но нельзя отрицать того, что въ своихъ театральныхъ пьесахъ Тургеневъ сдѣлалъ огромный шагъ впередъ по сравненію со своими предшественниками. Драматурги, предшественники Тургенева, сводили психологическую задачу къ надѣленію каждаго персонажа опредѣленной страстью. Вмѣсто такого прямолинейнаго и грубаго изображенія чувствъ и настроеній героевъ пьесы, Тургеневъ даетъ изображеніе ихъ многогранное, тонкое и нѣжное, — иными словами: Тургеневъ далъ подлинную психологію въ театральныхъ пьесахъ—и тѣмъ далъ новую задачу для актеровъ. И передъ этой сложной задачей, непосильной даже для такого солиднаго театра, какъ Московскій Художественный театръ, талантъ Савиной не спасовалъ и выполнилъ ее, какъ извѣстно, не только блестяще, но и виртуозно.

Какой глубокій талантъ! Какой всеобъемлющій талантъ! Можно ли говорить, что актриса, одаренная такимъ талантомъ, содѣйствовала паденію и загрязненію репертуара?! Стыдно, грѣшно говорить это!..

И въ талантѣ Савиной, быть можетъ, самое драгоцѣнное—необычайная художественная простота. Такой простотой не могла и не можетъ похвалиться ни одна изъ русскихъ драматическихъ артистокъ, даже изъ самыхъ крупныхъ—ни Ермолова, ни Ѳедотова, а о болѣе молодыхъ—и говорить нечего. Это—та же простота, что у Чехова, который, по всей справедливости, долженъ быть признанъ преемникомъ Тургенева-драматурга. Какъ Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ довелъ художественную простоту «до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, такъ что идти дальше некуда», такъ и сценической художественной простотѣ, секретомъ которой владѣла одна Савина, «идти дальше некуда» было.

И несмотря на то, что на одной только Александринской сценѣ Савина прослужила свыше сорока лѣтъ, ея могучій сценическій талантъ за этотъ длинный срокъ плодотворной творческой работы не увялъ, не ослабѣлъ и даже не потускнѣлъ. Вспомните, съ какимъ рѣдкимъ совершенствомъ въ послѣдніе годы своей жизни знаменитая артистка то изображала характерныя фигуры, заставляя зрителя отъ души хохотать надъ смѣшными претензіями мѣщанства и человѣческой глупости, то потрясала зрителя до глубины души правдивымъ, искреннимъ, задушевнымъ изображеніемъ страданій женскаго сердца, неподдѣльнаго женскаго горя.

Объ этомъ знаютъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи, такъ какъ Савина изъ года въ годъ посѣщала провинцію и плѣняла провинціальную публику своей безподобной игрой.

Это значитъ, что Савину знала вся Россія—и не только по наслышкѣ. Это значитъ, что во всѣхъ уголкахъ Россіи есть много, очень много пожилыхъ людей, съ восторгомъ вспоминающихъ при имени Савиной о свѣтлыхъ дняхъ своей юности, прожитыхъ подъ обаяніемъ чарующей игры артистки; и есть много, очень много молодежи, съ благоговѣніемъ произносящей имя артистки,—молодежи, такъ еще недавно увлекавшейся со всей юношеской непосредственностью ея вдохновенной игрой.

Удивляться ли, что для всѣхъ насъ вѣетъ чѣмъ-то роднымъ, чѣмъ-то безгранично дорогимъ отъ имени:

— Савина!..

И теперь мы знаемъ, что съ этимъ дорогимъ намъ всѣмъ именемъ совершенно несовмѣстима легенда о пагубномъ вліяніи на развитіе русской драматической литературы.

Далѣе, выступилъ А. Д. Каратовъ, исполнившій романсы: «Проходитъ все» С. В. Рахманинова и «Слезы» А. Т. Гречанинова.

Н. А. Поповъ прочелъ свой очеркъ:

МАСКА САВИНОЙ [1].

Есть сценическіе художники, имена которыхъ переходятъ въ исторію, какъ самодовлѣющія величины, и есть сценическіе дѣятели, имена которыхъ для потомства не пропадаютъ, но ничего не говорятъ сами за себя безъ того ярлыка, въ какомъ они нуждаются и при жизни. Нѣтъ этого ярлыка,—нѣтъ и дѣятеля.

Савина—одно изъ тѣхъ именъ, которыя связываетъ съ театромъ вся сущность ихъ природы, требующей дѣйствія прежде всего, и ея жизненный девизъ, извѣстный всѣмъ и каждому, необыкновенно вѣрно подтвержденъ всѣмъ ея полувѣковымъ служеніемъ театру и на театрѣ.

Савина—сама «стиль», и не тотъ стиль, что такъ невыносимо досаждаетъ и въ литературѣ, и въ музыкѣ, и въ жизни, и въ театрѣ, а тотъ сценическій стиль, по законамъ котораго нѣтъ театра безъ зрителей и нѣтъ театра безъ актеровъ.

Безо всего обойдется подлинный театръ, но безъ динамической сущности своей театръ-храмъ будетъ пустъ, и будетъ въ немъ мерзость запустѣнія.

Многострадальный русскій театръ, пережившій даже ужасы крѣпостной зависимости, пережившій торжество доморощенныхъ «прекрасныхъ Еленъ» наравнѣ съ пышнымъ расцвѣтомъ репертуара Островскаго и наиболѣе даровитыхъ его учениковъ,—театръ, пытавшійся послѣ этого провозгласить смерть быту (не имѣя почти другихъ актеровъ, кромѣ типично-бытовыхъ),—театръ этотъ ничего не можетъ подѣлать съ подлинными талантами и стилизовать ихъ въ угоду театральной модѣ сегодняшняго или вчерашняго дня.

Никакой, самый тонкій съ литературной точки зрѣнія, театръ не можетъ дать тысячной толпѣ самыхъ культурныхъ зрителей того эстетическаго подъема, какой даетъ явленіе на театральныхъ подмосткахъ истинно-сценическаго художника, творящаго изъ ничтожнаго литературнаго матеріала свое сценическое произведеніе.

---

[1]) Напечатанъ въ журналѣ «Рампа и Жизнь», 20-го сентября 1915 года, № 38.

Въ этомъ творчествѣ обаяніе подлиннаго сценическаго таланта, проявляющаго себя и въ Шекспирѣ, и въ Мясницкомъ, и въ «Прекрасной Еленѣ».

Когда-то ставили въ вину Савиной переполненіе репертуара Александринскаго театра пьесами Виктора Крылова.

Литературное оскудѣніе русской драматургіи въ 1870—1890 гг. болѣе повинно въ этомъ, чѣмъ Савина.

Подлинному сценическому таланту выступать въ нудныхъ, не блещущихъ дарованіемъ своихъ творцовъ, пьесахъ этой эпохи—это былъ, вѣроятно, тяжелый подвигъ.

Утверждать, что Савина чуждалась широкаго репертуара,—такой несправедливости никто не скажетъ надъ свѣжей ея могилой.

Она первая въ Россіи сыграла Ибсеновскую «Нору» и сыграла тогда, когда даже близкая къ литературѣ лучшая часть русскаго общества и не помышляла о своемъ будущемъ увлеченіи репертуаромъ Ибсена.

На закатѣ своей дѣятельности она опять вернулась къ Ибсену и играла «Привидѣнія».

И та, и другая роль ничего не прибавили къ ея артистической репутаціи, не дали и не могли дать типичнаго ея творчества.

Если и не чужда была ея генію область интимной драмы, чему блестящее доказательство—увлеченіе ея Тургеневскими ролями, все-таки эта область театра меньше была ей близка, чѣмъ та атмосфера ироніи, юмора, лукавства, изворотливости и пытливости ума, какой насыщена всякая сценическая игра, основанная на непрерывномъ дѣйствіи, вытекающемъ изъ столкновенія человѣческихъ характеровъ и одной воли съ другой.

Пусть эта канва, на которой сценическій художникъ вышиваетъ свои порой изумительные узоры, будетъ совершенно ничтожна въ литературномъ отношеніи, какъ ничтожны бывали сценаріи итальянскихъ сценическихъ дѣйствъ, но актеръ—маска, спеціалистъ своего актерскаго дѣла, побѣждаетъ силою своего творчества ничтожество канвы пьесы — и по своему правъ, когда выходитъ изъ своей творческой работы побѣдителемъ.

Маска стараго театра была ограничена опредѣленнымъ цикломъ ролей. Къ чему приспособила природа актера, только ту маску онъ и могъ носить и только въ своей области могъ возвышаться и дѣлаться великимъ.

Маска Савиной—большая комедія. Интеллектъ ея толкалъ ее и къ Ибсену, и къ Тургеневу, и къ Чехову, и даже къ д'Аннунціо, но она не была никогда актрисой какого-нибудь опредѣленнаго литературнаго лагеря. Ея блестящее искрящееся дарованіе стояло особнякомъ отъ всѣхъ театральныхъ теченій, у нея въ рукахъ былъ всегда лишь

исключительнаго объема сценическій темпераментъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пользовавшійся сценаріемъ драматурга.

Въ ней особенно ясно выразилась динамическая сущность театра, требующая отъ актера дѣйства, а не литературы.

Этой дивной «Маски» больше нѣтъ у русскаго театра.

Театръ породилъ ее, театръ взялъ всю ея жизнь — и однимъ лишь обдѣлила судьба эту «Маску»: не судила ей испустить свой послѣдній вздохъ на подмосткахъ своихъ.

Затѣмъ, Н. И. Квартолова прочла стихотвореніе Ядова:

КОЛДУНЬЯ [1].

(Памяти М. Г. Савиной).

Тамъ, гдѣ воютъ ураганы
Ночью темной, въ часъ безлунья,
Гдѣ закрыли свѣтъ туманы,
Проживала тамъ колдунья.

Зажигались ли зарницы,
Снова ль тьма склонялась къ нивамъ,—
Вѣщій голосъ чаровницы
Доносился къ намъ призывомъ.

Чаровала чаровница
Огневыми насъ глазами,
Орошала наши лица
Благодатными слезами.

И не ныли наши раны,
И взметались души выше,
И туманы, ураганы
Намъ порой казались тише.

Появлялось въ темной чащѣ,
Улыбаясь ярко, солнце
И заглядывало чаще
Въ наше темное оконце.

Но угасла чаровница...
И безумно съ дикой силой
Вѣтеръ яростно кружится
Надъ великою могилой.

---

[1]) Напечатано въ «Послѣднихъ Новостяхъ», 17-го октября 1915 года, № 3376.

И опять темно оконце,
И опять заныли раны,
И закрыли наше солнце
Побѣдители-туманы.

Спи, великая колдунья,
Въ гробовой своей неволѣ...
Ночью темной, въ часъ безлунья
Намъ никто не свѣтитъ болѣ.

Все съ собою унесла ты,
Все, чѣмъ жили мы, мечтая,
Все, чѣмъ были мы богаты...
Спи, великая, святая...

Д. М. Ярославскій спѣлъ романсъ «Смерть» А. Т. Гречанинова.

Закончился вечеръ «словомъ» В. А. Чаговца:

ПАМЯТИ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ [1]).

Когда я воскрешаю давно пережитыя эстетическія эмоціи, создаваемыя нѣкогда лучезарной силой угаснувшаго свѣтильника русской сцены—Маріи Гавріиловны Савиной, я вспоминаю одинъ маленькій эпизодъ.

Это было въ Кіевѣ, куда Марія Гавріиловна пріѣзжала на гастроли. Конечно, это былъ настоящій театральный праздникъ, на которомъ собиралось всегда множество публики.

Я невольно обратилъ вниманіе на сосѣднюю со мною ложу, въ которой находилось нѣсколько питомцевъ изъ Кіевскаго Училища Слѣпыхъ.

Не припомню, что тогда шло, кажется, «Исторія одного увлеченія», во всякомъ случаѣ, пьеса чисто діалогическая, безъ внѣшнихъ эффектовъ, безъ массовыхъ сценъ,—словомъ, одна изъ тѣхъ пьесъ, въ которыхъ эта замѣчательная актриса подтверждала свой основной тезисъ:

— Нѣтъ плохихъ пьесъ, а есть только плохіе исполнители.

Она плела тончайшее «брюссельское» кружево, изумляя зрителя неподражаемой, свѣтящейся прозрачностью создаваемаго ею сценическаго видѣнія и вызывая восхищеніе.

---

[1]) Напечатано въ «Кіевской Мысли», 9-го сентября 1915 г., № 250.

Захваченный происходящимъ на сценѣ, я, однако, не упускалъ изъ виду своихъ сосѣдей, одинаково изумляясь искусствомъ великой русской актрисы и ея проникновеніемъ въ души этой кучки зрителей, лишенныхъ, казалось бы, самаго необходимаго для воспріятія сценическаго зрѣлища—дара зрѣнія.

И я видѣлъ и поражался этимъ необычнымъ видѣніемъ: незрячіе зрители, улавливая только слова и интонаціи, были охвачены тѣмъ же очарованіемъ, что и всѣ другіе—зрячіе.

Я въ антрактахъ бесѣдовалъ съ ними, и они мнѣ передавали не только смыслъ, не только нюансы, но и движенія—или то, что называется «актуальность» игры Маріи Гавріиловны Савиной.

Это настолько показательно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько недостижимо талантамъ зауряднымъ, что мнѣ приходилось останавливаться на этомъ идеальномъ достиженіи въ использованіи голосовыхъ средствъ, какъ на классическомъ примѣрѣ, въ лекціяхъ и бесѣдахъ съ учащимися театральныхъ школъ, въ которыхъ мнѣ приходилось преподавать теорію сценическаго искусства.

Такъ передать голосомъ всю сложную гамму внѣшней и внутренней актуальности могла только Марія Гавріиловна Савина...

Слѣпой не только слышалъ ее, но и видѣлъ.

И, правда, пусть видѣвшій ея искусство вспомнитъ этотъ сдержанный, глубокій, вибрирующій голосъ, нѣжный и рокочущій, пьянящій лаской и стихійный, какъ гроза.

Они скажутъ, что послѣ Савиной, такой модуляціи они ни у кого не встрѣчали.

Но если слѣпому она творила иллюзіи, то что же сказать о зрячихъ...

Передъ ними—неисчерпаемая въ разнообразіи игра пластики, такая же многогранная, какъ многострунна была и арфа ея голоса.

Передъ ними—этотъ замѣчательный бѣлый, точно изъ слоновой кости выточенный, благородный лобъ, красиво оттѣняемый упрямой прядью черныхъ волосъ, нависшихъ надъ лѣвой соболиной бровью.

Передъ ними—это блѣдное, нервное, тонкое лицо съ гордымъ профилемъ, какъ у римской матроны неаполитанскаго національнаго музея...

Передъ ними—гибкій станъ и тонкія бѣлыя руки съ аристократическими удлиненными и тонкими пальцами...

Передъ ними—вся она, олицетворенная женственность, съ ласковостью и страстной порывистостью тигрицы...

Передъ ними—плоть, кровь и нервы...

Живая Марія Гавріиловна Савина. Ея игра... Но это же отъ нея вошла въ обиходъ рецензентовъ фразеологія о кружевной работѣ, о

филигранной чеканкѣ... Потому что только къ ней эти термины можно было прилагать въ полной мѣрѣ.

Она создавала чудо жизни и въ салонной пьесѣ, и въ бытовой драмѣ; она заставляла вѣрить не только въ очарованіе искусства, но силою своего дара оживляла дыханіемъ красоты искусства даже завѣдомо мертвые образы.

Она творила «обманъ красоты»... И то, что выходило у нея безподобно, что чаровало и увлекало, какъ часто оказывалось пустымъ мѣстомъ, попадая въ руки другихъ, гонявшихся за «ролями Савиной» со своими маленькими силенками!..

Какая-нибудь «Женская болтовня», какая-нибудь пустенькая «Исторія одного увлеченія», даже больше, хитро-замаскированная умѣлыми руками «Татьяна Рѣпина» — въ ея искусствѣ вырастали въ нѣчто значительное, входили вмѣстѣ съ творящей чудо чародѣйкой сцены въ исторію русскаго театра, хотя имъ прямое назначеніе — театральный пыльный архивъ.

Неподражаемая въ буржуазномъ репертуарѣ, Марія Гавріиловна инстинктивно тянулась къ народу и его правдѣ. И въ комедіи Островскаго, и въ драмѣ Толстого «Власть тьмы», кажется, поднялась до творческихъ вершинъ.

И во всемъ, къ чему прикасалась ея артистическая душа, по выраженію стараго Беранже, «она соперницъ не имѣла».

Не знала она ихъ и на всемъ своемъ многолѣтнемъ поприщѣ, съ тѣхъ поръ, какъ выступила восьмилѣтней провинціальной дѣвочкой въ «Эсмеральдѣ» — въ Одесскомъ Городскомъ театрѣ, и до послѣднихъ дней, занимая въ Александринскомъ театрѣ мѣсто «первой актрисы», въ каковомъ званіи и скончалась на 61-мъ году своей замѣчательной, истинно-артистической жизни.

КРАСНОВОДСКЪ.

Одно частное лицо въ письмѣ, отъ 9-го ноября 1915 года, между прочимъ, сообщаетъ:

...«О смерти Маріи Гавріиловны я узналъ случайно, по пріѣздѣ въ Красноводскъ. Здѣсь въ одно изъ воскресеній была отслужена панихида путешествующей по Закаспійской области какой-то труппой. Молящихся было порядочно — и всѣ молились искренно о безвременно отошедшемъ въ вѣчность громадномъ талантѣ, замѣнить который некѣмъ, и по поводу потери друга-человѣка, много въ своей жизни поработавшаго на пользу низшему брату-актеру. Пышныхъ рѣчей не было, но одинъ изъ артистовъ задушевно сказалъ: «Закатилось солнце русской сцены — и отошла отъ насъ навсегда мать-благодѣтель-

ница!»... Этими словами было все сказано человѣкомъ, имѣющимъ наболѣвшую душу—и слова эти вызвали у насъ у всѣхъ искреннюю слезу»...

КРЕМЕНЧУГЪ.

17 октября 1915 г. Уполномоченный по г. Кременчугу и уѣзду Императорскаго театральнаго общества СТРѢЛЬЦОВЪ, Антреприза мѣстной труппы Я. ДОЛЖИНСКІЙ и А. НѢМКОВСКІЙ съ г.г. артистами, Правленіе Музык.-Литературн. О-ва въ г. Кременчугѣ, извѣщаютъ жителей г. Кременчуга, что **ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ** незабвенной заслуженной артистки Императорскихъ театровъ

Маріи Гавриловны САВИНОЙ

въ Соборѣ въ 11 час. дня будетъ отслужена **панихида.** Приглашаются всѣ лица, желающія почтить память усопшей.

Въ тотъ же день, въ ознаменованіе памяти почившей великой артистки, мѣстной труппой былъ данъ спектакль изъ отрывковъ классическихъ произведеній. Передъ началомъ, публикѣ было оглашено воззваніе Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества (см. выше, стр. 93), послѣ чего свѣтлая память Маріи Гавріиловны Савиной была почтена вставаніемъ.

КУРСКЪ.

Городской имени М. С. Щепкина театръ извѣщаетъ, что въ сороковой день кончины

МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ

въ субботу, 17-го октября, въ 1 ч. дня, въ фойе Городского театра будетъ отслужена панихида въ присутствіи всей труппы театра. Желающихъ почтить память покойной просятъ пожаловать къ этому времени.

Петръ Тумскій.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.

По иниціативѣ мѣстныхъ сценическихъ дѣятелей, 17-го октября, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, была здѣсь отслужена панихида въ Никольской церкви, на Большой Покровкѣ. Присутствовали: артисты Городского театра, во главѣ съ антрепренеромъ—А. А. Сумароковымъ, Городской Театральный Комитетъ, со

своимъ предсѣдателемъ—И. Н. Кемарскимъ, уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества—Н. И. Глазуновскій и другіе.

НОВОЧЕРКАССКЪ.

Донесеніе мѣстнаго уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О.—И. И. Печковскаго гласитъ, «что въ сороковой день кончины Маріи Гавриловны Савиной, 17-го октября, Новочеркасской драматической труппой, во главѣ съ антрепренеромъ—В. И. Бабенко, была отслужена панихида».

ОДЕССА.

Правленіе Одесскаго Литературно-артистическаго Клуба извѣщаетъ, что сегодня, въ 3 часа дня, въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ будетъ отслужена панихида по Маріи Гавриловнѣ САВИНОЙ.

Панихида эта была совершена 10-го сентября. На ней присутствовали: Правленіе Литературно-Артистическаго Клуба почти въ полномъ своемъ составѣ, члены Клуба, журналисты, антрепренеръ Драматическаго театра—Н. Н. Михайловскій, антрепренеръ Городского театра—А. И. Гомбергъ, режиссеръ Драматическаго театра—Г. П. Гаевскій, режиссеры Городского театра — А. Я. Альтшулеръ, М. И. Кригель и А. Д. Бѣльскій, капельмейстеры Городского театра—А. А. Каршонъ и Ѳ. В. Валентетти, служащая въ Городскомъ театрѣ—З. А. Андрушевичъ, артистки и артисты мѣстныхъ театровъ и масса почитателей покойной.

Одновременно была отслужена и другая панихида—въ Морской церкви—отъ Главной Конторы Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Отправлялъ богослуженіе настоятель храма—отецъ Іона Атаманскій, при хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ. Сюда собрался помолиться весь многочисленный одесскій штатъ служащихъ «Ропита». Тутъ были: временно находившійся въ Одессѣ членъ Правленія Общества—А. Е. Конкевичъ, директоръ «Ропита» — Я. Е. Лефтеръ, съ супругой, начальникъ морской части—Г. Г. Тренертъ, начальники другихъ

Главная Контора Русскаго Общества Пароходства и Торговли
съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ Гг. служащихъ Общества, друзей и почитателей усопшей о кончинѣ супруги предсѣдателя Правленія Общества

Маріи Гавриловны

Молчановой (Савиной),

послѣдовавшей въ Петроградѣ 8 го сего сентября.
Панихида въ Морской церкви Св. Николая Чудотворца (въ порту) состоится 10-го сентября с. г., въ 3 час. дня. 6372

частей Главной Конторы, главный агентъ Общества въ Константинополѣ—Д. Б. Черногорчевичъ, агенты въ Одессѣ—Г. Ф. Хржановскій и А. В. Аркадакскій, капитаны, механики и ихъ помощники, администрація адмиралтейства Общества, служащіе Главной Конторы и агентствъ и много другихъ лицъ.

12-го сентября состоялось Общее Собраніе членовъ Одесскаго Литературно-Артистическаго Клуба. Открывая это засѣданіе, предсѣдательствовавшій И. М. Хейфецъ сказалъ краткое прочувствованное «слово» объ отошедшей въ вѣчность Маріи Гавріиловнѣ Савиной, память которой Собраніе почтило вставаніемъ. Затѣмъ, И. М. Хейфецъ сообщилъ, что Правленіе Клуба, отслуживъ 10-го числа панихиду по Маріи Гавріиловнѣ Савиной, постановило, взамѣнъ вѣнка, отправить Театральному Обществу 100 рублей для присоединенія къ суммамъ, собираемымъ на увѣковѣченіе памяти покойной.

13-го сентября, въ 10 часовъ утра, въ Александро-Невской церкви Императорскаго Новороссійскаго Университета, по инициативѣ артистовъ драмы и оперы, совершены были заупокойная литургія и панихида по Маріи Гавріиловнѣ Савиной. Служилъ настоятель университетской церкви профессоръ богословія—протоіерей Александръ Климинъ, въ сослуженіи временно находившагося въ Одессѣ протодіакона рижскаго собора—Михаила Пирогова (младшаго брата артиста Городского театра), при мѣстномъ хорѣ пѣвчихъ, съ участіемъ оперныхъ артистовъ Городского театра, въ числѣ коихъ были: В. А. Селявинъ, Г. С. Пироговъ и другіе.

Храмъ былъ переполненъ молящимися, среди нихъ находились почти всѣ пребывающіе въ Одессѣ артисты и артистки, режиссеры, антрепренеры, мѣстный уполномоченный Совѣта Театральнаго Обще-

ства — С. А. Ландсманъ, профессора университета, журналисты и многочисленные друзья и почитатели таланта почившей.

Передъ панихидой протоіерей А. М. Клитинъ обратился къ молящимся со слѣдующимъ «словомъ»:

Въ необъятномъ морѣ проливаемыхъ нынѣ слезъ прибавилась еще одна драгоцѣнная слеза... Только что по всей Россіи прошла ужасная вѣсть о великомъ горѣ русскаго искусства. Я хочу сказать вамъ о великой, утраченной нами, русской женщинѣ. Скончалась извѣстная въ мірѣ театральнаго искусства Марія Гавріиловна Савина, и падающія въ ея гробъ слезы—дорогія слезы русской печали. Науки и искусства, преклоните свои колѣна предъ великимъ духомъ русской женщины, отдайте ей дань заслуженной любви и глубокаго уваженія!

Вы знаете, какъ трудно русской женщинѣ проложить себѣ дорогу въ жизни, какъ трудно ей удержать свое призваніе—этотъ святой огонь души и выйти на путь самостоятельной, трудовой и идейной жизни. Только великія натуры, отмѣченныя особеннымъ дарованіемъ, талантомъ, геніемъ, преодолѣваютъ острыя тернія жизненныхъ испытаній. И близкіе къ почившей люди, родные, друзья и знакомые—и то, можетъ быть, отчасти—знаютъ, сколько страданій вынесла и что переживала Марія Гавріиловна прежде, чѣмъ сдѣлалась нашей русской знаменитостью. Честь и слава нашей русской женщинѣ!

Почившая была великая артистка своего дѣла, истинная краса нашего русскаго искусства, благородный, добрый и отзывчивый ко всякому горю человѣкъ, искренняя въ своемъ чувствѣ христіанская душа. Это былъ выдающійся талантъ русской драматической сцены, художникъ слова и дѣйствій, легко умѣвшій потрясать умы и сердца своихъ многочисленныхъ слушателей. Все это дѣлалось спокойно, просто и естественно. И эта именно естественность и производила на всѣхъ свое чарующее дѣйствіе. Марія Гавріиловна вкладывала всю душу въ свое дѣло. Она была на сценѣ, но не на сценѣ, а въ жизни, и въ этой жизни было то облагораживающее и неотразимо-художественное сіяніе великой души, которое производитъ всегда глубокое, нравственно воспитательное и созидательное воздѣйствіе на общество. Она была учительницей и воспитательницей многихъ. Въ этомъ ея заслуга и вѣчная слава!.. Вотъ почему и память ея была почтена Высочайшимъ вниманіемъ Его Императорскаго Величества.

Свѣтло, чисто и благородно прошла свой путь жизни эта великая душа. И, когда насталъ послѣдній часъ, она не смутилась предъ открывающимся ей вѣчнымъ міромъ красоты и гармоніи и тихо почила отъ дѣлъ своихъ.

Да помянетъ же Господь душу ея во Царствіи Своемъ Небесномъ — и да будетъ ей вѣчная съ похвалами память здѣсь, въ нашей земной жизни, среди всѣхъ насъ, почитающихъ этотъ великій русскій талантъ! Вѣчная память и со святыми упокоеніе новопреставленной рабѣ Божіей Маріи!

«Одесскій Листокъ», отъ 18-го октября 1915 года, № 285, сообщаетъ:

«Вчера, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной (Молчановой), въ Срѣтенской Новобазарной церкви была отслужена, по иниціативѣ драматическихъ артистовъ, панихида, на которой присутствовали артисты, артистки, воспитанницы драматическихъ курсовъ и много почитателей таланта покойной».

Въ этотъ же день состоялся среди артистовъ сборъ «актерской копейки» на «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

ОМСКЪ.

Мѣстный уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества — Н. И. Медвѣдевъ доноситъ, «что сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной былъ почтенъ панихидой въ Омскомъ Военномъ соборѣ, въ присутствіи сценическихъ дѣятелей труппъ Н. И. Дубова и Н. Н. Шестова. Передъ началомъ панихиды отцомъ настоятелемъ собора—протоіереемъ Туторскимъ произнесено было небольшое, но прочувствованное «слово» о почившей Маріи Гавріиловнѣ Савиной, какъ о христіанкѣ-благотворительницѣ».

ОРЕНБУРГЪ.

Въ газетѣ «Оренбургское Слово», 20-го октября 1915 года, № 63, напечатано:

«Панихида по М. Г. Савиной. 17-го октября, въ 11 часовъ утра, въ Петропавловской церкви протоіереемъ Шильновымъ, по просьбѣ артистовъ Городского театра, была отслужена панихида по закатившейся звѣздѣ русской сцены—Маріи Гавріиловнѣ Савиной».

На панихидѣ присутствовали: режиссеръ и артисты труппы Городского театра, уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. — Н. А. Быбинъ, представитель редакціи «Оренбургскаго Слова»—В. П. Ивановъ и другіе.

ПЕРМЬ.

17 октября 1915 г., въ 40 день кончины заслужен. артистки Император. Театр.

М. Г. Савиной,

оперной труппой Ив. П. Паліева будетъ отслужена панихида въ храмѣ Воскресенія, въ 10 час. утра.

Затѣмъ, среди мѣстныхъ артистовъ была произведена подписка на «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

РОСТОВЪ НА ДОНУ.

Антреприза и артисты Ростовскаго драматическаго театра и правленіе Ростовскаго общества журналистовъ симъ извѣщаютъ, что сегодня, 11-го сентября, въ Успенской церкви на Сѣнной улицѣ, въ 9½ часовъ утра, будетъ отслужена панихида по артисткѣ Императорскихъ театровъ

Маріи Гавриловнѣ

САВИНОЙ

На панихиду прибыли: антрепренерша драматическаго театра— О. П. Зарайская, режиссеры—Н. И. Собольщиковъ-Самаринъ и Г. Ф. Демюръ и вся труппа, Правленіе Ростовскаго Общества Журналистовъ, сотрудники мѣстныхъ газетъ и много почитателей почившей великой артистки.

Собранныя дирекціей и труппой деньги на вѣнокъ Савиной рѣшено было отправить въ Театральное Общество—въ фондъ для помощи раненымъ артистамъ-воинамъ.

«Приазовскій Край», 18-го октября 1915 года, № 275, отмѣчаетъ:

«Фондъ М. Г. Савиной. Мѣстный отдѣлъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества постановилъ ознаменовать 17-е

октября, сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, сборомъ «актерской копейки» на фондъ имени знаменитой артистки. Таковой сборъ былъ произведенъ вчера среди артистовъ».

РЫБИНСКЪ.

«Рыбинская Газета», 17-го октября 1915 года, № 216, оповѣстила:

«Панихида по М. Г. Савиной. Сегодня, 17-го октября, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, будетъ совершена въ фойе Городского театра въ 2 часа дня панихида, на которую приглашаются всѣ, желающіе почтить свѣтлую память почившей».

Собрались помолиться: вся мѣстная труппа въ полномъ составѣ, члены Рыбинскаго Музыкально-Литературно-Драматическаго Кружка, уполномоченный Совѣта Театральнаго Общества—В. И. Соснинъ и другіе.

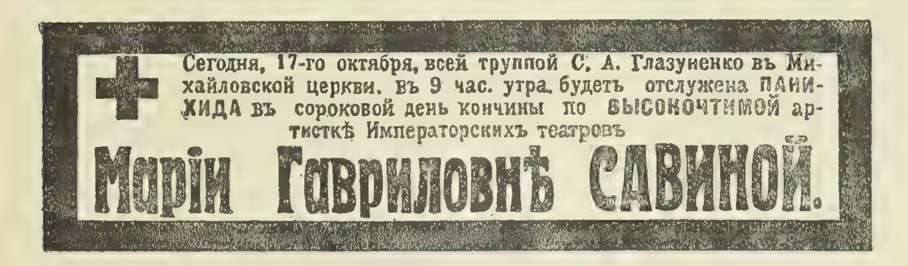
Послѣ панихиды была открыта подписка на «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной».

САМАРА.

Газета «Голосъ Самары», 18-го октября 1915 года, № 223, сообщаетъ:

«Панихида по М. Г. Савиной. Вчера, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, въ каѳедральномъ соборѣ была отслужена панихида. На панихидѣ присутствовала вся труппа Городского театра, во главѣ съ антрепренеромъ Н. Д. Лебедевымъ».

СЕВАСТОПОЛЬ.

Сегодня, 17-го октября, всей труппой С. А. Глазуненко въ Михайловской церкви. въ 9 час. утра. будетъ отслужена ПАНИХИДА въ сороковой день кончины по ВЫСОКОЧТИМОЙ артисткѣ Императорскихъ театровъ

Маріи Гавриловнѣ САВИНОЙ.

«Такимъ образомъ»,—пишетъ «Крымскій Вѣстникъ» (17-го октября 1915 года, № 270),—«гостящая у насъ украинская труппа приметъ участіе во всероссійской панихидѣ дѣятелей сцены по покойной Маріи Гавріиловнѣ. Съ назначеннаго сегодня же спектакля въ Городскомъ театрѣ С. А. Глазуненко отчисляетъ 10 процентовъ въ пользу Убѣ-

жилища для престарѣлыхъ дѣятелей сцены, основаннаго покойной Маріей Гавріиловной Савиной».

СИМБИРСКЪ.

Въ газетѣ «Волжскія Вѣсти», 13-го сентября 1915 года, № 1868, читаемъ:

«Артисты всѣ съѣхались—и позавчера состоялось собраніе ихъ... Собраніе остановило вниманіе на печальномъ событіи въ театральномъ мірѣ—кончинѣ красы русской сцены Маріи Гавріиловны Савиной. Рѣшено послать въ Театральное Общество сочувственную телеграмму. Далѣе, былъ возбужденъ вопросъ о подпискѣ пожертвованій или опредѣленныхъ отчисленій на усиленіе фонда имени Маріи Гавріиловны Савиной для престарѣлыхъ артистовъ или раненыхъ воиновъ-артистовъ. И этотъ вопросъ встрѣтилъ сочувственное отношеніе. Рѣшено также отслужить панихиду по скончавшейся Маріи Гавріиловнѣ Савиной, которая и была вчера отслужена».

17-го октября «Симбирянинъ», въ № 2447, оповѣстилъ:

«Сегодня, по случаю сорокового дня кончины знаменитой заслуженной артистки Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловны Савиной, артистами мѣстной драматической труппы въ церкви Св. Троицы будетъ отслужена панихида въ 10 часовъ утра».

Присутствовала вся труппа и мѣстный уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О.—В. А. Варламовъ.

ТАГАНРОГЪ.

Предсѣдатель Мѣстнаго Отдѣла Театральнаго Общества—А. Н. Говбергъ-Ягелловъ сообщилъ, «что въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной въ здѣшнемъ соборѣ была отслужена панихида, по иниціативѣ драматическаго товарищества артистовъ, подъ управленіемъ А. М. Каралли-Торцова».

Таганрогскій Мѣстный Отдѣлъ открылся 19-го октября 1915 года. Память Маріи Гавріиловны Савиной была почтена вставаніемъ и въ «фондъ увѣковѣченія ея памяти» было ассигновано 25 рублей въ распоряженіе Делегатскаго Собранія 1916 года.

ТАМБОВЪ.

Сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной былъ ознаменованъ здѣсь сборомъ среди мѣстной труппы пожертвованій на увѣковѣченіе ея памяти; окончательное назначеніе этимъ деньгамъ рѣшено было предоставить предстоящему Делегатскому Собранію И. Р. Т. О.

ТИФЛИСЪ.

Антрепренеръ и артисты оперы Тифлисск. Казеннаго театра приглашаютъ почитателей таланта великой русской артистки

Маріи Гавриловны

Савиной,

пожаловать сегодня на панихиду въ Военный соборъ, въ $2^1/_2$ час. дня.

17860 1—1

Панихида эта была совершена 17-го октября, въ сороковой день кончины великой артистки. Починъ въ данномъ случаѣ принадлежалъ также и драматической труппѣ «Тарто»—театра Артистическаго Общества. Пѣлъ панихиду оперный хоръ. Въ Александро-Невскомъ Военномъ соборѣ было очень много молящихся; къ осиротѣвшей актерской семьѣ присоединились представители печати и значительное число почитателей таланта покойной.

Въ тотъ же день въ театрѣ Артистическаго Общества состоялся «вечеръ», посвященный памяти Маріи Гавріиловны Савиной.

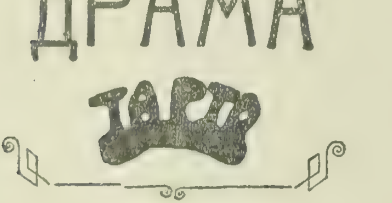
Отношеніе труппы «Тарто» лучше всего характеризуется нѣсколькими строками, написанными однимъ изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ:

«По всей Руси великой, въ глубокомъ тылу и на передовыхъ позиціяхъ,— однимъ словомъ, всюду, куда только достигла печальная вѣсть о такой тяжелой утратѣ, какъ смерть великой артистки Маріи Гавріиловны Савиной, 17-го октября, т.-е. въ сороковой день кончины, все свободное время было посвящено ея памяти. Если о незабвенной Маріи Гавріиловнѣ вспоминали даже на театрѣ войны, то, вполнѣ понятно, что въ томъ театрѣ, гдѣ она была не рядовымъ воиномъ, а вождемъ, артисткой «Божіей милостью», ея память не могла не быть почтена, — тѣмъ болѣе, что мало на Руси театровъ, гдѣ въ свое время не выступала бы Марія Гавріиловна. Нечего и говорить, что играющая въ Тифлисскомъ Артистическомъ Обществѣ драматическая труппа «Тарто» не забыла этого дня и сдѣлала все, дабы возможно достойнѣе почтить память великой артистки».

Поднялся занавѣсъ. На сценѣ стоялъ портретъ Маріи Гавріиловны Савиной, по обѣ стороны котораго сгруппировались артисты и служащіе театра.

Театръ „Артистическое Общество“

ДРАМА

ПРОГРАММА

Въ Субботу, 17-го Октября 1915 г.

Вечеръ, посвященный памяти великой русской артистки МАРІИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ

I

Передъ портретомъ почившей артистки будетъ произнесено слово, посвященное гордости Россіи—красѣ и радости сцены **М. Г. САВИНОЙ.**

II

А. Н. ОСТРОВСКІЙ

ТАЛАНТЫ и ПОКЛОННИКИ

Комедія въ 4-хъ дѣйств.

Режиссеръ **А. А. Тугановъ.**

Портретъ М. Г. Савиной написанъ художникомъ А. Цимахуридзе съ портрета работы извѣстнаго художника Браза

Начало въ 8 час. вечера.

Распорядитель Т-ва **А. А. Тугановъ.**

Артистъ Ф. Б. Нератовъ, въ гримѣ суфлера Нарокова изъ «Талантовъ и поклонниковъ»,—роли, которую ему предстояло исполнять,—произнесъ слѣдующее:

Не о великомъ талантѣ Маріи Гавріиловны Савиной хочу я сказать...

А о той безграничной скорби, въ которую повергаетъ насъ всѣхъ сознаніе, что ея уже нѣтъ...

Театръ — это храмъ творчества народной сказки, народныхъ чувствованій, народной поэзіи... За самобытность, за самоопредѣленіе этого національнаго творчества и ведется сейчасъ міровая борьба народовъ.

Есть люди, которые удивляются, какъ можно жить театромъ въ такую пору, когда на границахъ отечества проливается обильная и драгоцѣнная кровь. Но это ненужный предразсудокъ. Театръ, созданный геніальными художниками, какъ Савина, и есть та національная гордость творчества, это и есть тотъ сильный, могучій, прекрасный духъ національной культуры, который никогда не падетъ подъ ударами вражескаго желѣзнаго кулака.

Никакая сила въ мірѣ не можетъ удавить ароматное дыханіе русской фіалки—и никакая сила не усыпитъ обаянія нашихъ великихъ геніальныхъ художниковъ.

Вспомните, какая волна восторговъ перекатывалась по землѣ русской, когда королева русскаго театра Марія Гавріиловна Савина отправлялась въ свои театральныя путешествія по провинціи! Какъ магически пробуждались театры, публика, служители театра, печать! Она, какъ солнце, несла съ собою яркіе, теплые лучи, которыми согрѣвала душу людей и будила въ нихъ лучшіе и прекраснѣйшіе порывы и движенія.

Всѣ любили ея лицо.

Всѣ любили красивый разрѣзъ ея глазъ.

Всѣ любили ея голосъ.

И самое имя «Савина» любили.

Бываютъ въ жизни такія личности, духовная сила которыхъ словно создаетъ для окружающихъ защиту отъ злыхъ духовъ.

Такую защиту мы чувствовали въ Львѣ Толстомъ.

И почувствовали себя осиротѣвшими послѣ его смерти.

Савина была такимъ же знаменемъ русскаго театра.

Само солнце, играя своими лучами на этомъ знамени, радовалось ихъ ослѣпляющимъ отраженіямъ.

Русская сцена осиротѣла послѣ смерти Савиной!..

Про артиста говорятъ: «Онъ хорошо играетъ», «онъ правильно толкуетъ роль», «ему удался образъ» и такъ далѣе.

Про Савину такъ не говорили.

Савина была талантомъ въ самомъ сильномъ значеніи его.

Ея талантъ самъ чутко разбирался въ образахъ.

И отъ этого удивительнаго таланта въ театрѣ было такъ радостно, такъ весело, такъ торжественно на душѣ, что въ ея творчествѣ чувствовалось... таинство.

Савина ушла! Нѣтъ больше Савиной!

Будетъ скучно жить безъ этого таинства!

Въ исторіи русскаго театра съ именемъ Савиной свяжутъ расцвѣтъ его, золотую эпоху.

Историки любовно посвятятъ свои труды прекраснѣйшей королевѣ русскаго театра.

Люди воздвигнутъ на ея гробницѣ памятникъ — маякъ, предъ которымъ ея соратники, большіе и малые, будутъ долго, долго... маячить.

Но сейчасъ даже среди оглушительнаго и несмолкаемаго залпа орудій смерти, при мысли о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, слышенъ трепетный ударъ тоскующаго по ней сердца!..

Сознаніе, что Савиной больше нѣтъ, раздается въ груди надрывомъ...

И съ этимъ надрывомъ мы будемъ искать путей къ тому таинству, которое она творила...

Будемъ искать!..

Найдемъ ли?!...

Затѣмъ, выступилъ артистъ Е. О. Любимовъ-Ланской, загримированный трагикомъ Громиловымъ изъ «Талантовъ и поклонниковъ», и сказалъ:

Тебѣ, великой печальницѣ нашихъ скорбей и радостей, красѣ и гордости родного искусства, геніальной артисткѣ — тебѣ видимые лавры, скорбь нашей души и неподдѣльныя слезы печали!..

Ты жила съ нами нашими нуждами, нашимъ горемъ, — горемъ актеровъ провинціи! Слава твоя — это слава каждаго русскаго актера!.. И теперь, когда ты ушла отъ насъ, память о тебѣ переживетъ года и будетъ жить до тѣхъ поръ, пока солнце искусства освѣщаетъ мрачныя глубины жизни.

Послѣ того, артистка Н. Л. Нелединская, въ гримѣ Нѣгиной изъ «Талантовъ и поклонниковъ», возложила лавровый вѣнокъ къ подножію портрета «ушедшаго русскаго генія, красы и гордости русской сцены — Маріи Гавріиловны Савиной».

Царило благоговѣйное молчаніе... Занавѣсъ медленно опустился...

«В. Б.» въ «Кавказскомъ Словѣ», 20-го октября 1915 года, № 231, пишетъ:

«Публика, наполнявшая зрительный залъ, съ глубокимъ вниманіемъ и въ полной тишинѣ выслушала произнесенныя рѣчи и молчаливо участвовала въ выраженіи горести служителей русскаго искусства... Затѣмъ, была дана пьеса «Таланты и поклонники» А. Н. Островскаго—автора, имѣвшаго такое значеніе въ развитіи и выявленіи блестящаго таланта Маріи Гавріиловны. Я не считаю умѣстнымъ вдаваться въ критическія подробности исполненія пьесы, поставленной въ день памяти угасшей жизни великой русской артистки, посвятившей эту жизнь чистому служенію русскому искусству и русской сценѣ. Вѣчная память великой Маріи Гавріиловнѣ Савиной!»

Артисты товарищества «Тарто» очень сочувственно отнеслись и къ пожертвованію въ «фондъ увѣковѣченія памяти Маріи Гавріиловны Савиной», собравъ между собою 100 рублей.

ТОМСКЪ.

Газета «Утро Сибири», 8-го и 11-го октября 1915 года, №№ 218 и 221, сообщаетъ:

«Спектакль памяти М. Г. Савиной. Обществомъ Попеченія о Народномъ Образованіи 11-го октября сего года въ помѣщеніи Безплатной библіотеки ставится спектакль, посвященный памяти Маріи Гавріиловны Савиной. Идетъ пьеса Гольдони «Трактирщица», въ которой роль Мирандолины была одной изъ лучшихъ въ репертуарѣ покойной великой артистки. Передъ началомъ спектакля помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Н. П. Зеленскимъ будетъ прочтенъ краткій рефератъ объ артистической дѣятельности Маріи Гавріиловны Савиной».

ТУЛА.

По иниціативѣ артистовъ Тульскаго Новаго театра, въ сороковой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной, 17-го октября, была отслужена панихида въ Бригадномъ соборѣ. Богослуженіе совершалъ членъ Государственной Думы — протоіерей М. П. Знаменскій.

На панихидѣ присутствовали: артисты мѣстной труппы, во главѣ съ завѣдывающимъ художественной частью театра — А. Д. Лавровымъ - Орловскимъ, режиссеромъ — В. Д. Муравлевымъ - Свирскимъ и управляющимъ—М. А. Разумовскимъ, уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О.—А. Д. Яновскій и много молящихся.

Могила Маріи Гавріиловны Савиной.

ПРИНОШЕНІЯ

НА ГРОБЪ И НА МОГИЛУ

МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ

САВИНОЙ

1. **Отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны**—крестъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ. Возложилъ гофмейстеръ баронъ А. Г. фонъ-Кноррингъ.

2. **Отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны**—вѣнокъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ. Возложилъ гофмейстеръ баронъ А. Г. фонъ-Кноррингъ.

3. **Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны**—вѣнокъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ съ пальмовыми вѣтвями. Возложилъ въ должности шталмейстера А. С. фонъ-Эттеръ.

4. **«М. Г. Савиной—отъ Петроградскаго Городского Общественнаго Самоуправленія».** Серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ, съ гербомъ города Петрограда. Возложилъ членъ Городской Управы П. И. Савинковъ.

5. **«Заслуженной артисткѣ Императорскихъ театровъ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Дирекція Императорскихъ театровъ».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: управляющій Конторой Императорскихъ Петроградскихъ театровъ камергеръ баронъ В. А. Кусовъ и его помощникъ Л. Д. Мецнеръ.

6. **Отъ товарищей артистовъ Императорскаго Александринскаго театра**—снопъ бѣлыхъ живыхъ хризантемъ. Возложила заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Н. С. Васильева (передъ дневной панихидой 8-го сентября).

7. **«Нашей Савиной, солнцу русскаго театра,—осиротѣвшіе товарищи»** (артисты Императорскаго Александринскаго театра). Серебряный вѣнокъ, покрытый траурнымъ флеромъ, на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложили: заслуженные артисты Императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовъ, Н. С. Васильева и В. А. Мичурина (во время панихиды, отслуженной артистами Императорскаго Александринскаго театра у гроба, передъ выносомъ тѣла М. Г. Савиной изъ ея дома въ церковь Убѣжища).

8. **«Ушедшей, духомъ своимъ соединившей насъ. Первому предсѣдателю—Комитетъ труппы Императорскаго Александринскаго театра».** Живые цвѣты. Возложили: артисты М. А. Ведринская, А. И. Долиновъ и Е. П. Студенцовъ (возложены на могилу въ 9-й день по кончинѣ).

9. **«Создательниц**ѣ **Театральнаго Общества, великой печальницѣ о нуждахъ сценическаго міра, Маріи Гавріиловнѣ Савиной — Императорское Русское Театральное Общество».** Серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложили: Совѣтъ и Ревизіонная Комиссія Общества, въ полномъ своемъ составѣ, во главѣ съ предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ А. А. Желябужскимъ.

10. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной — осиротѣвшіе товарищи по Совѣту и Ревизіонной Комиссіи своему незабвенному предсѣдателю и неутомимому работнику за общее дѣло».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: Совѣтъ и Ревизіонная Комиссія Общества, въ полномъ своемъ составѣ, во главѣ съ предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ А. А. Желябужскимъ.

11. **«Душѣ и создательницѣ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Московское Отдѣленіе Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: члены Совѣта Н. А. Смирнова и Г. С. Бурджаловъ.

12. **«Послѣдній привѣтъ дорогой, незамѣнимой, горячо любимой Маріи Гавріиловнѣ Савиной — осиротѣвшіе пансіонеры Убѣжища»** (Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества). Металлическій вѣнокъ. Возложили: пансіонерки Убѣжища А. А. Александрова (стипендіатка М. Г. Савиной), А. Н. Антонова и А. В. Аркунина.

13. **«Незабвенной „Тетѣ Марусѣ"—отъ горячо любившихъ ее дѣтей Пріюта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: группа дѣтей Пріюта, во главѣ съ ихъ воспитательницей Е. И. Ермолаевой и ея помощницей Е. К. Ульяновой.

14. **«Доброй и сердечной Маріи Гавріиловнѣ—отъ признательныхъ служащихъ Пріюта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: воспитательница Пріюта Е. И. Ермолаева и ея помощница Е. К. Ульянова.

15. **«Дорогой Маріи Гавріиловнѣ Савиной—воспитанники и воспитатель Пансіона Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».** Металлическій крестъ. Возложили: воспитанники Пансіона Журавлевъ, Мейеръ, Проскуренко и ихъ воспитатель А. А. Шварцкопфъ.

16. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—служащіе Канцеляріи Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: управляющій Канцеляріей К. К. Витарскій, его помощникъ Д. К. Дютель и служащія О. П. Карина-Накоренко и О. И. Кузнецова.

17. **Отъ служащихъ въ Московскомъ Справочно-Статистическомъ и Комиссіонномъ Бюро Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

18. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—осиротѣвшая Школа Сценическаго Искусства».** Громадная пальмовая вѣтвь. Возложили: директора Школы А. Б. Каменка и В. В. Сладкопѣвцевъ, преподаватель Н. В. Петровъ, ученицы Гусева, Кандорская, Мантейфель, Павлова, Пилецкая, Сорокоумова, Шацкая и ученикъ Любимовъ.

19. **«Глубокоуважаемой руководительницѣ—отъ Студенческаго Драматическаго Кружка подъ руководствомъ М. Г. Савиной».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: члены Кружка О. А. Покотилова и Е. А. Чухинъ.

20. **«Дорогой Маріи Гавріиловнѣ Савиной—душѣ Лазарета артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ артистъ В. С. Шароновъ.

21. **«Дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—медицинскій персоналъ и осиротѣвшіе раненые Лазарета артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: сестры милосердія В. Э. Направникъ, В. С. Погорѣцкая и группа раненыхъ солдатъ.

22. **«М. Г. Савиной—отъ Петроградскаго Благороднаго Собранія».** Металлическій вѣнокъ.

23. **«Памяти великой Маріи Гавріиловны Савиной—артисты Императорскаго Московскаго Малаго театра».** Бѣлый металлическій вѣнокъ. Возложили: управляющій труппой заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ А. И. Южинъ (князь А. И. Сумбатовъ) и артистка Н. А. Смирнова.

24. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной — русская театральная провинція».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: уполномоченные провинціальныхъ актеровъ В. Л. Градовъ, П. П. Струйскій и М. А. Дмитріевъ-Шпоня.

25. **«Угасшему свѣточу, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—артисты Императорской Петроградской оперы».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: солистка Его Величества М. А. Славина, главный режиссеръ заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ І. В. Тартаковъ и артистъ В. С. Шароновъ.

26. **«Красѣ и гордости русскаго театра М. Г. Савиной — Императорская Петроградская балетная труппа».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: солистъ Его Величества П. А. Гердтъ, режиссеръ Н. Г. Сергѣевъ и артисты С. К. Андріановъ и Е. Н. Стремлянова (племянница М. Г. Савиной).

27. **«A notre chère camarade Savina — les artistes du Théâtre Michel»** (Нашему дорогому товарищу Савиной—артисты Михайловскаго театра). Металлическій вѣнокъ. Возложили: артисты Поль Роберъ и Люсьенъ Лафорэ.

28. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной, вѣрной защитницѣ тружениковъ сцены—отъ оркестра Императорскаго Маріинскаго театра».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: артисты оркестра В. Г. Вальтеръ и К. К. Клоссе.

29. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—директоръ Императорскаго Красносельскаго театра».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

30. **«Колоссу русской сцены—Ты умерла, но образъ Твой умретъ лишь вмѣстѣ съ нами—труппа Малаго театра А. С. Суворина».** Металлическая вѣтвь на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложили: уполномоченный дирекціи артистъ Я. С. Тинскій и режиссеръ М. П. Муравьевъ.

31. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной — театръ «Музыкальной Драмы».** Крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: директора Правленія В. С. Севастьяновъ, Ю. А. Малышевъ и Н. И. Шустровъ.

32. **«Послѣдній привѣтъ близкой намъ родной душѣ—драматическая труппа и Мѣстный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества при Народномъ Домѣ Императора Николая II».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: завѣдывающій театральной частью Петроградскаго Попечительства о народной трезвости А. Я. Алексѣевъ, режиссеръ И. Г. Мирскій и артисты Н. С. Сахарова, М. Г. Волковъ и А. К. Дилинъ.

33. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—дирекція Народнаго Дома Аксаринъ и Артемьевъ».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: директора А. Р. Аксаринъ и И. П. Артемьевъ.

34. **«Собирательницѣ земли актерской, незабвенной Савиной—«Кривое Зеркало».** Металлическая вѣтвь. Возложилъ артистъ П. А. Лебединскій.

35. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ труппы Литейнаго театра».** Вѣнокъ изъ бисерныхъ цвѣтовъ. Возложили: артисты А. Н. Борисоглѣбскій и М. З. Адамовъ.

36. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Троицкій театръ».** Вѣтвь искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: артисты С. А. Чернышевъ, А. А. Наумовъ и А. М. Починовскій.

37. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной, печальницѣ русскаго актера—артисты Театра Сабурова».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: артисты Е. М. Грановская и С. Н. Надеждинъ.

38. **«Великой и незамѣнимой Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ дирекціи и труппы Паласъ-театра».** Вѣтвь живыхъ цвѣтовъ. Возложили: директоръ И. Н. Мозговъ и артисты А. Г. Пекарская, А. Н. Феона и М. Д. Ксендзовскій.

39. **«Савиной—Передвижной театръ».** Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: артисты М. М. Марусина-Лихачева и Я. И. Озеровъ.

40. **«Незабвенной памяти сценическаго генія—Московскій Художественный театръ».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ артистъ Г. С. Бурджаловъ.

41. **«Солнцу русской сцены Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Театръ Корша».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ Евт. П. Карповъ.

42. **«Величайшей артисткѣ XIX столѣтія Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Московскаго Театра Незлобина».** Вѣнокъ изъ лавровъ. Возложилъ петроградскій уполномоченный Театра Незлобина Л. Л. Людоміровъ.

43. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Московскій Драматическій театръ Суходольскихъ».** Металлическій вѣнокъ.

44. **«Гордости Россіи, великой Савиной—отъ Театра Струйскаго. Москва».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ директоръ П. П. Струйскій.

45. **«Свѣтлой памяти великой русской актрисы Маріи Гавріиловны Савиной—Харьковскіе драматическіе театры: Городской Синельникова, Пельцера, Сарматова, Рабочаго Дома и русская опера Борисова и Лохвицкаго».** Металлическій вѣнокъ.

46. **«Печальницѣ актерскаго горя—Театръ Синельникова».** Металлическій вѣнокъ.

47. **«Великой артисткѣ русской сцены М. Г. Савиной—отъ Харьковской Театральной Комиссіи».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ.

48. **Отъ дирекціи и труппы Ростовскаго на Дону драматическаго театра—** взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

49. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Литературно-Театральный Музей Императорской Академіи Наукъ имени А. А. Бахрушина».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложилъ членъ Правленія Музея Вл. А. Рышковъ.

50. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Петроградское Императорское Театральное Училище».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: помощникъ инспектора А. В. Бѣляевъ и письмоводитель В. И. Сперанскій.

51. **«Савиной — благоговѣйнѣйшая память. Императорскіе Драматическіе Курсы».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: ученики Богдановъ и Назарьевскій.

52. **«Великому художнику сцены—отъ Петроградскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: директоръ Консерваторіи А. К. Глазуновъ и правитель дѣлъ Д. К. Джіоргули.

53. **«Незабвенному таланту, угасшему генію русской сцены Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Музыкально-Драматическихъ и Оперныхъ Курсовъ Поллакъ».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: представители дирекціи В. Б. Поллакъ и Н. С. Поллакъ, преподаватель А. Л. Загаровъ и ученица Большакова.

54. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Дирекціи Петроградскаго Филармоническаго Училища».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ директоръ драматическаго отдѣла Училища Евт. П. Карповъ.

55. **«Славѣ и гордости русской сцены—Общество Русскихъ Драматическихъ Писателей».** Металлическая вѣтвь на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложилъ агентъ Общества въ Петроградѣ Евт. П. Карповъ.

56. **«Почетному члену Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Союзъ Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: товарищъ предсѣдателя Правленія Союза Викт. А. Рышковъ и секретарь Правленія Б. И. Бентовинъ.

57. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной, давнему другу Литературнаго Фонда—отъ членовъ Комитета».** Вѣтвь живыхъ цвѣтовъ. Возложили: предсѣдатель Комитета Ѳ. Д. Батюшковъ и членъ Комитета Е. П. Султанова.

58. **«Великой русской артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Первое Литературно-Драматическое и Музыкальное Общество имени Островскаго».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ представитель Общества въ Петроградѣ Викт. А. Рышковъ.

59. **«Великой художницѣ сцены — отъ Петроградскаго Общества имени Островскаго».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ предсѣдатель Правленія Евт. П. Карповъ.

60. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной, почетному члену—Литературно-Художественное Общество».** Серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложили: директора В. В. Протопоповъ и Ю. М. Юрьевъ.

61. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Кружокъ Друзей Театра».** Вѣнокъ изъ поблеклыхъ листьевъ. Возложили: члены Правленія Кружка Д. В. Михайловъ и А. С. Клыко.

62. **Отъ Литературно-Артистическаго Клуба въ Одессѣ**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

63. **Отъ Комитета Адвокатскаго Художественнаго Кружка въ Петроградѣ**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

64. **Отъ А. П. Натаровой-Чистяковой**—металлическій крестъ изъ незабудокъ. Возложила дочь ея артистка М. А. Чистякова.

65. **«Великой артисткѣ М. Г. Савиной—отъ Г. Н. Ѳедотовой. 8-го сентября 1915 г.».** Золотой вѣнокъ.

66. **«Великой артисткѣ и товарищу—вѣчная память Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Ермоловой».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

67. **Отъ К. С. Станиславскаго (Алексѣева) и М. П. Лилиной (Алексѣевой)**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

68. **«A la grande Savina—Henriette Roggers. Hommage»** (Великой Савиной—Генріетта Роджерсъ. Благоговѣйное приношеніе). Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ.

69. **«Великому родному таланту—Валентина Миронова».** Букетъ изъ искусственныхъ темно-красныхъ розъ.

70. **«Горячо любимой Маріи Гавріиловнѣ—осиротѣвшая Блюменталь-Тамарина».** Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ.

71. **«Великому человѣку русской сцены—Андрей Петровскій».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

72. **Отъ артистки Е. Н. Рощиной-Инсаровой**—снопъ бѣлыхъ живыхъ хризантемъ (возложенъ на могилу въ 9-й день).

73. **«Великой Савиной—отъ Грановской».** Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ.

74. **«Царицѣ русской сцены—Царствіе Небесное»** (отъ артистки К. М. Рошковской). Снопъ бѣлыхъ хризантемъ.

75. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной — Л. Яворская».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

76. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Анастасіи Суворииой».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ.

77. **Отъ артистки В. А. Рачковской**—живые цвѣты.

78. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ — отъ вѣрной и преданной «дѣвушки» ея М. Прохоровой».** Металлическій вѣнокъ.

79. **«Великой женщинѣ, солнцу русскаго театра—С. Ѳ. Сабуровъ».** Вѣтвь фарфоровой лиловой сирени.

80. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Я. Д. Южный».** Металлическій вѣнокъ.

81. **«Великому таланту—отъ Новикова».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ.

82. **Отъ солистки Его Величества М. А. Славиной**—снопъ бѣлыхъ живыхъ хризантемъ.

83. **«Послѣднее прости великой артисткѣ, дорогой и незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Медеи Фигнеръ».** Металлическій вѣнокъ.

84. **«Незабвенной М. Г. Савиной—съ великой скорбью Ѳ. Шаляпинъ».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ.

85. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ М. Ф. Кшесинской».** Металлическій вѣнокъ.

86. **«Маріи Гавріиловнѣ—Преображенская».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ бѣлыхъ розъ.

87. **«Обожаемой крестной—отъ Трефиловой-Соловьевой».** Крестъ изъ бѣлыхъ искусственныхъ цвѣтовъ.

88. **Отъ артистки Н. А. Бакеркиной** — крестъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ.

89. **Отъ артистки Н. А. Бакеркиной** — крестъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ (возложенъ на могилу въ 9-й день).

90. **Отъ артистки Н. А. Бакеркиной** — крестъ изъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ (возложенъ на могилу въ 20-й день).

91. **Отъ артистки Н. А. Бакеркиной**—крестъ изъ миртъ (возложенъ на могилу въ 40-й день).

92. **Отъ артистки М. П. Тагіаносовой**—живыя хризантемы.

93. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—бывшія ученицы Спаннеръ и Эллинская».** Букетъ бѣлыхъ живыхъ цвѣтовъ.

94. **«Савиной—«Новое Время». 8 сентября 1915 г.».** Серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ.

95. **«Великой русской женщинѣ — «Вечернее Время».** Серебряный вѣнокъ. Возложили: завѣдывающій художественнымъ отдѣломъ В. С. Зыбинъ и сотрудникъ И. А. Бернштейнъ.

96. **«Незабвенной Савиной—отъ редакціи «Петроградскаго Курьера».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: редакторъ Н. А. Нотовичъ и завѣдывающій театральнымъ отдѣломъ Э. А. Старкъ.

97. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ редакціи журнала «Театръ и Искусство».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: главный редакторъ А. Р. Кугель и сотрудникъ Н. Н. Тамаринъ (Окуловъ).

98. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной — «Обозрѣніе Театровъ».** Металлическій вѣнокъ изъ темно-лиловыхъ цвѣтовъ. Возложили: главный редакторъ и издатель И. О. Осиповъ-Абельсонъ и сотрудникъ Н. Г. Шебуевъ.

99. **«Великой артисткѣ—Евтихій Карповъ».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

100. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Борисъ Суворинъ».** Металлическая вѣтвь.

101. **«Горячо любимой Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Натальи Львовны Персіяниновой».** Металлическій вѣнокъ.

102. **«Глубокоуважаемой Маріи Гавріиловнѣ Савиной — отъ графа С. П. Зубова».** Металлическій вѣнокъ.

103. **«Великой актрисѣ, почетному члену Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Русское Женское Взаимно-Благотворительное Общество».** Металлическій вѣнокъ. Возложила вице-предсѣдательница Общества Н. И. Манасеина.

104. **«Старому другу, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Комитетъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ».** Металлическій вѣнокъ. Возложили: товарищъ предсѣдателя Комитета О. К. Нечаева и членъ Комитета Е. П. Султанова.

105. **«Женщинѣ генію—Россійская Лига Равноправія Женщинъ».** Вѣтвь изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: предсѣдательница хозяйственной комиссіи Лиги О. М. Яновская и членъ Лиги А. Н. Зурова.

106. **«Почетному члену Благотворительнаго Общества Великой Княгини Ольги Александровны, незабвенной, высокочтимой М. Г. Савиной—отъ благодарнаго Совѣта Общества».** Металлическій вѣнокъ.

107. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—Общество охраны материнства и грудныхъ дѣтей въ Царскомъ Селѣ».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ заслуженный профессоръ Н. В. Ястребовъ.

108. **«Незабвенной памяти Маріи Гавріиловны Савиной—отъ членовъ Правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложилъ членъ Правленія И. М. Лысковскій.

109. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—моряки Русскаго Общества Пароходства и Торговли».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ. Возложили: капитаны А. С. Петенко и В. Н. Чага.

110. **«Свѣтлой памяти М. Г. Савиной—служащіе Правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Возложили: главный бухгалтеръ А. Г. Меликенцовъ и завѣдывающій дѣлами К. В. Таргони.

111. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной — Правленіе Товарищества Таратинъ».** Серебряный вѣнокъ на черномъ бархатномъ щитѣ. Возложили: директора Правленія Б. П. Осиповъ и В. В. Симоновъ.

112. **«Глубокочтимой Маріи Гавріиловнѣ Савиной-Молчановой—отъ Б. П. Осипова».** Серебряная вѣтвь на черномъ бархатномъ щитѣ.

113. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Товарищества Коровиныхъ».** Металлическій вѣнокъ. Возложилъ директоръ Правленія Д. А. Павловъ.

114. **«Глубокоуважаемой, дорогой и незабвенной М. Г. Савиной—отъ С. П. Елисѣева».** Громадный вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ лилій и хризантемъ.

115. **«Дорогому другу Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ А. И. Сувориной».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

116. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ семьи Сувориныхъ».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

117. **«Великому таланту, большому человѣку М. Г. Савиной—отъ искреннихъ друзей Н. и А. Каютовыхъ».** Металлическій вѣнокъ.

118. **«Великой русской артисткѣ—отъ семьи Б. А. Каменка».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

119. **«Великой русской женщинѣ—Соломонія и Александръ Каменка».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

120. **«Дорогой Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Beредникова».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

121. **«Высокочтимой и дорогой Маріи Гавріиловнѣ Савиной — отъ семьи Каннегиссеръ».** Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ.

122. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ семьи Виктора Викторовича Билибина».** Металлическій вѣнокъ.

123. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной — отъ семьи Лефтеръ».** Металлическій вѣнокъ.

124. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной-Молчановой — отъ семьи Таргони».** Вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

125. **«Дорогому незабвенному другу М. Г. Савиной — отъ семьи Варшавскихъ».** Металлическій вѣнокъ.

126. **«Дивной артисткѣ-художницѣ и сердечному отзывчивому человѣку М. Г. Савиной—отъ глубоко и душевно ей преданнаго А. А. Желябужскаго».** Пальмовая вѣтвь съ живыми цвѣтами.

127. **Отъ лейбъ-медика Л. Б. Бертенсона**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

128. **«Отъ бывшаго 45 лѣтъ ея вѣрнымъ и преданнымъ поклонникомъ»** (отъ Я. А. Плющевскаго-Плющика). Металлическій вѣнокъ.

129. **Отъ М. И. Каменской**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

130. **Отъ М. И. Савельевой**—взамѣнъ вѣнка денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

131. **Отъ М. И. Савельевой**—металлическая вѣтвь.

132. **«Любимой и незамѣнимой М. Г. Савиной—отъ М. И. Савельевой».** Металлическая вѣтвь (возложена на могилу въ полугодовой день кончины).

133. **«Великой артисткѣ Маріи Гавріиловнѣ Савиной — отъ семьи А. А. Левенсона».** Вѣнокъ изъ фарфоровыхъ лиловыхъ фіалокъ.

134. **Отъ И. О. и Е. И. Абельсонъ**—букетъ живыхъ фіалокъ (возложенъ на могилу въ 20-й день).

135. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной въ день ея ангела 26/I 1916 г.—отъ Е. и К. Коленда, О. Любарской и О. Яновской».** Серебряный вѣнокъ (возложенъ на могилу 26-го января 1916 г.).

136. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ скорбящей семьи Долиновыхъ».** Металлическій вѣнокъ.

137. **Отъ Л. Е. Рудановской**—пальмовая вѣтвь съ живыми цвѣтами.

138. **Отъ О. А. Искрицкой**—металлическій вѣнокъ изъ бѣлыхъ гіацинтовъ.

139. **«Дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Молчановой — отъ Лиды Даровской».** Вѣнокъ изъ фарфоровыхъ лиловыхъ фіалокъ.

140. **Отъ Л. А. Рихтеръ**—букетъ искусственныхъ васильковъ и ромашекъ.

141. **«Незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной — отъ почитательницъ».** Пальмовая вѣтвь съ живыми цвѣтами.

142. **Отъ О. Я. Фейгиной**—букетъ живыхъ темно-красныхъ розъ.

143. **«Дорогой, любимой М. Г. Савиной—отъ А. Шильдеръ».** Металлическій вѣнокъ.

144. **«Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ осиротѣвшихъ друзей».** Серебряная вѣтвь на черномъ бархатномъ щитѣ.

145. **«Дорогому другу, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ Савиной—отъ Ю. П. Баркъ».** Вѣтвь изъ живыхъ цвѣтовъ.

146. **«Долголѣтнему неизмѣнному другу—В. Осокина».** Вѣнокъ изъ искусственныхъ бѣлыхъ розъ.

147. **«Горячо любимой Маріи Гавріиловнѣ — отъ стараго вѣрнаго друга «Безподобнаго Вѣрочка»** (В. В. Тимоѳеевской). Вѣтвь изъ бисерныхъ цвѣтовъ.

148. **«Дорогой и незамѣнимой тетѣ Марусѣ—отъ любящихъ и благодарныхъ племянницъ и племянниковъ».** Металлическій вѣнокъ.

149. **«Незабвенной мамѣ и горячо любимой «Мамѣ Ко» отъ Коки, Кати и дѣтей: Бори, Шушу и Юрика»** (Соболевыхъ). Металлическій вѣнокъ.

150. **«Моей дорогой — горячо любимой»** (отъ Е. Н. Хитрово). Металлическій вѣнокъ.

151. **«Маріи Гавріиловнѣ — отъ горюющихъ «Пѣвчиковъ»** (В. В. и А. А. Сладкопѣвцевыхъ). Металлическій вѣнокъ.

152. **«Обожаемой крестной — отъ Леночки»** (Долиновой). Металлическій вѣнокъ.

153. **«Дорогой, незамѣнимой Маріи Гавріиловнѣ—отъ Юры»** (Рябинкина). Металлическій вѣнокъ.

154. **«Дорогой барынѣ—отъ сердечно-любящей Василисы».** Металлическій вѣнокъ.

155. **Отъ Василисы**—металлическій вѣнокъ изъ незабудокъ (возложенъ на могилу въ 40-й день).

156. **«Нашей барынѣ—отъ вѣрно служившихъ и горячо любившихъ ее».** Металлическій вѣнокъ.

157. **Отъ служащихъ въ домѣ М. Г. Савиной** — вѣнокъ изъ поблеклыхъ кленовыхъ листьевъ съ деревьевъ ея сада (возложенъ на могилу въ 9-й день).

158. **Отъ служащихъ въ домѣ М. Г. Савиной**—вѣнокъ и гирлянда изъ поблеклыхъ кленовыхъ и другихъ листьевъ съ деревьевъ ея сада (возложены на могилу въ 20-й день).

159. **Отъ служащихъ въ домѣ М. Г. Савиной** — взамѣнъ вѣнка въ 40-й день денежное пожертвованіе въ фондъ имени М. Г. Савиной.

160. **«Доброжелательной барынѣ—отъ хозяина-подрядчика и рабочихъ ея любимаго дома».** Металлическій вѣнокъ.
161. **Отъ неизвѣстнаго**—пальмовая вѣтвь съ живыми цвѣтами.
162. **Отъ неизвѣстнаго**—крестъ изъ металлическихъ цвѣтовъ.
163. **Отъ неизвѣстной**—металлическая вѣтвь съ фарфоровыми цвѣтами.
164. **Отъ неизвѣстной**—вѣнокъ изъ бисерныхъ цвѣтовъ.

Убѣжище въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей, основанное Императорскимъ Русскимъ Театральнымъ Обществомъ.

Выраженія скорби и соболѣзнованія по поводу кончины Маріи Гавріиловны Савиной

Телеграммы, письма, стихотворенія

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго. 9—IX—1915.

Отъ министра Императорскаго Двора—графа В. Б. Фредерикса.

Директору Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскому.

Государь Императоръ, освѣдомившись о кончинѣ заслуженной артистки Савиной, повелѣть соизволилъ выразить труппѣ Императорскаго Александринскаго театра искреннее соболѣзнованіе Его Величества по поводу тяжкой утраты, понесенной труппой за послѣднее время въ лицѣ талантливой артистки Савиной и недавно скончавшагося заслуженнаго артиста Варламова, посвятившихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ всѣ свои силы на служеніе родному искусству.

Министръ Императорскаго Двора *графъ Фредериксъ.*

Царское Село. 8—IX—1915.

Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны.

А. Е. Молчанову.

Только что съ прискорбіемъ узнала о кончинѣ Вашей жены. Сердечно сочувствую Вашему горю, а также горю всего русскаго искусства, понесшаго незамѣнимую утрату.

Марія.

Севастополь. 9—IX—1915.

Отъ Августѣйшаго Президента Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Михаиловича.

А. Е. Молчанову.

Отъ всего сердца сочувствую Вамъ въ Вашемъ глубокомъ горѣ. Помоги Вамъ богъ перенести это испытаніе.

Сергѣй.

Севастополь. 9—IX—1915.

Отъ него же.

Прошу передать Совѣту Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, что я вмѣстѣ съ нимъ глубоко скорблю о понесенной нами утратѣ.

Сергѣй.

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго. 9—IX—1915.

Отъ министра Императорскаго Двора—графа В. Б. Фредерикса.

Директору Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскому.

Прошу Васъ передать труппѣ Императорскаго Александринскаго театра мое искреннее сочувствіе по поводу постигшей ее и всѣхъ насъ горестной утраты въ лицѣ высокоталантливой Маріи Гавріиловны Савиной. Память о ней и о ея беззавѣтномъ служеніи свыше сорока лѣтъ на Императорской сценѣ будетъ храниться всегда, какъ всѣми нами, такъ и въ исторіи русской драмы.

Министръ Императорскаго Двора *графъ Фредериксъ.*

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ морского министра—И. К. Григоровича.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ тяжеломъ горѣ.

Генералъ-адъютантъ *Григоровичъ.*

Парижъ. 19—IX—1915.

Отъ министра финансовъ—П. Л. Барка.

А. Е. Молчанову.

Veuillez agréer mes sincères condoléances.

Bark [1]).

Петроградъ. 14—IX—1915.

Отъ предсѣдателя Государственной Думы—М. В. Родзянко.

А. Е. Молчанову.

Сердечно скорблю, что не могъ отдать послѣдній долгъ незабвенной Маріи Гавріиловнѣ и лично выразить Вамъ мое глубокое участіе въ тяжелой Вашей утратѣ. Оплакиваю, какъ всѣ ее знавшіе, чудную русскую женщину и великую артистку. Память всегда будетъ жить среди насъ, какъ свѣтило вѣчнаго искусства.

Михаилъ Родзянко.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ директора Императорскихъ театровъ—В. А. Теляковскаго.

А. Е. Молчанову.

Примите самое горячее соболѣзнованіе въ постигшей Васъ утратѣ, которую будетъ оплакивать вмѣстѣ съ Александринскимъ театромъ весь русскій театръ, украшеніемъ и гордостью котораго почти полвѣка была незабвенная, незамѣнимая Марія Гавріиловна.

Теляковскій.

---

[1]) Благоволите принять мои искреннія соболѣзнованія. *Баркъ.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ труппы Императорскаго Московскаго Малаго театра.

Труппѣ Императорскаго Александринскаго театра.

Потрясающая вѣсть о безвременной кончинѣ великой русской артистки, яркаго свѣточа славной Александринской сцены, гордости всего русскаго театра и его неутомимой дѣятельницы, Маріи Гавріиловны Савиной, какъ громомъ поразила Императорскій Московскій Малый театръ. Преклоняясь предъ безсмертной памятью почившаго генія, артисты Малаго театра братски дѣлятъ горе дорогихъ товарищей, считая его во всей полнотѣ своимъ личнымъ.

Управляющій драматической труппой Императорскаго Московскаго Малаго театра *Южинъ.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ той же труппы.

А. Е. Молчанову.

Примите невыразимую словами скорбь всей труппы Императорскаго Московскаго Малаго театра. Пошли Вамъ Богъ силъ перенести тяжкій ударъ.

Управляющій труппой *Южинъ.*

Петроградъ. 14—IX—1915.

Отъ Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

А. Е. Молчанову.

Высокочтимый Анатолій Евграфовичъ. Искренно и всѣмъ сердцемъ раздѣляя Вашу глубокую скорбь, Совѣтъ Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества надѣется, что проявленное въ эти дни общее единодушное признаніе великихъ заслугъ Маріи Гавріиловны предъ искусствомъ и сценическимъ міромъ явится для Васъ хотя нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ переживаемомъ горѣ, ободритъ Васъ и поможетъ безропотно перенести незамѣнимую утрату.

Заслушавъ заявленіе о Вашей дорогой для насъ готовности не оставлять своимъ попеченіемъ и руководительствомъ Театральное Общество, Совѣтъ выражаетъ увѣренность, что Театральное Общество, созданное любовью Маріи Гавріиловны, не поколеблется, а, охраняемое Вашими заботами, будетъ расти и укрѣпляться, какъ драгоцѣнный памятникъ незабвенной для Совѣта Маріи Гавріиловны.

По уполномочію членовъ чрезвычайнаго засѣданія Совѣта и представителей актерскаго міра

Желябужскій.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ Московскаго Отдѣленія Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

А. Е. Молчанову.

Московское Отдѣленіе Совѣта, глубоко скорбя о кончинѣ незабвенной предсѣдательницы Совѣта И. Р. Т. О. и великой артистки Маріи Гавріиловны, раздѣляетъ съ Вами тяжелое горе всей театральной Россіи.

Яблочкина.

Москва. 8—III - 1916.

Отъ того же Отдѣленія Совѣта И. Р. Т. О.

А. Е. Молчанову.

Въ полугодовой день кончины незабвенной Маріи Гавріиловны, вспоминая ея неусыпныя заботы о созданіи и устроеніи Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества, Московское Отдѣленіе Совѣта вмѣстѣ съ Вами скорбитъ о незамѣнимой утратѣ великой печальницы русскаго актера и свято чтитъ ея память.

Яблочкина.

Кисловодскъ. 17—X—1915.

Отъ товарища предсѣдателя Совѣта И. Р. Т. О.—А. А. Желябужскаго.

А. Е. Молчанову.

Помолились въ сороковой день кончины незабвенной Маріи Гавріиловны. Прошу принять выраженіе глубокаго и сердечнаго участія. Да подкрѣпитъ и сохранитъ Господь для всѣхъ искренно любящихъ Васъ и на пользу созданнаго и столь любимаго Маріей Гавріиловной Театральнаго Общества! Изъ далекаго Кисловодска шлю душевный и горячій привѣтъ.

Желябужскій.

Глуховъ. 10—IX—1915.

Отъ члена Совѣта И. Р. Т. О.—А. С. Кошевѣрова.

Совѣту И. Р. Т. О.

Глубоко потрясенъ полученнымъ сейчасъ извѣстіемъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Прошу передать глубокоуважаемому Анатолію Евграфовичу мое искреннее горячее сочувствіе въ постигшемъ его великомъ горѣ. Нѣтъ словъ выразить всю горечь невознаградимой утраты для Общества и для всѣхъ насъ. Скорблю безконечно.

Александръ Кошевѣровъ.

Лопухинка. 9—IX—1915.

Отъ почетнаго попечителя Убѣжища И. Р. Т. О. въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей—С. П. Елисѣева.

А. Е. Молчанову.

Примите, глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, мои искреннія и сердечныя соболѣзнованія въ постигшемъ Васъ и насъ всѣхъ большомъ горѣ—тяжелой утратѣ незабвенной, дорогой Маріи Гавріиловны. Великая русская душа и геній ея будутъ всегда съ нами.

Уважающій Васъ *С. Елисѣевъ.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ пансіонеровъ Убѣжища И. Р. Т. О. въ память Императора Александра III для престарѣлыхъ сценическихъ дѣятелей.

А. Е. Молчанову.

Дорогой, горячо любимый Анатолій Евграфовичъ! Всѣмъ сердцемъ и душою присоединяемся къ Вашему горю о дорогой утратѣ. Подкрѣпи Васъ Господь!

Пансіонеры Убѣжища.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ служащихъ въ Московскомъ Театральномъ Справочно-Статистическомъ и Комиссіонномъ Бюро И. Р. Т. О.

А. Е. Молчанову.

Служащіе Театральнаго бюро, глубоко потрясенные неожиданной кончиной горячо любимой Маріи Гавріиловны, шлютъ Вамъ свои искреннія соболѣзнованія и скорбятъ вмѣстѣ съ Вами о невозвратимой тяжелой утратѣ.

Васильевъ.

Москва. 8—III—1916.

Отъ группы делегатовъ И. Р. Т. О.

А. Е. Молчанову.

Предварительное совѣщаніе делегатовъ постановило выразить Вамъ чувство глубокаго соболѣзнованія въ полугодовой день кончины великой печальницы всѣхъ нуждъ театральнаго міра—Маріи Гавріиловны, утрата которой такъ ярко ощущается въ переживаемое теперь русскимъ театромъ время.

Предсѣдатель предварительныхъ совѣщаній делегатовъ
Петръ Лучининъ.

Москва. 8—III—1916.

Отъ группы делегатовъ И. Р. Т. О.

А. Е. Молчанову.

Партія обновленія, создавшаяся въ нѣдрахъ Театральнаго Общества изъ среды прибывшихъ делегатовъ, единогласно постановила выразить Вамъ свое глубокое соболѣзнованіе въ полугодовой день кончины незабвенной Маріи Гавріиловны, утрата которой такъ тяжела для всей актерской громады.

Предсѣдатель *Петръ Лучининъ.*

Петроградъ. 12—IX—1915.

Отъ театра «Музыкальная Драма».

А. Е. Молчанову.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Получивъ горестную вѣсть о безвременной и неожиданной кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной, Правленіе «Музыкальной Драмы», въ засѣданіи 8-го сего сентября, почтило вставаніемъ свѣтлую память усопшей великой русской артистки, постановило возложить на ея гробъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ

и выразить Вамъ, глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, свое горячее сочувствіе въ невознаградимой утратѣ, которую понесли со смертью Маріи Гавріиловны русскій театръ и русское искусство. Независимо отъ этого, въ день погребенія усопшей супруги Вашей, передъ началомъ представленія, при поднятомъ занавѣсѣ и въ присутствіи всѣхъ участвовавшихъ въ спектаклѣ артистовъ, собравшаяся въ зрительномъ залѣ многочисленная публика, по приглашенію члена Правленія В. С. Севастьянова, почтила незабвенную память великой артистки вставаніемъ.

Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, дабы покорнѣйше просить Васъ принять увѣреніе въ моемъ къ Вамъ глубокомъ уваженіи и отличной преданности.

Директоръ-распорядитель *Ю. А. Малышевъ.*

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Московскаго Художественнаго театра.

Труппѣ Императорскаго Александринскаго театра.

Московскій Художественный театръ въ своемъ полномъ составѣ раздѣляетъ скорбь артистовъ Петроградской драматической труппы. Чувство громадной утраты охватитъ не только весь театральный міръ, но и самые широкіе круги русскаго общества. Но наиболѣе острую, невыразимую словами, боль должна испытывать артистическая семья, у которой ненасытная смерть вырвала ея гордость, ея красу и радость. Эта боль со всей силой отзывается въ нашихъ сердцахъ, и мы почтительно просимъ товарищей незабвенной Савиной принять наше самое искреннее, самое глубокое сочувствіе.

Немировичъ-Данченко, Станиславскій.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Театра Незлобина.

Режиссерскому управленію труппы Имп. Александринскаго театра.

Раздѣляя великое горе русскаго театра, просимъ Васъ передать труппѣ Александринскаго театра выраженіе нашего сердечнаго сочувствія и нашу скорбь.

Театръ Незлобина.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ того же театра.

А. Е. Молчанову.

Труппа Театра Незлобина выражаетъ Вамъ свою великую скорбь о незамѣнимой утратѣ гордости русской сцены Маріи Гавріиловны Савиной.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ Московскаго Драматическаго театра Суходольскихъ.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Московскій Драматическій театръ Суходольскихъ молитвенно склоняется предъ дорогимъ прахомъ великой русской художницы и душой раздѣляетъ глубокую скорбь всей художественной Россіи.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ труппы Театра имени Вѣры Ѳедоровны Коммиссаржевской.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Скорбимъ объ утратѣ незамѣнимой художницы Маріи Гавріиловны Савиной.

Труппа Театра имени Вѣры Ѳедоровны Коммиссаржевской.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ Оперы Зимина.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Глубоко скорбимъ о тяжелой утратѣ великой русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной.

Опера Зимина.

Харьковъ. 9—IX—1915.

Отъ Харьковской труппы Н. Н. Синельникова.

А. Е. Молчанову.

Всей душой сочувствуемъ великому горю и молимся о свѣтлой душѣ.

Харьковская труппа Синельникова.

Харьковъ. 10—IX—1915.

Отъ Харьковской Городской Театральной Коммиссіи.

Совѣту И. Р. Т. О.

Харьковская Городская Театральная Комиссія выражаетъ чувство глубокой горести по поводу кончины славнаго дѣятеля русской сцены—Маріи Гавріиловны Савиной, имя которой въ харьковскомъ обществѣ пользуется исключительно большимъ уваженіемъ и съ незабвеннымъ артистическимъ образомъ которой въ Харьковѣ связано много дорогихъ воспоминаній.

Уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. *Бабецкій.*

Саратовъ. 14—IX—1915.

Отъ Саратовскаго Театральнаго Комитета.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Саратовскій Театральный Комитетъ проситъ семью артистовъ Александринскаго театра присоединить и его печаль къ общему горю всей театральной Россіи по случаю кончины великихъ артистовъ земли русской—Маріи Гавріиловны Савиной и Константина Александровича Варламова. Да будетъ имъ легка земля и память о нихъ пусть живетъ вѣчно въ сердцахъ всѣхъ любящихъ родное драматическое искусство!

Предсѣдатель Комитета *Шиловцевъ.*

Саратовъ. 16—IX—1915.

Отъ того же Комитета.

А. Е. Молчанову.

Саратовскій Театральный Комитетъ, глубоко опечаленный внезапной кончиной Маріи Гавріиловны, безутѣшно скорбитъ, что колоссъ драматической сцены навѣки покинулъ міръ искусства, и русское общество не увидитъ больше перловъ творчества великой Савиной. Горе всей театральной Россіи пусть укрѣпитъ ваше сознаніе, что осиротѣли не только Вы одинъ, все русское общество, осиротѣло отечественное драматическое искусство.

Саратовъ. 8—III—1916.

Отъ Саратовскаго Мѣстнаго Отдѣла И. Р. Т. О.

А. Е. Молчанову.

Память о великой, прекрасной Маріи Гавріиловнѣ Савиной глубоко въ насъ въ день полугодовой ея кончины.

Предсѣдательница Саратовскаго Мѣстнаго Отдѣла *Велизарій.*

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ артистовъ Одесскихъ драматическаго и опернаго театровъ.

А. Е. Молчанову.

Глубоко потрясенные безвременной кончиной незабвенной великой артистки Маріи Гавріиловны, сценическіе дѣятели опернаго и драматическаго Одесскихъ театровъ, безпредѣльно скорбя и оплакивая потерю незамѣнимаго заступника и борца за актерскія нужды, рѣшили, объединившись, 11-го сентября отслужить въ каѳедральномъ соборѣ торжественную заупокойную литургію.

Ростовъ-на-Дону. 9—IX—1915.

Отъ Ростовскаго-на-Дону театра.

А. Е. Молчанову.

Глубоко опечаленныя кончиной великой русской артистки, дирекція и труппа Ростовскаго театра шлютъ сердечныя соболѣзнованія. Пусть память о несравненной Маріи Гавріиловнѣ навсегда останется въ сердцѣ русскаго театра!

Зарайская.

Симбирскъ. 12—IX—1915.

Отъ Симбирскаго театра.

Совѣту И. Р. Т. О.

Симбирскій театръ, присоединяясь къ скорби театральнаго міра, утратившаго гордость и красу русской сцены—Марію Гавріиловну, проситъ принять искреннее и глубокое сочувствіе.

Уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. *Варламовъ.*

Тула. 11—IX—1915.

Отъ труппы Тульскаго театра.

А. Е. Молчанову.

Тульская труппа выражаетъ глубокую скорбь по поводу кончины родной нашей «землячки» Марiи Гаврiиловны. Память ея да будетъ вѣчна въ благодарной душѣ нашей!

Лавровъ-Орловскiй.

Пермь. 10—IX—1915.

Отъ оперной труппы Палiева.

Совѣту И. Р. Т. О.

Оперная труппа Палiева въ Перми выражаетъ глубокое соболѣзнованiе по поводу смерти великой артистки, дивнаго человѣка, предсѣдателя Совѣта—Марiи Гаврiиловны Савиной.

Уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. *Зайдель.*

Омскъ. 10—IX—1915.

Отъ Омскаго Мѣстнаго Отдѣла И. Р. Т. О. Театра Коммерческаго Клуба.

Совѣту И. Р. Т. О.

Омскiй Отдѣлъ И. Р. Т. О. Театра Коммерческаго Клуба, вся труппа и служащiе Театра соболѣзнуютъ по поводу тяжелой утраты, которую понесла театральная Россiя въ лицѣ дорогой, любимой нашей предсѣдательницы, добраго генiя русскаго актера.

Предсѣдатель *Шестовъ.*

Уполномоченный Совѣта И. Р. Т. О. *Медвѣдевъ.*

Казань. 19—X—1915.

Отъ предсѣдателя Совѣта старшинъ Новаго Клуба въ Казани—Осипова.

Совѣту И. Р. Т. О.

Отслуживъ по усопшей Марiи Гаврiиловнѣ въ сороковой день по ея кончинѣ панихиду, артисты Новаго и Большого, а также Театра города Казани совмѣстно съ Совѣтомъ старшинъ Новаго Клуба выражаютъ Совѣту, какъ представителю Театральнаго Общества, чувства глубокаго соболѣзнованiя, величайшей скорби по поводу утраты умершей Марiи Гаврiиловны, недюжиннаго таланта, безконечно отзывчиваго человѣка.

Предсѣдатель *Осиповъ.*

Кисловодскъ. 17—X—1915.

Отъ Кисловодской драматической труппы.

А. Е. Молчанову.

Кисловодская драматическая труппа, отслуживъ панихиду по незабвенной «матери русскихъ актеровъ»—Марiи Гаврiиловнѣ Савиной, сочувствуетъ Вамъ, дорогой Анатолiй Евграфовичъ, въ постигшемъ Васъ горѣ и молитъ

Всевышняго подкрѣпить Ваши силы и не оставлять созданнаго Маріей Гавріиловной Театральнаго Общества.

Антрепренеры *Валентиновъ, Теракоповъ;* режиссеръ *Ланко-Петровскій;* представители Театральнаго Общества *Желябужскій, Васильева.*

Кутаисъ. 11—IX—1915.

Отъ Кутаисскаго Грузинскаго Драматическаго Общества.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Кутаисское Грузинское Драматическое Общество приноситъ свое сердечное соболѣзнованіе русской сценѣ, лишившейся въ лицѣ высокодаровитой Маріи Гавріиловны Савиной одного изъ лучшихъ своихъ украшеній. Грузинская сцена, всегда находящаяся въ тѣсной культурной связи съ русской, почитаетъ эту утрату, какъ свою, и искренно оплакиваетъ вмѣстѣ съ Вами.

Товарищъ Предсѣдателя Правленія *Криницкій.*

Москва. 11—IX—1915.

Отъ труппы польской оперетты Варшавскаго театра «Новости».

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Заброшенные переживаемыми событіями въ Москву, артисты труппы польской оперетты «Новости» Варшавскихъ правительственныхъ театровъ, во главѣ съ Мессаль и режиссеромъ Домославскимъ, поручили мнѣ выразить Вамъ чувства ихъ скорби о незамѣнимой потерѣ гордости русской сцены — Маріи Гавріиловны Савиной.

Борисъ Масленниковъ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ польской труппы въ Московскомъ Камерномъ театрѣ.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Преисполненные скорби по поводу смерти великой русской артистки Савиной, шлемъ товарищескія слова сочувствія въ постигшемъ Васъ горѣ.

Польская труппа въ Камерномъ театрѣ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ латышскихъ артистовъ-бѣженцевъ въ Москвѣ.

Совѣту И. Р. Т. О.

Въ лицѣ Маріи Гавріиловны Савиной русское сценическое искусство потеряло одну изъ величайшихъ жрицъ своего божественнаго алтаря. Въ глубокой скорби, постигшей артистовъ нашей соотечественной русской сцены, выражаю сочувствіе горю отъ имени латышскихъ артистовъ-бѣженцевъ въ Москвѣ.

Я. А. Дубуръ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ нихъ же.

А. Е. Молчанову.

Та же телеграмма.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Секціи деревенскихъ, фабричныхъ и школьныхъ театровъ Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Совѣту И. Р. Т. О.

Раздѣляя скорбь актерскаго міра и Театральнаго Общества, Секція деревенскихъ, фабричныхъ и школьныхъ театровъ Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ, преклоняется предъ свѣтлой памятью глубокоуважаемаго общественнаго дѣятеля—Маріи Гавріиловны Савиной.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Московскаго Отдѣленія Комитета по организаціи Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей Народнаго Театра.

А. Е. Молчанову.

Московское Отдѣленіе Комитета по организаціи Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей Народнаго Театра, глубоко потрясенное безвременной кончиной великой русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной, присоединяетъ свой скромный голосъ сочувствія къ горю Вашему и всей Россіи.

Пенза. 10—IX—1915.

Отъ Пензенскаго Драматическаго Кружка имени Бѣлинскаго.

Совѣту И. Р. Т. О.

Пензенскій Драматическій Кружокъ имени Бѣлинскаго шлетъ глубокое соболѣзнованіе Совѣту И. Р. Т. О. по случаю внезапной кончины предсѣдательницы Совѣта—великой русской артистки Маріи Гавріиловны Савиной, скорбя со всей театральной Россіей о незамѣнимой утратѣ.

Распорядитель Кружка *Кузовковъ.*

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Московской Лиги Любителей Сценическаго Искусства.

А. Е. Молчанову.

Просимъ принять наше соболѣзнованіе. Вѣчная память свѣточу искусства!

Московская Лига Любителей Сценическаго Искусства.

Предсѣдатель *Гунстъ.*

Секретарь *Мельниковъ.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ Драматическихъ Курсовъ Топорской.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Драматическіе Курсы Топорской выражаютъ свою неутѣшную скорбь по поводу смерти Маріи Гавріиловны Савиной.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ провинціальныхъ актеровъ, собравшихся въ Москвѣ.

А. Е. Молчанову.

Провинціальные актеры, потрясенные горестной утратой незабвенной Маріи Гавріиловны, просятъ Васъ принять выраженіе ихъ искренняго горя и горячо молятъ Бога послать Вамъ силы перенести постигшее несчастье. Да утѣшитъ Васъ сознаніе, что Ваше горе раздѣляетъ вся театральная Россія.

По уполномочію присутствующихъ *Владиміръ Градовъ.*

Москва. 9—IX—1915.

Отъ заслуженной артистки Имп. театровъ Г. Н. Ѳедотовой.

А. Е. Молчанову.

Невыносимо тяжело горе! Царство Небесное несравненной Маріи Гавріиловнѣ! Съ радостью умерла бы за нее. Да сохранитъ Васъ Господь!

Гликерія Ѳедотова.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ заслуженной артистки Имп. театровъ М. Н. Ермоловой.

А. Е. Молчанову.

Да утѣшитъ Господь Ваше великое горе! Плачемъ вмѣстѣ съ Вами.

Ермолова.

Москва. 23—XII—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Вмѣсто поздравленія съ праздниками посылаю Вамъ стихи въ память Маріи Гавріиловны, читанные мною на концертѣ Театральнаго бюро [1]). Они хороши тѣмъ, что искренни, написаны отъ души. Авторъ желаетъ остаться неизвѣстнымъ. Вамъ, можетъ быть, доставитъ минутку удовольствія сознаніе, какъ велика и дорога память о ней всѣмъ, кто такъ или иначе зналъ ее, какъ артистку и человѣка высокой души. Да хранитъ Васъ Богъ!

Съ искреннимъ уваженіемъ остаюсь

М. Ермолова.

---

[1]) См. выше—стр. 190 и 215.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ заслуженнаго артиста Имп. театровъ А. И. Южина (князя Сумбатова).

А. Е. Молчанову.

Что сказать, какъ выразить глубокое горе?!. Нѣтъ словъ. Да укрѣпятъ Ваши силы Господь и сознанie, что весь русскiй театральный мiръ скорбитъ вмѣстѣ съ Вами о великой артисткѣ и великой душѣ, полной дѣятельной любви къ родной сценѣ. Лично жена и я шлемъ Вамъ наше горячее соболѣзнованie, молимся за вѣчный покой дорогой Марiи Гаврiиловны.

Сумбатовъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ заслуженной артистки Имп. театровъ А. А. Яблочкиной.

А. Е. Молчанову.

Нѣтъ словъ для выраженiя скорби объ утратѣ горячо любимой Марiи Гаврiиловны. Могу только плакать вмѣстѣ съ Вами и молить Бога, чтобы Онъ помогъ Вамъ перенести наше общее горе.

Александра Яблочкина.

Москва. 18—X—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолiй Евграфовичъ!

Сколько разъ собиралась писать Вамъ и выразить мое глубокое сочувствiе Вашему тяжелому горю, но не находила словъ утѣшенiя и боялась лишнiй разъ затронуть незакрытую рану... Я такъ чтила незабвенную Марiю Гаврiиловну и всегда искренно восхищалась ею, какъ великой артисткой и прекрасной общественной дѣятельницей, такъ горячо любила ее, что кончина ея меня страшно поразила. Вчера исполнилось сорокъ дней, какъ ея нѣтъ съ нами, но я точно сейчасъ слышу ея послѣднiй разговоръ со мною по телефону и вижу ее, всегда дѣятельную, всегда о чемъ-нибудь и о комъ-нибудь хлопочущую!..

Примите мое самое глубокое и искреннее уваженiе и сочувствiе Вашей незамѣнимой утратѣ. Храни Васъ Господь!

А. Яблочкина.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ артистки Генрiетты Роджерсъ.

Заслуженному артисту Имп. театровъ В. Н. Давыдову.

Je Vous prie de trouver ici et de transmettre à Vos camarades du théâtre Impérial Alexandre mes profonds regrets pour la perte immense, que fait le théâtre russe dans l'admirable et grande Savina.

Henriette Roggers [1]).

---

[1]) Прошу Васъ принять и засвидѣтельствовать Вашимъ товарищамъ по Императорскому Александринскому театру мои глубокiя сожалѣнiя по поводу громадной потери, понесенной русскимъ театромъ въ лицѣ высокочтимой и великой Савиной.

Генрiетта Роджерсъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ артистовъ М. П. Лилиной (Алексѣевой) и К. С. Станиславскаго (Алексѣева).

А. Е. Молчанову.

Если сочувствіе и печаль искренно любившихъ Марію Гавріиловну могутъ на минуту отвлечь Васъ отъ Вашего горя, примите наше душевное соболѣзнованіе.

Марія и Константинъ Алексѣевы.

Москва. 13—IX—1915.

Отъ артиста К. С. Станиславскаго.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Смерть дорогой и незабвенной Маріи Гавріиловны—новое общее наше горе среди неисчислимыхъ бѣдствій, нами переживаемыхъ. Въ такія минуты все возрастающей нужды не хочется пользоваться обычными формами воздаянія почести умершимъ. Поэтому я и жена моя позволяемъ себѣ замѣнить традиціонный надгробный вѣнокъ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, связаннымъ съ памятью покойной. Вы лучше всѣхъ знаете, что можетъ доставить радость отлетѣвшей отъ насъ доброй душѣ Маріи Гавріиловны. Поэтому обращаюсь къ Вамъ съ почтительной просьбой — передать на доброе дѣло по Вашему усмотрѣнію нашу маленькую лепту.

Съ чувствомъ глубокой печали и уваженія къ Вашему большому горю, я прошу Васъ повѣрить искренности нашихъ соболѣзнованій и моего почтенія къ Вамъ.

К. Алексѣевъ-Станиславскій.

Тула. 9—IX—1915.

Отъ артиста А. Д. Лаврова-Орловскаго.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ, вмѣстѣ съ Вами скорблю о незабвенной утратѣ. Господь да подкрѣпитъ Васъ!

Лавровъ-Орловскій.

Кіевъ. 17—IX—1915.

Отъ артистки М. М. Глѣбовой.

А. Е. Молчанову.

Только что узнала о смерти высокодаровитой Маріи Гавріиловны и спѣшу Вамъ выразить мою душевную скорбь и глубокое Вамъ сочувствіе.

Уважающая Васъ *Марія Глѣбова.*

Мустомяки. 9—IX—1915.

Отъ артиста П. В. Самойлова.

А. Е. Молчанову.

Примите мое глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины незабвенной Маріи Гавріиловны.

Павелъ Самойловъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ артистки Е. Н. Горевой.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ! Непреодолимое влеченіе моего сердца было всегда къ дорогой усопшей Маріи Гавріиловнѣ. Мнѣ горька потеря—и я плачу. Не могу сдѣлать сама лично, а потому прошу Васъ: поцѣлуйте мою дорогую Марусю и перекрестите. Миръ ея праху!

Преданная Вамъ *Елизавета Горева.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ режиссера А. А. Санина.

Заслуженному артисту Имп. театровъ В. Н. Давыдову.

Потрясенъ! Что-то большое, дорогое оторвалось отъ жизни моей. Всей душой раздѣляю великую скорбь Александринскаго театра и всей художественной Россіи. Всѣ мы сейчасъ потеряли большого человѣка, замѣчательную художницу. Мужайтесь! Храни Васъ Господь! Горячо обнимаю, цѣлую.

Санинъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Потрясенъ! Что-то большое оторвалось отъ души. Глубоко раздѣляю Ваше великое горе. Вѣдь и я потерялъ сейчасъ большого человѣка, замѣчательную художницу, рѣдкаго горячо любимаго друга. Храни, утѣшь Васъ Господь! Крѣпко обнимаю, цѣлую.

Санинъ.

Ессентуки. 30—V—1916.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Дорогой, любимый мой Анатолій Евграфовичъ!

Я опять въ Ессентукахъ. Вотъ уже недѣлю лечусь. Тѣ же дорожки, зданія, воды, ванны, листва, — все то же, а... Маріи Гавріиловны нѣтъ, нѣтъ!.. Какъ разъ годъ тому назадъ я съ нею провелъ здѣсь цѣлый рядъ дней, бесѣдъ—и все, все, каждое дерево, каждая скамейка освящены памятью о ней, объ ея умѣ, огнѣ, остроуміи, талантѣ, всей ея личности... Сейчасъ какъ-то особенно остро встали эти воспоминанія, болью сжалось сердце и

стѣснило грудь... За нашу краткую встрѣчу въ Москвѣ Вы были такъ заняты—не удалось мнѣ повѣдать и сотой доли изъ того «большого», «настоящаго», «истинно человѣческаго», во что ввела меня дорогая Марія Гавріиловна—и во время нашихъ гуляній, и въ бесѣдахъ у нея въ Казенной гостиницѣ... Объ этомъ обо всемъ—до осени, дастъ Богъ, до счастливаго личнаго свиданія (я въ Петроградѣ съ 1-го августа), а покамѣстъ взгрустнулось, слезы подступили къ горлу и невыразимо захотѣлось, славный, милый мой Анатолій Евграфовичъ, написать Вамъ эти нѣсколько нескладныхъ строкъ и отъ души крѣпко, крѣпко Васъ поцѣловать! Христосъ съ Вами!

Искренно Васъ уважающій и Васъ любящій *А. А. Санинъ.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ артистки М. М. Блюменталь-Тамариной.

А. Е. Молчанову.

Потрясена извѣстіемъ! Глубоко сочувствую Вашему горю. Всегда дорогой и незабвенной для меня останется память о Маріи Гавріиловнѣ.

Блюменталь-Тамарина.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Конечно, нѣтъ словъ для утѣшенія въ постигшемъ Васъ, глубокоуважаемый и дорогой Анатолій Евграфовичъ, и насъ осиротѣвшихъ актеровъ громадномъ большомъ горѣ. Не хочется вѣрить, что мы всѣ потеряли родную, дорогую, великую Марію Гавріиловну. Заочно кланяюсь ея гробу, молюсь и вѣчно буду молиться объ упокоеніи души ея. Пошли Вамъ Царица Небесная силы перенести это горе! Скорблю, что не могу присутствовать на похоронахъ. Храни Васъ Господь!

Уважающая Васъ *М. Блюменталь-Тамарина.*

Москва. 7—XII—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Съ большимъ удовольствіемъ шлю Вамъ мои воспоминанія о дорогой и незабвенной Маріи Гавріиловнѣ, память о которой я сохраню до гробовой доски и никогда, никогда не забуду ея ласки, вниманія и всего, что она сдѣлала для меня.

Какъ громомъ поразило меня извѣстіе о ея кончинѣ! Да, видно и богу нужны хорошіе люди! Единственное утѣшеніе въ Вашемъ громадномъ горѣ, дорогой Анатолій Евграфовичъ, это то, что Ваше горе — горе всей Россіи. Пошли Вамъ Господь силы перенести его! Я собираюсь на день или на два побывать въ Петроградѣ, хочу непремѣнно повидаться съ Вами и поклониться

дорогой могилѣ родной моей Маріи Гавріиловны. Какъ только будетъ свободныхъ денька два, сейчасъ же осуществлю мое желаніе. Мнѣ обидно, что я не могла быть на похоронахъ и земно поклониться ея праху. Память о ней должна быть священна для всей нашей осиротѣвшей актерской братіи, за которую она душу свою полагала. Да, ужъ столько сдѣлать для нея, сколько сдѣлала Марія Гавріиловна, никто не сможетъ! Еще разъ желаю Вамъ облегченія въ Вашемъ тяжкомъ горѣ. Будьте здоровы! Примите мой сердечный привѣтъ.

Глубокоуважающая Васъ *М. Блюменталь-Тамарина.*

Москва. 8—III—1916.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Молюсь, помню, свято чту память дорогой Маріи Гавріиловны.

Блюменталь-Тамарина.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ артиста Ю. Э. Озаровскаго.

Режиссерскому управленію Имп. Александринскаго театра.

Да осѣнитъ Господь милостью старый Александринскій театръ и пошлетъ миръ его душѣ, взволнованной послѣдними великими утратами! И изъ моихъ глазъ текутъ горькія, горькія слезы. Всѣмъ сердцемъ съ милыми товарищами.

Озаровскій.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Да пошлетъ Господь Вамъ силы! Мы, артисты, всѣ угнетены великой національной потерей. Свѣтлѣй на душѣ, когда вспоминаешь несравненную ласковость большого сердца Савиной.

Юрій Озаровскій.

Ярославль. 10—IX—1915.

Отъ артиста Вас. Ив. Петрова.

А. Е. Молчанову.

Безконечно сочувствую Вашему горю. Велика скорбь русскаго искусства! Вѣчная память Маріи Гавріиловнѣ!

Петровъ.

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ артистки Н. Л. Тираспольской.

А. Е. Молчанову.

Больна, скорблю душой, что не могу помолиться вмѣстѣ съ Вами у гроба незабвенной Маріи Гавріиловны.

Тираспольская.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ артистки О. А. Панчиной.

А. Е. Молчанову.

Убита извѣстіемъ о смерти дорогой Маріи Гавріиловны. Примите мое горячее сочувствіе въ Вашемъ горѣ. Страшно скорблю, что не могу проститься съ дорогой усопшей, моя болѣзнь оставляетъ меня дома.

Ляля Панчина.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ артистовъ Роб. Л. и Раф. Л. Адельгеймъ.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолій Евграфовичъ, примите наше искреннее сердечное соболѣзнованіе.

Робертъ и Рафаилъ Адельгеймъ.

Псковъ. 10—IX—1915.

Отъ артистки М. А. Саблиной-Дольской.

А. Е. Молчанову.

Не нахожу словъ выразить мое глубокое соболѣзнованіе по поводу постигшей Васъ и русскій театръ утраты.

Саблина-Дольская.

Чаква. 10—IX—1915.

Отъ артиста Н. Д. Красова.

А. Е. Молчанову.

Глубоко огорченъ кончиной незабвенной Маріи Гавріиловны. Дай богъ Вамъ силъ перенести тяжелую утрату!

Красовъ.

Екатеринбургъ. 10—IX—1915.

Отъ артиста Н. Л. Арканова.

Совѣту И. Р. Т. О.

Узналъ въ газетахъ о смерти великой артистки-человѣка—Маріи Гавріиловны Савиной. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю общую скорбь.

Аркановъ.

Каменецъ-Подольскъ. 9—IX—1915.

Отъ артиста А. І. Крамова.

Совѣту И. Р. Т. О.

Солнце русской драмы затмилось, но вѣчно будетъ жива слава и память о незамѣнимой радѣтельницѣ о нуждахъ провинціальныхъ дѣятелей сцены—чуткой Маріи Гавріиловнѣ.

Крамовъ.

Каменецъ-Подольскъ. 9—IX—1915.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Повергшая Васъ въ печаль утрата поразила насъ. Молимъ Бога даровать Вамъ крѣпость, силы перенести испытаніе.

Крамовъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ артистки М. Л. Лаппо-Данилевской.

А. Е. Молчанову.

У меня явилась такая сильная потребность написать Вамъ, дорогой Анатолій Евграфовичъ, но это такъ трудно... Все кажется, что письмо будетъ ненужнымъ, лишнимъ, ничтожнымъ. Если смерть Маріи Гавріиловны поразила и огорчила всѣхъ, то какъ же Вамъ должно быть больно и тяжело. И мнѣ такъ хотѣлось искренно пожалѣть Васъ, посочувствовать Вамъ... Но жалѣю о томъ, что нѣтъ у человѣка такихъ словъ, чтобы въ такую минуту можно было его утѣшить. Крѣпко жму Вашу руку.

М. Лаппо-Данилевская.

Ставрополь. 24—XII—1915.

Отъ артистки М. П. Тагіаносовой.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Позвольте принести Вамъ искреннее и сердечное поздравленіе съ праздниками и новымъ годомъ и отъ всего сердца пожелать здоровья, душевной бодрости и силъ перенести Вашу невознаградимую утрату. Это горе вмѣстѣ съ Вами живо чувствуютъ всѣ тѣ, кто хотя бы мелькомъ соприкасался съ незабвенной Маріей Гавріиловной. Вотъ уже три съ половиной мѣсяца, какъ ея нѣтъ съ нами, а мысль и сердце не хотятъ примириться съ этимъ ужасомъ. Петроградъ,—куда я изъ всякой поѣздки спѣшила скорѣе вернуться, радостная, что увижу мою дорогую Марію Гавріиловну,—сталъ для меня теперь пустымъ и чужимъ. Мнѣ очень хотѣлось подѣлиться моими воспоминаніями о томъ исключительно любовномъ отношеніи Маріи Гавріиловны къ начинающей свою артистическую карьеру молодежи, которое я имѣла случай наблюдать и испытать на самой себѣ. Этого я никогда не забуду! Суровыя условія провинціальной работы не позволяли мнѣ до сихъ поръ выполнить этого намѣренія, но какъ только схлынетъ праздничный репертуаръ, я непремѣнно это сдѣлаю, тѣмъ болѣе, что Вы, какъ я слышала, собираете все относящееся къ жизни и дѣятельности нашей дорогой усопшей, характеризующее ее, какъ человѣка огромной души и рѣдкаго сердца... буду несказанно рада, если мои воспоминанія послужатъ для этой цѣли. Еще разъ примите мои пожеланія всего лучшаго.

Искренно уважающая Васъ *М. Тагіаносова.*

Саратовъ. 8—III—1916.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Въ полугодовщину смерти незабвенной Маріи Гавріиловны примите мое горячее сочувствіе въ невознаградимой утратѣ.

Тагіаносова.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ семьи почетнаго капельмейстера оркестра Имп. Петроградской оперы Э. Ф. Направника.

А. Е. Молчанову.

Глубоко потрясенная смертью дорогой Маріи Гавріиловны, семья Направникъ шлетъ многоуважаемому Анатолію Евграфовичу сердечное сочувствіе.

Кисловодскъ. 10—IX—1915.

Отъ солиста Его Величества Н. Н. Фигнера.

А. Е. Молчанову.

Страшно пораженъ кончиной незамѣнимой Маріи Гавріиловны. Оплакиваю ее совмѣстно со всѣми русскими. Примите мое горячее соболѣзнованіе. Цѣлую Васъ.

Фигнеръ.

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ солистки Его Величества М. Д. Каменской.

А. Е. Молчанову.

Только сегодня пріѣхавъ изъ имѣнья, узнала о тяжелой утратѣ, постигшей Васъ и родную русскую сцену въ лицѣ незабвенной, великой Маріи Гавріиловны. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю Ваше горе и оплакиваю дорогого товарища.

Марія Каменская.

Петроградъ. 17—X—1915.

Отъ солистки Его Величества М. А. Славиной.

А. Е. Молчанову.

Болѣзнь не позволяетъ выѣхать. Мыслями, душой у могилы дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны молюсь вмѣстѣ со всѣми вами.

Марія Славина.

Спасскъ. 11—IX—1915.

Отъ члена Государственной Думы—бывшаго опернаго артиста П. А. Хохлова.

А. Е. Молчанову.

Только что узналъ тяжелую вѣсть о смерти великой артистки Маріи Гавріиловны Савиной и спѣшу выразить глубокое сочувствіе Вашему горю.

Хохловъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ бывшаго главнаго режиссера Имп. Петроградской оперы Гр. О. Монахова.

А. Е. Молчанову.

Безконечно грущу и жалѣю.

Монаховъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ бывшаго режиссера Имп. Петроградской драматической труппы Н. А. Корнева.

А. Е. Молчанову.

Молимся съ Вами, скорбимъ и плачемъ.

Корневы.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ семьи покойнаго артиста Ив. Пл. Киселевскаго.

А. Е. Молчанову.

Семья покойнаго артиста Киселевскаго, друга и товарища единственной Марiи Гаврiиловны, потрясенная неожиданной горестной вѣстью о кончинѣ ея, оплакиваетъ незамѣнимую утрату свою и всей Россiи и приноситъ Вамъ глубокое соболѣзнованiе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Купянскъ. 12—IX—1915.

Отъ семьи покойнаго артиста М. Л. Кропивницкаго.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Скорбимъ о смерти великой артистки.

Кропивницкiе.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ пансiонерки Убѣжища И. Р. Т. О.—бывшей драматической артистки А. А. Александровой.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый, дорогой, милый, любимый нашъ Анатолiй Евграфовичъ!

Сейчасъ узнала о кончинѣ нашего яснаго солнышка—Марiи Гаврiиловны. Это такой для меня неожиданный, тяжелый ударъ, отъ котораго не могу придти въ себя. Я и не подозрѣвала, что она такъ опасно больна. По телефону не могу говорить — плохо слышу. Да поддержитъ и поможетъ Вамъ Господь Богъ съ твердостью, съ покорностью Его святой волѣ перенести эту невыразимую утрату! Господь, любя, посылаетъ испытанiе человѣку. Я всегда утромъ и вечеромъ молилась, чтобы Господь хранилъ ее и Васъ. А теперь молюсь, чтобы Онъ помогъ, поддержалъ и хранилъ Васъ.

Я потеряла всѣхъ своихъ горячо любимыхъ—и всетаки не считала себя совсѣмъ одинокой, покинутой. Я знала, что у меня есть къ кому обратиться въ нуждѣ: она всегда была такъ добра ко мнѣ, такъ заботилась обо мнѣ. Теперь остались только Вы, глубокоуважаемый Анатолiй Евграфовичъ. Я помню, какъ Вы еще въ старомъ Убѣжищѣ съ такой добротой относились къ намъ—къ покойной моей сестрѣ и ко мнѣ.

Еще разъ, не падайте духомъ, не унывайте! Господь поможетъ Вамъ и поддержитъ. А нашу милую, незабвенную упокоитъ во Царствiи Своемъ.

Глубокоуважающая, всегда и за все благодарная Вамъ

А. Александрова.

Петроградъ. 8—III—1916.

Отъ пансіонера Убѣжища И. Р. Т. О.—бывшаго артиста М. М. Жилина.

А. Е. Молчанову.

КЪ МОГИЛѢ М. Г. САВИНОЙ.

Вотъ здѣсь, цвѣтами убрана,
Могила высится въ молчаньи одиноко.
Въ ней непробудно спитъ Она,
Та, что цѣнила жизнь и доброту глубоко.
Кто всю свою любовь вполнѣ
За друзи отдавалъ, къ добру идти старался...
И жизнь ея съ укоромъ мнѣ
Невольно говоритъ: и я чтобы смирялся.
Я на покоѣ. Жизнь моя
Осталась позади въ однихъ воспоминаньяхъ,
И, всѣ невзгоды затая,
Смиренно провожу остатокъ дней въ мечтаньяхъ.
Въ минуту грусти подхожу
Къ могилѣ дорогой, чтобъ отдохнуть душою—
И въ ней отраду нахожу...
Да, здѣсь лежитъ Она, здѣсь Савина со мною!

М. Жилинъ.

Москва, 9—IX—1915.

Отъ бывшаго артиста оркестровъ Имп. Московскихъ театровъ П. Ѳ. Ромашкова.

Убѣжищу И. Р. Т. О.

Единой великой громадѣ русскихъ актеровъ въ лицѣ призрѣваемыхъ спѣшу выразить мое искреннее, глубокое, сердечное сочувствіе въ постигшей осиротѣлую семью тяжелой, незамѣнимой утратѣ!

Кончина незабвенной Маріи Гавріиловны—горе великое, боль острая, боль жгучая, тоскливая, гнетущая! Будущее темно... Угасла «мать родимая», душа Убѣжища, для меня не чужого, близкаго, дорогого! Въ немъ, въ лицахъ его обитателей, въ ихъ душахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются мои дѣтство, отрочество и юность. Многіе знали и знаютъ меня съ пеленокъ: для большинства ихъ — «Пашенька». Въ немъ всегда радушно встрѣчали и провожали меня. Съ нимъ я сроднился, слился душой; всегда близко принималъ къ сердцу и радость, и печаль его; не разъ слыхалъ его ликующій, веселый, красный звонъ и радостный привѣтъ: «Христосъ воскресъ!»... и звонъ унылый, печальный похоронъ. Многихъ проводилъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія; на смѣну ихъ встрѣчалъ другихъ, такихъ же близкихъ и родныхъ. Въ немъ прожили остатокъ своей трудовой тревожной жизни тихо, покойно, безъ нужды и за-

ботъ и по-христіански скончались мои дорогіе, незабвенные мать, дядя и тетушка.

И вотъ теперь, когда свершилось, когда не стало «родительницы» этого пріюта отдохновенія старыхъ, славныхъ ветерановъ русской сцены, я задаю себѣ вопросъ: Кому я и всѣ этимъ обязаны? Кого должны благодарить, кого помнить и славить?

Память о ней безсмертна, пока стоитъ русскій театръ и живъ русскій актеръ! Да будетъ же ей земля пухомъ! Вѣчная ей память, вѣчная слава!

«Пашенька» Ромашковъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ извѣстнаго дѣятеля на пользу актерской братіи—М. А. Дмитріева-Шпоня.

А. Е. Молчанову.

Вмѣстѣ съ Вами всей душой скорблю объ утратѣ горячо любимой, незабвенной Маріи Гавріиловны.

Дмитріевъ-Шпоня.

Лигатъ. 7—III—1916.

Отъ директора Школы Сценическаго Искусства—А. Б. Каменки.

А. Е. Молчанову.

Въ скорбный полугодовой день кончины незабвенной Маріи Гавріиловны всей душой съ Вами.

Александръ Каменка.

Петроградъ. 12—IX—1915.

Отъ бывшей ученицы М. Г. Савиной—Т. М. Лавровой.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, у меня къ Вамъ покорнѣйшая просьба: не будете ли Вы такъ добры и не дадите ли мнѣ фотографическую карточку Маріи Гавріиловны. Передъ моимъ отъѣздомъ Марія Гавріиловна обѣщала прислать мнѣ свой портретъ въ Калугу.

Я только 10-го изъ московскихъ газетъ узнала о кончинѣ Маріи Гавріиловны—и сейчасъ же выѣхала проститься съ нею въ послѣдній разъ. По случаю перевоза ратниковъ, отмѣнили два поѣзда—и я цѣлый день просидѣла на передаточной станціи... И вотъ не удалось мнѣ проститься съ Маріей Гавріиловной, которая была для меня второй матерью и сдѣлала мнѣ такъ безгранично много добра.

Хотѣла подойти къ Вамъ на могилѣ, но разстроилась и не рѣшилась. Буду безконечно благодарна Вамъ, Анатолій Евграфовичъ: у меня нѣтъ фотографіи Маріи Гавріиловны, а мнѣ бы такъ хотѣлось имѣть хорошую карточку той, которую я всей душой любила и которой была такъ предана.

. . . .

Глубокоуважающая Васъ *Тамара Лаврова.*

Калуга. 14—X—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, очень извиняюсь, что безпокою Васъ вторично, но, думаю, Вы не получили моего письма. Вы были такъ добры тогда на могилѣ, обѣщали мнѣ карточку Маріи Гавріиловны; мнѣ такъ бы хотѣлось къ 40-му дню ея смерти украсить ея портретъ цвѣточками.

Съ Маріей Гавріиловной у меня связано все лучшее въ моей жизни: она для меня была все. Столько сочувствія и доброты она выказывала мнѣ послѣ смерти отца, когда я осталась круглой сиротой; столько видѣла отъ нея теплой ласки въ минуты сомнѣній и непріятностей. Марія Гавріиловна въ день моего отъѣзда, благословляя меня, обѣщала мнѣ выслать свою фотографію.

Еще разъ безгранично извиняюсь, что надоѣдаю, но, зная Ваше доброе и отзывчивое сердце, чувствую — Вы не будете очень сѣтовать на меня и исполните мою просьбу. У насъ въ театрѣ 17-го октября, въ 40-й день кончины, утромъ будетъ панихида, а вечеромъ—спектакль въ память Маріи Гавріиловны, извѣстное число $^0/_0{}^0/_0$ сбора съ котораго пойдетъ на фондъ имени Маріи Гавріиловны.

Глубокоуважающая Васъ *Тамара Лаврова.*

Москва. 28—IX—1915.

Отъ бывшаго ученика М. Г. Савиной—С. А. Соколова.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Не имѣя чести знать Васъ лично, я очень много слышалъ о Васъ и знаю по разсказамъ отца моего Александра Алексѣевича Соколова и Маріи Гавріиловны... Въ это тяжелое время считаю своимъ долгомъ выразить Вамъ всю скорбь объ утратѣ глубокоуважаемой и любимой Маріи Гавріиловны. Не считайте это письмо лишь только выраженіемъ извѣстной вѣжливости. То, что сдѣлала для меня Марія Гавріиловна, говоритъ само за себя. Будучи ученикомъ Маріи Гавріиловны и—съ гордостью могу сказать—любимымъ (у меня имѣется карточка усопшей, изъ надписи на которой это видно), я получилъ отъ нея тысячи полезныхъ указаній и совѣтовъ для сцены; былъ поддержанъ ею послѣ смерти отца моего назначеніемъ изъ суммъ Школы стипендіи; призванный на военную службу въ 1914 году (по набору), былъ, по просьбѣ Маріи Гавріиловны, оставленъ до окончанія Школы. Послѣдній годъ, уже въ Школѣ Петровскаго, я состоялъ стипендіатомъ Маріи Гавріиловны. Всегда, всегда и во всемъ облагодѣтельствованный и обласканный ею, я глубоко и искренно скорблю о безвременной кончинѣ этого свѣтлаго, чуднаго человѣка...

Послѣднее письмо Маріи Гавріиловны ко мнѣ звучало бодростью и жаждой дѣятельности...

Вспоминая до мельчайшихъ подробностей мое знакомство съ Маріей Гавріиловной (съ 1-го сентября 1912 года), экзаменъ въ Школѣ, репетиціи у Васъ

на квартирѣ и въ Школѣ, спектакли—все это даетъ поводъ справедливо изумляться той необыкновенной простотѣ, съ которой этотъ великій человѣкъ велъ себя по отношенію насъ—своихъ учениковъ...

Еще разъ прошу принять мое искреннее горе не какъ выраженіе только лишь вѣжливости.

Благодарность моя къ Маріи Гавріиловнѣ—вѣчна!

Примите увѣренія въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи

Сергѣй Соколовъ.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ бывшей ученицы М. Г. Савиной—Е. Н. Пилецкой.

А. Е. Молчанову.

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОЙ МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ САВИНОЙ.

Не въ силахъ плакать я у дорогой могилы,
Ужъ больше слезъ въ душѣ я не могу найти...
И лишь тоска гнететъ—не знаю взять гдѣ силы
Идти опять впередъ по прежнему пути!?..

Умолкла Ты, глаза Твои закрыты,
Но геній Твой витаетъ надо мной!
И если бъ быть могли слова Твои забыты—
Твой лучезарный взглядъ всегда, вездѣ со мной!

И все же я должна, должна сказать, родная,
Прощай, прощай навѣкъ!..
И душитъ грудь мнѣ ненависть глухая,
Что такъ безсиленъ, жалокъ человѣкъ!..

Е. Пилецкая.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ бывшей ученицы М. Г. Савиной—В. Глобы.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Не стало Маріи Гавріиловны! Что-то родное оторвалось! Примите выраженіе моего глубокаго сердечнаго сочувствія въ понесенной утратѣ. Мы потеряли великую актрису, я потеряла обожаемую руководительницу.

Бывшая ученица *Вѣра Глоба.*

Ессентуки. 8—IX—1915.

Отъ бывшей драматической артистки, нынѣ смотрительницы Убѣжища И. Р. Т. О.—Ж. Т. Агаревой.

А. Е. Молчанову.

Не нахожу словъ сочувствія,—сама совершенно убита горемъ. Не могу примириться съ незамѣнимой потерей дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны. Въ отчаяніи, что не успѣю пріѣхать къ похоронамъ.

Агарева.

Кисловодскъ. 3—X—1915.

От нея же.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Узнавъ изъ газетъ, что Вы собираете все, что вышло изъ печати о незабвенной Маріи Гавріиловнѣ, я еще въ сентябрѣ изъ Ессентуковъ послала Вамъ двѣ мѣстныя газеты, которыя Вы должно быть получили. Я тогда же хотѣла и написать Вамъ, но не могла,—мнѣ было слишкомъ тяжело говорить о Маріи Гавріиловнѣ, какъ объ ушедшей уже отъ насъ, а тѣмъ болѣе говорить о ней Вамъ, потерявшему ее! Я до сихъ поръ все еще не могу свыкнуться съ мыслью, что ея уже не стало, что я никогда уже больше не увижу ее, не услышу ея голоса... И мнѣ особенно тяжело, что это случилось въ мое отсутствіе. Получивъ телеграмму, я сейчасъ же хотѣла выѣхать, но не могла достать билета; да и все равно не успѣла бы къ похоронамъ. Съ этой телеграммой я поѣхала къ доктору Киселеву, лечившему Марію Гавріиловну, чтобы узнать отъ него, возможенъ ли, при состояніи ея здоровья, такой внезапный конецъ. Я все еще лелѣяла мысль, что телеграмма эта, можетъ быть, какое-нибудь роковое недоразумѣніе, чья-нибудь безчеловѣчная шутка, — она была безъ подписи. Киселевъ, конечно, былъ страшно пораженъ и, находя, что ничто не предвѣщало такого близкаго конца, тоже надѣялся, что, можетъ быть, извѣстіе это невѣрно. Но на другой день вышли газеты—и скорбная эта вѣсть подтвердилась. Я безумно сожалѣю, зачѣмъ я уѣхала изъ Петрограда... Но развѣ я могла предвидѣть что-нибудь подобное. Меня страшно терзаетъ воспоминаніе о томъ, какъ не хотѣла Марія Гавріиловна, чтобы я уѣзжала въ этомъ году въ отпускъ. Видя, что ей такъ не хочется отпускать меня, я заявила, что останусь, но на это она отвѣтила мнѣ: «Да что Вы, Юзикъ, Богъ съ Вами, поѣзжайте! Я знаю, что Вы больны, что Вамъ надо полечиться и отдохнуть. Вы должны ѣхать, хотя мнѣ очень не хочется, чтобы Вы уѣзжали!»... Она точно предчувствовала катастрофу, точно знала, что я ей буду нужна, что я должна была встрѣтить въ Убѣжищѣ ея дорогой прахъ и въ послѣдній разъ похлопотать о ней. Нечего и говорить, что это тяжкое горе привело меня въ такое состояніе, что о пользѣ моего леченія не можетъ быть и рѣчи. Я хочу теперь только немного опомниться и придти въ себя. Скоро соберусь обратно и пріѣду въ Петроградъ за нѣсколько дней до сорокового дня. До скораго свиданія, дорогой Анатолій Евграфовичъ! Дай Вамъ Господь душевнаго мира и здоровья!

Глубокоуважающая Васъ *Ж. Агарева.*

Екатеринославъ. 9—IX—1915.

Отъ уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. въ Кіевѣ—Н. И. Николаева.

А. Е. Молчанову.

Съ чувствомъ глубокой скорби узналъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Примите выраженіе моего сердечнаго сочувствія въ понесенной Вами, дорогой Анатолій Евграфовичъ, невознаградимой потерѣ. Горе Ваше раздѣляютъ милліоны русскихъ людей.

Николаевъ.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. въ Одессѣ—С. А. Ландесмана.

А. Е. Молчанову.

Примите горячее соболѣзнованіе въ понесенной утратѣ. Глубоко скорблю о великой артисткѣ. Оплакиваю чуткаго, добраго человѣка, заступника всѣхъ артистовъ.

Ландесманъ.

Одесса. 25—IX—1915.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Только теперь, когда Ваше великое горе, многоуважаемый и добрѣйшій Анатолій Евграфовичъ, нѣсколько улеглось, я позволяю себѣ выразить Вамъ свою истинную, глубокую скорбь, свое сердечное сочувствіе и увѣрить Васъ, что и для меня потеря незабвенной Маріи Гавріиловны—великая, невознаградимая утрата!.. Вы знаете, какъ беззавѣтно и съ какимъ чувствомъ преданности и уваженія я относился къ покойной — и Вы повѣрите искренности этихъ строкъ... Отъ всей души желаю Вамъ здоровья и бодрости, столь необходимыя Вамъ для продолженія той дѣятельности покойной, которая навсегда запечатлѣется въ сердцахъ любившихъ и цѣнившихъ ее людей и образъ которой никогда нами не забудется!..

Искренно и горячо преданный Вамъ *С. Ландесманъ.*

Харьковъ. 13—XI—1915.

Отъ уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. въ Харьковѣ—Е. М. Бабецкаго.

А. Е. Молчанову.

Глубокочтимый Анатолій Евграфовичъ!

Очень серьезное заболѣваніе постигло меня уже давно: когда я возвращался изъ Крыма, я попалъ на станціи Симферополь въ крушеніе поѣзда, результатомъ котораго для меня былъ травматическій неврозъ. Это и помѣшало мнѣ проявить въ полной мѣрѣ заботу о чествованіи памяти незабвенной Маріи Гавріиловны, довѣріемъ которой я былъ счастливъ пользоваться около тридцати лѣтъ. Собственно, это лишило меня также и возможности

принести Вамъ мое письменное соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ великомъ горѣ...

Примите, глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, отъ меня и моей супруги, давней почитательницы славной Маріи Гавріиловны, наше горячее и искреннее сочувствіе, съ пожеланіями Вамъ силъ, чтобы перенести потерю, скорбь о которой раздѣляетъ съ Вами русская интеллигенція и весь русскій артистическій міръ.

Преданный слуга и почитатель *Е. Бабецкій.*

Тюмень. 15—IX—1915.

Отъ уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. въ Тюмени — Л. С. Мадатова.

Совѣту И. Р. Т. О.

По пріѣздѣ, узналъ о незамѣнимой утратѣ великой нашей артистки Маріи Гавріиловны Савиной. Примите глубокое соболѣзнованіе.

Мадатовъ.

Дѣйствующая армія. 14—XII—1915.

Отъ уполномоченнаго Совѣта И. Р. Т. О. въ Тулѣ—Н. И. Сапфирскаго.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Сейчасъ получилъ № извѣстій Совѣта И. Р. Т. О., посвященный памяти ушедшей отъ насъ Маріи Гавріиловны Савиной. Находясь на театрѣ войны, отдаленный отъ всего живущаго въ Россіи—и это великое событіе въ жизни нашего Общества своимъ отголоскомъ дошло до меня съ опозданіемъ, почему и пишу письмо немного несвоевременно. Состоя уполномоченнымъ Совѣта Общества около 15 лѣтъ, я жилъ жизнью Общества и чувствовалъ трепетъ и біеніе нѣжнаго сердца предсѣдательницы Совѣта Маріи Гавріиловны Савиной къ своимъ дѣтямъ—русскому актеру, для котораго она была матерью въ горѣ и нуждѣ. Ея не стало—не стало у Общества и матери! Ваша потеря, какъ потеря жены, великая, но еще бо̀льшая потеря у нашего Общества: оно осиротѣло, лишилось матери. Прошу мою скорбь присоединить къ Вашей и разрѣшить вмѣстѣ помолиться за усопшую. Да будетъ земля ей пухомъ!

Глубокоуважающій Васъ уполномоченный Совѣта Общества,
пожизненный его членъ *Николай Сапфирскій.*

Петроградъ. 11—IX—1915.

Отъ Правленія Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей.

А. Е. Молчанову.

Правленіе Союза сегодня, 10-го сентября, въ очередномъ засѣданіи, почтивъ вставаніемъ память почетнаго члена Союза Маріи Гавріиловны Савиной, выражаетъ Вамъ, глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, искреннее сочувствіе въ постигшемъ Васъ и всю театральную Россію горѣ.

Товарищъ предсѣдателя *Рышковъ.*

Петроградъ. 8—III—1916.

Отъ того же Правленія.

А. Е. Молчанову.

Въ полугодовой день кончины Маріи Гавріиловны Савиной Правленіе Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей съ особой остротой вспоминаетъ дѣятельность славной артистки, подарившей родной сценѣ незабываемые образы въ пьесахъ Островскаго и Тургенева, выдвинувшей многія пьесы современнаго репертуара и оставившей яркій слѣдъ въ историческомъ продвиженіи русскаго театра.

Товарищъ предсѣдателя *Викторъ Рышковъ.*

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Московскаго Литературно-Художественнаго Кружка.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Московскій Литературно-Художественный Кружокъ, пораженный преждевременной кончиной незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной, выражаетъ глубокое соболѣзнованіе Александринскому театру, потерявшему великую артистку-художника. Кончина Савиной—невознаградимая утрата для искусства русскаго театра.

Предсѣдатель *Валерій Брюсовъ.*

Петроградъ. 13—IX—1915.

Отъ Литературно-Художественнаго Кружка имени Я. П. Полонскаго.

А. Е. Молчанову.

Литературно-Художественный Кружокъ имени Полонскаго раздѣляетъ скорбь съ русскимъ театромъ и обществомъ и оплакиваетъ безвременную кончину всѣмъ дорогой Маріи Гавріиловны Савиной.

Почетная хозяйка Кружка *Полонская.*

Тверь. 9—IX—1915.

Отъ Тверского Отдѣленія Общества имени А. Н. Островскаго.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Тверское Отдѣленіе Общества имени Островскаго свидѣтельствуетъ свою глубокую скорбь по случаю кончины почетнаго члена Общества, лучшаго свѣтила въ мірѣ драматическаго искусства—Маріи Гавріиловны Савиной.

Товарищъ предсѣдателя *Покровскій.*

Харьковъ. 9—IX—1915.

Отъ Харьковскаго Литературно-Художественнаго Кружка.

Совѣту И. Р. Т. О.

Харьковскій Литературно-Художественный Кружокъ вмѣстѣ со всей Россіей оплакиваетъ кончину великой артистки, главы русскаго актерскаго міра.

Предсѣдатель *Дриженко.*

Одесса. 14—IX—1915.

Отъ Правленія Одесскаго Литературно-Артистическаго Клуба.

А. Е. Молчанову.

Милостивый Государь Анатолій Евграфовичъ!

Правленіе Одесскаго Литературно-Артистическаго Клуба уполномочило меня выразить Вамъ отъ его имени глубочайшее соболѣзнованіе по поводу понесенной Вами и всей Россіей незамѣнимой утраты. Вмѣсто вѣнка на могилу незабвенной Маріи Гавріиловны, Правленіе постановило препроводить Вамъ сто рублей, которые покорнѣйше проситъ присоединить отъ имени Клуба къ фонду, собираемому для увѣковѣченія памяти почившей. Общее Собраніе Клуба, состоявшееся 12-го сего сентября, выслушавъ мое краткое слово, посвященное Маріи Гавріиловнѣ, почтило ея свѣтлую память вставаніемъ.

Сообщая обо всемъ вышеизложенномъ и препровождая ассигнованные сто рублей, покорнѣйше прошу Васъ, многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, принять и отъ меня лично выраженіе моей глубокой скорби по поводу постигшаго Васъ горя. Нужно ли къ этому прибавить, что не только Ваше сердце, но и сердца всѣхъ любящихъ русскій театръ кончина Маріи Гавріиловны облекла въ самый глубокій трауръ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи *И. Хейфецъ.*

Ростовъ-на-Дону. 13—IX—1915.

Отъ Ростовскаго Общества Изящныхъ Искусствъ.

А. Е. Молчанову.

Ростовское Общество Изящныхъ Искусствъ скорбитъ о горестной утратѣ несравненной художницы сцены Маріи Гавріиловны Савиной и выражаетъ въ лицѣ Вашемъ соболѣзнованіе всей театральной Россіи.

Предсѣдатель *Зеелеръ.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ писателя Вл. И. Немировича-Данченко.

А. Е. Молчанову.

Потрясенный извѣстіемъ, пораженный неожиданностью, шлю Вамъ самое искреннее сочувствіе.

Немировичъ-Данченко.

Антреа. 9—IX—1915.

Отъ писателя П. П. Гнѣдича.

А. Е. Молчанову.

Смерть Маріи Гавріиловны меня поразила. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ я получилъ отъ нея письмо. Можно сказать только одно: мы счастливы, что были ея современниками.

Гнѣдичъ.

Римъ. 1—X—1915.

Отъ писателя А. В. Амфитеатрова.

А. Е. Молчанову.

Viens apprendre des journaux décès Maria Gavrilovna. Profondement frappé triste notice, depèche exprimer cordiales condoléances perte irreparable art russe et société. Quitta monde non seulement grande femme, mais toute une époque du théâtre.

Alexandre Amfitheatroff [1]).

Ялта. 10—IX—1915.

Отъ писателя С. А. Найденова.

А. Е. Молчанову.

Глубоко опечаленный незамѣнимой утратой для русскаго театра Савиной, мысленно склоняюсь предъ прахомъ Маріи Гавріиловны.

Найденовъ.

Полоцкъ. 9—IX—1915.

Отъ писателя Е. М. Безпятова.

А. Е. Молчанову.

Скорблю душой о потерѣ любимаго великаго учителя.

Безпятовъ.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ писательницы Т. Л. Щепкиной-Куперникъ.

А. Е. Молчанову.

Потрясена утратой великой Маріи Гавріиловны. Вмѣстѣ со всей Россіей раздѣляю Вашу тяжкую скорбь.

Щепкина-Куперникъ.

Москва. 15—IX—1915.

Отъ писательницы Н. Л. Персіяниновой.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый и дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Только сегодня я немного собрала свои мысли—и мнѣ такъ захотѣлось написать Вамъ. Въ сущности, какъ же могло быть иначе? Какъ могло это благородное сердце не разорваться?!

Въ эти печальные дни прошли передо мною всѣ 22 года нашей (дерзаю сказать) дружбы. Въ день ея кончины я цѣлый вечеръ перечитывала ея письма. Тамъ много о Японской войнѣ—и письма эти дышатъ такой яркой любовью къ родинѣ, такимъ страхомъ за Россію... Она скончалась, когда взяли Вильну...

---

[1]) Только что узналъ изъ газетъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Глубоко потрясенный печальнымъ извѣстіемъ, спѣшу выразить сердечныя соболѣзнованія по поводу невознаградимой потери русскаго искусства и общества. Покинула земной міръ не только великая женщина, но цѣлая эпоха театра.

Александръ Амфитеатровъ.

Мнѣ мучительно тяжело думать о томъ, что она умерла въ такую мрачную полосу для Россіи... Побѣда должна быть, но она ее не увидитъ! Вотъ что терзаетъ меня.

Еще, дорогой мой, осиротѣлый Анатолій Евграфовичъ, я за послѣднее время не разъ съ ужасомъ думала: да минуетъ мою безцѣнную Марію Гавріиловну продолжительный недугъ! Она со своимъ кипучимъ темпераментомъ была бы глубоко несчастна... Такъ пусть, если смерть и для нея неизбѣжна, пусть она не почувствуетъ ея приближенія—и до послѣдней минуты останется на своемъ посту...

Не надо Вамъ писать, какая полоса моей жизни оторвалась съ ея уходомъ. Я только радуюсь, что въ чистой скорби моей нѣтъ мѣста «разсчету». Я такъ основательно, такъ далеко ушла отъ театра, что мнѣ «протекція» ея была не нужна, а—только сознаніе, что она тамъ, живая, обаятельная, полная силъ, ума, доброты! Вотъ объ этомъ я плачу. Я плачу о моей молодости, которую она, 22 года тому назадъ, такъ нѣжно, такъ любовно взяла подъ свой покровъ. Я плачу о томъ колоколѣ, который властно звонилъ въ моей душѣ и звалъ меня, робкую, лѣнивую, къ работѣ ума и духа. Даже въ послѣдніе годы, совсѣмъ отдавшись дѣтямъ, мужу и всѣмъ «Марѳинымъ» дѣламъ, лежа въ сумеркахъ въ качалкѣ, я такъ любила думать о томъ, что я «непремѣнно» напишу тонкую изящную комедію и привезу къ ней. Я видѣла предъ собою такъ ясно ея лицо, ея единственные въ мірѣ глаза, которые загорались лаской и юморомъ, слушая мои шутки. Да, потерявъ ее, я особенно ясно поняла, какъ я ее люблю. Именно л ю б л ю! Мнѣ не важно, что тѣло ея погребли: любить мнѣ это не помѣшаетъ! Не ея вина, что искру таланта, заложенную въ мою душу, она не смогла разжечь въ яркій пламень. Мы съ Вами знаемъ, что она старалась сдѣлать это со всей своей изумительной добротой и настойчивостью. Анатолій Евграфовичъ, когда Вы будете у нея, найдите мой скромный вѣночекъ и положите ленту со словами «горячо любимой» поближе къ ея бѣднымъ ножкамъ!

Душою преданная Вамъ *Н. Персіянинова.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ газеты «Вечернее Время».

А. Е. Молчанову.

Уважаемый Анатолій Евграфовичъ! Отъ имени «Вечерняго Времени» выражаю скорбь по поводу утраты, постигшей нашу многострадальную родину.

Бор. Суворинъ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ писателя С. В. Яблоновскаго.

А. Е. Молчанову.

Подавленный кончиной великой Маріи Гавріиловны, прошу Васъ принять мое глубочайшее сочувствіе въ тяжкой скорби. *Сергѣй Яблоновскій.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ писателя Е. Н. Погожева (Поселянина).

А. Е. Молчанову.

Всей душой съ Вами! Примите безъ ропота тяжелый крестъ, который Господь налагаетъ на Вашу сильную душу. Скорбя, вспоминайте, какъ услаждали жизненный путь Марiи Гаврiиловны. Благодарите Того, Кто далъ Вамъ стоять близко къ ней и грудью заграждать ее отъ прозы жизни. Ея жаждавшая свѣта душа да упокоится въ тѣхъ обителяхъ, которыя она такъ чувствовала,—она, во всю свою жизнь громко исповѣдывавшая Христа.

Евгенiй Погожевъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ писателя Б. И. Бентовина.

А. Е. Молчанову.

Глубоко сочувствую Вашему горю.

Бентовинъ.

Калуга. 10—IX—1915.

Отъ поэтессы А. Н. Волынцевой.

А. Е. Молчанову.

Скорблю, молюсь съ Вами за дорогую усопшую.

Анна Волынцева.

Калуга (имѣнье Грабцево). 19—X—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолiй Евграфовичъ, посылаю Вамъ прилагаемый сонетъ, вызванный воспоминанiемъ о послѣдней моей встрѣчѣ съ Марiей Гаврiиловной. Это было 8-го мая, въ день нашего отъѣзда въ деревню. Ровно черезъ 4 мѣсяца ея не стало. И ничто мнѣ тогда не подсказало, что я вижу ее въ послѣднiй разъ...

Желаю Вамъ здоровья и бодрости душевной.

Искренно преданная Вамъ *Анна Волынцева.*

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

Сонетъ.

Ты провожала насъ весною благодатной,
Съ улыбкою слѣдя за сборомъ въ дальнiй путь;
И мнѣ хотѣлося къ рукѣ Твоей прильнуть,
Какъ въ дѣтскiе года, съ любовью необъятной.

Ты молвила съ тоской, въ то время непонятной:
«Прїѣду ли я къ вамъ въ деревню отдохнуть?..»
О, почему тогда мнѣ не закралось въ грудь
Предчувствїе бѣды, потери невозвратной?!..

Для встрѣчи здѣсь Твоей цвѣты легли ковромъ,
И небо синее раскинулось шатромъ;
Задумчиво прїѣздъ аллея сторожила;

Напрасно ждалъ Тебя старинный барскій домъ...
На берегу Невы раскрылася могила,
И спишь Ты въ ней одна, холоднымъ вѣчнымъ сномъ...

Анна Вольпцева.

Петроградъ. 14—IX—1915.

Отъ писательницы Ю. М. Загуляевой.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Ни одной минуты не имѣю я претензіи предполагать, чтобы среди неисчислимаго количества полученныхъ Вами выраженій сочувствія Вашему тяжелому горю Вы могли бы замѣтить отсутствіе подобнаго проявленія сочувствія отъ меня. Знакомство наше было такъ кратковременно, что, быть можетъ, Вы обо мнѣ и совершенно забыли. Но все же я хочу объяснить Вамъ свое молчаніе и запоздалость сегодняшнихъ строкъ. Я была сама серьезно больна, о кончинѣ Маріи Гавріиловны узнала въ постели и написать Вамъ была не въ силахъ. Начиная медленно оправляться, я, какъ только поднялась, пишу Вамъ, чтобы выразить то горячее участіе, которое я принимаю въ понесенной Вами незамѣнимой утратѣ... Совершенно не умѣю и никогда не дерзаю говорить при подобныхъ катастрофахъ никакихъ словъ утѣшенія... Къ чему они, разъ говорящій безсиленъ облегчить на дѣлѣ такое тяжкое горе? Каждый въ своей душѣ переживаетъ свою скорбь по-своему и нѣтъ ничего труднѣе, скажу даже страшнѣе, какъ касаться этой скорби. Но если, многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, для Васъ хотя бы пріятно искреннее сочувствіе почти мимолетной знакомой, то позвольте сказать Вамъ, что я всѣ эти дни много о Васъ думала и вспоминала Ваше доброе ко мнѣ отношеніе и жалѣла, что не могу лично сказать Вамъ нѣсколько горячихъ словъ. Дѣлаю это сегодня... Боюсь, что неловко и не такъ краснорѣчиво, какъ хотѣлось бы, но зато отъ всей души... Я еще очень, очень слаба. Примите мои строки такими, каковы онѣ есть, и позвольте мнѣ крѣпко, крѣпко пожать Вамъ руку и пожелать здоровья и силъ для перенесенія постигшаго Васъ такъ неожиданно удара.

Искренно уважающая Васъ *Юлія Загуляева.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ поэтессы К. П. Минихъ.

А. Е. Молчанову.

8-е сентября 1915 года.

Великой артисткѣ Марiи Гаврiиловнѣ Савиной.

Родина! плачь объ артисткѣ великой:
Нѣтъ ея! Гробъ утопаетъ въ цвѣтахъ...
Савиной нѣтъ! Мысль кажется дикой...
Гдѣ ея духъ? Здѣсь безмолвный лишь прахъ...
Кто здѣсь лежитъ? Мы кого отпѣваемъ?
Савину—рѣдкой красы бриллiантъ!..
«Милостью божьей» артистку теряемъ,
Школы великой безсмертный талантъ!..
Сцена лишилась легенды прекрасной:
Солнце зашло нашей сцены родной!
Женщину съ русской душою и ясной
Смерть отняла безпощадной рукой!..
Трауръ искусства родного безмѣренъ:
Свѣточи гаснутъ одинъ за другимъ!
Трауръ товарищей нелицемѣренъ:
Вѣчную память мы всѣ сохранимъ.
«Жизнь моя—сцена родная, любимая»!..
Русской артистки священный завѣтъ...
Савина здѣсь еще, съ нами, незримая:
Слышитъ душою отчизны привѣтъ!..
Насъ Ты дарила, благословенная,
Рѣдкимъ талантомъ и щедрой рукой:
Вѣчная память Тебѣ, незабвенная!..
Слава земная, небесный покой!..

Клавдiя Минихъ.

Одесса. IX—1915.

Отъ поэта Петра Сторицына.

А. Е. Молчанову.

Памяти Савиной.

(Надгробное рыданiе).

Это стихотворенiе было прочитано на вечерѣ памяти М. Г. Савиной въ Петроградѣ, въ Александринскомъ театрѣ, 8-го марта 1916 года, и напечатано выше—см. стр. 197.

Уфа. 21 IX—1915.

Отъ писателя Гр. М. Редера.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый, дорогой Анатолій Евграфовичъ! И Савину, и Васъ я всегда любилъ искренно и горячо. Зналъ хорошо, чѣмъ Марія Гавріиловна была для Васъ—и поэтому, можетъ быть, какъ никто другой, я чувствую и раздѣляю Вашу скорбь великую. Желаю Вамъ здоровья и душевнаго покоя и прошу вѣрить глубоко Васъ уважающему и горячо любящему

Гр. Редеру.

Одесса. 10—IX—1915.

Отъ приватъ-доцента Сергѣя Щусева.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Умерла высокочтимая и неподражаемая Марія Гавріиловна Савина. Ея виртуозная, творческая техника, тонкая нюансировка и штриховка создаваемыхъ типовъ, вдохновенное воспроизведеніе натуры и жизни—долго заставятъ вспоминать покойницу почитателей ея таланта. Она ушла отъ насъ такъ внезапно и такъ скоро послѣдовала за своимъ достойнымъ партнеромъ «дядей Костей», что потеря ихъ обоихъ только сильнѣе даетъ чувствовать себя. Испытывая со всей интеллигентной Россіей тяжесть такой утраты, прошу персоналъ Александринскаго театра принять выраженіе моего глубокаго и искренняго сочувствія.

Приватъ-доцентъ *Сергѣй Щусевъ.*

Москва. 10—IX—1915.

Отъ Правленія Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Правленіе Московскаго Общества Народныхъ Университетовъ раздѣляетъ всеобщую глубокую скорбь о кончинѣ незабвенной служительницы родного искусства. Вѣчная память великой Савиной!

Предсѣдатель *Сыромятниковъ.*

Москва. 11—IX—1915.

Отъ Общества Дѣятелей Печати и Литературы.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Общество Дѣятелей Печати и Литературы присоединяетъ свою скорбь къ горю родного театра, потерявшаго безсмертную Марію Гавріиловну Савину.

Предсѣдатель *Анзимировъ.*

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Петроградской Судебной Палаты.

Труппѣ Имп. Александринскаго театра.

Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Петроградской Судебной Палаты выражаетъ труппѣ артистовъ Императорскаго Александринскаго театра глубокую скорбь сословія присяжной адвокатуры по поводу смерти Маріи Гавріиловны Савиной, въ лицѣ которой утраченъ великій художникъ сцены.

Предсѣдатель Совѣта *Н. Карабчевскій.*

Царское Село. 20—IX—1915.

Отъ Правленія Общества Охраны Материнства и Грудныхъ Дѣтей въ Царскомъ Селѣ.

Директору Имп. театровъ В. А. Теляковскому.

Правленіе Общества Охраны Материнства и Грудныхъ Дѣтей въ Царскомъ Селѣ, въ засѣданіи своемъ 16-го сентября, единогласно постановило просить Ваше Превосходительство принять и передать высокопочитаемой труппѣ Александринскаго театра чувства глубокой скорби Общества по поводу преждевременной кончины своего почетнаго члена, незабвенной Маріи Гавріиловны Савиной, такъ искренно сочувствовавшей дѣятельности Общества и такъ много содѣйствовавшей осуществленію задачъ его. При этомъ имѣю честь увѣдомить, что Общество постановило въ сороковой день по кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной возложить вѣнокъ на ея могилу.

Товарищъ предсѣдателя *графъ Гендриковъ.*
Товарищъ секретаря *докторъ Сергѣева-Сильченко.*

Царское Село. 10—IX—1915.

Отъ флагъ-капитана Его Императорскаго Величества—генералъ-адъютанта К. Д. Нилова.

А. Е. Молчанову.

Отъ всей души раздѣляю постигшее Васъ тяжелое горе. Да поможетъ Вамъ Господь перенести его! Сердечно обнимаю.

Ниловъ.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ лейбъ-медика Двора Его Императорскаго Величества—Л. Б. Бертенсона.

А. Е. Молчанову.

Глубоко опечаленъ, горячо сочувствую.

Л. Бертенсонъ.

Петроградъ. IX—1915.

Отъ него же.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Въ Одессѣ, куда я ѣздилъ за отдыхомъ и солнцемъ, я изъ газетъ узналъ о кончинѣ незабвенной Маріи Гавріиловны и былъ глубоко потрясенъ неожиданной вѣстью!.. Незадолго до отъѣзда я видѣлся съ Маріей Гавріиловной и тогда не думалъ, что я, давно страдающій тяжкимъ недугомъ, переживу ее! 30-ти-лѣтняя дружба связывала меня съ Маріей Гавріиловной—и очень тяжело мнѣ сознавать, что нѣтъ уже больше этого милаго, рѣдкаго человѣка. Въ Одессѣ я былъ на панихидѣ, отслуженной мѣстнымъ Литературно-Артистическимъ Обществомъ въ соборѣ, но больно мнѣ, что я не попалъ на похороны. Послалъ я Вамъ изъ Одессы сочувственную телеграмму, но боюсь, что, по нынѣшнимъ временамъ, она къ Вамъ не дошла. Полагаю, однако, что Вы не сомнѣваетесь въ моихъ самыхъ теплыхъ къ Вамъ чувствахъ. Хотѣлъ бы я принять участіе въ какомъ-нибудь добромъ дѣлѣ въ память Маріи Гавріиловны — и съ этой цѣлью посылаю при семъ въ Ваше распоряженіе скромную лепту. Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку, горячо желаю душевнаго спокойствія и остаюсь глубоко преданный

Л. Бертенсонъ.

Петроградъ. 12—IX—1915.

Отъ предсѣдателя Центральнаго Военно-Промышленнаго Комитета, члена Государственнаго Совѣта—А. И. Гучкова.

А. Е. Молчанову.

Всей душой раздѣляю Ваше горе. Да укрѣпитъ Васъ Господь!

Александръ Гучковъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ предсѣдателя Союза городовъ и московскаго городского головы—М. В. Челнокова.

А. Е. Молчанову.

Только что узналъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Прошу Васъ, дорогой Анатолій Евграфовичъ, принять выраженіе горячаго моего сочувствія къ постигшему Васъ горю и пожеланія бодрости и силъ его перенести.

Михаилъ Челноковъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ члена Государственнаго Совѣта—М. А. Стаховича.

А. Е. Молчанову.

Всей душой, сердцемъ сострадаю мужу, другу, цѣнителю рѣдкаго таланта, золотого сердца.

М. Стаховичъ.

Дѣйствующая армія. 17—IX—1915.

Отъ члена Государственной Думы—А. И. Звегинцева.

А. Е. Молчанову.

Сейчас узнал, глубокоуважаемый Анатолій Евграфович, о постигшем Вас горѣ... Хочется Вам выразить всю ту сумму сочувствія, на которую я только способен. Дай Вам Бог всю нужную силу! Я помню Ваши послѣднія слова, Ваш вопрос: вѣрующій ли я человѣк? Его мог задать именно только вѣрующій человѣк—и в этом, конечно, Ваше прибѣжище и сила...

. . . .

Итак, дорогой Анатолій Евграфович, до свиданія! Дай Вам Бог нужныя всѣм нам, а Вам в особенности сейчас, силу и крѣпость—и да сохранит Он Вас под кровом Своим!

Ваш *Александръ Звегинцевъ.*

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ члена Государственной Думы—В. А. Степанова.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолій Евграфович, примите выраженіе самаго искренняго глубокаго сочувствія Вашему большому горю. Вся Россія вмѣстѣ с Вами оплакивает незабвенную Марію Гавріиловну. Пусть это сознаніе даст Вам силы перенести ниспосланное Вам испытаніе.

Степановъ.

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ совѣтника II Политическаго Отдѣла Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—К. Н. Гулькевича.

А. Е. Молчанову.

Позвольте мнѣ выразить Вам самое сердечное сочувствіе в постигшем Вас тяжелом горѣ.

Гулькевичъ.

Каиръ. 1—X—1915.

Отъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Египтѣ—А. А. Смирнова.

А. Е. Молчанову.

Apprend triste nouvelle. Suis avec Vous de tout mon coeur.

Smirnoff [1]).

---

[1]) Узнал печальную вѣсть. Всѣм сердцем с Вами.

Смирновъ.

Салоники. 17—IX—1915.

Отъ генеральнаго консула въ Константинополѣ—А. Ѳ. Шебунина.

А. Е. Молчанову.

Agréez expression condoléance la plus profonde.

Schebounine[1]).

Парижъ. 20—IX—1915.

Отъ директора Департамента Таможенныхъ Сборовъ—С. А. Шателена.

А. Е. Молчанову.

Пораженъ только что дошедшимъ извѣстіемъ о неожиданной кончинѣ Маріи Гавріиловны. Горячее сочувствіе друзей да укрѣпитъ Васъ, дорогой Анатолій Евграфовичъ, въ Вашемъ горѣ.

Сергѣй Шателенъ.

Угличъ. 12—IX—1915.

Отъ члена Совѣта Министра Императорскаго Двора, бывшаго управляющаго Конторой Имп. Петроградскихъ театровъ—В. П. Погожева.

А. Е. Молчанову.

Сейчасъ только узналъ о понесенной Вами, русскимъ театромъ и всей художественной сознательной Россіей незамѣнимой утратѣ. Вѣчная, славная память дорогой Маріи Гавріиловнѣ, чудному художнику-работнику и человѣку. Всѣмъ сердцемъ присоединяюсь къ Вашему великому горю, подкрѣпи Васъ Господь!

Владиміръ Погожевъ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ предсѣдателя Правленія Театральнаго Музея Императорской Академіи Наукъ имени А. А. Бахрушина—А. А. Бахрушина.

А. Е. Молчанову.

Примите мое искреннее глубокое соболѣзнованіе. Да укрѣпитъ Васъ Господь Богъ!

Алексѣй Бахрушинъ.

Бернъ. 24—IX—1915.

Отъ торговаго агента Министерства Торговли и Промышленности за границей—В. М. Фелькнера.

А. Е. Молчанову.

Je mêle mes larmes aux Votres. Garderai pour toute ma vie mon reconnaissant souvenir dévoué.

Felkner[2]).

---

[1]) Примите выраженіе глубочайшаго соболѣзнованія.

Шебунинъ.

[2]) Присоединяю мои слезы къ Вашимъ. Сохраню на всю жизнь благодарную преданную память.

Фелькнеръ.

Кардымовъ. 11—IX—1915.

Отъ особоуполномоченнаго по хозяйственной части Управленія Главноуполномоченнаго Краснаго Креста западнаго фронта—Н. И. Аматуни.

А. Е. Молчанову.

Сегодня при эвакуаціи подвѣдомственнаго мнѣ учрежденія узналъ изъ газетъ о кончинѣ дорогой Маріи Гавріиловны. Слишкомъ 25 лѣтъ глубокаго почитанія таланта почившей и въ связи съ нимъ чистой дружбы создали во мнѣ особый міръ для культа Савиной. Эта великая русская женщина-артистка покоряла и объединяла своимъ талантомъ всѣхъ, начиная отъ отдаленнаго Сѣвера до Закавказья, отъ Владивостока до Царства Польскаго. Русское просвѣщеніе и искусство черезъ Савину проникали въ сознаніе интеллигентныхъ представителей всѣхъ національностей и служили основаніемъ возрожденія мѣстныхъ талантовъ театра. Савину знали рѣшительно всѣ въ нашемъ необъятномъ отечествѣ. Преклоняюсь предъ дорогой памятью усопшей и, вознося горячія молитвы объ упокоеніи ея души, я всетаки говорю, что Савина жива, ибо она живетъ въ нашихъ сердцахъ, въ нашемъ сознаніи. Да будетъ легка ей земля! Да облегчитъ Господь постигшее Васъ горе, дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Аматуни.

Петроградъ. 29—IX—1915.

Отъ сестры милосердія въ Лазаретѣ артистовъ Имп. Петроградскихъ Театровъ—В. Э. Направникъ.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, въ письмахъ ко мнѣ раненые жалѣютъ Марію Гавріиловну.

Одинъ пишетъ: «благодарю за Ваше письмо, изъ котораго слышу у Васъ перемѣну про скончавшуюся сестрицу Марію, очень ее жалко, дай ей Богъ Царствіе Небесное!»

Другой пишетъ: «Очень жаль Марью Гаврильевну, очень была барыня хорошая!»

Третій: «Да только очень мнѣ жалко, что Марья Гавриловна померла. Царство ей Небесное! Славная была сестрица: все время она заботилась и хлопотала, и трудилась. Да, помяни ее Господь во Царствіи Своемъ!»

Душевно присоединяюсь къ этимъ сожалѣніямъ.

Уважающая Васъ *В. Направникъ.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ протоіерея Казанскаго собора въ Петроградѣ—В. И. Маренина.

А. Е. Молчанову.

Позвольте и мнѣ сказать Вамъ о своей боли при вѣсти о смерти Маріи Гавріиловны. Какъ священникъ, ощущавшій прикосновеніе Руки Божіей къ своему

сердцу, я, не обинуясь, говорю, что высокая душа усопшей была избрана для прикосновенія къ ней этой Великой Руки: чтобы быть ей учительницей людей. И она была таковой! Она исполнила возложенное на нее бремя! Вѣчная ей память!

Я никогда не забуду ея доброе ко мнѣ отношеніе въ ея домѣ (по случаю молебна юбилейнаго съ Казанской иконой), горжусь этимъ и заплачу постоянной о ней молитвой предъ престоломъ Божіимъ.

Протоіерей *Василій Маренинъ.*

Казань. 9—IX—1915.

Отъ В. А. Осокиной.

А. Е. Молчанову.

Не вѣрится огромному горю, поразившему Васъ и всѣхъ насъ, ея друзей. Невыносимо тяжело!

Осокина.

Средній Икорецъ. 12—IX—1915.

Отъ В. В. и В. И. Тимоѳеевскихъ.

А. Е. Молчанову.

Страшно поражены, огорчены неожиданной смертью дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны. Да подкрѣпитъ Васъ Господь!

Тимоѳеевскіе.

Котлы. 10—IX—1915.

Отъ В. И. Базилевскаго.

А. Е. Молчанову.

Сейчасъ узналъ о постигшемъ Васъ горѣ. Всей душой скорблю о кончинѣ дорогой Маріи Гавріиловны. Одинъ Господь принесетъ Вамъ утѣшеніе.

Базилевскій.

Одесса. 20—I—1916.

Отъ В. Е. Шульцъ.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Узнала со словъ А. Н. Клепинина о неполученіи Вами моего письма послѣ кончины нашей горячо любимой Маріи Гавріиловны. Часто, очень часто вспоминаю Васъ — и такъ хотѣлось написать и второй разъ, но опасалась безпокоить, не получивъ ни словечка въ отвѣтъ на мое посланіе. Такъ обидно, такъ досадно, что оно пропало! Раздѣляла Вашу скорбь всей душой, всѣми мыслями была съ Вами. Если всѣмъ намъ, несказанно любившимъ Марію Гавріиловну, была такъ тяжела эта ужасная утрата, то что перечувствовали Вы, Анатолій Евграфовичъ, жизнь котораго такъ тѣсно была связана съ жизнью нашей радости?!.

Знаете, до сихъ поръ не вѣрится, что солнышко наше закатилось! Вѣдь такъ и ждешь ее: вотъ снова пріѣдетъ она въ любимую ею Одессу, пришлетъ

милую вѣсточку, обласкаетъ. Дорогой, хорошій, незабвенный другъ!.. Неужели такъ и не суждено еще разъ обнять ее?!.. Помню, какъ писала Вамъ осенью, какъ слезы мѣшали продолжать...

Списываю Вамъ строки сестры, застрявшей въ Англіи (вслѣдствіе болѣзни мужа, съ мая 1914 г.), гдѣ она до сихъ поръ томится, бѣдняжка. Вотъ что она писала: «Съ какой грустью прочла я вчера въ «Русскомъ Словѣ» о кончинѣ незабвенной Маріи Гавріиловны. Для тебя ея смерть должна быть настоящимъ горемъ—и я жалѣю, что не въ состояніи своей лаской и сочувствіемъ утѣшить тебя. Какъ больно думать, что мы никогда больше не увидимъ ее, не услышимъ ея голоса, не будемъ очарованы ея улыбкой, ея умомъ и юморомъ! Сколько хорошихъ, свѣтлыхъ воспоминаній связано съ ея именемъ! Не только какъ артистку, но и какъ человѣка, нельзя было не любить ее! Хорошо, что она недолго страдала. Мнѣ нравится надпись на одномъ изъ вѣнковъ: «Царицѣ русской сцены—Царствіе Небесное»...

Быть можетъ, слова сестры послужатъ Вамъ лучшей иллюстраціей и моихъ чувствъ, Анатолій Евграфовичъ...

Изъ Петрограда хорошая знакомая прислала мнѣ массу вырѣзокъ изъ газетъ, касающихся послѣднихъ дней нашей Маріи Гавріиловны. Но мнѣ такъ хотѣлось бы услыхать о ея послѣднихъ минутахъ изъ устъ близкаго ей человѣка!.. Елизавету Николаевну (Хитрово) не посмѣла безпокоить...

Съ какимъ интересомъ прочла фельетонъ Кони о нашей Маріи Гавріиловнѣ. Какъ хорошо онъ зналъ ее и какъ тонко обрисовалъ ея чарующую душу!

Одно намъ остается утѣшеніе, Анатолій Евграфовичъ! Если ранній уходъ ея изъ жизни уберегъ ее, быть можетъ, отъ страданій, то скажемъ также: «Царствіе Небесное—нашей Царицѣ!»... Слезы снова мѣшаютъ писать, дрожь по спинѣ пробѣгаетъ... Сколько хорошаго, сколько великаго, глубокаго, несравненнаго ушло съ нею!.. Тяжело, очень тяжело!.. Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку.

Искренно Васъ уважающая *Вѣра Шульцъ.*

Харьковъ. 22—IX—1915.

Отъ М. Н. Вышинской.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Сердечно, глубоко сочувствую Вашему горю и оплакиваю безвременную кончину нашей дорогой Маріи Гавріиловны. Нѣтъ словъ для утѣшенія. И только одно нѣсколько смягчаетъ горе, что, какъ на рѣдкость хорошій, добрый и отзывчивый человѣкъ и какъ исключительная артистка, она еще долго будетъ жить въ памяти тѣхъ, кто зналъ ее хотя немного. Извѣстіе о смерти Маріи Гавріиловны не застало меня дома,—я ѣздила въ Екатеринославскую губернію навѣстить свою племянницу, которую тоже постигло горе. По возвращеніи, узнавъ о смерти нашей дорогой Маріи Гавріиловны, я, какъ громомъ,

была поражена, — настолько это было тяжело уже одной неожиданностью. Еще недавно она была въ Харьковѣ—и вдругъ ея не стало! Я ужасно сожалѣю, что мнѣ не удалось повидаться съ нею во время ея пребыванія въ Харьковѣ: я была въ это время у себя на хуторѣ и не была освѣдомлена о ея пріѣздѣ. Тяжело Вамъ потерять такого близкаго человѣка. Но—Его святая воля! Онъ послалъ Вамъ горе, Онъ же пошлетъ Вамъ и силы перенести его. Я бы очень просила Васъ, многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, прислать мнѣ, если возможно, карточку изъ послѣднихъ снимковъ моей дорогой, доброй Маріи Гавріиловны; она для меня и Коли [1]) всегда была роднымъ человѣкомъ. Левъ Михайловичъ (Вышинскій) и я шлемъ Вамъ привѣтъ и пожеланіе душевнаго покоя и силъ перенести постигшее Васъ горе.

Глубокоуважающая Васъ *М. Вышинская.*

Кривой-Рогъ. 21—IX—1915.

Отъ О. Х. Пащенко.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Страшная вѣсть о кончинѣ нашей родной, безконечно любимой раздавила меня. Всѣмъ сердцемъ въ эти скорбные дни была я съ Вами у дорогого гроба, но словами выразить свою безграничную печаль не могла. Такъ потрясающе громадна наша потеря, такъ жестоко, такъ ужасно сознаніе, что погасли навсегда эти чудные глаза, ушла отъ насъ наша радость, наша гордость—и никогда больше не увидимъ, не услышимъ ее. Въ моемъ личномъ горѣ она была кусочкомъ голубого неба—и въ мысляхъ о ней, такой прекрасной, такъ отдыхала осиротѣвшая душа. Отнято и это! Да будетъ воля Господня!

Царство ей Небесное, нашей незабвенной! И Вамъ помоги Господь! Утѣшить Васъ невозможно. Мнѣ только хочется повторить Вамъ ея слова, сказанныя, когда мы потеряли единственную дочь: «Господь наказуетъ любя».

Глубоко преданная Вамъ *О. Пащенко.*

Одесса. 20—XI—1915.

Отъ нея же.

К. С. Долиновой.

...Тронута я была безконечно желаніемъ Вашимъ сообщить мнѣ все, что знаете о послѣднихъ минутахъ нашей дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны. У меня нѣтъ словъ передать Вамъ, какъ меня потрясла ея кончина. О смерти ея я узнала изъ газетъ и, вѣрите, долго не могла не то что примириться съ совершившимся, но даже осмыслить весь ужасъ этой потери. А, между тѣмъ, уже послѣднее ея письмо ко мнѣ должно было подготовить къ возможности утраты. Оно было такое грустное это письмо, такъ чувствовалось въ немъ, что утомлена она, что здоровье ея совсѣмъ пошатнулось... О томъ же, чтобы поберечь себя, отдохнуть, успокоиться родная, любимая не хотѣла. И вотъ не стало ея... Какой это ужасъ—смерть! Осо-

[1]) Сынъ М. Н. Вышинской отъ перваго брака—оперный артистъ Н. А. Большаковъ.

бенно, когда она поражаетъ такихъ людей, какъ наша радость, наша гордость! Ваше горе я понимаю, дорогая Клара Семеновна, вѣдь для Васъ она была больше, чѣмъ родная, такъ какъ же примириться съ такой ничѣмъ незамѣнимой утратой. И кого мнѣ еще безумно жаль—это бѣднаго Анатолія Евграфовича! Если мимолетное общеніе съ чудной женщиной и дивной артисткой, какой была наша незабвенная, привязывало къ ней до такой степени, что съ ея смертью точно ушло навѣки что-то твое личное, ничѣмъ и никѣмъ незамѣнимое, то что же долженъ испытывать человѣкъ, который былъ ей такъ близокъ! Не знаю, получилъ ли онъ мое письмо? Какъ живо вспоминаются мнѣ тѣ двѣ чудныя недѣли, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ она провела на отдыхѣ въ Одессѣ. Каждый день она обѣдала и кончала свой день у насъ—и какъ счастливы мы были съ Викторомъ (В. М. Пащенко), когда, прощаясь съ нами, она говорила: «Какъ хорошо и уютно съ вами! Я такъ отдыхаю у васъ!»... И обоихъ уже нѣтъ! Все—въ прошломъ, а впереди—глубокое одиночество и тоска, безпросвѣтная тоска...

О. Пащенко.

Крутые. 11—IX—1915.

Отъ Е. С. Иловайской.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Какъ громомъ, поразило меня извѣстіе о кончинѣ дорогой Маріи Гавріиловны! Какая тяжелая потеря для русской сцены и для насъ всѣхъ—ея друзей! Казалось, минуетъ это тяжкое время, наступитъ время мирное—и Марія Гавріиловна опять соберется въ такъ любимую ею Одессу и порадуетъ пріѣздомъ своихъ тамъ друзей. Знаю, что нѣтъ словъ утѣшенія для облегченія переживаемаго Вами горя, но хочется сказать Вамъ, какъ искренно и глубоко я Вамъ сочувствую.

Уважающая Васъ *Е. Иловайская.*

Харьковъ. 10—IX—1915.

Отъ Ю. П. Баркъ.

А. Е. Молчанову.

Всей душой скорблю съ Вами о дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловнѣ.

Юлія Баркъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ С. Л. Баркъ.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять наше самое искреннее сочувствіе въ постигшемъ Васъ большомъ горѣ. Не вѣрится, что не стало дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны. Миръ праху ея!

Софія Баркъ.

Павловскъ. 9—IX—1915.

Отъ графини С. Н. Граббе.

А. Е. Молчанову.

Глубоко огорчена печальнымъ извѣстіемъ. Всей душой сочувствую Вашему горю.

Софія Граббе.

Дѣйствующая армія. 20—IX—1915.

Отъ графа М. Н. Граббе.

А. Е. Молчанову.

Примите, дорогой Анатолій Евграфовичъ, мое искреннее сочувствіе въ постигшемъ Васъ великомъ горѣ. Смерть Маріи Гавріиловны меня глубоко опечалила; это былъ другъ Ивана Александровича[1]), другъ семьи и человѣкъ, который показывалъ столько сердца и ко мнѣ лично. Не говоря уже о громадности потери для русскаго театра и для всѣхъ тѣхъ, которымъ Марія Гавріиловна являлась покровительницей и въ полномъ смыслѣ благодѣтельницей, я лично чувствую, что и я потерялъ что-то родное и близкое. Даже въ здѣшней обстановкѣ, гдѣ ежедневно смерть коситъ множество людей, часто близкихъ, и гдѣ, въ концѣ концовъ, чувства печали притупляются, ибо самъ каждую минуту готовъ переступить порогъ жизни,—даже, повторяю, здѣсь смерть Маріи Гавріиловны произвела на меня сильное впечатлѣніе. Молю Господа, чтобы Онъ далъ вѣчную память и Царство Небесное душѣ ея. Мысленно молюсь съ Вами на свѣжей ея могилѣ.

Крѣпко Васъ обнимаю и остаюсь сердечно преданнымъ *Михаилъ Граббе.*

Царское Село. 10—IX—1915.

Отъ Д. А. Бенкендорфа.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Несмотря на то, что Вы мало и смутно знаете меня, я не могу, переживая эту грустную минуту, ограничиться банальной телеграммой: я чувствую искреннюю душевную потребность написать Вамъ и выразить, къ сожалѣнію, недостаточно краснорѣчиво, какъ глубоко потрясены мы всѣ, знавшіе Марію Гавріиловну, какой жестокой утратой является ея преждевременная кончина. Я не говорю о той незамѣнимой потерѣ, которую несутъ театръ и искусство: объ этомъ Вамъ лучше меня скажутъ другіе, болѣе освѣдомленные и призванные судить объ этомъ. Но я зналъ покойную жену Вашу въ теченіе всей моей жизни; иногда даже между нами случались несходства мнѣ-

---

[1]) И. А. Всеволожской—бывшій директоръ Императорскихъ театровъ и затѣмъ директоръ Императорскаго Эрмитажа; умеръ онъ 28-го октября 1909 года. Графъ М. Н. Граббе женатъ на дочери И. А. Всеволожского—Софіи Ивановнѣ.

ній и столкновенія, по счастью, всегда благополучно разрѣшавшіяся. Однажды, въ молодости, вслѣдствіе тяжелыхъ впечатлѣній турецкой войны, во время которой я долго несъ обязанности уполномоченнаго Краснаго Креста, я нервно заболѣлъ; докторъ сказалъ мнѣ, что только слезами можно было бы облегчить тѣ жестокія боли, которыя я чувствовалъ во всей области головы. Но именно слезъ-то у меня и не было. Марія Гавріиловна, находившаяся въ то время въ Одессѣ, узнавъ отъ меня о моихъ страданіяхъ, сказала: «Приходите сегодня въ театръ, идетъ «Дама съ камеліями», я буду играть для васъ и постараюсь васъ растрогать». Я послѣдовалъ ея совѣту и плакалъ, какъ еще ни разу не плакалъ, когда видѣлъ въ этой роли Сарру Бернаръ, Дузе и т. д. И этими слезами, какъ предсказалъ докторъ, разрѣшилось мое тяжелое нервное состояніе. И потомъ я любилъ напоминать объ этомъ Маріи Гавріиловнѣ, встрѣчаясь съ нею у Ольги Андреевны Бильбасовой. Часто также я встрѣчалъ нашу дорогую усопшую въ Карлсбадѣ—и мы бесѣдовали по цѣлымъ часамъ. Разъ она мнѣ призналась, что долгое время имѣла на душѣ нѣчто противъ меня, но убѣдилась въ своей ошибкѣ и возвратила мнѣ свою дружбу.

Простите за это длинное письмо. Мое сердце чувствовало потребность писать, говорить о ней. И къ кому же ближе я могъ обратиться со своими изліяніями, если не къ Вамъ. Еще могу сказать, что плачу и сегодня, какъ плакалъ въ молодости. Но, увы, плачу безнадежными слезами, и онѣ не приносятъ мнѣ облегченія, хотя текутъ неудержимо, и у меня нѣтъ силъ ихъ остановить.

Искренно Васъ уважающій и преданный Вамъ *Д. Бенкендорфъ.*

Москва. 8—IX—1915.

Отъ Н. П. и А. П. Каютовыхъ.

А. Е. Молчанову.

Примите наше искреннее сердечное сочувствіе въ столь неожиданно постигшемъ Васъ глубокомъ горѣ.

Надежда, Андрей Каютовы.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ М. В. Шелапутиной.

А. Е. Молчанову.

Трудно выразить то горе, которое мы всѣ переживаемъ съ потерей нашей незабвенной Маріи Гавріиловны. Пошли Богъ Вамъ силъ перенести такую утрату!

Марія Шелапутина.

Барцелона. 12—IX—1915.

Отъ А. Н. Шильдеръ.

А. Е. Молчанову.

Sincères condoléances, affectueux souvenirs.

Schilder [1]).

Шильдеръ.

[1]) Искреннія соболѣзнованія, сердечная память.

14—IX—1915.

Отъ нея же.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Искренно соболѣзную Вашему горю. Я была страшно огорчена, получивъ третьяго дня телеграмму отъ Ольги Яковлевны (Фейгиной) съ печальной вѣстью о кончинѣ дорогой Маріи Гавріиловны.

Вы знаете, какъ я любила покойную и какъ цѣнила ея дружбу и доброе расположеніе ко мнѣ. Грустно мнѣ, что больше ее не увижу и не могу даже отдать ей послѣдній долгъ. Я просила Евгенію Александровну (Баженову) возложить отъ меня вѣнокъ на могилу. Вашъ чудный домъ, который Вы съ такой любовью устраивали для Маріи Гавріиловны, теперь опустѣлъ. Я вполнѣ понимаю, многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, какъ тяжело Вамъ теперь, и молю Бога дать Вамъ силы перенести это испытаніе. Очень хотѣла бы знать подробности о болѣзни и смерти дорогой Маріи Гавріиловны. Если Вамъ тяжело писать, то, можетъ быть, Елизавета Николаевна (Хитрово) черкнетъ мнѣ словечко.

Я писала Маріи Гавріиловнѣ нѣсколько разъ въ теченіе зимы, но не имѣла отвѣта. Ольга Яковлевна сообщала мнѣ изрѣдка объ ея здоровьѣ. Знаю, что она была очень занята и, какъ всегда, посвящала себя добрымъ дѣламъ.

Надѣюсь, многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, что Ваше здоровье удовлетворительно. Такимъ образомъ, наше совмѣстное путешествіе въ Іерусалимъ и Египетъ кануло въ воду! Я часто вспоминаю наше пребываніе въ Карлсбадѣ. Какъ тогда было весело и пріятно! Теперь все мрачно и грустно! Шлю Вамъ искренній, сердечный привѣтъ.

Преданная Вамъ *А. Шильдеръ.*

Калуга. 10—IX—1915.

Отъ графини О. Н. Кантакузиной.

А. Е. Молчанову.

Глубоко потрясена неожиданной смертью дорогой, любимой Маріи Гавріиловны. Я и мои дочери шлемъ Вамъ все наше сердечное участіе. Подкрѣпи Васъ Богъ!

Ольга Кантакузина.

Боровенка. 10—IX—1915.

Отъ княгини М. А. Урусовой.

А. Е. Молчанову.

Примите мое самое искреннее соболѣзнованіе Вашему горю. Глубоко уважала Марію Гавріиловну, такъ привѣтливо меня всегда принимавшую.

Княгиня Урусова.

Лондонъ. 7—IV—1916.

Отъ К. Д. Набокова.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Когда скончалась Марія Гавріиловна, я былъ въ Индіи; о ея кончинѣ я узналъ въ ноябрѣ—изъ русскихъ газетъ, доходившихъ до меня черезъ два мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ. Телеграфировать Вамъ я не могъ. Не могъ двумя-тремя словами передать того чувства невыразимаго горя, которое я испыталъ, когда прочелъ извѣстіе въ газетѣ. Да и сейчасъ боюсь быть многорѣчивымъ. Мы съ Вами, за почти двадцать лѣтъ знакомства, кажется, всегда другъ друга понимали съ полуслова, и у насъ было обоюдное стремленіе къ откровенной задушевности. Вы знаете, что я всю жизнь не только поклонялся Маріи Гавріиловнѣ, какъ художницѣ, но былъ къ ней горячо и глубоко привязанъ, какъ къ исключительно прекрасному человѣку... Если бы Вы захотѣли дать мнѣ почувствовать, что знаете и вѣрите тому, какъ я свято чту память дорогой Маріи Гавріиловны, то прислали бы мнѣ ея послѣднюю фотографію,—ту, которую Вы сами любите... Глубоко трогательно, что актерская братія поняла понесенную утрату, поняла, что другой Маріи Гавріиловны ввѣкъ не найти. Горько мнѣ было, что я не могъ принять участія въ этихъ проявленіяхъ искренняго чувства. Мы переживаемъ время, когда личныя драмы, утраты и потрясенія такъ повседневны, что притупляется воспріимчивость... Но есть утраты, которыя чувствуешь такой же жгучей болью теперь, какъ и до начала всемірной кровавой войны.

Горячо Васъ обнимаю!

Душевно Вамъ преданный *К. Набоковъ.*

Харьковъ. 8—IX—1915.

Отъ А. А. и Я. А. Анфимовыхъ.

А. Е. Молчанову.

Глубоко потрясены кончиной незабвенной Маріи Гавріиловны. Примите наше искреннее соболѣзнованіе.

Анфимовы.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ Р. Л. и І. С. Каннегиссеръ.

А. Е. Молчанову.

Потрясены кончиной высокочтимой Маріи Гавріиловны, соболѣзнуемъ Вамъ всей душой въ горестной утратѣ.

Каннегиссеръ.

Царское Село. 10—IX—1915.

Отъ семьи Б. И. Неннингеръ.

А. Е. Молчанову.

Примите наши самыя горячія искреннія соболѣзнованія въ Вашемъ тяжеломъ горѣ.

Семья Неннингеръ.

Одесса. 11—IX—1915.

Отъ К. М. Милисавлевича.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Жена и я шлемъ Вамъ свои искреннія соболѣзнованія по случаю постигшаго Васъ ужаснаго горя. Смерть незабвенной Маріи Гавріиловны насъ глубоко опечалила. Да пошлетъ Господь Вамъ силу и крѣпость перенести эту ужасную потерю!

Душой съ Вами *К. Милисавлевичъ.*

Одесса. 17—IX—1915.

Отъ Е. А. Лонцкой.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Я, какъ родственница покойной Маріи Гавріиловны, нынѣ глубоко потрясенная ея внезапной кончиной, считаю своимъ долгомъ выразить Вамъ, глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, мое искреннее душевное соболѣзнованіе по случаю тяжкой утраты Вами ближайшаго Вашему сердцу существа.

Остаюсь съ глубокимъ почтеніемъ къ Вамъ

Евлалія Аскалоновна Лонцкая (урожденная *Труворова*).

Москва. 20—IX—1915.

Отъ М. А. Людоговской.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Тяжелую утрату понесли Вы со смертью супруги-друга Вашего Маріи Гавріиловны. Большое горе принесла мнѣ смерть моей мамы-крестной. Я всю ночь проплакала по крестной. Сокрушаюсь, что мужъ мой лежитъ раненый въ Харьковѣ, почему и не могла раньше выразить Вамъ мое соболѣзнованіе по тяжелой Вашей утратѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть на память послѣднюю карточку и какой-нибудь предметъ туалета мамы-крестной. Примите мое душевное горячее пожеланіе утѣшенія въ Вашихъ скорбяхъ по моей мамѣ-крестной.

Марія Александровна Людоговская (урожденная *Мыльникова-Мартынова*).

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ Н. И. Ильинской.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ, примите мое глубокое и искреннее сочувствіе Вашей неожиданной незамѣнимой утратѣ—кончинѣ незабвенной Маріи Гавріиловны, незабвенной русской артистки Савиной, въ день двадцатипятилѣтняго юбилея на сценѣ которой не было человѣка счастливѣй въ Россіи. Очень сожалѣю, что, по болѣзни, не могу помолиться за Марію Гавріиловну у ея гроба.

Надежда Ильинская.

Калуга. 11—IX—1915.

Отъ М. Н. Вольпцевой.

А. Е. Молчанову.

Вѣтеръ рыдаетъ съ безсильной тоскою,
Пѣснь погребальную волны поютъ,
Сѣрыя тучи угрюмо ползутъ,
Трауръ раскинувъ надъ темной рѣкою.
Въ берегъ Нева ударяется старый...
Городъ хоронитъ кого-то... Вдали
Мѣднымъ набатомъ зловѣще легли
Колоколовъ роковые удары.
Гулкіе звуки Россію разбудятъ,
Ночь ихъ развѣетъ отъ края до края,
Воплемъ тоскливымъ рыдая:
«Савиной нѣтъ и не будетъ!»...

Въ глухую ночь, въ театрѣ старомъ
Тяжелый занавѣсъ поднялся,
И голосъ призраковъ раздался,
И люстры вспыхнули пожаромъ.
И со свѣчами привидѣнья
Сомкнулись въ рядъ. Знакомы лица;
Стоятъ воздушной вереницей
Ея великія творенья:
Вотъ «Чародѣйки» обликъ стройный
Съ манящей лаской улыбки,
За нею станъ «Дикарки» гибкій
И «Василисы» взглядъ спокойный...
Въ молитвѣ выпрямилась строго
«Холоповъ» грозная старуха...
И панихида льется глухо,
И скорбныхъ призраковъ такъ много!
Здѣсь ей толпа рукоплескала,
Къ ея ногамъ летѣли розы...
Льютъ свѣчи восковыя слезы,
И плачутъ: «Савиной не стало!»...
Міръ отъ печали содрогнулся,
Колокола во мглѣ звонили,
Тургеневъ зарыдалъ въ могилѣ
И духъ Островскаго проснулся...

Жуткій разсвѣтъ погребальной лампадой
Пепельныхъ тучъ сѣдины озарилъ,
Траура снять у природы нѣтъ силъ,
Небу не сбросить стального наряда...
Въ городѣ Нева ударяется старый,
«Вѣчную память» поетъ... И вдали
Мѣднымъ набатомъ зловѣще легли
Колоколовъ роковые удары.
    Гулкіе звуки Россію разбудятъ,
    Вихрь разнесетъ ихъ отъ края до края,
    Воплемъ надгробнымъ рыдая:
    «Савиной нѣтъ и не будетъ!»

Марія Вольпцева.

Парголово. 11—IX—1915.

Отъ вдовы писателя С. В. Аверкіевой и ея дочери М. Д. Жуковой.

А. Е. Молчанову.

Примите выраженія глубокаго сочувствія въ понесенной всѣми горестной утратѣ.

Аверкіева, Жукова.

Липовецъ. 10—IX—1915.

Отъ директора Литературно-Художественнаго Общества—генералъ-лейтенанта К. Н. Величко.

А. Е. Молчанову.

Потрясенный извѣстіемъ о смерти Маріи Гавріиловны, приношу душевное соболѣзнованіе.

Константинъ Величко.

Петроградъ. 12—IX—1915.

Отъ почетнаго опекуна—генерала-отъ-кавалеріи Викт. Ѳ. Винберга.

А. Е. Молчанову.

Душевно опечаленный кончиной великой артистки — высокопочитаемой, незабвенной Маріи Гавріиловны, глубоко сочувствую Вашему тяжкому горю.

Генералъ Винбергъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ директора Имп. Сельско-Хозяйственнаго Музея и правителя дѣлъ Благотворительнаго Общества Великой Княгини Ольги Александровны— В. Д. Батюшкова.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Позвольте выразить Вамъ искреннее сочувствіе по случаю безвременной кончины незабвенной, несравненной Маріи Гавріиловны. Скорблю душой, что

болѣзнь лишаетъ меня возможности отдать послѣдній долгъ, пріѣхавъ помолиться у ея гроба.

Искренно Васъ уважающій и преданный *В. Батюшковъ.*

Тула. 10—IX—1915.

Отъ директора Конторы Государственнаго Банка—В. Я. Фейгина.

А. Е. Молчанову.

Шлю самое искреннее сердечное сочувствіе Вашему горю.

Владиміръ Фейгинъ.

Ново-Таволжанка. 11—IX—1915.

Отъ семьи покойнаго почетнаго члена Имп. Академіи Художествъ и бывшаго предсѣдателя Правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли—М. П. Боткина.

А. Е. Молчанову.

Примите сердечное сочувствіе въ Вашей тяжелой утратѣ.

Боткины.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ члена Правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли отъ Министерства Финансовъ—С. А. Ольхина.

А. Е. Молчанову.

Глубоко сочувствую Вашему горю. Самъ недавно испыталъ то же.

Ольхинъ.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ члена Совѣта Русскаго Общества Пароходства и Торговли—М. М. Ѳедорова.

А. Е. Молчанову.

Пораженъ и удрученъ ужаснымъ извѣстіемъ. Помоги Вамъ Богъ перенести тяжкую скорбь, которую дѣлятъ съ Вами Ваши друзья, любящіе Васъ и поклонявшіеся покинувшему насъ великому таланту.

Ѳедоровъ.

Выборгъ. 10—IX—1915.

Отъ члена Совѣта Р. О. П. и Т.—С. И. Гаевскаго.

А. Е. Молчанову.

Примите глубокое, сердечное соболѣзнованіе въ постигшей Васъ дорогой утратѣ.

Гаевскій.

Москва. 8—IX—1915.

Отъ члена Совѣта Р. О. П. и Т.—С. В. Челнокова.

А. Е. Молчанову.

Потрясенъ неожиданнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Дай Богъ Вамъ силы перенести тяжкое горе!

Сергѣй Челноковъ.

Раумо. 11 IX—1915.

Отъ члена Совѣта Р. О. П. и Т.—барона Г. Г. Винекена.

А. Е. Молчанову.

Прошу Васъ вѣрить моимъ чувствамъ самаго искренняго соболѣзнованія.

Георгій Винекенъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ члена Совѣта Р. О. П и Т.—В. Н. Шрамченко.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять выраженіе моего горячаго и искренняго участія въ постигшей Васъ незамѣнимой и тяжелой утратѣ уважаемой и незабвенной Маріи Гавріиловны.

Владиміръ Шрамченко.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ служащихъ въ Главной Конторѣ, на пароходахъ и въ агентствахъ Р. О. П. и Т.

А. Е. Молчанову.

Въ скорбный часъ утраты незабвенной и чудной артистки, съ именемъ которой связаны воспоминанія лучшихъ часовъ каждаго изъ насъ, просимъ глубокоуважаемаго Анатолія Евграфовича принять соболѣзнованія въ постигшемъ Васъ и всѣхъ горѣ.

Служащіе Главной Конторы пароходовъ и агентствъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Одесса. 8—IX—1915.

Отъ директора Р. О. П и Т.—Я. Е. Лефтера.

А. Е. Молчанову.

Потрясены скорбною вѣстью о неожиданномъ уходѣ въ лучшій міръ безцѣнной Маріи Гавріиловны. Въ нѣмомъ горѣ о потерѣ Вашей всѣмъ сердцемъ молимъ Бога даровать Вамъ душевную мощь и христіанскую покорность волѣ Всевышняго.

Лефтеръ.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ главныхъ дѣятелей Р. О. П. и Т. въ Одессѣ.

А. Е. Молчанову.

Примите отъ всѣхъ насъ, дорогой Анатолій Евграфовичъ, искреннія чувства глубокаго соболѣзнованія въ постигшей Васъ тяжелой утратѣ. Горе Ваше тяжкое, но да поможетъ Вамъ Господь нести это испытаніе и сохранить свои силы, столь необходимыя для нашего Общества, переживающаго тяжелое время.

Конкевичъ, Лефтеръ. Тренертъ. Виттъ. Клепининъ, Чорба, Пискорскій. Баевскій. Черногорчевичъ. Аркадакскій, Хржановскій. Янушевскій. Вусковичъ.

Кіевъ. 9—IX—1915.

Отъ начальника Счетной Части Главной Конторы Р. О. П. и Т. въ Одессѣ—С. В. Родзевича.

А. Е. Молчанову.

Пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ, прошу принять искреннія соболѣзнованія въ постигшемъ Васъ горѣ.

Родзевичъ.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Одессѣ, въ Карантинной гавани—Г. Ф. Хржановскаго.

А. Е. Молчанову.

До глубины души потрясенный печальной вѣстью кончины незабвенной Маріи Гавріиловны, прошу вѣрить, что Ваше горе мы раздѣляемъ всѣ.

Хржановскій.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Одессѣ, въ Практической гавани—А. В. Аркадакскаго.

А. Е. Молчанову.

Глубоко потрясенъ постигшимъ Васъ великимъ горемъ и незамѣнимой утратой. Примите мои самыя искреннія соболѣзнованія.

Аркадакскій.

Севастополь. 10—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Севастополѣ—А. І. Млинарича.

А. Е. Молчанову.

Душевно скорбимъ вмѣстѣ съ Вами въ постигшемъ Васъ горѣ.

Млинаричъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Москвѣ—барона Н. К. Нолькена.

А. Е. Молчанову.

Просимъ принять наше сочувствіе Вашему большому семейному несчастью. Нѣтъ словъ выразить глубокую скорбь потери величайшей артистки Маріи Гавріиловны. Всей душой, всѣмъ сердцемъ вмѣстѣ съ Вами переживаемъ тяжелое горе.

Нолькенъ.

Москва. 28—XI—1915.

Отъ него же.

К. В. Таргони.

...На-дняхъ ввѣренное мнѣ агентство посѣтила наша уважаемая акціонерша Александра Васильевна Протасова (70-ти-лѣтняя старушка). Еле-еле взобравшаяся на нашу лѣстницу, она вошла въ контору, вся запыхавшись, и первыя

ея слова были: «Я пришла, баронъ, къ Вамъ спеціально, съ единственной цѣлью, поговорить съ Вами о великой артисткѣ, высокоталантливой Маріи Гавріиловнѣ, и о незамѣнимой утратѣ Анатолія Евграфовича и всей Россіи».

Разсказывала она, что помнитъ первые шаги на сценѣ Маріи Гавріиловны; вспоминала ее во многихъ роляхъ, свое сильное увлеченіе многограннымъ талантомъ ея, какъ она полюбила Марію Гавріиловну, при личномъ съ нею знакомствѣ, какъ рѣдкаго, чуткаго, добраго и отзывчиваго человѣка; съ восторгомъ говорила о фигурѣ Маріи Гавріиловны, объ ея дивныхъ глазахъ, о томъ, что Господь Богъ щедро наградилъ величайшую артистку своими дарами и счастьемъ быть любимой всѣми, кому удавалось ее видѣть.

Еще Александра Васильевна просила меня такъ: «Обязательно скажите, баронъ, Анатолію Евграфовичу, что я вмѣстѣ съ нимъ скорблю душой и вмѣстѣ съ нимъ переживаю тяжелыя страданія». Въ словахъ ея ярко сквозила нѣжная и глубокая привязанность къ покойной Маріи Гавріиловнѣ и глубокочтимому Анатолію Евграфовичу, какъ самому близкому къ ней человѣку. Говоря все это, она плакала. Я былъ растроганъ такой исключительной привязанностью и всей душой съ искреннимъ сочувствіемъ присоединился къ ней. Уходя изъ агентства, Александра Васильевна сказала мнѣ, что обо всемъ этомъ она написала бы сама Анатолію Евграфовичу, но что, къ сожалѣнію, теперь писать не можетъ: плохо видятъ глаза и дрожатъ руки, а потому она еще разъ убѣдительно просила меня обо всемъ, ею сказанномъ, написать Анатолію Евграфовичу...

Вашъ покорный слуга *П. Польвенъ.*

Тифлисъ. 10—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Тифлисѣ—С. Х. Сулханова.

А. Е. Молчанову.

Въ лицѣ несравненной, незабвенной Маріи Гавріиловны Россія потеряла великую художницу-артистку, Вы—самаго близкаго дорогого друга. Да подкрѣпитъ Васъ Богъ! Прошу принять мое искреннее соболѣзнованіе.

Сулхановъ.

Ростовъ-на-Дону. 9—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Таграхъ—А. В. Савельева.

А. Е. Молчанову.

По дорогѣ въ Гагры узналъ изъ газетъ о постигшемъ Васъ горѣ. Выражаю Вамъ свое сердечное соболѣзнованіе и прошу принять увѣренія въ неизмѣнной преданности Вамъ.

Вашъ покорный слуга *Савельевъ.*

Кіевъ. 9—IX—1915.

Отъ агента Р. О. П. и Т. въ Кіевѣ—М. Ю. Бурштейна.

А. Е. Молчанову.

Позволяю себѣ выразить мое искреннее соболѣзнованіе по поводу постигшей Васъ утраты, тяжесть которой будетъ долго, долго чувствовать вся мыслящая Россія.

Кіевскій агентъ *Бурштейнъ.*

Севастополь. 10—IX—1915.

Отъ капитана Р. О. П. и Т.—М. М. Геймана.

К. В. Таргони.

Многоуважаемый Константинъ Васильевичъ!

Только что прочиталъ въ газетѣ о смерти Маріи Гавріиловны. Очень былъ пораженъ внезапной ея кончиной. Прошу Васъ передать Анатолію Евграфовичу мое глубокое сожалѣніе и соболѣзнованіе по поводу постигшаго его горя.

Вашъ покорный слуга *Мих. Гейманъ.*

Одесса. 10—IX—1915.

Отъ капитана Р. О. П. и Т.—В. Н. Эсмонта.

А. Е. Молчанову.

Сердечно сочувствую Вашему горю. Да ниспошлетъ Вамъ Господь силъ вынести тяжелое испытаніе!

Капитанъ *Эсмонтъ.*

Ростовъ-на-Дону. 10—IX—1915.

Отъ управляющаго рудникомъ Р. О. П. и Т.—В. А. Ивашкина.

А. Е. Молчанову.

Взяла къ себѣ мать-сыра-земля родную нашу красу и гордость. Тяжко, очень тяжко! Подкрѣпи Господь выдержать этотъ ударъ судьбы! Да облегчатъ Ваше горе слезы русскаго люда, отъ мала до велика съ острою болью въ сердцѣ услышавшаго въ тяжкую и безъ того годину о нежданномъ новомъ великомъ горѣ.

Ивашкинъ.

Барнаулъ. 21—IX—1915.

Отъ горнаго инженера А. П. Иванова.

А. Е. Молчанову.

Вернулся изъ Алтая, узналъ о незамѣнимой потерѣ. Раздѣляю общую скорбь. Отъ души желаю Вамъ силъ перенести тяжелое горе. Память о геніальной Маріи Гавріиловнѣ будетъ жить въ моемъ сердцѣ, доколѣ живъ буду.

Ивановъ.

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ присяжнаго повѣреннаго Г. Б. Сліозберга.

А. Е. Молчанову.

Примите сердечное соболѣзнованіе Вашему горю.

Сліозбергъ.

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ присяжнаго повѣреннаго А. А. Богомольца.

А. Е. Молчанову.

Да облегчитъ Вашу боль сознаніе, что Ваше горе есть горе всѣхъ мыслящихъ Россіи.

Богомолецъ.

Одесса. 10—IX—1915.

Отъ присяжнаго повѣреннаго Л. И. Розена.

А. Е. Молчанову.

Позвольте выразить Вашему Превосходительству соболѣзнованіе Вашему горю. Утѣшеніемъ да послужитъ Вамъ сознаніе, что дорогую Марію Гавріиловну оплакиваетъ вмѣстѣ съ Вами вся Россія, какъ свою міровую славу, чуднымъ талантомъ своимъ проводившую въ жизнь идеалы красоты, любви и человѣчности.

Присяжный повѣренный *Розенъ.*

Одесса. 9—IX—1915.

Отъ помощника присяжнаго повѣреннаго К. Э. Кирста.

А. Е. Молчанову.

Примите искреннее соболѣзнованіе въ постигшей Васъ незамѣнимой утратѣ.

Кирстъ.

Петроградъ. 13—IX—1915.

Отъ В. М. Иверсена.

А. Е. Молчанову.

Примите сердечное участіе въ постигшемъ Васъ горѣ.

Иверсенъ.

Одесса. 18—IX—1915.

Отъ К. Ѳ. Эрмиша.

А. Е. Молчанову.

Выражаю сердечное соболѣзнованіе о кончинѣ Маріи Гавріиловны.

Эрмишъ.

Красноводскъ. 9—XI—1915.

Отъ И. Г. Казачкова.

А. Е. Молчанову.

Милостивый Государь Анатолій Евграфовичъ!

Наша родина такъ огромна, что есть участки, въ которыхъ выдающіяся событія жизни, имѣющія для всѣхъ обывателей интересъ и значеніе, проходятъ, по милости глухости, незамѣченными. Однимъ изъ такихъ уголковъ можно считать станцію Душакъ Средне-Азіатской ж. д., куда я попалъ на сравнительно долгій періодъ по своей службѣ и гдѣ, къ стыду нашему, прошла незамѣченной кончина глубокочтимой Вашей супруги—Маріи Гавріиловны, о смерти которой я узналъ случайно, по пріѣздѣ въ Красноводскъ. Здѣсь въ одно изъ воскресеній была отслужена панихида путешествующей по Закаспійской области какой-то труппой. Молящихся было порядочно—и всѣ молились искренно о безвременно отошедшемъ въ вѣчность громадномъ талантѣ, замѣнить котораго некѣмъ, и по поводу потери друга-человѣка, много въ своей жизни поработавшаго на пользу низшему брату-актеру. Пышныхъ рѣчей не было, но одинъ изъ артистовъ задушевно сказалъ: «Закатилось солнце русской сцены—и отошла отъ насъ навсегда мать-благодѣтельница!»... Этими словами было все сказано человѣкомъ, имѣющимъ наболѣвшую душу,—и слова эти вызвали у насъ у всѣхъ искреннюю слезу. Да, Анатолій Евграфовичъ, родина потеряла въ лицѣ глубокочтимой Маріи Гавріиловны, величайшій талантъ, заставлявшій всѣхъ переживать многое, а Вы потеряли еще и друга—да еще какого!—на Вашемъ жизненномъ пути. Утрата для Васъ, конечно, очень тяжела, но ее слѣдуетъ перенести стойко, помня изреченіе: «Пути Господни неисповѣдимы»... Я, какъ истинный поклонникъ покойной Маріи Гавріиловны, молюсь за упокоеніе ея души въ Царствіи Небесномъ, а Вамъ желаю отъ души перенести величайшее горе стойко и спокойно.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи. *И. Казачковъ.*

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ Б. М. Станкова.

А. Е. Молчанову.

Нѣтъ человѣка, котораго не ошеломила бы внезапная смерть высокоталантливой, доброй Маріи Гавріиловны. Примите и мое сердечное сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Да укрѣпитъ Васъ Господь!

Станковъ.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ Л. П. Погребняка.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять мое глубокое сочувствіе въ постигшемъ Васъ великомъ горѣ.

Погребнякъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ художниковъ И. П., Н. П. и Г. П. Пашковыхъ.

А. Е. Молчанову.

Дорогому Анатолію Евграфовичу шлемъ искреннее соболѣзнованіе въ постигшей его тяжелой утратѣ любимаго человѣка. Да подастъ Всевышній крѣпость, силы, утѣшеніе! Молитесь!

Братья Пашковы.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ инженера Я. М. Хлытчіева.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый и дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Сегодня утромъ получилъ телеграмму о кончинѣ моего отца и выѣзжаю въ Кисловодскъ. Поэтому я лишенъ возможности лично выразить Вамъ мое сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ,—тѣмъ болѣе искреннее, что и мнѣ досталось такое же.

Сердечно преданный Вамъ *Яковъ Хлытчіевъ.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ Д. Г. Щербачева.

А. Е. Молчанову.

Многоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Всегда храня добрую память о Вашемъ сердечномъ ко мнѣ отношеніи и глубоко пораженный постигшимъ Васъ семейнымъ горемъ, спѣшу отъ всего сердца выразить Вамъ чувства самаго искренняго и душевнаго соболѣзнованія въ тяжеломъ испытаніи, такъ внезапно Вамъ ниспосланномъ Господомъ Богомъ. Молю Его—да подкрѣпитъ Онъ, Милосердный, Ваши силы къ перенесенію этого ужаснаго несчастья. Надѣюсь, Вы не совсѣмъ забыли всегда искренно и глубоко уважающаго Васъ

Д. Щербачева.

Москва. 10—IX—1915.

Отъ Е. Г. Лароша.

А. Е. Молчанову.

Жена и я просимъ Васъ принять выраженія искренняго соболѣзнованія въ постигшей Васъ тяжелой утратѣ.

Ларошъ.

Нью-Іоркъ. 26—X—1915.

Отъ В. Э. Дандре.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ!

Только сегодня, 8-го здѣшняго ноября, мы получили «Новое Время», изъ котораго узнали о кончинѣ Маріи Гавріиловны. Извѣстіе это насъ глубоко

поразило. Анна Павловна[1]), обожавшая Марію Гавріиловну и привыкшая со школьныхъ лѣтъ видѣть въ ней воплощеніе и красу русской драмы, не можетъ примириться съ мыслью, что ея уже нѣтъ, и говоритъ, что кончина Маріи Гавріиловны точно оборвала для нея какую-то связь съ русскимъ театромъ, оставивъ незаполнимую пустоту.

Я не имѣлъ счастья знать Марію Гавріиловну близко; только послѣднее время я сталъ чаще ее видѣть и могъ оцѣнить всю ея прелесть! Ея разговоръ, шутка, острота были полны—я сказалъ бы—умственной граціи, и послѣ каждаго свиданія съ нею я долго оставался подъ ея обаяніемъ.

Такое сочетаніе громаднаго таланта съ широко образованнымъ умомъ и большимъ сердцемъ можетъ дать только русская геніальная артистка. И Марія Гавріиловна въ моемъ представленіи запечатлѣлась, какъ образъ большой чисто русской души, въ которой растворились и ея громадный талантъ, и ея тонкій умъ, создавшіе то, что было «Савиной».

Страшно жаль тѣхъ, которые уходятъ, но еще больше жаль тѣхъ близкихъ, которые остаются, потерявъ то, что было для нихъ самымъ дорогимъ. Я душой скорблю за тебя и мысленно около тебя, желая сказать, какъ я тебя люблю и какъ бы мнѣ хотѣлось найти для тебя слово утѣшенія!

Крѣпко тебя цѣлую, мой дорогой, твой *В. Дандре.*

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ Ш. Н. Безпалова.

А. Е. Молчанову.

Примите глубокое соболѣзнованіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Надѣюсь, богъ дастъ Вамъ силы перенести тяжелую утрату.

Безпаловъ.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ Е. К. Меанеджиди.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять мое глубокое соболѣзнованіе въ тяжкой утратѣ.

Елисей Меанеджиди.

Кушка. 11—IX—1915.

Отъ С. М. Грачева.

А. Е. Молчанову.

Прошу принять самое горячее выраженіе сочувствія въ тяжеломъ горѣ по случаю кончины глубокоуважаемой Маріи Гавріиловны.

Семенъ Грачевъ.

Вязьма. 10—IX—1915.

Отъ I. А. Козлова.

А. Е. Молчанову.

Нѣтъ словъ утѣшенія въ тяжелой утратѣ тебѣ и всему міру. Связанъ службой, не могу поклониться незабвенной усопшей.

Козловъ.

[1]) Балерина А. П. Павлова.

Одесса. 10—IX—1915.

Отъ Е. А. и Н. К. Рихтеръ.

А. Е. Молчанову.

Всей душой сочувствуемъ Вамъ, дорогой дядя, въ постигшемъ Васъ горѣ и раздѣляемъ скорбь всего культурнаго міра о невозвратной утратѣ яркаго таланта.

Лиза, Коля Рихтеръ.

Ялта. 10—IX—1915.

Отъ В. В. Даровскаго.

А. Е. Молчанову.

Дорогой Анатолій Евграфовичъ! Невыразимо тяжело извѣстіе о кончинѣ незабвенной Маріи Гавріиловны. Слова безсильны выразить Вамъ сочувствіе въ постигшемъ Васъ горѣ. Храни Васъ Господь! Да пошлетъ Онъ Вамъ здоровья и силъ перенести тяжелую утрату!

Даровскій.

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ М. Зенкевичъ.

М. Н. Подраменцевой.

Горячо сочувствую крупной утратѣ.

Марія Зенкевичъ.

Петроградъ. 8—IX—1915.

Отъ дочери покойнаго артиста П. А. Волховского-Попова—Н. П. Волховской.

А. Е. Молчанову.

ПАМЯТИ М. Г. САВИНОЙ.

I.

Еще потерей, сердцу близкой,
Насъ огорчилъ нашъ скорбный вѣкъ:
Погасла славная артистка,
Скончался дивный человѣкъ.
Кто дань любилъ платить искусству,
Въ театрѣ отдыха искать,—
Какъ украшенье сцены русской,
Ее не могъ не обожать.
Своею искренностью нѣжной,
Великой правдою своей
Душѣ давала свѣтъ безбрежный,
Гоня унынье сѣрыхъ дней.
Внѣ сцены также мракъ унылый
Всегда стараясь освѣтить,
Добро вокругъ себя творила,
Для ближняго стремилась жить.

Какъ многіе теперь страдаютъ,
Навѣки съ ней разставшись вдругъ.
Она была, какъ свѣточъ рая,
Для всѣхъ, кто страждетъ, вѣрный другъ...

II.

Подъ холмикомъ вновь вырытой могилы,
Нашедши изъ цвѣтовъ себѣ покровъ,
Уснула мирнымъ сномъ искусства сила,
Достойная невиданныхъ цвѣтовъ.
Она царила свѣточемъ прекраснымъ
На фонѣ не всегда прекрасныхъ дней,
И вдругъ ушла, безвременно погасла,—
И всѣ, любя, скорбятъ теперь по ней.
Скорбятъ, вздохнувъ, всѣ тѣ, кому дарила
На сценѣ яркой правдой свѣта лучъ;
Рыдаютъ всѣ, кому добро творила...
Въ ея душѣ источникъ былъ могучъ
Любви къ добру, и съ нѣжностью сердечной
Она стремилась страждущимъ помочь...
Кто зналъ ее, тотъ будетъ помнить вѣчно,
Любить всегда, познавъ въ ней свѣта дочь!

Н. Волховская.

Москва. 9—IX—1915.

Отъ содержавшаго въ теченіе 50-ти лѣтъ буфетъ въ Имп. Александринскомъ театрѣ—Аѳ. Ив. Петрова.

А. Е. Молчанову.

Ваше Превосходительство,

Высокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Прошу Васъ принять мое искреннее и глубокое сочувствіе въ понесенной Вами и всей театральной Россіей потери великой артистки и гуманнаго человѣка—неожиданно скончавшейся Маріи Гавріиловны.

Я сейчасъ былъ въ Театральномъ бюро, гдѣ служили панихиду о новопреставленной рабѣ божіей Маріи! Залъ бюро былъ полонъ. А. А. Яблочкина сказала передъ началомъ панихиды маленькое, но весьма теплое слово и пригласила всѣхъ помолиться за упокой Маріи Гавріиловны. По окончаніи панихиды, провинціальный актеръ Градовъ вспомянулъ Марію Гавріиловну большой благодарственной рѣчью.

На панихидѣ были: г. директоръ В. А. Теляковскій, управляющій Императорскими Московскими театрами г. Обуховъ, А. И. Южинъ, О. А. Прав-

цинъ, А. А. Яблочкина, много артистовъ частныхъ Московскихъ театровъ, А. А. Санинъ и другіе, а также масса театральной публики...

Опечаленный потерей высокоталантливой Маріи Гавріиловны, я, поклонникъ ея рѣдчайшаго таланта, горюю, что не пришлось, по волѣ жестокой судьбы, дожить ей до золотого полувѣкового бенефиса. Счастливъ, что болѣе сорока лѣтъ наслаждался высокоталантливой игрой великой Маріи Гавріиловны!..

Искренно и съ чувствомъ молитвенно поминалъ и буду поминать незабвенную Марію Гавріиловну.

Старый театралъ *Аѳ. Петровъ.*

Москва. 11—IX—1915.

Отъ него же.

Режиссеру Имп. Александринскаго театра—А. Н. Лаврентьеву.

Многоуважаемый и добрѣйшій Андрей Николаевичъ!

Сегодня, въ день похоронъ дорогой, незабвенной Маріи Гавріиловны, въ 12 часовъ, была въ Театральномъ бюро отслужена панихида. Молящихся за упокой души новопреставленной Маріи было много и во главѣ ихъ—А. А. Яблочкина.

Теперь, можетъ быть, Вы немного успокоились отъ неожиданнаго удара... День выноса тѣла Маріи Гавріиловны совпалъ съ 40-мъ днемъ смерти незабвеннаго Константина Александровича (Варламова). Я въ Вашемъ лицѣ приношу мое душевное, сердечное, глубокое сочувствіе всей труппѣ по поводу понесенныхъ ею потерь двухъ большихъ высокоталантливыхъ коллегъ-товарищей! Молитва на панихидахъ нѣсколько успокоила меня—и я виталъ мыслями, будто я въ церкви Убѣжища на отпѣваніи незабвенной Маріи Гавріиловны. Царство ей Небесное!..

И мѣсто ея могилы—убѣжище ея вѣчнаго упокоенія, и панихиды въ московскомъ Театральномъ бюро, 9-го и сегодня, 11-го,—все это въ духѣ приверженности Маріи Гавріиловны къ провинціальнымъ артистамъ. Святая правда на могильномъ крестѣ Маріи Гавріиловны: «Больше сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя».

Съ полнымъ и глубокимъ добрымъ воспоминаніемъ къ дорогому Александринскому театру и господамъ артистамъ всей труппы—ихъ бывшій слуга, всегда помнящій дорогіе часы, дни и годы, прожитые въ стѣнахъ Александринскаго театра, и нравственно воспитанный имъ.

Старый театралъ *Аѳ. Ив. Петровъ.*

Святой-Крестъ. 14—IX—1915.

Отъ А. Ѳ. Свистунъ-Ждановичъ.

А. Е. Молчанову.

Простите, что пишу безъ обращенія, не зная Вашего имени и отчества. Письмо мое, неизвѣстной Вамъ особы, можетъ показаться необычайнымъ. Но

вызвано оно тоже необычайной причиной: смерть Марiи Гаврiиловны есть тяжелая утрата. Савина была, но больше уже ея не будетъ! Я всей душой чувствовала ея генiй, ея умъ и познала еще и ея прекрасную душу. Лично для меня ея кончина—горе глубокое. Судьба меня съ нею столкнула случайно: мы переписывались. Я, измученная тяжелой жизнью, горемъ, нуждой, видѣла въ ней, великодушной, отзывчивой ко мнѣ, свѣтлый лучъ, ласку. Ея письма были мнѣ отрадой. Въ письмахъ она никогда не касалась своей семьи: я не знала о ея близкихъ. Узнавъ тяжкую вѣсть, я терялась, какъ, кому написать. Я сознаю, что письмо мое вѣдь не нужно никому. Но этимъ письмомъ я ей какъ бы шлю послѣднiй привѣтъ. Она вѣрила мнѣ, она угадывала своимъ чуткимъ сердцемъ, своимъ великимъ умомъ всю чистоту моего къ ней отношенiя... Также чисты теперь и мои слезы о ней. Прошу Васъ, посѣтивъ ея могилу, положите ей отъ меня хотя бы самый маленькiй цвѣтокъ, такъ какъ сама я этого исполнить не могу. Пусть не кажется Вамъ это сентиментальнымъ. Можетъ, я идеалистка, можетъ, слишкомъ живу сердцемъ, но горе мое о Марiи Гаврiиловнѣ велико; оно оторвало свѣтлое, отрадное у моей грустной жизни. Я давно уже не живу той жизнью, въ которой родилась и выросла,—судьба исковеркала все, но чувствовать и понимать я не разучилась. То прекрасное слово, которое написано о Марiи Гаврiиловнѣ А. Измайловымъ, я всегда чувствовала и питала въ моей душѣ. Забитая жизнью, терпящая много горя, я испытала на себѣ, какъ великодушна была дорогая мнѣ Марiя Гаврiиловна. Скорбь моя о ней велика!..

Прошу Васъ, не судите меня за письмо мое.

Съ глубокимъ уваженiемъ *А. Свистунъ-Ждановичъ.*

Харьковъ. 12—IX—1915.

Отъ семьи Регаме.

А. Е. Молчанову.

Семья Регаме выражаетъ свою глубокую скорбь по случаю понесенной Вами утраты.

Петроградъ. 11—IX—1915.

Отъ бывшей Марiинской институтки.

Въ Убѣжище И. Р. Т. О.

М. Г. САВИНОЙ.

Вѣнокъ красивыхъ словъ печальный
Плела я рано въ день Вашъ погребальный.
Хоръ голосовъ звенѣлъ хрустальный
Вамъ «реквiемъ» изъ дали театральной.

Вокругъ толпились вереницы:
Родныя и знакомыя все лица—
Тургенева и Гоголя героевъ типы.
Въ «дворянскихъ гнѣздахъ» золотыя липы
Склонялись низко и шумѣли
И «память вѣчную» Вамъ пѣли.

Бывшая Маріинская институтка.

Петроградъ. 9—IX—1915.

Отъ В. Н. Л.

А. Е. Молчанову.

Спѣшу выразить Вамъ, милостивый государь, мое искреннее соболѣзнованіе по поводу кончины несравненной Маріи Гавріиловны, самой горячей поклонницей которой я состояла съ самаго начала ея карьеры.

Въ дни ея юбилеевъ я неоднократно ей посылала свои сердечныя привѣтствія, вспоминая при этомъ свою умчавшуюся молодость, когда для меня не было лучшаго удовольствія, какъ посмотрѣть Марію Гавріиловну на сценѣ. Нѣсколько ея карточекъ старыхъ временъ украшаютъ и по сейчасъ мои альбомы и шифоньерки, что служитъ воспоминаніемъ дорогого прошлаго.

Остаюсь старая поклонница незабвенной Маріи Гавріиловны *В. Н. Л.*

Петроградъ. 10—IX—1915.

Отъ неизвѣстной.

А. Е. Молчанову.

Умерла моя родная Савушка (Марія Гавріиловна Савина)! Завтра ея милые глаза, всю изящную такую засыпятъ землей... И съ ней засыпятъ землей мою юность, мои восторги, мое первое сознательное счастье...

Сколько воспоминаній самыхъ чудныхъ, чистыхъ связано у меня съ дивной Савушкой!

Помню, когда меня, 14-ти-лѣтнюю дѣвочку, отправляли въ Америку къ матери (куда Савушка, узнавъ о моей тоскѣ, прислала мнѣ свой портретъ съ надписью), какъ безумно я страдала отъ ужаса разлуки съ моими единственными желанными, обожаемыми—бабушкой и Савушкой. Бабуся меня воспитывала, лелѣяла больше физически и нравственно, а все же духовное возродила и воспитала моя царица; она развила во мнѣ чуткость, эстетическія чувства и привычки.

Своей божественной игрой она первая дала мнѣ почувствовать восторгъ и первая дала мнѣ жажду ко всему дивному, прекрасному. Любя ее, я впервые узнала страданіе души.

Когда бывалъ послѣдній спектакль передъ великимъ постомъ, то, провожая Марію Гавріиловну у театральнаго подъѣзда, я долго смотрѣла вслѣдъ

удалявшейся каретѣ, гдѣ были моя греза, любовь моя. И для меня это былъ закатъ солнца... И когда бывшіе кто-либо со мной (одну меня не пускали) добивались оторвать меня отъ моихъ глубокихъ страданій разлуки,—вокругъ меня была осенняя, темная ночь. И длилась эта ночь до перваго выхода родной моей.

Во время поста, когда прекращались спектакли,—несмотря на то, что часто, часто я бродила около дома милой, далекой, но живущей всѣмъ своимъ обаятельнымъ существомъ въ моемъ сердцѣ глубоко и властно,—моя жизнь замирала, я нервничала, худѣла и ничто, и никто не могли вывести меня изъ моего грустнаго, полнаго только Савушкой, безразличнаго ко всему окружающему меня состоянія.

Но вотъ постъ кончался, билеты на первый выходъ,—вѣрнѣе на первый восходъ моего солнца,—взяты, тогда я принимала всѣ мѣры, чтобы скорѣе летѣли часы и приближали бы меня къ чудной «зоренькѣ». Я помню, съ какимъ трепетомъ ждала я ея выхода. Сердце билось—все кругомъ исчезало для меня. И вотъ выходитъ она... и яркіе лучи, полные блеска и тепла, оживляли все мое существо: мозгъ начиналъ работать, душа стремиться къ дивному, къ прекрасному—и я вновь становилась тѣмъ ласковымъ, всѣхъ любящимъ сорванцомъ, какъ меня называли домашніе. Да, «Радость нашей русской сцены», не мало сердецъ Ты пробудила къ добру, не мало людей Ты оживила къ духовной, лучшей жизни!..

И часто теперь,—когда уже жизнь отняла у меня всѣхъ близкихъ, дорогихъ людей,—въ минуты горькаго одиночества, воспоминаніе о пережитыхъ восторгахъ отъ ни съ чѣмъ несравнимой игры даютъ мнѣ утѣшеніе.

Итакъ, глубокое спасибо великой, родной Савушкѣ!

Это въ сравненіи съ настоящими переживаніями скудное выраженіе написано одной изъ тысячъ подобныхъ.

Москва. 10—X—1915.

Отъ неизвѣстнаго.

А. Е. Молчанову.

Позвольте пожелать Вамъ съ успѣхомъ посвятить силы продолженію добрыхъ дѣлъ «матери бѣдныхъ» — Маріи Гавріиловны Савиной. Шаляпина, Собинова, Нежданову, декламацію Ермоловой и князя Сумбатова,—всѣ отечественныя имена, способныя дѣлать сборы, слѣдовало бы привлекать къ усиленію средствъ тѣхъ учрежденій, которымъ покойная дарила свое цѣнное вниманіе. Савина отдавала жизнь высокой театральной каѳедрѣ и съ беззавѣтной любовью служила ей. Да не омрачится лучезарный свѣтъ прекраснаго имени! Если бы путь славной артистки не прервался такъ неожиданно,—ея благотворящая рука еще многое направила бы къ пользѣ и счастью людей. Но жестокъ этотъ міръ борьбы, и пощада отрицается его хищниками. Въ «Спор-

номъ вопросѣ» ребенокъ спрашивалъ: «Мама, а волкъ большой?»—«Большой дѣтка, большой», — отвѣчала Савина въ слезахъ, передававшихся зрителямъ всѣхъ возрастовъ... Утѣшительна та мысль, что послѣ Савиной осталось лицо, знавшее и цѣнившее ее. Присутствіе дѣловой воли обѣщаетъ учрежденіямъ покойной должную заботу и вниманіе. Посильное длительное служеніе этой цѣли будетъ лучшимъ памятникомъ незабвенному «старшему разсыльному» Театральнаго Общества. Надпись на одномъ изъ вѣнковъ Савиной: «Ушедшей, духомъ своимъ соединившей насъ» — говоритъ о примиряющемъ вліяніи великой труженицы, которая изъ-за гроба шлетъ завѣтъ любви, во имя Бога и Его вѣрной рабы.

«Русскій».

Петроградъ. 21—II—1916.

Отъ неизвѣстнаго.

А. Е. Молчанову.

Глубокоуважаемый Анатолій Евграфовичъ!

Прошу извиненія, что осмѣливаюсь безпокоить Васъ своей почтительнѣйшей просьбой.

Наступающее полугодіе кончины наидобрѣйшей Маріи Гавріиловны побудило меня, въ знакъ глубокой и искренней благодарности моей и задушевнѣйшаго уваженія моего къ ея свѣтлой памяти, написать нѣсколько мыслей, которыя позволяю себѣ препроводить въ Ваше полное распоряженіе и прошу Васъ поступить съ этимъ такъ, какъ Вы найдете нужнымъ.

Еще разъ извиняюсь, что смѣю утруждать Васъ, но прошу вѣрить, что поступаю такъ, движимый чувствомъ глубокой, сердечной благодарности предъ великой почившей, такъ много обязавшей меня—Маріей Гавріиловной.

Почти полгода минуло отъ того печальнаго дня, какъ скончалась къ глубокой скорби всего русскаго мыслящаго общества великая и геніальная артистка Марія Гавріиловна Савина. Ея уже нѣтъ на землѣ—и нѣтъ возможности наслаждаться и испытывать въ сердцѣ радость отъ ея проникновенной игры. «Актеръ послѣ себя ничего не оставляетъ»,—говорятъ люди,—«ничего явнаго и видимаго, чѣмъ бы можно было снова наслаждаться». Китайскій религіозный мыслитель Лао-цзы говоритъ: «Важно — невидимое». И вотъ этого-то важнаго и невидимаго громадное наслѣдство оставила послѣ себя вдохновенная артистка. При ея многолѣтней сценической дѣятельности какое чрезвычайное количество разъ появлялась она на сценѣ и имѣла духовное общеніе съ людьми. Сколько жизненныхъ искръ разумнаго, добраго и вѣчнаго упадало въ души созерцавшихъ ее и внимавшихъ ей людей! И вольно, и невольно эти искры проникали въ сердца—и люди воспринимали ихъ. Отъ этихъ жизненныхъ искръ многія сердца загорались пламенемъ—и, въ свою очередь, и свѣтятъ, и согрѣваютъ теперь, по мѣрѣ могущества своего, уподобляясь

тому, какъ свѣтила и согрѣвала геніальная артистка—этотъ яркій свѣточъ русскаго драматическаго искусства. Итакъ, можно ли говорить о томъ, что ею не оставлено ничего, когда она всю свою жизнь сѣяла людямъ изъ сокровищъ своей души благія сѣмена, изъ которыхъ многія выросли, а иныя растутъ и будутъ плодоносными деревьями. Великая артистка была большой и значительной участницей и учительницей душевнаго просвѣщенія русскаго общества.

О ея художественной и проникновенной игрѣ знаютъ вся Россія и все мыслящее общество Европы. О ея игрѣ и много писалось, и много говорилось. Каждое ея выступленіе на сценѣ было нравственнымъ утѣшеніемъ зрителей. Они понимали и чувствовали, какой чудный и диковинный мастеръ могъ создавать эти разнообразныя творенія въ правдивыхъ формахъ человѣческаго бытія. Творенія эти были созданы мудрымъ и яснымъ умомъ и свѣтлой любящей душой. Каждая роль, созданная великой артисткой, говорила о косности, кривизнѣ и ошибкахъ, въ которыя впадаютъ люди, и о томъ величіи и той радости, на которыя предназначенъ человѣкъ въ своей земной жизни. Ея игра для всѣхъ артистовъ, дѣйствительно любящихъ искусство, была нагляднымъ образцомъ—какъ надо и до́лжно играть, чтобы быть животворящимъ художникомъ и сіять на сценѣ, какъ сіяетъ на небѣ ясное солнце.

Одухотворенная артистка говорила: «Сцена—моя жизнь». Она была права, такъ какъ сцена была самымъ подходящимъ проводникомъ выраженія проявленій ея души и ея мыслей. На сценѣ она духовно общалась съ огромнымъ числомъ зрителей, свѣтила имъ и радовала ихъ. Какъ въ своей артистической дѣятельности, такъ и въ жизни она всегда была радостной вѣстью свѣта и любви, присущихъ ея душѣ и бывшихъ ея органической потребностью. Она творила добро, не замѣчая этого и не думая ни о какой отплатѣ. Въ ея душѣ, независимо отъ нея, происходила отплата сама собою: ея свѣтъ и любовь къ ближнему увеличивались все болѣе и болѣе. Ея внутренняя жизнь цѣлостно выливалась въ дѣяніяхъ внѣшнихъ. Какое великое добро она сдѣлала въ театральной средѣ, бывъ главной участницей созданія Театральнаго Общества и его благотворительныхъ учрежденій. Сколько труда и энергіи вложила она въ ихъ существованіе! Какъ много добра дѣлала она нуждающимся и обремененнымъ, съ сердечной готовностью идя къ нимъ на помощь—и по зову, и безъ зова! Какъ она любила творить добро, исполняя этимъ потребность своей души, наполненной вѣчнымъ закономъ любви! Богато одаренная отъ природы, воспріимчивая и наблюдательная, она брала изъ данныхъ ей жизненныхъ даровъ все—и безъ остатка отдавала ихъ людямъ... И полная неисчерпаемыхъ сокровищъ души и ума ушла съ земного пути...

Ея свѣтъ и любовь, творившіе добрыя дѣла, какъ два главные незыблемые камня, легли въ основаніе того духовнаго памятника, который создала себѣ покойная великая артистка на пьедесталѣ преклоненія предъ нею людей, живущихъ для пользы общества и считающихъ театръ за воспитательное

и нравственное учрежденіе. Имя ея не умретъ въ исторіи искусства русскаго театра, пока таковое будетъ существовать. Имя ея не можетъ быть снято съ того высокаго пьедестала, на которомъ оно покоится, хотя бы и были охотники низвергнуть его. Свѣтъ и любовь—эти двѣ непреоборимыя истины—истребятъ и уничтожатъ всѣ упреки и нападки, такъ какъ они въ единеніи составляютъ тотъ могучій духовный рычагъ, который направляетъ земной міръ отъ эгоизма въ радостную жизнь. Память великой артистки будетъ жить среди тѣхъ, которые всей своей душой влекутся ко благу другихъ людей. Эти люди будутъ продолжать по ея слѣдамъ творить добрыя дѣла, какъ творила она, и будутъ близки своей душой къ ея душѣ, и будутъ приближаться къ той Всемогущественнѣйшей Истинѣ, которой живутъ всѣ люди.

Совершивъ въ своей земной жизни все, что можно и должно свѣтлому и истинному человѣку, ея душа ушла отъ насъ, оставя на землѣ слѣды своихъ сіяющихъ лучей...

Да будетъ вѣчная память великой и ясной Маріи Гавріиловнѣ!..

Послѣдняя воля
МАРІИ ГАВРІИЛОВНЫ
САВИНОЙ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Я, нижеподписавшаяся, находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти, признала за благо составить настоящее духовное завѣщаніе въ которомъ выражена моя послѣдняя воля заключающаяся въ нижеслѣдующихъ распоряженіяхъ: 1) все принадлежащее мнѣ движимое имущество должно быть продано въ возможно скорѣйшемъ времени. 2) Вырученная сумма за удовлетвореніемъ моихъ долговъ, должна быть раздѣлена поровну между моими племянниками Николаемъ Николаевичемъ Соболевымъ, Евгеніей, Еленой, Лидіей и Андреемъ Подраменцовыми по равной части, а также и страховой полисъ О-ва Россія, хранящійся въ Дирекціи Императорскихъ театровъ. Все, оставшіеся послѣ моей смерти мемуары, переписку и другія бумаги, предоставляю въ единоличное распоряженіе мужа моего, Анатолія Евграфовича Молчанова, съ просьбой, поступить съ ними какъ ему будетъ угодно. Другу моему, Елизаветѣ Николаевнѣ Китровой,

предоставляю выбрать что она пожелаетъ изъ моихъ вещей. Портретъ мой, работы К. Маковскаго и группу „Заслуженныхъ артистовъ" завѣщаю фойэ Александринскаго театра. Серебряныя и другія подношенія относящіеся исключительно къ театральной дѣятельности, въ театральный музей по указанію моего мужа. Похоронить, прошу въ Лаврѣ и, если возможно, на Тихвинскомъ кладбищѣ. Горничной моей, Ольгѣ Ивановнѣ Пантюховой, завѣщаю весь мой гардеробъ (платья носильныя и театральныя) а мужа моего, прошу назначить ей пожизненную пенсію. 30 Сентября 1911 г. Заслуженная артистка Императорскихъ театровъ Марія Гавріиловна Савина по мужу Молчанова, рожденная Подраменцова.

По поводу мѣста, которое готовила Марія Гавріиловна для своего послѣдняго упокоенія, Е. Н. Хитрово передаетъ слѣдующее:

Приблизительно въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1911 года Марія Гавріиловна призвала меня и сказала: «Съѣздите, пожалуйста, въ Александро-Невскую лавру и справьтесь — можно ли продать мѣсто на кладбищѣ, которое я тамъ купила для себя?... Я его давно пріобрѣла... А теперь все думаю—зачѣмъ?... Я увѣрена, что Анатолій Евграфовичъ переживетъ меня... Онъ ужъ обо мнѣ позаботится и похоронитъ меня тамъ, гдѣ найдетъ лучше... Если возможно,—продайте это мѣсто». Порученіе Маріи Гавріиловны и было исполнено мною тогда же, т.-е. въ концѣ 1911 года.

УКАЗАТЕЛЬ
ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

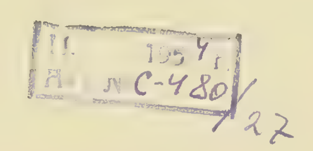

ОГЛАВЛЕНІЕ

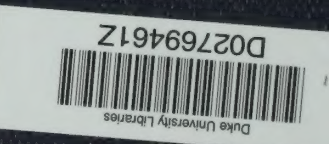
Петроградскаго Адвокатскаго Художественнаго Кружка (89). — Панихида въ Марiинскомъ театрѣ (89—90). — Въ Правленiи Союза Драматическихъ и Музыкальныхъ Писателей (90).—На чрезвычайномъ засѣданiи Петроградской Городской Думы (90).—Въ Дирекцiи Литературно-Художественнаго Общества и въ Совѣтѣ Женскаго Взаимно-благотворительнаго Общества (90).—Возложенiе цвѣтовъ отъ Московскаго Малаго театра въ уборной М. Г. Савиной, въ Александринскомъ театрѣ (90). — «Къ русскому актерству», воззванiе В. И. Никулина (91—92).—Экстренное засѣданiе Совѣта И. Р. Т. О. 11-го сентября (92—96); ходатайство передъ Петроградскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленiемъ (93); обращенiе къ сценическимъ дѣятелямъ (93—94); завѣщанiе М. Г. Савиной въ Литературно-Художественномъ Обществѣ (94—95). — На спектаклѣ въ «Музыкальной Драмѣ» 11-го сентября (96).—На спектаклѣ въ Театрѣ А. С. Суворина того же числа (96).—«Увѣковѣчьте Савину», воззванiе Вл. А. Рышкова (96—97).—На засѣданiи Художественнаго Совѣта Петроградской Консерваторiи (97).—Мысль о коллективномъ трудѣ, посвященномъ памяти М. Г. Савиной (97—98).—Экстренное засѣданiе Комитета по представительству труппы Александринскаго театра 13-го сентября (98—100).—На Общемъ Собранiи Союза «Артистъ — Солдату» (100).—Въ засѣданiи Правленiя Кружка Друзей Театра (100).—На засѣданiи Конференцiи Императорскаго Петроградскаго Театральнаго Училища по Драматическимъ Курсамъ (100).—Распоряженiя по Дирекцiи Императорскихъ театровъ (100).—Богослуженiя въ храмѣ Убѣжища И. Р. Т. О. (100).—«Среди вѣнковъ», статья Ъ (101—103).—9-й день по кончинѣ М. Г. Савиной (103—107); «Свѣтлой памяти М. Г. Савиной, стихотворенiе В. В. Сладкопѣвцева (105).—Въ засѣданiи Петроградской Городской Думы; предложенiе С. Н. Худекова (107).—На засѣданiи Правленiя Общества Охраны Материнства и Грудныхъ Дѣтей въ Царскомъ Селѣ; рѣчь профессора Н. В. Ястребова (108—111).—«Не то», статья Вл. А. Рышкова (112).—«Объ Улицѣ Савиной», статья К. (112—113).—Ѳ. И. Шаляпинъ на могилѣ М. Г. Савиной (113).—Воззванiе Д. Арова (113—115).—«Во имя Савиной», письмо Б. С. Глаголина (115 — 116).—На Общемъ Собранiи и въ засѣданiи Совѣта Русскаго Общества Пароходства и Торговли (116—117).—Совѣщанiе объ устройствѣ чествованiя памяти М. Г. Савиной (117—118).—20-й день по кончинѣ М. Г. Савиной (118—120); «Свѣтлой памяти М. Г. Савиной», стихотворенiе А. Б. Каменки (119).—И. Н. Потапенко по поводу «Улицы Савиной» (120). — Въ Чрезвычайномъ Общемъ Собранiи Литературно-Художественнаго Общества (120).—Пенсiя М. П. Подраменцевой (120). — Въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ (120—121). — «Памяти М. Г. Савиной», воззванiе В. А. Ивашкина (121).—Образованiе Мѣстныхъ Отдѣловъ И. Р. Т. О. въ Петроградѣ (121).—40-й день по кончинѣ М. Г. Савиной (121—123).—«О Савиной», статья Н. Г. Шебуева (124).—Годовщина Лазарета артистовъ Императорскихъ Петроградскихъ театровъ (125).—Новая стипендiя имени М. Г. Савиной въ Убѣжищѣ И. Р. Т. О. (125). — Открытiе еще одного Мѣстнаго Отдѣла И. Р. Т. О. въ Петроградѣ (125).—На Общемъ Собранiи Литературнаго Фонда; рѣчь Ѳ. Д. Батюшкова (125—126).—Въ Совѣтѣ Россiйской Лиги Равноправiя Женщинъ (126).—«Посидѣлки» «дѣвушекъ подружекъ» М. Г. Савиной (126—127).—На Общемъ Собранiи Русскаго Женскаго Взаимно-благотворительнаго Общества (127).—Собранiе Литературно-Художественнаго Кружка имени Я. П. Полонскаго 6-го ноября (127).—Собранiе тамъ

же 13-го ноября: докладъ Е. П. Карпова (127—134); «Радость обездоленныхъ дѣтей», очеркъ В. В. Сладкопѣвцева (134—136); «М. Г. Савина», изъ воспоминаній Н. Н. Тамарина (Окулова) (137—146).—«Странный протестъ», статья И. О. Осипова (146—147).—«Улица Литераторовъ», статья П. П. Гнѣдича (148—149).—«Савина и литераторы», статья (149—150).—«Улица М. Г. Савиной», статья (150—151).—Спектакль въ Театрѣ Сабурова (151).—Школа имени М. Г. Савиной (151).—Собраніе Кружка Я. П. Полонскаго 4-го декабря: «М. Г. Савина», воспоминанія А. Ѳ. Кони (151—165).—25-е декабря въ Пріютѣ и въ Убѣжищѣ И. Р. Т. О. (165—170).—Именины М. Г. Савиной (170).—10-лѣтіе храма Убѣжища И. Р. Т. О. (170).—На Общемъ Собраніи Петроградскаго Художественно-Драматическаго Общества (170—171).—Полугодовой день кончины М. Г. Савиной; «слово» протоіерея В. И. Маренина (171—173).—Вечеръ памяти М. Г. Савиной въ Александринскомъ театрѣ (173—205): «М. Г. Савина и русская литература», докладъ Ѳ. Д. Батюшкова (175—180); «Памяти Прекрасной Дамы», очеркъ Ю. Д. Бѣляева (180—182); воспоминанія о М. Г. Савиной М. А. Стаховича (182—186); «Правда художника», воспоминаніе Вл. И. Немировича-Данченко (186—190); «Памяти М. Г. Савиной», стихотвореніе (190—191); воспоминанія о М. Г. Савиной А. И. Южина (191—196); «Памяти М. Г. Савиной», стихотвореніе Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (196—197); «Памяти Савиной», стихотвореніе П. Сторицына (197—198); «Слово о Савиной» А. Р. Кугеля (198—205).

Москва.—Вѣсть о кончинѣ М. Г. Савиной (206).—Въ Императорскомъ Маломъ театрѣ и въ частныхъ театрахъ (206).—Въ Московскомъ Отдѣленіи Комитета по организаціи Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей народнаго театра (206).—Панихида въ Театральномъ бюро И. Р. Т. О. 9-го сентября; рѣчи А. А. Яблочкиной и В. Л. Градова (206—208).—Панихида въ Императорскомъ Московскомъ Театральномъ Училищѣ (209).—Панихида въ Театральномъ бюро И. Р. Т. О. 11-го сентября (209).—Въ Правленіи Лиги Любителей Сценическаго Искусства (209).—Въ Общемъ Собраніи организаціи «Русской арміи—артисты Москвы» (209).—Панихида въ Театральномъ бюро въ 9-й день по кончинѣ М. Г. Савиной (209—210).—На собраніяхъ Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла И. Р. Т. О. 18-го и 21-го сентября; рѣчь В. Л. Градова (210—212).—Книга о Савиной (212—213).—Въ Общемъ Собраніи Общества имени А. Н. Островскаго (213).—Собраніе Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла 6-го октября (213).—Въ Правленіи Общества Помощи Сценическимъ Дѣятелямъ (213—214).—Собраніе Перваго Внѣтруппнаго Московскаго Мѣстнаго Отдѣла 16-го октября (214).—40-й день по кончинѣ М. Г. Савиной (214).—Концертъ «Всѣ артисты Москвы въ одинъ вечеръ» (215).—Постановленія Мѣстнаго Отдѣла И. Р. Т. О. при Театрѣ Струйскаго (215—216).—Вечеръ въ Первомъ Литературно-Драматическомъ и Музыкальномъ Обществѣ имени А. Н. Островскаго (216—226): воспоминанія о М. Г. Савиной М. М. Блюменталь-Тамариной (216—220); «Савина-актриса», докладъ Н. Е. Эфроса (220—226).—Панихида въ полугодовой день кончины М. Г. Савиной (226).—Открытіе Всероссійскаго Делегатскаго Съѣзда И. Р. Т. О.; рѣчи: А. А. Яблочкиной (226—227), Н. Д. Красова (227—228) и А. Е. Молчанова (228—229).—Рѣшенія Делегатскаго Съѣзда по увѣковѣченію памяти М. Г. Савиной; рѣчь В. Л. Градова (229—232).—Годовое Общее Собраніе И. Р. Т. О. (232).

Титла и заставки исполнены худ. Б. В. Зворыкинымъ.

D02769461Z
Duke University Libraries